

Полное Собрание
Сочинений
Н. В. Гоголя

издание
А. Ф. Маркса
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

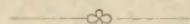
СОЧИНЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ
Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

ТОМЪ ТРЕТИЙ.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1900.

491078

Типографія А. Ф. Мариса, Ср. Подъяч., № 1.

109285

ПОВѢСТИ.

НОСЪ.

I.

Марта 25-го числа случилось въ Петербургѣ необыкновенно странное происшествіе. Цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, живущій на Вознесенскомъ проспектѣ (фамилія его утрачена, и даже на вывескѣ его,—гдѣ изображенъ господинъ съ намыленною щекою и надписью: «*И кровь отворяютъ*»,—не выставлено ничего болѣе), цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, проснулся довольно рано и услышалъ запахъ горячаго хлѣба. Приподнявшись немнога на кровати, онъ увидѣлъ, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофе, вынимала изъ печи только-что испеченные хлѣбы.

«Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофію»,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ: «а вмѣсто того хочется мнѣ съѣсть горячаго хлѣбца съ лукомъ». (То-есть, Иванъ Яковлевичъ хотѣлъ бы и того, и другого, но знать, что было совершено невозможно требовать двухъ вещей разомъ, ибо Прасковья Осиповна очень не любила такихъ прихотей). «Пусть, дуракъ, есть хлѣбъ, мнѣ же лучше»,—подумала про себя супруга: «останется кофею лишняя порція», и бросила одинъ хлѣбъ на столъ.

Иванъ Яковлевичъ для приличія надѣлъ сверхъ рубашки фракъ и, усѣвшись передъ столомъ, насыпалъ соль, приготовилъ двѣ головки лука, взялъ въ руки ножъ и, сдѣлавши значительную мину, принялъся рѣзать хлѣбъ. Разрѣзавши

хлѣбъ на двѣ половины, онъ поглядѣль въ середину — и, къ удивленію своему, увидѣль что-то бѣлѣвшееся. Иванъ Яковлевичъ ковырнуль осторожно ножомъ и пощупалъ пальцемъ: «Плотное!» сказаль онъ самъ про себя: «что бы это такое было?»

Онъ засунулъ пальцы и вытащилъ — нось!.. Иванъ Яковлевичъ и руки опустиль; стала протирать глаза и щупать: нось, точно, нось! и еще, казалось, какъ будто чей-то знакомый. Ужасъ изобразился на лицѣ Ивана Яковlevича. Но этотъ ужасъ быть ничто противъ негодованія, которое овладѣло его супругою.

«Гдѣ это ты, звѣрь, отрѣзаль нось?» закричала она съ гневомъ. «Мошенникъ! пьяница! я сама на тебя донесу полиціи. Разбойникъ какой! Вотъ ужъ я отъ трехъ человѣкъ слышала, что ты во время бритья такъ теребишь за носы, что еле держатся».

Но Иванъ Яковлевичъ быть ни живъ, ни мертвъ: онъ узналь, что этотъ нось быть не чей другой, какъ коллежскаго асессора Ковалева, котораго онъ бриль каждую среду и воскресеніе.

«Стой, Прасковья Осиповна! Я заверну его въ тряпочку и положу въ уголокъ: пусть тамъ маленечко полежить; а послѣ его вынесу».

«И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя въ комнатѣ лежать отрѣзанному носу!.. Сухарь поджаристый! знай умѣть только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсѣмъ не въ состояніи будетъ исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвѣтчицей?!.. Ахъ ты пачкунъ, бревно глупое! Вонъ его! вонъ! Неси, куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!»

Иванъ Яковлевичъ стояль совершенно какъ убитый. Онъ думалъ, думалъ — и не зналь, что подумать. «Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣжалось», сказаль онъ наконецъ, почесавъ рукою за ухомъ: «пьянъ ли я вчера возвратился, или нетъ, ужъ навѣрное сказать не могу. А по всѣмъ примѣтамъ, должно-быть, прописшествіе несбыточное, ибо хлѣбъ — дѣло печеное, а нось совсѣмъ не то. Ничего не разберу!» Иванъ Яковлевичъ замолчаль. Мысль о томъ, что полицейские отыщутъ у него нось и обвинятъ его, привела его въ совершенное безпамятство. Уже ему мерещился алый воротникъ, красиво выпилитъ серебромъ, шпага... и онъ дрожаль

всѣмъ тѣломъ. Наконецъ, досталъ онъ свое исподнее платье и сапоги, наташилъ на себя всю эту дрянь и, сопровождаемый нелегкими увѣщаніями Прасковы Осиповны, завернувшись въ тряпку и вышелъ на улицу.

Онъ хотѣлъ его куда-нибудь подсунуть: или въ тумбу подъ воротами, или такъ какъ-нибудь нечаянно выронить да и повернуть въ переулокъ. Но, на бѣду, ему попадался какой-нибудь знакомый человѣкъ, который начиналъ тотчасъ запросомъ: «Куда идешь?» или: «Кого такъ рано собрался брить?» такъ что Иванъ Яковлевичъ никакъ не могъ улучить минуты. Въ другой разъ онъ уже совсѣмъ уронилъ его; но будочникъ еще издали указалъ ему алебардою, промолвишъ: «Подыми, вонъ ты что-то уронилъ!» и Иванъ Яковлевичъ долженъ былъ поднять носъ и спрятать его въ карманъ. Отчаяніе овладѣло имъ, тѣмъ болѣе, что народъ безпрестанно умножался на улицѣ, по мѣрѣ того, какъ начали отпираться магазины и лавочки.

Онъ рѣшился идти къ Исаакіевскому мосту: не удастся ли какъ-нибудь вынырнуть его въ Неву?.. Но я нѣсколько виноватъ, что до сихъ поръ не сказалъ ничего объ Иванѣ Яковлевичѣ, человѣкѣ почтенномъ во многихъ отношеніяхъ.

Иванъ Яковлевичъ, какъ всякий порядочный русскій мастеровой, былъ пьяница страшный, и хотя каждый день брилъ чужіе подбородки, но его собственный былъ у него вѣчно небритъ. Фракъ у Ивана Яковлевича (Иванъ Яковлевичъ никогда не ходилъ въ сюртукахъ) былъ пѣгій, то-есть, онъ былъ черный, но весь въ коричнево-желтыхъ и сѣрыхъ яблокахъ; воротникъ лоснился; а вместо трехъ пуговицъ висѣли однѣ только ниточки. Иванъ Яковлевичъ былъ большой циникъ, и когда коллежскій асессоръ Ковалевъ обыкновенно говорилъ ему во время бритья: «у тебя, Иванъ Яковлевичъ, вѣчно воняютъ руки!» то Иванъ Яковлевичъ отвѣчалъ на это вопросомъ: «Отчего жъ бы имъ вонять?»— «Не знаю, братецъ, только воняютъ», говорилъ коллежскій асессоръ, и Иванъ Яковлевичъ, понюхавши табаку, мылилъ ему за это и на щекѣ, и подъ носомъ, и за ухомъ, и подъ бородою—однимъ словомъ, гдѣ только ему была охота.

Этотъ почтенный гражданинъ находился уже на Исаакіевскомъ мосту. Онъ прежде всего осмотрѣлся, потомъ наткнулся па перила, будто бы посмотрѣть подъ мостъ, много ли рыбы бѣгаєтъ, и швырнуль потихоньку тряпку съ но-

сомъ. Онъ почувствовалъ, какъ будто бы съ него разомъ свалилось десять пудовъ. Иванъ Яковлевичъ даже усмѣхнулся. Вмѣсто того, чтобы идти брить чиновничы подбородки, онъ отправился въ заведеніе съ надписью: «*Кушанье и чай*», спросить стаканъ пуншу, какъ вдругъ замѣтилъ въ концѣ моста квартального надзирателя, благородной наружности, съ широкими бакенбардами, въ треугольной шляпѣ, со шпагою. Онъ обмеръ; а между тѣмъ квартальный кивалъ ему пальцемъ и говорилъ: «А подойди сюда, любезный!»

Иванъ Яковлевичъ, зная форму, сняль издали еще картизъ и, подошедши проворно, сказалъ: «Желаю здравія вашему благородію!»

«Нѣть, нѣть, братецъ, не благородію,—скажи-ка: чтѣ ты тамъ дѣлалъ, стоя на мосту?»

«Ей-Богу, сударь, ходилъ брить, да посмотрѣль только,шибко ли рѣка идетъ.»

«Вреинь, вреинь! Этимъ не отѣлаешься. Изволь-ка отвѣтить!»

«Я вашу милость два раза въ недѣлю, или даже три, готовъ брить безъ всякаго прекословія», отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ.

«Нѣть, пріятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреютъ, да еще и за большую честь почитаютъ. А вотъ изволь-ка разскать, чтѣ ты тамъ дѣлалъ?»

Иванъ Яковлевичъ побѣднѣлъ... Но здѣсь происшествіе совершенно закрывается туманомъ, и чтѣ далѣе произошло, рѣшительно ничего не извѣстно.

II.

Коллежскій асессоръ Ковалевъ проснулся довольно рано и сдѣлалъ губами: «брр»... — чтѣ всегда онъ дѣлалъ, когда просыпался, хотя и самъ не могъ растолковать, по какой причинѣ. Ковалевъ потянулся, приказалъ себѣ подать небольшое, стоявшее на столѣ, зеркало. Онъ хотѣлъ взглянуть на прыщикъ, который вчерашимъ вечеромъ вскочилъ у него на носу; но, къ величайшему изумленію, увидѣлъ, что у него, вмѣсто носа, совершенно гладкое мѣсто! Исчугавшись, Ковалевъ велѣлъ подать воды и проптеръ полотенцемъ глаза: точно, нѣть носа! Онъ началъ щупать рукою,

ущинутиь себя, чтобы узнать, не спить ли онъ: кажется, не спить. Коллежскій асессоръ Ковалевъ вскочилъ съ кровати, встряхнулся, — все нѣтъ носа!.. Онъ велѣлъ тотчасъ подать себѣ одѣться и полетѣлъ прямо къ оберъ-полицей-майстеру.

Но между тѣмъ необходимо сказать что-нибудь о Ковалевѣ, чтобы читатель могъ видѣть, какого рода былъ этотъ коллежскій асессоръ. Коллежскихъ асессоровъ, которые получаютъ это званіе съ помощью ученыхъ аттестатовъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣми коллежскими асессорами, которые дѣлались на Кавказѣ. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежскіе асессора... Но Россія такая чудная земля, что если скажешь что-нибудь объ одномъ коллежскомъ асессорѣ, то всѣ коллежскіе асессора, отъ Риги до Камчатки, непремѣнно примутъ на свой счетъ; то же разумѣй и о всѣхъ званіяхъ и чинахъ. Ковалевъ былъ кавказскій коллежскій асессоръ. Онъ два года только еще состоялъ въ этомъ званіи и потому ни на минуту не могъ его позабыть; а чтобы еще болѣе придать себѣ благородства и вѣса, онъ никогда не называлъ себя просто коллежскимъ асессоромъ, но всегда маіоромъ. «Послушай, голубушка», говорилъ онъ обыкновенно, встрѣтивши на улицѣ бабу, продававшую манишки: «ты приходи ко мнѣ на домъ; квартира моя по Садовой; спроси только: здѣсь живеть маіоръ Ковалевъ? — тебѣ всякий покажеться». Если же встрѣчалъ какую-нибудь смазливенку, то даваль ей сверхъ того секретное приказаніе, прибавляя: «Ты спроси, душенька, квартиру маіора Ковалева». По этому-то самому и мы будемъ впередъ этого коллежскаго асессора называть маіоромъ.

Маіоръ Ковалевъ имѣлъ обыкновеніе каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничокъ его манишки былъ всегда чрезвычайно чистъ и накрахмаленъ. Бакенбарды у него были такого рода, какія и теперь еще можно видѣть у губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, у архитекторовъ и полковыхъ докторовъ, также у отправляющихъ разныя обязанности и, вообще, у всѣхъ тѣхъ мужей, которые имѣютъ цилиндра, румяныя щеки и очень хорошо играютъ въ бостонъ: эти бакенбарды идутъ по самой срединѣ щеки и прямѣхонько доходятъ до носа. Маіоръ Ковалевъ носилъ множество печатокъ сердоликовыхъ — и съ

гербами, и такихъ, на которыхъ было вырѣзано: *среда, четверть, понедѣльникъ* и проч. Маіоръ Ковалевъ пріѣхалъ въ Петербургъ по надобности, а именно — искать приличнаго своему званію мѣста: если удастся, то вице-губернаторскаго, а не то — экзекуторскаго въ какомъ-нибудь видномъ департаментѣ. Маіоръ Ковалевъ былъ не прочь и жениться, но только въ такомъ случаѣ, когда за невѣстою случится двѣсти тысячи капиталу. И потому читатель теперь можетъ судить самъ, каково было положеніе этого маіора, когда онъ увидѣлъ, вмѣсто довольно недурного умѣреннаго носа, преглупое, ровное и гладкое мѣсто.

Какъ на бѣду, ни одинъ извозчикъ не показывался на улицѣ, и онъ долженъ быть идти пѣшкомъ, закутавшись въ свой плащъ и закрывши платкомъ лицо, показывая видъ, какъ будто у него шла кровь. «Но авось-либо мнѣ такъ представилось: не можетъ быть, чтобы носъ пропалъ сдуру», подумалъ онъ и зашелъ въ кондитерскую нарочно сть тѣмъ, чтобы посмотрѣться въ зеркало. Къ счастью, въ кондитерской никого не было: мальчишки мели комнаты и разставляли стулья; некоторые съ сонными глазами выносили на подносахъ горячіе пирожки; на столахъ и стульяхъ валялись залитыя кофеемъ вчерашнія газеты. «Ну, слава Богу, никого нѣть», произнесъ онъ: «теперь можно поглядѣть». Онъ робко подошелъ къ зеркалу и взглянулъ. «Чортъ знаетъ что, какая дрянь!» произнесъ онъ, плонувши: «хотя бы уже что-нибудь было вмѣсто носа, а то ничего!..»

Съ досадою, закусивши губы, вышелъ онъ изъ кондитерской и рѣшился, противъ своего обыкновенія, не глядѣть ни на кого и никому не улыбаться. Вдругъ онъ сталъ, какъ вкопанный, у дверей одного дома; въ глазахъ его произошло явленіе неизѣяснимое: передъ подъѣздомъ остановилась карета; дверцы отворились; выпрыгнули, согнувшись, господинъ въ мундирѣ и побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Каковъ же былъ ужасъ и вмѣстѣ изумленіе Ковалева, когда онъ узналъ, что это былъ — собственный его носъ! При этомъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, казалось ему, все переворотилось у него въ глазахъ; онъ чувствовалъ, что едва могъ стоять; но рѣшился, во что бы ни стало, ожидать его возвращенія въ карету, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ. Черезъ двѣ минуты носъ дѣйствительно вышелъ. Онъ былъ въ мундирѣ, шитомъ золотомъ, съ большимъ стоячимъ

воротникомъ; на немъ были замшевые панталоны; при боку шпага. По шляпѣ съ пломажемъ можно было заключить, что онъ считался въ рангѣ статского советника. По всему замѣтно было, что онъѣхалъ куда-нибудь съ визитомъ. Онъ поглядѣлъ на обѣ стороны, закричалъ кучеру: «Подавай!» сѣлъ иѣхалъ.

Бѣдный Ковалевъ чуть не сошелъ съ ума. Онъ не зналъ, какъ и подумать объ такомъ странномъ происшествіи. Какъ же можно въ самомъ дѣлѣ, чтобы носъ, который еще вчера былъ у него на лицѣ и не могъ ниѣздить, ни ходить, былъ въ мундирѣ! Онъ побѣжалъ за каретою, которая, къ счастію, проѣхала недалеко и остановилась передъ Гостинымъ дворомъ.

Онъ поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смеялся. Народу было немного. Ковалевъ чувствовалъ себя въ такомъ разстроенному состояніи, что ни на что не могъ рѣшиться, и искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ; наконецъ, увидѣлъ его, стоявшаго передъ лавкою. Носъ спряталъ совершенно лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ глубокимъ вниманіемъ разматривалъ какіе-то товары.

«Какъ подойти къ нему?» думалъ Ковалевъ. «По всему— по мундиру, по шляпѣ—видно, что онъ статскій советникъ. Чортъ его знаетъ, какъ это сдѣлать!»

Онъ началъ около него покашливать; но носъ ни на минуту не оставлялъ своего положенія.

«Милостивый государь», сказалъ Ковалевъ, внутренно принуждая себя ободриться: «милостивый государь...»

«Что вамъ угодно?» отвѣчалъ носъ, оборотившись.

«Мнѣ странно, милостивый государь... мнѣ кажется... Вы должны знать свое мѣсто. И вдругъ я вѣсъ нахожу, и где же?.. Согласитесь...»

«Извините меня, я не могу взять въ толкъ, о чёмъ вы изволите говорить... Объяснитесь».

«Какъ мнѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ и, собравшись съ духомъ, началъ: «Конечно, я... впрочемъ, я маіоръ. Мнѣ ходить безъ носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговецъ, которая продаётъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины, можно сидѣть безъ носа; но, имѣя въ виду получить... притомъ, будучи во многихъ до-

махъ знакомъ съ дамами: Чехтарева, статская совѣтница, и другія... Вы посудите сами... Я не знаю, милостивый государь (при этомъ маіоръ Ковалевъ пожалъ плечами)... извините... если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести... вы сами можете понять...»

«Ничего рѣшительно не понимаю», отвѣчалъ нось. «Изъяснитесь удовлетворительнѣе».

«Милостивый государь», сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ собственного достоинства: «я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы хотите... Вѣдь вы—мой собственный нось!»

Нось посмотрѣть на маіора, и брови его нѣсколько напухнули.

«Вы ошибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ отношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицъ-мундира, вы должны служить по другому вѣдомству». Сказавши это, нось отвернулся.

Ковалевъ совершенно смѣшался, не зная, что дѣлать и что даже подумать. Въ это время послышался пріятный шумъ дамскаго платья: подошла пожилая дама, вся убранная кружевами, и съ нею тоненькая, въ бѣломъ платьѣ, очень мило рисовавшемся на ея стройной талии, въ палевої шляпкѣ, легкой какъ пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокий гайдукъ съ большими бакенбардами и цѣлой дюжиной воротниковъ.

Ковалевъ подступилъ поближе, высунулъ батистовый воротничокъ манишки, поправилъ висѣвшія на золотой цѣпочкѣ свои печатки и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на легонькую даму, которая, какъ весенний цвѣточекъ, слегка наклонялась и подносila ко лбу свою бѣленькую ручку съ полупрозрачными пальцами. Улыбка на лицѣ Ковалева раздвинулась еще далѣе, когда онъ увидалъ изъ-подъ шляпки ея кругленький, яркой бѣлизны подбородокъ и часть щеки, осѣненной цвѣтомъ первой весенней розы; но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжглись. Онъ вспомнилъ, что у него, вместо носа, совершенно нѣть ничего, и слезы выжались изъ глазъ его. Онъ оборотился съ тѣмъ, чтобы напрямикъ сказать господину въ мундирѣ, что онъ только прикинулся статскимъ совѣтникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, какъ только его

собственный носъ... Но носа уже не было: онъ успѣль ускакать, вѣроятно, опять къ кому-нибудь съ визитомъ.

Это повергло Ковалева въ отчаяніе. Онъ пошелъ назадъ и остановился съ минуту подъ колоннадою, тщательно смотря во всѣ стороны, не попадется ли гдѣ носъ. Онъ очень хорошо помнилъ, что шляпа на немъ была съ плюмажемъ и мундиръ съ золотымъ шитьемъ; но шинели не замѣтилъ, ни цвѣта его кареты, ни лошадей, ни даже того, былъ ли у него сзади какой-нибудь лакей и въ какой ливреѣ. Притомъ кареть неслось такое множество взадъ и впередъ и съ такою быстротою, что трудно было даже примѣтить; но если бы и примѣтилъ онъ какую-нибудь изъ нихъ, то не имѣлъ бы никакихъ средствъ остановить. День былъ прекрасный и солнечный. На Невскомъ народу была тьма; дамъ цѣлый цвѣточный водопадъ сыпался по всему тротуару, начиная отъ Полицейского до Аничкина моста. Вонъ и знакомый ему надворный совѣтникъ идетъ, котораго онъ называлъ подполковникомъ, особливо, ежели то случалось при постороннихъ. Вонъ и Ярыжкинъ, столоначальникъ въ сенатѣ, большой пріятель его, который вѣчно въ бостонѣ обременевшися, когда игралъ восемь. Вонъ и другой маіоръ, получившій на Кавказѣ асессорство, махаетъ рукой, чтобы шелъ къ нему...

«А, чортъ возьми!» сказалъ Ковалевъ. «Эй, извозчикъ, вези прямо къ полицеймейстеру!»

Ковалевъ сѣлъ въ дрожки и только покрикивать извозчику: «Валяй во всю ивановскую!»

«У себя полицеймейстеръ?» вскричалъ онъ, взошедши въ сѣни.

«Никакъ нѣть», отвѣчалъ привратникъ: «только - что уѣхали».

«Вотъ тебѣ разъ!»

«Да», прибавилъ привратникъ: «а оно и не такъ давно, но уѣхали; минуточкой бы пришли раньше, то, можетъ, и застали бы дома».

Ковалевъ, не отнимая платка отъ лица, сѣлъ на извозчика и закричалъ отчаяннымъ голосомъ: «пошелъ!»

«Куда?» сказалъ извозчикъ.

«Пошелъ, прямо!».

«Какъ — прямо? тутъ поворотъ: направо или налево?»

Этотъ вопросъ остановилъ Ковалева и заставилъ его опять

подумать. Въ его положеніи слѣдовало ему прежде всего отнестись въ управу благочинія, не потому, что оно имѣло прямое отношеніе къ полиціи, но потому, что ея распоряженія могли быть гораздо быстрѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; искать же удовлетворенія по начальству того мѣста, при которомъ носъ объявилъ себя служащимъ, было бы безразсудно, потому что изъ собственныхъ отвѣтовъ носа уже можно было видѣть, что для этого человѣка ничего не было священнаго и онъ могъ такъ же солгать и въ этомъ случаѣ, какъ солгалъ, увѣряя, что онъ никогда не видался съ нимъ. Итакъ, Ковалевъ уже хотѣлъ было приказать бѣхать въ управу благочинія, какъ опять пришла мысль ему, что этотъ путь и мошенникъ, который поступилъ уже при первой встречѣ такимъ бессовѣтнымъ образомъ, могъ опять удобно, пользуясь временемъ, какъ-нибудь улизнуть изъ города,—и тогда всѣ исканія будутъ тщетны, или могутъ продолжиться, чего Боже сохрани, на цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, казалось, само Небо вразумило его. Онъ рѣшился отнестись прямо въ газетную экспедицію и заблаговременно сдѣлать публикацію съ обстоятельнымъ описаніемъ всѣхъ его качествъ, дабы всякий встрѣтившійся съ нимъ могъ въ ту же минуту его представить къ нему или, по крайней мѣрѣ, дать знать о мѣстѣ его пребыванія. Итакъ, онъ, рѣшивъ на этомъ, вѣльть извозчику бѣхать въ газетную экспедицію и во всю дорогу не переставать его тузить кулакомъ въ спину, приговаривая: «Скорѣй, подлецъ! Скорѣй, мошенникъ!» — «Эхъ, баринъ!» говорилъ извозчикъ, потряхивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть была длинная, какъ на болонкѣ. Дрожки наконецъ остановились, и Ковалевъ, запыхавшись, вѣжливо въ небольшую приемную комнату, где сѣдой чиновникъ, въ старомъ фракѣ и въ очкахъ, сидѣлъ за столомъ и, взявшись въ зубы перо, считалъ принимаемыя мѣдные деньги.

«Кто здѣсь принимаетъ объявленія?» закричалъ Ковалевъ.
«А, здравствуйте!»

«Мое почтеніе», сказалъ сѣдой чиновникъ, поднявши на минуту глаза и опустивши ихъ снова на разложенные кучи денегъ.

«Я желаю припечатать...»

«Позвольте, прошу немножко повременить», произнесъ

чиновникъ, ставя одною рукою цифру на бумагѣ и передвигая пальцемъ лѣвой руки два очка на счетахъ. Лакей съ галунами и съ довольно чистою наружностью, показывавшю пребываніе его въ аристократическомъ домѣ, стоять возлѣ стола съ запискою въ рукахъ и почель приличнымъ показать свою общежительность: «Повѣрите ли, сударь, что собачонка не стоитъ восьми гривенъ, т. е. я не далъ бы за нее и восьми грошей; а графиня любить, ей-Богу, любить, — и вотъ, тому, кто ее отыщеть, сто рублей! Если сказать по приличію, то вотъ такъ, какъ мы теперь съ вами, вкусы людей совсѣмъ несовмѣстны: ужъ когда охотникъ, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалѣй пяти сотъ, тысячу дай, но за то ужъ чтобъ была собака хорошая».

Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался смѣтою, сколько буквъ въ принесенной запискѣ. По сторонамъ стояло множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ и дворниковъ съ записками. Въ одной значилось, что отпускается въ услугеніе кучеръ трезваго поведенія; въ другой — малоподдержанная коляска, вывезенная въ 1814 году изъ Парижа; тамъ отпускалась дворовая девка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ дѣлѣ, годная и для другихъ работъ; прочныя дрожки безъ одной рессоры; молодая горячая лошадь въ сѣрыхъ яблокахъ, семнадцати лѣтъ отъ роду; новая, полученная изъ Лондона, сѣмена рѣпы и редиса; дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный березовый или еловый садъ; тамъ же находился вызовъ желающихъ кушить старая подошвы, съ приглашеніемъ явиться къ переторжкѣ каждый день отъ 8 до 3 часовъ утра. Комната, въ которой помѣщалось все это общество, была маленькая, и воздухъ въ ней былъ чрезвычайно густъ; но коллежскій асессоръ Коновалевъ не могъ слышать зацаха, потому что закрылся платкомъ, и потому что самыи носъ его находился, Богъ знаетъ, въ какихъ мѣстахъ.

«Милостивый государь, позвольте васъ попросить... мнѣ очень нужно», сказалъ онъ, наконецъ, съ нетерпѣніемъ.

«Сейчасъ, сейчасъ!.. Два рубля сорокъ три копѣйки!.. Сию минуту!.. Рубль шестьдесятъ четыре копѣйки!» говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая старухамъ и дворникамъ

записки въ глаза. «Вамъ что угодно?» наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

«Я прошу...» сказалъ Ковалевъ: «случилось мошенничество или плутовство — я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто ко мнѣ этого подлеца представить, получитъ достаточное вознагражденіе».

«Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?»

«Нѣть, зачѣмъ же фамилію? мнѣ нельзя сказать ее. У меня много знакомыхъ: Чехтарева, статская совѣтница, Пелагея Григорьевна Подточина, штабъ-офицерша... Вдругъ узнаютъ, Боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежский асессоръ, или, еще лучше, состоящій въ маирскомъ чинѣ».

«А сбѣжавшій быть вашъ дворовый человѣкъ?»

«Какое дворовый человѣкъ! это бы еще не такое болыное мошенничество! Сбѣжалъ отъ меня... нось...»

«Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ г. Носовъ обокраль вѣсть?»

«Нось, то-есть... вы не тѣ думаете! Нось, мой собственныи нось прошалъ, неизвѣстно куда. Чортъ хотѣлъ подшутиить надо мною!»

«Да какимъ же образомъ прошалъ? я что-то не могу хоропенько понять».

«Да я не могу вамъ сказать, какимъ образомъ; но главное тѣ, что онъ разѣзжаетъ теперь по городу и называетъ себя статскимъ совѣтникомъ. И потому я вѣсть прошу объявить, чтобы поймавшій представилъ его немедленно ко мнѣ въ самомъ скорѣшемъ времени. Вы посудите, въ самомъ дѣлѣ, какъ же мнѣ быть безъ такой замѣтной части тѣла? Это не то, что какой-нибудь мизинецъ на ногѣ, который я въ салогъ — и никто не увидитъ, если его нѣть. Я бываю по четвергамъ у статской совѣтницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна, штабъ-офицерша, и у ней дочка очень хорошенъкая, тоже очень хорошиe знакомые; и вы посудите сами, какъ же мнѣ теперь... Мнѣ теперь къ нимъ нельзѧ явиться».

Чиновникъ задумался, что означали крѣпко скавшіяся его губы.

«Нѣть, я не могу помѣстить такого объявленія въ газетахъ», сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

«Какъ? отчего?»

«Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякий начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ, то... И такъ уже говорятъ, что печатается много несообразностей и ложныхъ слуховъ».

«Да чѣмъ же это дѣло несообразное? Тутъ, кажется, ничего нѣтъ такого».

«Это вамъ такъ кажется, что нѣтъ. А вотъ, на прошлой недѣлѣ, такой же былъ случай. Пришелъ чиновникъ такимъ же образомъ, какъ вы теперь пришли, принесъ записку, денегъ по расчету пришло 2 р. 73 к., и все объявленіе состояло въ томъ, что сбѣжалъ пудель черной шерсти. Кажется, что бы тутъ такое? А вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей, не помню, какого-то заведенія».

«Да вѣдь я вамъ не о пуделѣ дѣлаю объявленіе, а о собственномъ моемъ носѣ: стало-быть, почти то же, что о самомъ себѣ».

«Нѣтъ, такого объявленія я никакъ не могу помѣстить».

«Да когда у меня точно пропалъ носъ!»

«Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорить, что есть такие люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчаю, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите въ обществѣ пошутить».

«Клянусь вамъ, вотъ какъ Богъ святы! Пожалуй, ужъ если до того дошло, то я покажу вамъ».

«Зачѣмъ беспокоиться!» продолжалъ чиновникъ,нюхая табакъ. «Впрочемъ, если не въ беспокойство», прибавилъ онъ съ движениемъ любопытства: «то желательно бы взглянуть».

Коллежскій асессоръ отнялъ отъ лица платокъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!» сказалъ чиновникъ: «мѣсто совершенно гладкое, какъ будто бы только-что выпеченный блинъ. Да, до невѣроятности ровное!»

«Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. Я вамъ буду особенно благодаренъ, и очень радъ, что этотъ случай доставилъ мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться». Маляръ, какъ видно изъ этого, рѣшился на сей разъ немножко поподличать.

«Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое», сказалъ чиновникъ: «только я не предвижу въ этомъ никакой для васъ выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имѣеть

искусное перо, описать это, какъ рѣдкое произведеніе на-
туры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Нчель»
(тутъ онъ понюхалъ еще разъ табаку), для пользы юно-
шества (тутъ онъ утеръ носъ) или такъ, для общаго любо-
вительства».

Коллежскій асессоръ былъ совершенно обезнадеженъ. Онъ
опустилъ глаза въ низъ газеты, где было извѣщеніе о спек-
такляхъ; уже лицо его было готово улыбнуться, встрѣтивъ
имя актрисы, хорошенькой собою, и рука взялась за кар-
мань, есть ли при немъ синяя ассигнація, потому-что штабъ-
офицеры, по мнѣнію Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ;
но мысль о носѣ все испортила!

Самъ чиновникъ, казалось, былъ тронутъ затруднитель-
нымъ положеніемъ Ковалева. Желая сколько-нибудь облег-
чить его горесть, онъ почелъ приличнымъ выразить участіе
свое въ нѣсколькоихъ словахъ: «Мнѣ, право, очень при-
скорбно, что съ вами случился такой анекдотъ. Не угодно ли
вамъ понюхать табачку? это разбиваетъ головныя боли и
печальные расположенія; даже въ отношеніи къ гемороидамъ
это хорошо». Говоря это, чиновникъ поднесъ Ковалеву та-
бакерку, довольно ловко подвернувъ подъ нее крышку съ
портретомъ какой-то дамы въ шляпкѣ.

Этотъ неумышленный поступокъ вывелъ изъ терпѣнія
Ковалева. «Я не понимаю, какъ вы находите мѣсто шут-
камъ», сказалъ онъ съ сердцемъ: «развѣ вы не видите, что
у меня нѣтъ именно того, чѣмъ бы я могъ понюхать?
Чтобъ чортъ побралъ вашъ табакъ! Я теперь не могу смо-
трѣть на него, и не только на скверный вашъ березинскій,
но хоть бы вы поднесли мнѣ самаго рапѣ». Сказавши это,
онъ вышелъ, глубоко раздосадованный, изъ газетной экспе-
диціи и отправился къ частному приставу.

Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потя-
нулся, крякнулъ и сказалъ: «Эхъ, славно засну два часика!»
и потому можно было предвидѣть, что приходъ коллежскаго
асессора былъ совершенно не вѣремя. Частный былъ
большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурностей;
но государственную ассигнацію предпочиталъ всему. «Это
вещь», обыкновенно говорилъ онъ: «ужъ нѣтъ ничего лучше
этой вещи: быть не просить, мѣста займетъ немногого, въ
кармань всегда помѣстится, уронишь—не расшибется».

Частный принялъ довольно сухо Ковалева и сказалъ, что

послѣ обѣда не то время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы, наѣвшись, немножко отдохнуть (изъ этого коллежскаго асессоръ могъ видѣть, что частному приставу были не безъизвѣстны изреченія древнихъ мудрецовъ), что у порядочнаго человѣка не оторвутъ носа.

То-есть, не въ бровь, а прямо въ глазъ! Нужно замѣтить, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ простить все, что ни говорили о немъ самомъ, но никакъ не извинялъ, если это относилось къ чину или званію. Онъ даже полагалъ, что въ театральныхъ пьесахъ можно пропускать все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Пріемъ частнаго такъ его сконфузилъ, что онъ тряхнулъ головою и сказалъ съ чувствомъ достоинства, немножко разставивъ свои руки: «Признаюсь, послѣ такихъ обидныхъ съ вашей стороны замѣчаній, я ничего не могу прибавить...» и вышелъ.

Онъ пріѣхалъ домой, едва слыша подъ собою ноги. Были уже сумерки. Печальною или чрезвычайно гадкою показалась ему квартира послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ исканій. Взошедши въ переднюю, увидѣлъ онъ на кожаномъ запачканномъ диванѣ лакея своего Ивана, который, лежа на спинѣ, плеваль въ потолокъ и попадаль довольно удачно въ одно и то же мѣсто. Такое равнодушіе человѣка взбѣсило его; онъ ударилъ его шляпою по лбу, примолвивъ: «Ты, свинья, всегда глупостями занимаешься!»

Иванъ вскочилъ вдругъ со своего мѣста и бросился со всѣхъ ногъ снимать съ него плащъ.

Вошедши въ свою комнату, маляръ, усталый и печальный, бросился въ кресла и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ вздоховъ, сказалъ:

«Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше; но безъ носа человѣкъ — чортъ знаетъ что: птица не птица, гражданинъ не гражданинъ, — просто, возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войнѣ отрубили, или на дуэли, или я самъ былъ причиной; но вѣдь пропалъ ни за что, ни про что, пропалъ даромъ, ни за гроши.. Только, нѣть, не можетъ быть», прибавилъ онъ, немножко подумавъ: «невѣроятно, чтобы носъ пропалъ, никакимъ образомъ невѣроятно. Это, вѣрно, или во снѣ снится, или, просто, грезится; мо-

жетъ-быть, я какъ-нибудь, ошибкою, выпилъ вмѣсто воды водку, котою вытираю послѣ бритья себѣ бороду. Иванъ, дуракъ, не принялъ, и я, вѣрно, хватилъ ея». Чтобы дѣйствительно увѣриться, что онъ не пьянъ, маіоръ ушищнулъ себя такъ больно, что самъ вскрикнулъ. Эта боль совершенно увѣрила его, что онъ дѣйствуетъ и живетъ наяву. Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза съ тою мыслью, что авось-либо носъ покажется на свое мѣстѣ; но въ ту же минуту отскочилъ назадъ, сказавши: «Экой пасквильный видъ!»

Это было, точно, непонятно. Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное, — то прощать, и кому же пропасть? и притомъ еще на собственной квартире!.. Маіоръ Ковалевъ, сообразя всѣ обстоятельства, предполагалъ едва ли не ближе всего къ истинѣ, что виною этого долженъ быть не кто другой, какъ штабъ-офицерша Подточина, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери. Онъ и самъ любилъ за нею приволокнуться, но избѣгалъ окончательной раздѣлки. Когда же штабъ-офицерша объявила ему напрямикъ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно ему прослужить лѣтъ пятокъ, чтобы уже ровно было сорокъ два года. И потому штабъ-офицерша, вѣрно изъ милости, рѣшилась его испортить и наняла для этого какихъ-нибудь колдовокъ-бабъ, потому что никакимъ образомъ нельзя было предположить, чтобы носъ былъ отрѣзанъ: никто не входилъ къ нему въ комнату; цырюльникъ же, Иванъ Яковлевичъ, брилъ его еще въ среду, а въ продолженіе всей среды и даже во весь четвертокъ носъ у него былъ цѣлъ, — это онъ помнилъ и зналъ очень хорошо; притомъ, была бы имъ чувствуема боль, и, безъ сомнѣнія, рана не могла бы такъ скоро зажить и быть гладкою, какъ блинъ. Онъ строилъ въ головѣ планы: звать ли штабъ-офицершу формальнымъ порядкомъ въ судъ, или явиться къ ней самому и уличить ее. Размысленія его прерваны были свѣтомъ, который блеснулъ сквозь всѣ скважины дверей и далъ знать, что свѣча въ передней уже зажжена Иваномъ. Скоро показался и самъ Иванъ, неся ее передъ собою и озаряя ярко всю комнату. Первымъ движениемъ Ковалева было схватить платокъ и закрыть то мѣсто, где вчера еще былъ носъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ

глупый человѣкъ не зазѣвался, увида у барина такую странность.

Не успѣлъ Иванъ уйти въ конуру свою, какъ послышался въ передней незнакомый голосъ, произнесшій: «Здѣсь ли живетъ коллежскій асессоръ Ковалевъ?»

«Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь», сказаъ Ковалевъ, вскочивши поспѣшно и отворяя дверь.

Вошелъ полицейскій чиновникъ, красивой наружности, съ бакенбардами не слишкомъ свѣтыми и не темными, съ довольно полными щеками, тотъ самый, который, въ началѣ повѣсти, стоять въ концѣ Исаакіевскаго моста.

«Вы изволили затерять носъ свой?»

«Такъ точно».

«Онъ теперь найденъ».

«Чтѣ вы говорите?» закричалъ маіоръ Ковалевъ. Радость отняла у него языки. Онъ глядѣлъ въ оба на стоявшаго передъ нимъ квартального, на полныхъ губахъ и щекахъ котораго ярко мелькалъ трепетный свѣтъ свѣчи. «Какимъ образомъ?»

«Страннымъ случаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился на дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И паспортъ давно былъ написанъ на имя одного чиновника. И странно тѣ, что я самъ принялъ его сначала за господина; но, къ счастію, были со мной очки, и я тотъ же часъ увидѣлъ, что это былъ носъ. Вѣдь я близорукъ, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у васъ лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть мать жены моей, тоже ничего не видѣтъ».

Ковалевъ былъ виѣ себѧ. «Гдѣ же онъ? гдѣ? я сейчасъ побѣгу».

«Не беспокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, принесъ его съ собою. И странно тѣ, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ-цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на стѣзжей. Я давно подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ одной лавочкѣ бортище пуговицъ. Носъ вашъ совершенно таковъ, какъ былъ». При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумагу носъ.

«Такъ, онъ!» закричалъ Ковалевъ: «точно, онъ! Выкупайте сегодня со мною чашечку чаю».

«Почель бы за большую пріятность, по никакъ не могу: мнѣ нужно заѣхать отсюда въ смирительный домъ... Очень большая поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живеть и тепца, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подаетъ большия надежды, очень умный мальчишка; но средствъ для воспитанія совершенно нѣть никакихъ...»

Коллежскій асессоръ, по уходѣ квартального, нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то неопределенному состояніи и едва черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ возможность видѣть и чувствовать: въ такое безпамятство повергла его неожиданная радость. Онъ взялъ бережливо найденный носъ въ обѣ руки, сложенные горстю, и еще разъ разсмотрѣлъ его внимательно.

«Такъ, онъ! точно, онъ!» говорилъ маіоръ Ковалевъ. «Вотъ и прыщикъ на лѣвой сторонѣ, вскочивший вчерашняго дня». Маіоръ чуть не засмѣялся отъ радости.

Но на свѣтѣ нѣть ничего долговременаго, а потому и радость, въ слѣдующую минуту за первую, уже не такъ жива; въ третью минуту она становится еще слабѣе и, наконецъ, незамѣтно сливается съ обыкновеннымъ положеніемъ души, какъ на водѣ кругъ, рожденный паденiemъ камешка, наконецъ сливается съ гладкою поверхностью. Ковалевъ началъ размышлять и смекнуть, что дѣло еще не кончено: носъ найденъ, но вѣдь нужно же его приставить, помѣстить на свое мѣсто.

«А что, если онъ не пристанетъ?»

При такомъ вопросѣ, сдѣланномъ самому себѣ, маіоръ поблѣдѣлъ.

Съ чувствомъ неизѣяснимаго страха бросился онъ къ столу, придинулъ зеркало, чтобы какъ-нибудь не поставить носъ криво. Руки его дрожали. Осторожно и осмотрительно наложилъ онъ его на прежнее мѣсто. О, ужасъ! носъ не приклеивался!.. Онъ поднесъ его ко рту, нагрѣвъ его слегка своимъ дыханіемъ и опять поднесъ къ гладкому мѣсту, находившемуся между двухъ щекъ; но носъ никакимъ образомъ не держался.

«Ну, ну же! полѣзай, дуракъ!» говорилъ онъ ему; но носъ былъ какъ деревянный и падалъ на столъ съ такимъ страннымъ звукомъ, какъ будто бы пробка. Лицо маіора судорожно скривилось. «Неужели онъ не прирастетъ?» го-

ворилъ онъ въ испугѣ. Но сколько разъ ни подносилъ онъ его на его же собственное мѣсто — стараніе было, попрежнему, неусыпно.

Онъ кликнулъ Ивана и послалъ его за докторомъ, который занималъ въ томъ же самомъ домѣ лучшую квартиру въ бельэтажѣ. Докторъ этотъ былъ видный собою мужчина, имѣлъ прекрасныя смолистыя бакенбарды, свѣжую, здоровую докторшу, ъль поутру свѣжія яблоки и держалъ ротъ въ необыкновенной чистотѣ, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разныхъ родовъ щеточками. Докторъ явился въ ту же минуту. Спросивши, какъ давно случилось несчастіе, онъ поднялъ маюра Ковалева за подбородокъ и даль ему большими пальцемъ щелчка въ то самое мѣсто, где прежде была ность, такъ что маюръ долженъ былъ откинуть свою голову назадъ съ такою силой, что ударился затылкомъ въ стѣну. Медикъ сказалъ, что это ничего, и, посовѣтовавши отодвинуться немного отъ стѣны, велѣлъ ему перегнуть голову сначала на правую сторону и, пощупавши то мѣсто, где прежде была ность, сказалъ: «гм!» потомъ велѣлъ ему перегнуть голову на лѣвую сторону и сказалъ: «гм!» и въ заключеніе даль опять ему большимъ пальцемъ щелчка, такъ что маюръ Ковалевъ дернулся головою, какъ конь, которому смотрять въ зубы. Сдѣлавши такую пробу, медикъ покачалъ головою и сказалъ: «Нѣтъ, нельзя. Вы ужъ лучше такъ оставайтесь, потому что можно сдѣлать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вамъ сейчасъ приставилъ его; но я васъ увѣряю, что это для васъ хуже».

«Вотъ хорошо! какъ же мнѣ оставаться безъ носу?» сказалъ Ковалевъ: «ужъ хуже не можетъ быть, какъ теперь. Это, просто, чортъ знаетъ что! Куда же я съ этакою пасквильностью покажусь? Я имѣю хорошее знакомство: вотъ и сегодня мнѣ нужно быть на ветерѣ въ двухъ домахъ. Я со многими знакомъ; статская совѣтница Чехтарева, Подточина, штабъ-офицерша... хоть постѣ теперешняго постушка ея я не имѣю съ ней другого дѣла, какъ только чрезъ полицію. Сдѣлайте милость», продолжалъ Ковалевъ умоляющимъ голосомъ: «нѣть ли средства? какъ-нибудь приставьте: хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою въ опасныхъ случаяхъ».

Я же притомъ и не танцую, чтобы могъ вредить какимъ-нибудь неосторожнымъ движеньемъ. Все, что относится на счетъ благодарности за визиты, ужъ будьте увѣрены, сколько дозволять мои средства...»

«Вѣрите ли», сказать докторъ ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, но чрезвычайно увѣтливымъ и магнитическимъ: «что я никогда изъ корысти не лѣчу. Это противно моимъ правиламъ и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно съ тѣмъ только, чтобы не обидѣть моимъ отказомъ. Конечно, я бы приставилъ вашъ носъ; но я вѣсть увѣряю честью, если уже вы не вѣрите моему слову, что это будетъ гораздо хуже. Предоставьте лучшее дѣйствію самой природы. Мойте чаще холодною водою, и я вѣсть увѣряю, что вы, не имѣя носа, будете такъ же здоровы, какъ если бы имѣли его. А носъ я вамъ совсѣмъ положить въ банку со спиртомъ, или, еще лучше, влить туда двѣ столовыя ложки острой водки и подогрѣтаго уксуса,—и тогда вы можете взять за него порядочныя деньги. Я даже самъ возьму его, если вы только не подорожитесь.

«Нѣть, нѣть! ни за что не продамъ!» вскричалъ отчаянnyй маюրъ Ковалевъ: «лучше пусть онъ пропадетъ!»

«Извините!» сказалъ докторъ, откланиваясь: «я хотѣлъ быть вамъ полезнымъ... Чѣмъ-же дѣлать! По крайней мѣрѣ, вы видѣли мое стараніе». Сказавши это, докторъ съ благородною осанкою вышелъ изъ комнаты. Ковалевъ не замѣтилъ даже лица его и въ глубокой безчувственности видѣлъ только выглядывавшіе изъ рукавовъ его чернаго фрака рукавчики бѣлой и чистой, какъ снѣгъ, рубашки.

Онъ рѣшился на другой же день, прежде представленія жалобы, писать къ штабъ-офицершѣ, не согласится ли она безъ бою возвратить ему то, что слѣдуетъ. Письмо было такого содержанія:

Милостивая государыня,

Александра Григорьевна!

Не могу понять странного со стороны Вашей дѣйствія. Будьте увѣрены, что, поступая такимъ образомъ, ничего Вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на Вашей дочери. Повѣрьте, что исторія насчетъ моего носа совершенно известна, равно какъ и то, что въ этомъ Вы есть главныя участницы, а не кто другой. Внезапное

его отдѣленіе съ своего мѣста, побѣгъ и маскированіе, то подъ видомъ одного чиновника, то, наконецъ, въ собственномъ видѣ, есть больше ничего, какъ слѣдствіе волхвованій, произведенныхъ Вами или тѣми, которые упражняются въ подобныхъ Вамъ благородныхъ занятіяхъ. Я съ своей стороны почитаю долгомъ васть предувѣдомить: если упоминаемый мною носъ не будетъ сегодня же на своемъ мѣстѣ, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ зищѣ и покровительству законовъ.

Впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ къ Вамъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга
Платонъ Ковалевъ.

Милостивый государь,
Платонъ Кузьмичъ!

Чрезвычайно удивило меня письмо Ваше. Я, признаюсь Вамъ по откровенности, никакъ не ожидала, а тѣмъ болѣе относительно несправедливыхъ укоризнъ со стороны Вашей. Предувѣдомляю Васъ, что я чиновника, о которомъ упоминаете Вы, никогда не принимала у себя въ домѣ, ни замаскированаго, ни въ настоящемъ видѣ. Бывалъ у меня, правда, Филиппъ Ивановичъ Потанчиковъ. И хотя онъ, точно, искалъ руки моей дочери, будучи самъ хорошаго, трезваго поведенія и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носѣ. Если Вы разумѣете подъ симъ, что будто бы я хотѣла оставить Васъ съ носомъ, то есть, дать Вамъ формальный отказъ; то меня удивляетъ, что Вы сами обѣ этомъ говорите, тогда какъ я, сколько Вамъ известно, была совершенно противна мнѣнія, и если Вы теперь же посватаетесь на моей дочери законнымъ образомъ, я готова сей же часъ удовлетворить Васъ, ибо это составляло всегда предметъ моего живѣйшаго желанія, въ надеждѣ чего осталось всегда готовою къ услугамъ Вашимъ

Александра Подточина.

«Нѣть», говорилъ Ковалевъ, прочитавши письмо: «она, точно, не виновата. Не можетъ быть! Письмо такъ написано, какъ не можетъ написать человѣкъ, виноватый въ

преступлениі». Коллежский асессоръ былъ въ этомъ свѣдущъ, потому что былъ посыланъ нѣсколько разъ на слѣдствіе еще въ Кавказской области. «Какимъ же образомъ, какими судьбами это приключилось? Только чортъ разбереть это!» сказалъ онъ наконецъ, опустивъ руки.

Междуди тѣмъ слухи объ этомъ необыкновенномъ, произшествіи распространялись по всей столице и, какъ водится, не безъ особыхъ прибавлений. Тогда умы всѣхъ именно настроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали публику опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ, исторія о танцующихъ стульяхъ въ Конюшенной улицѣ была еще свѣжка, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто носъ коллежского асессора Ковалева ровно въ три часа прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждыи день множество. Сказалъ кто-то, что носъ будто бы находился въ магазинѣ Юнкера—и возлѣ Юнкера такая сдѣлалась толпа и давка, что должна была вступиться даже полиція. Одинъ спекуляторъ почтенной наружности, съ бакенбардами, продававшій при входѣ въ театръ разные сухie кондитерскie пирожки, нарочно надѣлалъ прекрасныхъ деревянныхъ, прочныхъ скамеекъ, на которыхъ приглашаль любопытныхъ становиться, за восемь-десять копѣекъ отъ каждого посѣтителя. Одинъ заслуженный полковникъ нарочно для этого вышелъ раньше изъ дома и съ большимъ трудомъ пробрался сквозь толпу; но, къ большому негодованію своему, увидѣлъ въ окнѣ магазина, вмѣсто носа, обыкновенную шерстяную фуфайку и литографированную картинку съ изображеніемъ дѣвушки, поправлявшей чулокъ, и глядѣвшаго на нее изъ-за дерева франта съ откиднымъ жилетомъ и небольшою бородкою,—картинку, уже болѣе десяти лѣтъ висящую все на одномъ мѣстѣ. Огошедъ, онъ сказалъ съ досадою: «Какъ можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народъ?» Потомъ пронесся слухъ, что не на Невскомъ проспектѣ, а въ Таврическомъ саду прогуливается носъ маюра Ковалева; что будто бы онъ давно уже тамъ; что когда еще проживалъ тамъ Хозревъ-Мирза, то очень удивлялся этой странной игрѣ природы. Нѣкоторые изъ студентовъ Хирургической Академіи отправились туда. Одна знатная почтенная дама просила особымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и,

если можно, съ объясненiemъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей.

Всѣмъ этимъ происшествiямъ были чрезвычайно рады всѣ свѣтскiе необходимые постыдители раутовъ, любившиe смѣшить дамъ, у которыхъ запасъ въ то время совершиено истощился. Небольшая часть почтенныхъ и благонамѣренныхъ людей была чрезвычайно недовольна. Одинъ господинъ говорилъ съ негодованiemъ, что онъ не понимаетъ, какъ въ нынешнiй просвѣщенный вѣкъ могутъ распространяться нелѣпыя выдумки, и что онъ удивляется, какъ не обратить на это вниманiе правительство. Господинъ этотъ, какъ видно, принадлежалъ къ числу тѣхъ господъ, которые желали бы впутать правительство во все, даже въ свои ежедневныя ссоры съ женою. Всльдъ за этимъ... но здѣсь вновь все происшествiе скрывается туманомъ, и что было потомъ—рѣшительно неизвѣстно.

III.

Чепуха совершенная дѣлается на свѣтѣ. Иногда вовсе нѣть никакого правдоподобiя: вдругъ тотъ самый носъ, который разъѣзжалъ въ чинѣ статского совѣтника и надѣлъ столько шума въ городѣ, очутился, какъ ни въ чемъ не бывало, вновь на своемъ мѣстѣ, то-есть именно между двухъ щекъ маюра Ковалева. Это случилось уже апрѣля 7 числа. Проснувшись и нечаянно взглянувъ въ зеркало, видѣть онъ: носъ! хвать рукою—точно, носъ! «Эге!» сказалъ Ковалевъ, и въ радости чуть не дернуль по всей комнатѣ босикомъ тропака; но вошедшій Иванъ помѣшалъ. Онъ приказалъ тотъ же часъ дать себѣ умыться и, умываясь, взглянуль еще разъ въ зеркало—носъ! Вытираясь полотенцемъ, онъ опять взглянуль въ зеркало—носъ!

«А посмотри, Иванъ, кажется, у меня на носу какъ будто прыщики», сказалъ онъ и между тѣмъ думалъ: «Вотъ бѣда, какъ Иванъ скажетъ: «Да нѣть, сударь, не только прыщика, а самаго носа нѣть!»

Но Иванъ сказалъ: «Ничего-сь, никакого прыщика: носъ чистый!»

«Хорошо, чортъ побери!» сказалъ самъ себѣ маюровъ и щелкнулъ пальцами. Въ это время выглянуть въ дверь

цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ, но такъ боязливо, какъ кошка, которую только-что высѣкли за кражу сала.

«Говори внерѣдъ: чисты руки?» кричали еще издали ему Ковалевъ.

«Чисты».

«Врешь!»

«Ей Богу-съ чисты, сударь».

«Ну, смотри же».

Ковалевъ сѣть. Иванъ Яковлевичъ закрылъ его салфеткою и, въ одно мгновеніе, съ помощью кисточки, превратилъ всю бороду его и часть щекъ въ кремъ, какой подаются на куническихъ именинахъ. «Виши ты!» сказалъ самъ себѣ Иванъ Яковлевичъ, взглянувши на носъ, и потомъ перегнулъ голову на другую сторону и посмотрѣлъ на него сбоку: «Вона! экъ его, право, какъ подумаешь», продолжалъ онъ, и долго смотрѣлъ на носъ. Наконецъ, легонько, съ бережливостью, какую только можно себѣ вообразить, онъ приподнялъ два пальца съ тѣмъ, чтобы поймать его за кончикъ. Такова ужъ была система Ивана Яковлевича.

«Ну, ну, ну, смотри!» закричалъ Ковалевъ. Иванъ Яковлевичъ и руки опустилъ, оторопѣлъ и смутился, какъ никогда не смущался. Наконецъ, осторожно сталь онъ щекотать бритвой у него подъ бородою, и хотя ему было совсѣмъ не сподручно и трудно брить безъ придержки за нюхательную часть тѣла, однакоже, кое-какъ, упиралъ своимъ широковатымъ большими пальцемъ ему въ щеку и въ нижнюю десну, наконецъ, одолѣлъ всѣ препятствія и выбрилъ.

Когда все было готово, Ковалевъ поспѣшилъ тотъ же часъ одѣться, взять извозчика и поѣхалъ прямо въ кондитерскую. Входя, закричалъ онъ еще издали: «Мальчики, чашку шоколаду!» а самъ въ ту же минуту къ зеркалу — есть носъ. Онъ весело оборотился назадъ и съ сатирическимъ видомъ посмотрѣлъ, насколько припуря глазъ, на двухъ военныхъ, у одного изъ которыхъ былъ носъ никакъ не больше жилетной пуговицы. Послѣ того отправился онъ въ канцелярію того департамента, гдѣ хлопоталъ обѣ вице-губернаторскому мѣстѣ, а въ случаѣ неудачи — обѣ экзекуторскому. Проходя чрезъ приемную, огнь взглянулъ въ зеркало — есть носъ. Потомъ поѣхалъ онъ къ другому коллежскому асессору, или маюру, большому наставнику, кото-

рому онъ часто говорилъ въ отвѣтъ на разныя занозистыя замѣтки: «Ну, ужъ ты, я тебя знаю, ты шпилька!» Дорогою онъ подумалъ: «Если и маіоръ не треснетъ со смѣху, увидѣвшіи меня, тогда ужъ вѣрный знакъ, что все, что ни есть, сидитъ на своемъ мѣстѣ». Но коллежскій асессоръ ничего. «Хорошо, хорошо, чортъ побери!» подумалъ про себя Ковалевъ. На дорогѣ встрѣтилъ онъ панѣль-офицершу Подточину вмѣстѣ съ дочерью, раскланялся съ ними и бѣзъ встрѣченья съ радостными воскликаніями: стало-быть, ничего, въ немъ нѣтъ никакого ущерба. Онъ разговаривалъ съ ними очень долго, и нарочно, вынувши табакерку, набивалъ передъ ними весьма долго свой носъ съ обоихъ подъѣздовъ, приговаривая про себя: «Вотъ, молъ, вамъ, бабье, куриный народъ! а на дочкѣ все-таки не женюсь. Такъ, просто, *par amour* — изволъ!» И маіоръ Ковалевъ съ тѣхъ поръ прогуливался, какъ ни въ чемъ не бывало, и на Невскомъ проспектѣ, и въ театрахъ, и вездѣ. И носъ тоже, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣлъ на его лицѣ, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонамъ. И послѣ того маіора Ковалева видѣли вѣчно въ хорошемъ юморѣ, улыбающагося, преслѣдующаго рѣшительно всѣхъ хорошенъкихъ дамъ и даже остановившаго одинъ разъ передъ лавочкой въ Гостиномъ дворѣ и покупавшаго какую-то орденскую ленточку, непрѣистно для какихъ причинъ, потому что онъ самъ не былъ кавалеромъ никакого ордена.

Вотъ какая исторія случилась въ сѣверной столицѣ нашего обширнаго государства! Теперь только, по соображеніи всего, видимъ, что въ ней есть много неправдоподобнаго. Не говоря уже о томъ, что, точно, странно сверхъестественное отдѣленіе носа и появленіе его въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ статского совѣтника, — какъ Ковалевъ не смекнулъ, что нельзя чрезъ газетную экспедицію объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявление: это вздоръ, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже: какъ носъ очутился въ печеномъ хлѣбѣ, и какъ самъ Иванъ Яковлевичъ?.. Нѣтъ, этого я никакъ не понимаю, рѣшительно не понимаю! Но, чтѣ страннѣе, чтѣ непонятнѣе всего, это то, какъ авторы могутъ брать подобные сюжеты. Признаюсь, это ужъ совсѣмъ непостижимо, это точно... нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не

понимаю. Во-первыхъ, пользы отечеству решительно никакой; во-вторыхъ... но и во-вторыхъ тоже нѣтъ пользы. Просто, я не знаю, что это...

А однаже, при всемъ томъ, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можетъ даже... ну, да и гдѣ-жъ не бываетъ несообразностей? — а все, однаже, какъ поразмыслишь, во всемъ этомъ, право, есть что-то. Кто чѣмъ ни говори, а подобныя происшествія бываютъ на свѣтѣ,—рѣдко, но бываютъ.

ПОРТРЕТЪ.

(Въ позднѣйшей редакціи).

Часть I.

Нигдѣ не останавливалось столько народа, какъ предъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла, точно, самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большою частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темно-желтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фланандскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индійскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка, — вотъ ихъ обыкновенные сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ, съ кривыми носами. Сверхъ того, двери такой лавочки обыкновенно бываютъувѣшаны связками произведеній, отпечатанныхъ лубками на большихъ листахъ, которыя свидѣтельствуютъ о самородномъ дарованіи русскаго человѣка. На одномъ была царевна Милитриса Кирбитьевна, на другомъ городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно

немного, но за то зрителей — куча. Какой-нибудь забулдыгаликъ уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлебать супъ не слишкомъ горячій. Передъ нимъ уже, вѣрно, стоитъ въ шинели солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка-охтенка съ коробкою, наполненnoю башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разматриваютъ серыѣ зп; лакеи-мальчики и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными карикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодая русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чёмъ калякаетъ народъ, и посмотреть, на чѣо онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ Чартковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодости. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами. Наконецъ, овладѣло имъ невольное размышеніе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на Еруслановъ Лазаревичей, на обѣндалъ и отивалъ, на Ѹому и Ерему, это не казалось ему удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ масляныхъ малеваній? Кому нужны эти фланандскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которомъ выразилось все глубокое его униженіе? Это, казалось, не были вовсе труды ребенка-самоучки; иначе въ нихъ, при всей безчувственной карикатурности цѣлаго, вырывался бы острый порывъ. Но здѣсь было видно, просто, тупоуміе, бессильная, дряхлая бездарность, которая самоуправно стала въ ряды искусствъ, тогда какъ ей мѣсто было среди низкихъ ремесль, — бездарность, которая была вѣрна, однакожъ, своему призванію и внесла въ самое искусство свое ремесло. Тѣ же

краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку!..

Долго стоялъ онъ предъ этими грязными картинами, уже, наконецъ, не думая вовсе о нихъ, а между тѣмъ хозяинъ лавки, сѣренѣй человѣчекъ, во фризовой шинели, съ бородой, пебригой съ самаго воскресеня, толковалъ ему уже давно, торговался и условливался въ цѣнѣ, еще не узнавъ, что ему понравилось и что нужно. «Вотъ за этихъ мужиковъ и за ландшафтъ возьму бѣленѣкую. Живопись-то какая! просто, глазъ прошибеть; только-что получены съ биржи: еще лакъ не высохъ. Или вотъ зима,—возьмите зиму! пятнадцать рублей! одна рамка чего стойть! Вонъ она какая зима!» Тутъ купецъ далъ легкаго щелчка въ полотно, вѣроятно, чтобы показать всю доброту зимы. «Прикажете связать ихъ вмѣстѣ и снести за вами? Гдѣ изволите жить? Эй, малый! подай веревочку».

«Постой, братъ, не такъ скоро», сказаль очнувшійся художникъ, видя, что ужъ проворный купецъ принялъ не въ шутку ихъ связывать вмѣстѣ. Ему сдѣжалось нѣсколько совсѣмъ не взять ничего, застоявшись такъ долго въ лавкѣ, и онъ сказалъ: «А вотъ постой, я посмотрю, нѣтъ ли для меня чего-нибудь здѣсь», и, наклонившись, сталъ доставать съ полу громоздко наваленные, истертыя, запыленные старыя малеванья, не пользовавшіяся, какъ видно, никакимъ почетомъ. Тутъ были старинные фамильные портреты, которыхъ потомковъ, можетъ быть, и на свѣтѣ нельзя было отыскать; совершенно ненѣзвѣстныя изображенія съ прорванымъ холстомъ; рамки, лишенныя позолоты; словомъ, всякий ветхій соръ. Но художникъ принялъся разматривать, думая втайнѣ: «Авось что-нибудь и отыщется». Онъ не разъ слышалъ разсказы о томъ, какъ иногда у лубочныхъ продавцовъ были отыскиваемы въ сору картины великихъ мастеровъ.

Хозяинъ, увидѣвъ, куда полѣзъ онъ, оставилъ свою суетливость и, принявши свое обыкновенное положеніе и надлежащій вѣсь, помѣстился сызнова у дверей, зазывая прохожихъ и указывая имъ одной рукой на лавку: «Сюда, батюшка! вотъ картины! зайдите, зайдите! съ биржи получены». Уже накричался онъ вдоволь и большою частью бесплодно; наговорился досыта съ лоскутнымъ продавцомъ,

стоявшимъ насупротивъ его, также у дверей сьоей лавочкы, и, наконецъ, вспомнивъ, что у него въ лавкѣ есть покупатель, оборотился къ народу спиной и отправился внутрь ея.—«Что, батюшка, выбрали что-нибудь?» Но художникъ уже стоялъ нѣсколько времени неподвижно передъ однимъ портретомъ въ огромныхъ, когда-то великолѣпныхъ рамкахъ, но на которыхъ чуть блестѣли теперь слѣды позолоты.

Это былъ старикъ съ лицомъ бронзового цвѣта, склонистымъ, чахлымъ; черты лица, казалось, были схвачены въ минуту судорожнаго движенія и отзывались не съверною силой: пламенный полдень былъ запечатленъ въ нихъ. Онъ былъ драпированъ въ широкій азіатскій костюмъ. Какъ ни былъ поврежденъ и запыленъ портретъ, но когда удалось ему счистить съ лица пыль, онъ увидѣлъ слѣды работы высокаго художника. Портретъ, казалось, былъ неконченъ; но сила кисти была разительна. Необыкновеніе всего было глаза: казалось, въ нихъ употребилъ всю силу кисти и все тщаніе свое художникъ. Они, просто, глядѣли, глядѣли даже изъ самаго портрета, какъ будто разрушая его гармонію своею странною живостью. Когда поднесъ онъ портретъ къ дверямъ—еще сильнѣе глядѣли глаза. Почти то же впечатлѣніе произвели они и въ народѣ. Женщина, остановившася позади его, вскрикнула: «Глядитъ, глядитъ!» и попятилась назадъ. Что-то непріятное, непонятное самому себѣ почувствовала онъ и поставилъ портретъ на землю.

«А что-жъ, возьмите портретъ!» сказалъ хозяинъ.

«А сколько?» сказали художникъ.

«Да что за него дорожиться? три четвертака давайте!»

«Нѣть».

«Ну, да что-жъ дадите?».

«Двугривенный», сказали художникъ, готовясь итти.

«Экъ цѣну какую завернули! да за двугривенный одной рамки не купишь! Видно, завтра собираетесь купить? Господинъ, господинъ, воротитесь! гривенничекъ хоть прикиньте. Возьмите, возьмите, давайте двугривенный. Право, для почину только; вотъ только, что первый покупатель». За симъ онъ сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто бы говоривши: «Такъ ужъ и быть, пропадай картина!»

Такимъ образомъ Чартковъ совершиенно неожиданно купилъ старый портретъ и въ то же время подумалъ: «Зачѣмъ я его купилъ? на что онъ мнѣ?» Но дѣлать было нечего.

Онъ выпустилъ изъ кармана двугривенный, отдать хозяину, взялъ портретъ подъ мышку и потащилъ его съ собою. Дорогою онъ вспомнилъ, что двугривенный, который онъ отдалъ, былъ у него послѣдній. Мысли его вдругъ омрачились; досада и равнодушная пустота обняли его въ ту же минуту. «Чортъ побери! гадко на свѣтѣ!» сказалъ онъ съ чувствомъ русскаго, у котораго дѣла плохи. И почти машинально шелъ скорыми шагами, полный безчувствія ко всему. Красный свѣтъ вечерней зари оставался еще на половинѣ неба, еще дома, обращенные къ той сторонѣ, чутъ озарялись ея теплымъ свѣтомъ; а между тѣмъ уже холодное спневатое сіянье мѣсяца становилось сильнѣе. Полупрозрачныя легкія тѣни хвостами падали на землю, отбрасываемыя домами и ногами пѣшеходцевъ. Уже художникъ начинать мало-по-малу заглядываться на небо, озаренное какимъ-то прозрачнымъ, тонкимъ, сомнительнымъ свѣтомъ, и почти въ одно время излетали изъ устъ его слова: «Какой легкій тонъ!» и слова: «Досадно, чертъ побери!» и онъ, поправляя портретъ, безпрестанно сѣжившій изъ-подъ мышки, ускорялъ шагъ.

Усталый и весь въ поту, дотащился онъ къ себѣ въ пятнадцатую линію, на Васильевскій островъ. Съ трудомъ и съ отышкой взобрался онъ по лѣстницѣ, облитой помоями и украшенной стѣдами кошекъ и собакъ. На стукъ его въ дверь не было никакого отвѣта: человѣка не было дома. Онъ прислонился къ окну и расположился ожидать терпѣливо, пока не раздались, наконецъ, позади его, шаги парня въ синей рубахѣ, его приспѣщика, натурища, краскотерщика и выметателя половъ, начавшаго ихъ тутъ же своими сапогами. Парень назывался Никитою и проводилъ все время за воротами, когда барина не было дома. Никита долго силился попасть ключомъ въ замочную дырку, вовсе незамѣтную по причинѣ темноты. Наконецъ, дверь была отперта. Чартковъ вступилъ въ свою переднюю, нестерпимо холодную, какъ всегда бываетъ у художниковъ, чего, впрочемъ, они не замѣчаютъ. Не отдавая Никитѣ шинели, онъ вошелъ въ неѣ въ свою студію — квадратную комнату, большую, но низенькую, съ мерзнувшими окнами, уставленную всякимъ художескимъ хламомъ: кусками гипсовыхъ рукъ, рамками, обтянутыми холстомъ, эскизами, начатыми и брошенными, драпировкой, развѣненной по

стульямъ. Онъ усталъ сильно, скинуль шинель, поставилъ разсѣянно принесенный портретъ между двухъ небольшихъ холстовъ и бросился на узкій диванчикъ, о которомъ нельзя было сказать, что онъ обтянутъ кожею, потому что рядъ мѣдныхъ гвоздиковъ, когда-то прикреплявшихъ ее, давно уже остался самъ по себѣ, а кожа осталась тоже сверху сама по себѣ, такъ что Никита засовывалъ подъ нее черные чулки, рубашки и все немытое бѣлье. Посидѣвъ и разлегшись, сколько можно было разлечься на этомъ узенькомъ диванѣ, онъ, наконецъ, спросилъ свѣчу.

«Свѣчи нѣтъ», сказаль Никита.

«Какъ — нѣтъ?»

«Да вѣдь и вчера еще не было», сказаль Никита. Художникъ вспомнилъ, что действительно и вчера еще не было свѣчи, успокоился и замолчалъ. Онъ далъ себя раздѣлть и падѣлть свой, крѣпко и сильно заношенный, халать.

«Да вотъ еще, хозяинъ былъ», сказаль Никита.

«Ну, приходить за деньгами? Знаю», сказаль художникъ, махнувъ рукой.

«Да онъ не одинъ приходитъ», сказаль Никита.

«Съ кѣмъ же?»

«Не знаю, съ кѣмъ... какой-то квартальный».

«А квартальный зачѣмъ?»

«Не знаю, зачѣмъ; говорить, затѣмъ, что за квартиру неплачено».

«Ну, чтѣ-жъ изъ того выйдетъ?»

«Я не знаю, чтѣ выйдетъ; онъ говорилъ: «Коли не хочеть, такъ пусть, говорить, сѣѣжаеть съ квартиры». Хотѣли завтра еще притти оба».

«Пусть ихъ приходятъ», сказаль съ грустнымъ равнодушiemъ Чартковъ. И ненастное расположение духа овладѣло имъ вполнѣ.

Молодой Чартковъ былъ художникъ съ талантомъ, пророчившимъ многое: всыпками и мгновенными, его кисть отзывалась наблюдательностью, соображенiemъ,шибкимъ порывомъ приблизиться къ природѣ. «Смотри, братъ», говорилъ ему не разъ его профессоръ: «у тебя есть талантъ; грѣшно будетъ, если ты его погубишь; но ты нетерпѣшъ; тебя одно что-нибудь заманишь, одно что-нибудь тебѣ полюбится—ты имъ занятъ, а прочее у тебя дрянь, прочее тебѣ ни по чемъ, ты ужъ и глядѣть на него не хочешь.

Смотри, чтобы изъ тебя не вышелъ модный живописецъ: у тебя и теперь уже что-то начинаютъ слишкомъ бойко кричать краски; рисунокъ у тебя не строгъ, а подчасъ и вовсе слабъ, линія не видна; ты ужъ гоняешься за моднымъ освѣщенемъ, за тѣмъ, чтѣ бьетъ на первые глаза— смотри, какъ разъ попадешь въ аглицкой родъ. Берегись: тебя ужъ начинаетъ свѣтъ тянуть; ужъ, я вижу, у тебя иной разъ на шеѣ щегольской платокъ, шляпа съ лоскомъ... Оно заманчиво, можно пуститься писать модныя картишки и портретики за деньги; да вѣдь на этомъ губится, а не развертывается талантъ. Терпи. Обдумывай всякую работу: брось щегольство — пусть ихъ другіе набираютъ деньги, — твое отъ тебя не уйдетъ».

Профессоръ былъ отчасти правъ. Иногда нашему художнику, точно, хотѣлось кутнуть, щегольнуть, — словомъ, кое-гдѣ показать свою молодость; но при всемъ томъ онъ могъ взять надъ собою власть. Временами онъ могъ позабыть все, принявшиcь за кисть, и отрывался отъ нея не иначе, какъ отъ прекраснаго прерваннаго сна. Вкусъ его развивался замѣтно. Еще не понималъ онъ всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвиди, останавливался передъ портретами Тиціана, восхищался фламандцами. Еще потемнѣвшій обликъ, облекающій старыя картины, не весь сошелъ предъ нимъ; но онъ ужъ прозрѣвалъ въ нихъ кое-что, хотя внутренно не соглашался съ профессоромъ, чтобы стариные мастера такъ недосягаемо ушли отъ насть: ему казалось даже, что девятнадцатый вѣкъ кое въ чёмъ значительно ихъ опередилъ, что подражаніе природѣ какъ-то сдѣлалось теперь ярче, живѣе, ближе; словомъ, онъ думалъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ думаетъ молодость, уже постигшая кое-что и чувствующая это въ гордомъ внутреннемъ сознаніи. Иногда становилось ему досадно, когда онъ видѣлъ, какъ заѣзжій живописецъ, франпузъ или нѣмецъ, иногда даже вовсе не живописецъ по призванью, одной только привычной замашкой, бойкостью кисти и яркостью красокъ производилъ всеобщій шумъ и накоплялъ себѣ вмигъ денежный капиталъ. Это приходило къ нему на умъ не тогда, когда, занятый весь своей работой, онъ забывалъ и питье, и пищу, и весь свѣтъ, но тогда, когда, наконецъ, сильно приступала необходимость, когда не на что было купить кистей и красокъ, когда не-

отвязчивый хозяинъ приходилъ разъ по десяти на день требовать платы за квартиру. Тогда завидно рисовалась въ голодномъ его воображеніи участъ богача-живописца; тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ — бросить все и закутить съ горя, на зло всему. И теперь онъ почти былъ въ такомъ положеніи.

«Да, терпи, терпи!» произнесъ онъ съ досадою: «есть же, наконецъ, и терпѣнію конецъ. Терпи! а на какія деньги я буду завтра обѣдать? Взаймы вѣдь никто не дастъ. А понеси я продавать всѣ мои картины и рисунки: за нихъ мнѣ за всѣ двугривенный дадутъ. Они полезны, конечно; я это чувствую: каждая изъ нихъ была предпринята не даромъ, въ каждой изъ нихъ я что-нибудь узналъ. Да вѣдь что пользы? этюды, попытки — и все будутъ этюды, попытки, — и конца не будетъ имъ. Да и кто купить, не зная меня по имени? Да и кому нужны рисунки съ антиковъ и натурального класса, или моя неконченная любовь Психеи, или перспектива моей комнаты, или портретъ моего Никиты, хотя онъ, право, лучшіе портретовъ какого-нибудь моднаго живописца? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ? Зачѣмъ я мучусь и, какъ ученикъ, копаюсь надъ азбукой, тогда какъ могъ бы блеснуть ничѣмъ не хуже другихъ и быть такъ же, какъ они, съ деньгами?»

Произнесши это, художникъ вдругъ задрожалъ и поблѣдѣлъ: на него глядѣло, высунувшись изъ-за поставленнаго холста, чье-то судорожно искаженное лицо; два страшныхъ глаза прямо вперились въ него, какъ бы готовясь сожрать его; на устахъ написано было грозное повелѣніе молчать. Испуганный, онъ хотѣлъ вскрикнуть и позвать Никиту, который уже успѣлъ запустить въ своей передней богатырское храпѣніе; но вдругъ остановился и засмѣялся; чувство страха отлегло вмигъ: это былъ имъ купленный портретъ, о которомъ онъ позабылъ вовсе. Сіянье мѣсяца, озарившее комнату, упало и на него и сообщило ему странную живость. Онъ принялъ его разматривать и оттирать. Обмакнулъ въ воду губку, прошелъ ею по немъ нѣсколько разъ, смылъ съ него почти всю накопившуюся и набившуюся пыль и грязь, повѣсили передъ собой на стѣну и подивился еще болѣе необыкновенной работѣ: все лицо почти ожило, и глаза взглянули на него такъ, что онъ, наконецъ, вздрогнулъ и, попятившись назадъ, произнесъ изумленнымъ голо-

сомъ: «Глядитъ, глядить человѣческими глазами!» Ему пришла вдругъ на умъ исторія, слышанная имъ давно отъ своего профессора объ одномъ портретѣ знаменитаго Леонарда да-Винчи, надъ которымъ великий мастеръ трудился нѣсколько лѣтъ и все еще почиталъ его неоконченнымъ, и который, по словамъ Вазари, бытъ однако же почтенъ отъ всѣхъ за совершенѣйшее и окончаниѣйшее произведеніе искусства. Окончаніе всего были въ немъ глаза, которымъ изумлялись современники: даже малѣйшія, чутъ видныя въ нихъ, жилки были не упущенны и преданы полотну. Но здѣсь, однако же, въ этомъ, нынѣ бывшемъ передъ нимъ, портретѣ было что-то странное. Это было уже не искусство: это разрушало даже гармонію самого портрета; это были живые, это были человѣческие глаза! Казалось, какъ будто они были вырѣзаны изъ живого человѣка и вставлены сюда. Здѣсь не было уже того высокаго наслажденія, которое объемлетъ душу при взглядѣ на произведеніе художника, какъ ни ужасень взятый имъ предметъ: здѣсь было какое-то болѣзненное, томительное чувство. «Что это?» невольно вопрошалъ себя художникъ: «вѣдь это, однако же, натура, это живая натура; отчего же это странно-непріятное чувство? Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ? Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренный свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли, предстанетъ въ той дѣйствительности, какая открывается тогда, когда, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружаешься анатомическими ножомъ, разсѣкаешь его внутренность — и видишь отвратительнаго человѣка? Почему же простая, низкая природа является у одного художника въ какомъ-то свѣту — и не чувствуешь никакого низкаго впечатлѣнья; напротивъ, кажется, какъ будто насладился, и послѣ того спокойнѣе и ровнѣе все течеть и движется вокругъ тебя? И почему же та же самая природа у другого художника кажется низкою, грязною, а, между прочимъ, онъ такъ же былъ вѣрень природѣ? Но нѣть, нѣть, нѣть въ ней чего-то озаряющаго. Все равно, какъ видѣть въ природѣ: какъ онъ ни великоглѣденъ, а все недостаетъ чего-то, если нѣть на небѣ солнца».

Онъ опять подошелъ къ портрету, съ тѣмъ, чтобы разсмотрѣть эти чудные глаза, и съ ужасомъ замѣтилъ, что они точно глядѣть на него. Это уже не была копія съ натуры: это была та странная живость, которою бы озарилось лицо мертвѣца, вставшаго изъ могилы. Свѣтъ ли мѣсяца, несущій съ собой бредь мечты и облекающій все въ иные образы, противоположные положительному дню, или что другое было причиною тому,—только ему сдѣлалось вдругъ, неизвѣстно отчего, страшно сидѣть одному въ комнатѣ. Онъ тихо отошелъ отъ портрета, отворотился въ другую сторону и старался не глядѣть на него, а между тѣмъ глазъ невольно, самъ собою, косясь, окидывалъ его. Наконецъ, ему сдѣлалось даже страшно ходить по комнатѣ: ему казалось, какъ будто сей же часть кто-то другой станетъ ходить позади его,—и всякий разъ робко оглядывался онъ назадъ. Онъ не былъ никогда трусливъ; но воображеніе и нерви его были чутки, и въ этотъ вечеръ онъ самъ не могъ истолковать себѣ своей невольной боязни. Онъ сѣлъ въ углочекъ, но и здѣсь казалось ему, что кто-то вотъ-вотъ взглянетъ черезъ плечо къ нему въ лицо. Самое храпѣніе Никиты, раздававшееся изъ передней, не прогоняло его боязни. Онъ, наконецъ, робко, не подымая глазъ, поднялся съ своего мѣста, отправился къ себѣ за ширмы и легъ въ постель. Сквозь щелки въ ширмахъ онъ видѣлъ освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза еще страшнѣе, еще значительнѣе вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тѣгостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приближаясь къ портрету, закуталъ его всего.

Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойнѣе, сталъ думать о бѣдности и жалкѣ судьбы художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щелку ширмы на закутанный простынею портретъ. Сіянье мѣсяца усиливало бѣлизну простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстину. Со страхомъ впериль онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это вздоръ. Но, наконецъ, уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видѣть, видѣть ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открыть весь и глядѣть, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо въ

него, — глядить, просто, къ нему во-внутрь... У него захолонуло сердце. И видеть: стариикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выныгнулъ изъ рамы... Сквозь щелку ширмъ видны были уже однѣ только пустыя рамы. По комнатѣ раздался стукъ шаговъ, который, наконецъ, становился ближе и ближе къ ширмамъ. Сердце стало сильно колотиться у бѣднаго художника. Съ занявшимся отъ страха дыханьемъ, онъ ожидалъ, что вотъ-вотъ глянетъ къ нему за ширмы стариикъ. И вотъ онъ глянулъ, точно, за ширмы, съ тѣмъ же бронзовымъ лицомъ и повода большими глазами. Чартковъ силился вскрикнуть — и почувствовалъ, что у него нѣтъ голоса, силился пошевельнуться, сдѣлать какое-нибудь движенье — не движутся члены. Съ раскрытымъ ртомъ и замершимъ дыханьемъ, смотрѣть онъ на этотъ странный фантомъ высокаго роста, въ какой-то широкой азіатской рясѣ, и ждалъ, что станетъ онъ дѣлать. Стариикъ сѣлъ почти у самыхъ ногъ его и вслѣдъ затѣмъ что-то вытащилъ изъ-подъ складокъ своего широкаго платья. Это былъ мѣшокъ. Стариикъ развизалъ его и, схвативши за два конца, встряхнуль: съ глухимъ звукомъ упали на полъ тяжелые свертки, въ видѣ длинныхъ столбиковъ; каждый былъ завернутъ въ синюю бумагу и на каждомъ было выставлено: «1000 червонныхъ». Высунувъ свои длинныя, костиистыя руки изъ широкихъ рукавовъ, стариикъ началь разворачивать свертки. Золото блеснуло. Какъ ни велико было тягостное чувство и обезпамятѣвшій страхъ художника, но онъ всерился весь въ золото, глядя неподвижно, какъ оно разворачивалось въ костиистыхъ рукахъ, блестѣло, звенѣло тонко и глухо, и заворачивалось вновь. Тутъ замѣтилъ онъ одинъ свертокъ, откатившійся подальше отъ другихъ къ самой ножкѣ его кровати, въ головахъ у него. Почти судорожно схватилъ онъ его и, полный страха, смотрѣлъ, не замѣтить ли стариикъ. Но стариикъ бытъ, казалось, очень занятъ; онъ собралъ всѣ свертки свои, уложилъ ихъ снова въ мѣшокъ и, не взглянувшись на него, ушелъ за ширмы. Сердце билось сильно у Чарткова, когда онъ услышалъ, какъ раздавался по комнатѣ шелестъ удалившихся шаговъ. Онъ сжималъ покрѣпче свертокъ въ своей руцѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ за него, — и вдругъ услышалъ, что шаги вновь приближаются къ ширмамъ — видно, стариикъ

вспомнилъ, что недоставало одного свертка. И вотъ—онъ глянулъ къ нему вновь за ширмы. Полный отчаянія, художникъ стиснулъ всею силою въ рукѣ своей свертокъ, употребилъ все усилие сдѣлать движенье, вскрикнулъ— и проснулся.

Холодный потъ облилъ его всего; сердце его билось такъ сильно, какъ только можно было биться; грудь была стѣснена, какъ будто хотѣло улетѣть изъ нея послѣднее дыханье. «Неужели это былъ сонъ?» сказаъ онъ, взявши себя обѣими руками за голову. Но страшная живость явленья не была похожа на сонъ. Онъ видѣлъ, уже пробудившись, какъ старикъ ушелъ въ рамки, мелькнула даже пола его широкой одежды, и рука его чувствовала ясно, что держала за минуту предъ симъ какую-то тяжесть. Свѣтъ мѣсяца озарилъ комнату, заставляя выступать изъ темныхъ угловъ ея—гдѣ холстъ, гдѣ гипсовую руку, гдѣ оставленную на стулѣ драпировку, гдѣ панталоны и нечищенные сапоги. Тутъ только замѣтилъ онъ, что не лежитъ въ постели, а стоить на ногахъ прямо передъ портретомъ. Какъ онъ добрался сюда—ужъ этого никакъ не могъ онъ понять. Еще болѣе изумило его, что портретъ былъ открытъ весь, и простины на немъ, дѣйствительно, не было. Съ неподвижнымъ страхомъ глядѣлъ онъ на него и видѣлъ, какъ прямо вперились въ него живые человѣческие глаза. Холодный потъ выступилъ на лицѣ его; онъ хотѣлъ отойти, но чувствовалъ, что ноги его какъ будто приросли къ землѣ. И видѣтъ онъ,—это уже не сонъ,—черты старика двинулись, и губы его стали вытягиваться къ нему, какъ будто бы хотѣли его высосать... Съ воплемъ отчаянья отскочилъ онъ— и проснулся.

«Неужели и это былъ сонъ?» Съ бьющимся на разрывъ сердцемъ ощущалъ онъ руками вокругъ себя. Да, онъ лежитъ на постели, въ такомъ точно положеніи, какъ заснулъ. Предъ нимъ ширмы; свѣтъ мѣсяца наполнялъ комнату. Сквозь щель въ ширмахъ видѣлъ быть портретъ, закрытый, какъ стѣдуется, простиною, такъ, какъ онъ самъ закрылъ его. Итакъ, это былъ тоже сонъ! Но скатая рука еще чувствуетъ, какъ будто бы въ ней что-то было. Біенѣе сердца было сильно, почти страшно; тягость въ груди невыносимая. Онъ вперилъ глаза въ щель и пристально глядѣлъ на простиною. И вотъ видѣть ясно, что простины начинаетъ рас-

крываться, какъ будто бы подъ нею баражтались руки и силились ее сбросить. «Господи, Боже мой, чтѣ это!» вскрикнулъ онъ, крестясь отчаянно,—и проснулся.

И это былъ также сонъ! Онъ вскочилъ съ постели, полумный, обезпамятѣвши, и уже не могъ изъяснить, чтѣ это съ нимъ дѣлается: давленье ли кошмара, или домового, бредъ ли горячки, или живое видѣніе. Стараясь утишить сколько-нибудь душевное волненіе и расколыхавшуюся кровь, которая билась наизженнымъ пульсомъ по всѣмъ его жиламъ, онъ подошелъ къ окну и открылъ форточку. Холодный пахнущий вѣтеръ оживилъ его. Лунное сіяніе лежало все еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя не большія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо: изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжанье дрожащего извозчика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спаль, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджигая запоздалаго сѣдока. Долго глядѣть онъ, высунувши голову въ форточку. Уже на небѣ рождались признаки приближающейся зари; наконецъ, почувствовалъ онъ дремоту, захлопнула форточку, отошелъ прочь, легъ въ постель и скоро заснуль, какъ убитый, самымъ крѣпкимъ сномъ.

Проснулся онъ очень поздно и почувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угары: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло: непріятная мокрота съялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами или нагрунтованнымъ холстомъ. Пасмурный, недовольный, какъ мокрый пѣтухъ, усѣлся онъ на свое мѣсто оборванномъ диванѣ, не зная самъ, за что приняться, чтѣ дѣлать, и вспомнилъ, наконецъ, весь свой сонъ. По мѣрѣ припоминанья, сонъ этотъ представлялся въ его воображеніи такъ тягостно-живъ, что онъ даже сталъ подозрѣвать, точно ли это былъ сонъ и простой бредъ, не было ли здѣсь чего-то другого, не было ли это видѣніе. Сдернувшись простынью, онъ разсмотрѣлъ при дневномъ свѣтѣ этотъ странный портретъ. Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего онъ не находилъ въ нихъ особенно страшаго; только какъ будто какое-то неизъяснимое, непріятное чувство оставалось на душѣ. При всемъ томъ онъ все-таки не могъ совершенно увѣриться, чтобы это былъ сонъ. Ему казалось, что среди сна были какои-то странный отрывокъ

изъ дѣйствительности. Казалось, даже въ самомъ взглѣдѣ и выраженіи старика какъ будто что-то говорило, что онъ былъ у него эту ночь; рука его чувствовала только-что лежавшую въ ней тяжесть, какъ будто бы кто-то, за одну только минуту предъ симъ, ее выхватилъ у него. Ему казалось, что если бы онъ держать только покрѣпче свертокъ, онъ, вѣрно, остался бы у него въ рукѣ и послѣ пробужденія.

«Боже мой! если бы хотя часть этихъ денегъ!» сказаъ онъ, тяжело вздохнувши. И въ воображеніи его стали высыпаться изъ мѣшка всѣ видѣнныя имъ свертки съ заманчивой надписью: «1000 червонныхъ». Свертки разворачивались, золото блестѣло, заворачивалось вновь— и онъ сидѣлъ, уставивши неподвижно и безсмысленно свои глаза въ пустой воздухъ, не будучи въ состояніи оторваться отъ такого предмета, какъ ребенокъ, сидящій предъ сладкимъ плодомъ и видяющій, глотая слонки, какъ ёдятъ его другіе.

Наконецъ, у дверей раздался стукъ, заставившій его не-пріятно очнуться. Вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ, какъ известно, еще непріятнѣе, чѣмъ для богатыхъ лицо просителя. Хозяинъ небольшого дома, въ которомъ жилъ Чартковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ, гдѣ-нибудь въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны,—творенье, какихъ много на Руси и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цветъ изношенаго сюртука. Въ молодости своей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣть, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слился въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ, уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался, любилъ только пить чай и болтать заnimъ всякой вадоръ; ходилъ по комнатѣ, поправляясь сальныи огарокъ; аккуратно, по истечениіи каждого мѣсяца, навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу, съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотретьъ на крышу своего дома; выгонялъ не-сколько разъ дворника изъ его конуры, куда тотъ запрягался спать: однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ,

которому, послѣ всей забубеной жизни и тряски на перекладныхъ, остаются однѣ пошлыхъ привычки.

«Извольте сами глядѣть, Варухъ Кузьмичъ», сказаъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставивъ руки: «вотъ не платить за квартиру, не платить».

«Что-жъ, если нѣтъ денегъ? Подождите, я заплачу».

«Миѣ, батюшка, ждать нельзя», сказаъ хозяинъ въ-сердцахъ, дѣлая жестъ ключомъ, который держаъ въ рукѣ: «у меня вотъ Потоцкій, полковникъ, живеть, семь лѣтъ ужъ живеть; Анна Петровна Бухмистерова и сарай, и конюшню нанимаеть на два стойла, три при ней дворовыхъ человѣка—вотъ какіе у меня жильцы! У меня, сказать вамъ откровенно, нѣтъ такого заведенія, чтобы не платить за квартиру. Извольте сей же часъ заплатить деньги, да и сѣѣжать вонъ».

«Да, ужъ если порядились, такъ извольте платить», сказаъ квартальный надзиратель съ небольшимъ потряхиваньемъ головы и заложивъ палецъ за пуговицу своего мундира.

«Да чѣмъ платить? вопросъ. У меня нѣтъ теперь ни гропа».

«Въ такомъ случаѣ, удовлетворите Ивана Иваловича из-дѣльями своей профессіи», сказаъ квартальный: «онъ, можетъ-быть, согласится взять картинами».

«Нѣть, батюшка, за картины спасибо. Добро бы были картины съ благороднымъ содержаніемъ, чтобы можно было на стѣну повѣсить: хоть какой-нибудь генераль со звѣздой, или князя Кутузова портретъ; а то вонъ мужика нарисовалъ, мужика въ рубахѣ, слуги-то, чтѣ третъ краски. Еще съ него, свиньи, портретъ рисовать! Ему я шею наколочу: онъ у меня всѣ гвозди изъ задвижекъ повыдергалъ, мошенникъ. Вотъ посмотрите, какіе предметы: вотъ комнату рисуетъ. Добро бы ужъ взялъ комнату прибранныю, опрятную; а онъ вонъ какъ нарисовалъ ее, со всѣмъ соромъ и дрягомъ, какой ни валялся. Вотъ, посмотрите, какъ запакостилъ у меня комнату; извольте сами видѣть. Да у меня по семи лѣтъ живутъ жильцы, полковники, Бухмистерова Анна Петровна... Нѣть, я вамъ скажу: нѣть хуже жильца, какъ живописецъ: свинья-свинье живеть, просто—не приведи Богъ».

И все это долженъ былъ выслушать терпѣливо бѣдный живописецъ. Квартальный надзиратель между тѣмъ занялся разсматриваньемъ картинъ и этюдовъ, и тутъ же показалъ,

что у него душа живъе хозяйской и даже была не чужда художественнымъ впечатлѣніямъ.

«Хе», сказаль онъ, тыкнувъ пальцемъ на одинъ холстъ, гдѣ была изображена нагая женщина: «предметъ, того... игривый... А у этого зачѣмъ подъ носомъ черно? табакомъ, что ли, онъ себѣ гасыпалъ?»

«Тѣнь», отвѣчалъ на это сурово и не обращая на него глазъ Чартковъ.

«Ну, ее бы можно куда-нибудь въ другое мѣсто отнести, а подъ носомъ слишкомъ видное мѣсто», сказаль квартальный. «А это чей портретъ?» продолжаль онъ, подходя къ портрету старика. «Ужъ страшенъ слишкомъ. Будто онъ въ самомъ дѣлѣ быть такой страшный? Ахти, да онъ, просто, глядить! Эхъ, какой Громобой! Съ кого вы писали?»

«А, это съ одного...» сказаль Чартковъ, и не кончилъ слова: послышался трескъ. Квартальный пожалъ, видно, слишкомъ крѣпко рамку портрета, благодаря топорному устройству полицейскихъ рукъ своихъ; боковыя дощечки вломились внутрь; одна упала на полъ, и вмѣстѣ съ нею упаль, тяжело звякнувъ, свертошь въ спицѣ бумагъ. Чарткову бросилась въ глаза надпись: «1000 червонныхъ». Какъ безумный, бросился онъ поднять его, схватилъ свертокъ, скажъ его судорожно въ руки, опустившейся внизъ отъ тяжести.

«Никакъ деньги зазвенѣли?» сказаль квартальный, услышавший стукъ чего-то упавшаго на полъ и не могшій увидать его за быстротой движения, съ какою бросился Чартковъ прибрать его.

«А вамъ какое дѣло знать, чтѣ у меня есть?»

«А такое дѣло, что вы сейчасъ должны заплатить хозяину за квартиру, что у васъ есть деньги, да вы не хотите платить—вотъ, что».

«Ну, я заплачу ему сегодня».

«Ну, а зачѣмъ же вы не хотѣли заплатить прежде, да доставляете беспокойство хозяину, да вотъ и полицію тоже тревожите?»

«Потому что этихъ денегъ мнѣ не хотѣлось трогать. Я ему сегодня же ввечеру все заплачу и сѣду съ квартиры завтра же, потому что не хочу оставаться у такого хозяина».

«Ну, Иванъ Ивановичъ, онъ вамъ заплатить», сказаль квартальный, обращаясь къ хозяину. «А если насчетъ того, что вы не будете удовлетворены, какъ слѣдуетъ, сегодня

ввечеру, тогда ужъ извините, господинъ живописецъ». Сказавши это, онъ надѣлъ свою треугольную шляпу и вышелъ въ сѣни, а за нимъ хозяинъ, держа внизъ голову и, какъ казалось, въ какомъ-то раздумыи.

«Слава Богу, чортъ ихъ унесъ!» сказалъ Чартковъ, когда услышалъ затворившуюся въ передней дверь. Онъ выглянуль въ переднюю, услалъ за чѣмъ-то Никиту, чтобы быть совершенно одному, заперъ за нимъ дверь и, возвратившись къ себѣ въ комнату, принялъся, съ сильнымъ сердечнымъ трепетомъ, разворачивать свертокъ. Въ немъ были червонцы, всѣ до одного новые, жаркие, какъ огонь. Почти обезумѣвъ, сидѣлъ онъ за золотою кучею, все еще спрашивая себя: «Не во снѣ ли все это?» Въ сверткѣ было ровно ихъ тысяча; наружность его была совершенно такая, въ какой они видѣлись ему во снѣ. Нѣсколько минутъ онъ перебиралъ ихъ, пересматривалъ, и все еще не могъ притти въ себя. Въ воображеніи его воскресли вдругъ всѣ исторіи о кладахъ, шкатулкахъ съ потаенными ящиками, оставляемыхъ предками для своихъ разорившихся внуковъ, въ твердой увѣренности на будущее ихъ промотавшееся положеніе. Онъ мыслилъ такъ: «Не придумалъ ли и теперь какой-нибудь дѣдушка оставить своему внуку подарокъ, заключивъ его въ рамку фамильного портрета?» Полный романического бреда, онъ сталь даже думать: нѣть ли здѣсь какой-нибудь тайной связи съ его судбою? не связано ли существованье портрета съ его собственнымъ существованьемъ, и самое приобрѣтеніе его не есть ли уже какое-то предопределѣніе? Онъ принялъся съ любопытствомъ разматривать рамку портрета. Въ одномъ боку ся былъ выдолбленный желобокъ, задвинутый дощечкой такъ ловко и непримѣтно, что если бы капитальная рука квартального надзирателя не произвела пролома, червонцы остались бы до скончанья вѣка въ покой. Разматривая портретъ, онъ подивился вновь высокой работѣ, необыкновенной отѣлкѣ глаzier: они уже не казались ему страшными, но все еще въ душѣ оставалось всякий разъ какое-то невольно-непріятное чувство. «Нѣть», сказалъ онъ самъ въ себѣ: «чей бы ты ни былъ дѣдушка, а я тебя поставилъ за стекло и сѣдаю тебѣ за это золотыя рамки». Здѣсь онъ набросилъ руку на золотую кучу, лежавшую предъ нимъ, и сердце забилось сильно отъ такого прикосновенія. «Что съ ними дѣлать?» думалъ онъ, уставивъ

на нихъ глаза. «Теперь я обеспеченъ по крайней мѣрѣ на три года: могу запереться въ комнату, работать. На краски теперь у меня есть; на обѣдъ, на чай, на содержанье, на квартиру — есть; мѣшать и надоѣдать мнѣ теперь никто не станетъ. Куплю себѣ отличный манкенъ, закажу гипсовый торсикъ, сформую ножки, поставлю Венеру, накуплю гравюру съ первыхъ картинъ. И если поработаю три года для себя, не торопясь, не на продажу, я зашибу ихъ всѣхъ, и могу быть славнымъ художникомъ».

Такъ говорилъ онъ заодно съ подсказывавшимъ ему разсудкомъ; но изнутри раздавался другой голосъ, слышнѣе и звонче. И какъ взглянуль онъ еще разъ на золото — не то заговорили въ немъ 22 года и горячая юность. Теперь въ его власти было все то, на что онъ глядѣлъ доселъ завистливыми глазами, чѣмъ любовался издали, глотая слюнки. Ухъ, какъ въ немъ забилось ретивое, когда онъ только подумалъ о томъ! Одѣться въ модный фракъ, разговѣться послѣ долгаго поста, нанять себѣ славную квартиру, отправиться тотъ же часъ въ театръ, въ кондитерскую, въ..... и прочее — и онъ, схвативши деньги, былъ уже на улицѣ.

Прежде всего зашелъ къ портному, одѣлся съ ногъ до головы и, какъ ребенокъ, сталъ осматривать себя безпрестанно; накупилъ духовъ, помады, нанялъ, не торгуясь, первую попавшуюся великолѣпнѣйшую квартиру на Невскомъ проспектѣ, съ зеркалами и цѣльными стеклами; купилъ нечаянно въ магазинѣ дорогой лорнетъ, нечаянно накупилъ тоже бездну всякихъ галстуковъ, болѣе чѣмъ было нужно, завилъ у парикмахера себѣ локоны, прокатился два раза по городу въ каретѣ безъ всякой причины, обѣѣлся безъ мѣры конфектъ въ кондитерской и зашелъ къ ресторану французу, о которомъ доселъ слышать такие же неясные слухи, какъ о китайскомъ государствѣ. Тамъ онъ обѣдалъ, подбоченившись, бросая довольно гордые взгляды на другихъ и поправляя безпрестанно противъ зеркала завитые локоны. Тамъ онъ выпилъ бутылку шампанскаго, которое тоже доселъ было ему знакомо болѣе по слуху. Вино несолько зашумѣло въ головѣ, и онъ вышелъ на улицу живой, бойкій, по русскому выражению — «чорту не братъ». Прошелся по тротуару гоголемъ, паводя на всѣхъ лорнетъ. На мосту замѣтилъ онъ своего прежняго профессора и шмыгнулъ лихо мимо его, какъ будто бы не замѣтивъ его вовсе, такъ что

остолбенъвий профессоръ долго еще стоялъ неподвижно на мосту, изобразивъ вопросительный знакъ на лицѣ своеемъ.

Всѣ вещи и все, что ни было: станокъ, холсты, картины, были въ тотъ же вечеръ перевезены на великолѣпную квартиру. Онъ разставилъ, чтѣ было получше, на видныя мѣста, чтѣ похуже—забросилъ въ уголь, и расхаживать по великолѣпнымъ комнатамъ, безпрестанно поглядывая въ зеркала. Въ душѣ его возродилось желанье непреоборимое схватить славу сей же часть за хвостъ и показать себя свѣту. Уже чудились ему крики: «Чартковъ, Чартковъ! Видали ли вы картину Чарткова? Какая быстрая кисть у Чарткова! Какой сильный талантъ у Чарткова!» Онъ ходилъ въ восторженномъ состояніи у себя по комнатѣ и уносился нивѣсть куда. На другой же день, взявши десятокъ червонцевъ, отправился отъ къ одному издателю ходячей газеты, прося великодушной помощи; быть принятъ радушно журналистомъ, назвавшимъ его тотъ же часъ «почтеннѣйшій», пожавшимъ ему обѣ руки, разспросившимъ подробно обѣ имени, отчество, мѣстѣ жительства, и на другой же день появилась въ газетѣ, вслѣдъ за объявленіемъ о новоизобрѣтенныхъ сальныхъ свѣчахъ, статья съ такимъ заглавіемъ: «О необыкновенныхъ талантахъ Чарткова». «Спѣшишь обрадовать образованныхъ жителей столицы прекраснымъ, можно сказать, во всѣхъ отношеніяхъ пріобрѣтеніемъ. Всѣ согласны въ томъ, что у насъ есть много прекраснѣйшихъ физиognомій и прекраснѣйшихъ лицъ; но не было до сихъ поръ средства передать ихъ на чудотворный холстъ, для передачи потомству. Теперь недостатокъ этотъ пополненъ: отыскался художникъ, соединяющій въ себѣ все, чтѣ нужно. Теперь красавица можетъ бытьувѣрена, что она будетъ передана со всей граціей своей красоты, воздушной, легкой, очаровательной, пріятной, чудесной, подобной мотылькамъ, порхающимъ по весеннимъ цвѣткамъ. Почтенный отецъ семейства увидитъ себя окруженнымъ всей своей семьей. Купецъ, воинъ, гражданинъ, государственный мужъ—всякій съ новой ревностью будетъ продолжать свое почище. Спѣшишь, спѣшишь, заходите съ гулянья, съ прогулки, предпринятой къ пріятелю, къ кузинѣ, въ блестящій магазинъ, спѣшишь, откуда бы ни было. Великолѣпная мастерская художника (Невскій проспектъ, такой-то номеръ) уставлена вся портретами его кисти, достойной Вандиковъ и Тиціа-

новъ. Не знаешь, чмю удивляться: вѣрности ли и сходству съ оригиналами, или необыкновенной яркости и свѣжести кисти. Хвала вамъ, художникъ! вы вынули счастливый билетъ изъ лотереи. Вивать, Андрей Петровичъ! (журналистъ, какъ видно, любилъ фамильярность). Прославляйте себя и насъ. Мы умѣемъ цѣнить васъ. Всеобщее стечеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и деньги,—хотя нѣкоторые изъ нашей же браты, журналистовъ, и возстаютъ противъ нихъ,—будутъ вамъ наградою».

Съ тайнымъ удовольствиемъ прочиталъ художникъ это объявление; лицо его просияло. О немъ заговорили печатно—это было для него новостью: нѣсколько разъ перечитывалъ онъ строки. Сравненіе съ Вандикомъ и Тиціаномъ ему сильно польстило. Фраза: «Вивать, Андрей Петровичъ!» также очень понравилась: печатнымъ образомъ называютъ его по имени и по отчеству—честь, донынѣ ему совершенно не известная. Онъ началъ ходить скоро по комнатѣ, ерошить себѣ волосы, то садился въ кресла, то вскакивалъ съ нихъ и садился на диванъ, представляя поминутно, какъ онъ будетъ принимать посѣтителей и посѣтительницъ, подходилъ къ холсту и производилъ надъ нимъ лихую замашку кисти, пробуя сообщить граціозныя движенія рукъ.

На другой день раздался колокольчикъ у дверей его; онъ побѣжалъ отворять. Вошла дама, сопровождаемая лакеемъ въ ливрѣйной шинели на мѣху, и вмѣстѣ съ дамой вошла молоденькая восемнадцатилѣтняя дѣвица, дочь ся.

«Вы мсьѣ Чартковъ?» сказала дама.

Художникъ поклонился.

«Обѣ васъ столько пишуть; ваши портреты, говорятъ, верхъ совершенства». Сказавши это, дама наставила на глазъ свой лорнетъ и побѣжала быстро осматривать стѣны, на которыхъ ничего не было. «А гдѣ же ваши портреты?»

«Вынесли», сказаль художникъ, нѣсколько смѣшившись: «я только-что перебѣхаль на эту квартиру, такъ они еще въ дорогѣ... не доѣхали».

«Вы были въ Италии?» сказала дама, наводя на него лорнетъ, не найдя ничего другого, на что бы можно было навестъ его.

«Нѣть, я не былъ, но хотѣлъ быть... Впрочемъ, теперь покамѣстъ я отложилъ... Вотъ кресла-съ; вы устали?..»

«Благодарю, я сидѣла долго въ каретѣ. А, вонъ, нако-

нецъ, вижу вашу работу!» сказала дама, побежавъ къ супротивной стѣнѣ и наводя лорнетъ на стоявшіе на полу его этюды, программы, перспективы и портреты. «C'est charmant, Lise! Lise, venez ici. Комната во вкусѣ Тенъера. Видишь? беспорядокъ, беспорядокъ, столъ, на немъ бюстъ, рука, палитра; вонъ пыль... видишь, какъ пыль нарисована! C'est charmant! А вонъ на другомъ холстѣ женщина, моющая лицо — quelle jolie figure! Ахъ, мужичокъ! Lise, Lise! мужичокъ въ русской рубашкѣ! смотри: мужичокъ! Такъ вы занимаетесь не одними только портретами?»

«О, это вздоръ... такъ, шалиль... этюды...»

«Скажите, какого вы мнѣнія насчетъ нынѣшнихъ портретистовъ? Не правда ли, теперь нѣть такихъ, какъ былъ Тиціанъ? Нѣть той силы въ колоритѣ, нѣть той... какъ жаль, что я не могу вамъ выразить по-русски (дама была любительница живописи и обѣгала съ лорнетомъ всѣ галереи въ Италии). Однако, мсьё Ноль... ахъ, какъ онъ пишетъ! какая необыкновенная кисть! Я нахожу, что у него даже больше выраженія въ лицахъ, нежели у Тиціана. Вы не знаете мсьё Ноля?»

«Кто этотъ Ноль?» спросилъ художникъ.

«Мсьё Ноль. Ахъ, какой талантъ! онъ написалъ съ пея портретъ, когда ей было только двѣнадцать лѣтъ. Нужно, чтобы вы непремѣнно у насъ были. Lise, ты ему покажи свой альбомъ. Вы знаете, что мы приѣхали съ тѣмъ, чтобы сей же часъ начали съ нея портретъ».

«Какъ же, я готовъ сю минути». И въ одно мгновеніе придинулъ онъ станокъ съ готовымъ холстомъ, взялъ въ руки палитру, вперилъ глаза въ блѣдное лицико дочери. Если бы онъ былъ знатокъ человѣческой природы, онъ прочелъ бы на немъ въ одну минуту начало ребяческой страсти къ баламъ, начало тоски и жалобъ на длину времени до обѣда и послѣ обѣда, желанья побѣгать въ новомъ платьѣ на гуляньяхъ, тяжелые слѣды безучастнаго прилежанія къ разнымъ искусствамъ, внушенаго матерью для возвышенія души и чувствъ. Но художникъ видѣлъ въ этомъ нѣжномъ лицикѣ одну только заманчивую для кисти, почти фарфорную прозрачность тѣла, увлекательную легкую томность, тонкую свѣтлую шейку и аристократическую легкость стана. И уже заранѣе готовился торжествовать, показать легкость и блескъ своей кисти, имѣвшей доселѣ дѣло только съ

жесткими чертами грубыхъ моделей, съ строгими антиками и копіями кое-какихъ классическихъ мастеровъ. Онъ уже представлялъ себѣ въ мысляхъ, какъ выйдетъ это легонькое лицико.

«Знаете ли?» сказала дама съ нѣсколько даже трогательнымъ выражениемъ лица: «я бы хотѣла... на ней теперь платье; я бы, признаюсь, не хотѣла, чтобы она была въ платьѣ, къ которому мы такъ привыкли: я бы хотѣла, чтобы она была одѣта просто и сидѣла бы въ тѣни зелени, въ виду какихъ-нибудь полей, чтобы стада вдали, или роща... чтобы незамѣтно было, что она ѿдѣть куда-нибудь на балъ или модный вечеръ. Наши балы, признаюсь, такъ убиваются душу, такъ умерщвляютъ остатки чувствъ... Простоты, понимаете, чтобы было больше». (Увы! на лицахъ и матушки, и дочери написано было, что онъ до того исплясались на балахъ, что обѣ сдѣлались чуть не восковыми).

Чартковъ принялъ за дѣло, усадилъ оригиналъ, сообразилъ нѣсколько все это въ головѣ; провелъ по воздуху кистью, мысленно устанавливая пункты; прищурилъ нѣсколько глазъ, подался назадъ, взглянулъ издали, и въ одинъ часъ началъ и кончилъ подмалевку. Довольный ею, онъ принялъ уже писать; работа его завлекла; уже онъ позабылъ все, позабылъ даже, что находится въ присутствіи аристократическихъ дамъ, началъ даже выказывать иногда кое-какія художническія ухватки, произнося вслухъ разные звуки, временами подгѣвая, какъ случается съ художникомъ, погруженнымъ всюю душою въ свое дѣло. Безъ всякой перемоніи, однимъ движеньемъ кисти, заставляя онъ оригиналъ поднимать голову, который, наконецъ, началъ сильно вертѣться и выражать совершенную усталость.

«Довольно, на первый разъ довольно», сказала дама.

«Еще немножко», говорилъ позабывшийся художникъ.

«Нѣть, пора! Lise, три часа!» сказала она, вынимая маленькие часы, висѣвшіе на золотой цѣнѣ у ея кушака, и вскрикнула: «Ахъ, какъ поздно!»

«Минуточку только!» говорилъ Чартковъ простодушнымъ и просияющимъ голосомъ ребенка.

Но дама, кажется, совсѣмъ не была расположена угодить на этотъ разъ его художественнымъ потребностямъ и обѣцала, вместо того, просидѣть въ другой разъ долѣ.

«Это, однакожъ, досадно», подумалъ про себя Чартковъ:

«рука только-что расходилась». И вспомнил онъ, что его никто не перебивал и не останавливал, когда онъ работалъ въ своей мастерской на Васильевскомъ островѣ; Никита, бывало, сидѣлъ не ворохнувшись на одномъ мѣстѣ—пиши съ него, сколько угодно; онъ даже засыпалъ въ заказанномъ ему положеніи. И, недовольный, положилъ онъ свою кисть и палитру на стулъ и остановился смутно предъ холстомъ.

Комплиментъ, сказанный свѣтской дамой, пробудилъ его изъ усыпленія. Онъ бросился быстро къ дверямъ провожать ихъ; на лѣстницѣ получилъ приглашеніе бывать, притти на слѣдующей недѣль обѣдать, и съ веселымъ видомъ возвратился къ себѣ въ комнату. Аристократическая дама совершенно очаровала его. До сихъ поръ онъ глядѣть на подобные существа, какъ на что-то недоступное,—которые рождены только для того, чтобы пронестись въ великолѣпной коляскѣ съ ливрейными лакеями и щегольскимъ кучеромъ и бросить равнодушный взглядъ на бредущаго пѣшкомъ въ небогатомъ плащишкѣ человѣка. И вдругъ теперь одно изъ этихъ существъ вошло къ нему въ комнату; онъ пишетъ портретъ, приглашенъ на обѣдь въ аристократической домѣ. Довольство овладѣло имъ необыкновенное; онъ быль упоенъ совершенно и наградилъ себя за это славнымъ обѣдомъ, вечернимъ спектаклемъ, и опять проѣхался въ каретѣ по городу безъ всякой нужды.

Во всѣ эти дни обычнала работа ему не шла вовсе на умъ. Онъ только приготовлялся и ждалъ минуты, когда раздастся звонокъ. Наконецъ, аристократическая дама прїѣхала вмѣсть съ своею блѣднѣнкою дочерью. Онъ усадилъ ихъ, придинулъ холстъ, уже съ ловкостью и претензіями на свѣтскія замашки, и сталъ писать. Солнечный день и ясное освѣщеніе много помогли ему. Онъ увидѣлъ въ легонѣкомъ своемъ оригиналъ много такого, что, бывъ уловлено и передано на полотно, могло придать высокое достоинство портрету; увидѣлъ, что можно сдѣлать кое-что особенное, если выполнить все въ такой оконченности, въ какой теперь представилась ему натура. Сердце его начало даже слегка трепетать, когда онъ почувствовалъ, что выразить то, чего еще не замѣтили другіе. Работа заняла его всего; весь погрузился онъ въ кисть, позабывъ опять объ аристократическомъ происхожденіи оригинала. Съ занимавшимся дыханіемъ видѣлъ, какъ выходили у него легкія черты и

это почти прозрачное, нѣжное тѣло семнадцатилѣтней дѣвушки. Онъ ловилъ всякий отг҃нокъ, легкую желтизну, сдава замѣтную голубизну подъ глазами, и уже готовился даже схватить небольшой прыщикъ, выскочивший на лбу, какъ вдругъ услышалъ надъ собою голосъ матери: «Ахъ, зачѣмъ это? это не нужно», говорила дама: «у васъ тоже... вотъ, въ некоторыхъ мѣстахъ... какъ будто бы нѣсколько желто, и вотъ здѣсь совершенно, какъ темныя пятнышки». Художникъ сталъ изъяснять, что эти-то пятнышки и желтизна именно разыгрываются хорошо, что они составляютъ пріятные и легкіе тоны лица. Но ему отвѣчали, что они не составятъ никакихъ тоновъ и совсѣмъ не разыгрываются, и что это ему только такъ кажется. «Но позвольте здѣсь, въ одномъ только мѣстѣ, тронуть немножко желтенькой краской», сказаль простодушно художникъ. Но этого-то ему и не позволили. Объявлено было, что Lise только сегодня немножко не расположена, а что желтизны въ ней никакой не бываетъ, и лицо ея поражаетъ особенно свѣжестью краски. Съ грустью принялъ онъ изглаживать то, что кисть его заставила выступить на полотно. Исчезло много почти незамѣтныхъ чертъ, а вмѣсть съ ними исчезло отчасти и сходство. Онъ безчувственно сталъ сообщать ему тотъ общий колоритъ, который дается наизусть и обращаетъ даже лица, взятые съ натуры, въ какія-то холодно-идеальные, видимыя на ученическихъ программахъ. Но дама была довольна тѣмъ, что обидный колоритъ былъ изгнанъ вовсе. Она изъявила только удивленіе, что работа идетъ такъ долго, и прибавила, что слышала, будто онъ въ два сеанса оканчиваетъ совершенно портретъ. Художникъ ничего не нашелся на это отвѣтить. Дамы поднялись и собирались выйти. Онъ положилъ кисть, проводилъ ихъ до дверей и послѣ того долго оставался смутнымъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, передъ своимъ портретомъ.

Онъ глядѣлъ на него глупо, а въ головѣ его между тѣмъ носились тѣ легкія женственныя черты, тѣ отг҃нки и воздушные тоны, имъ подмѣченные, которые уничтожила безжалостно его кисть. Будучи весь полонъ ими, онъ отставилъ портретъ въ сторону и отыскаль у себя гдѣ-то заброшенную головку Психеи, которую когда-то давно и эскизно набросалъ на полотно. Это было личинко, ловко написанное, но совершенно идеальное, холодное, состоявшее изъ однѣхъ

общихъ чертъ, не принявши живого тѣла. Отъ нечего дѣлать, онъ теперь принялъ проходить его, припоминая на немъ все, что случилось ему подмѣтить въ лицѣ аристократической посѣтительницы. Уловленныя имъ черты, оттѣнки и тоны здѣсь ложились въ томъ очищенному видѣ, въ какомъ являются они тогда, когда художникъ, наглядѣвшись на природу, уже отделяется отъ нея и производитъ ей равное созданіе. Психея стала оживать, и едва сквозившая мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло. Типъ лица молоденькой свѣтской дѣвицы исковѣно сообщился Психеѣ, и чрезъ то получила она своеобразное выраженіе, дающее право на название истинно-оригинального произведенія. Казалось, онъ воспользовался, но частямъ и вмѣстѣ, всѣмъ, что представилъ ему оригиналъ, и привыкалъ совершенно къ своей работе. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ занятъ только ею. И за этой самой работой засталъ его прѣѣздъ знакомыхъ дамъ. Онъ не успѣлъ снять со станка картину. Обѣ дамы издали радостный крикъ изумленія и всплеснули руками.

«*Lise, Lise!* ахъ, какъ похоже! *Superbe, superbe!* Какъ хорошо вы вздумали, что одѣли ее въ греческій костюмъ! Ахъ, какой сюрпризъ!»

Художникъ не зналъ, какъ вывести дамъ изъ пріятнаго заблужденія. Совѣстясь и потупя голову, онъ произнесъ тихо: «Это Психея».

«Въ видѣ Психеи? *C'est charmant*», сказала мать, улыбнувшись, при чемъ улыбнулась также и дочь. «Не правда ли, *Lise*, тебѣ больше всего идетъ быть изображенной въ видѣ Психеи? *Quelle idée dÃ©licieuse!* Но какая работа! это Корреджъ. Признаюсь, я читала и слышала о васъ, но я не знала, что у васъ такой талантъ. Нѣтъ, вы непремѣнно должны написать также и съ меня портретъ». Дамы, какъ видно, хотѣлись тоже представить въ видѣ какой-нибудь Психеи.

«Что мнѣ съ ними дѣлать?» подумалъ художникъ. «Если онѣ сами того хотятъ, такъ пусть Психея пойдетъ за то, что имъ хочется», и произнесъ вслухъ: «Потрудитесь еще немножко присѣсть: я кое-что немножко трону».

«Ахъ, я боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не... она такъ теперь похожа».

Но художникъ понялъ, что опасенія были насчетъ желтизны, и успокоилъ ихъ, сказавъ, что онъ только придастъ

болѣе блеску и выраженія глазамъ. А по справедливости, ему было слишкомъ совѣтно и хотѣлось хотя сколько-нибудь болѣе придать сходства съ оригиналомъ, дабы не укорить его кто-нибудь въ рѣшительномъ безстыдствѣ. И точно, черты блѣдной девушки стали, наконецъ, выходить яснѣе изъ облика Психеи.

«Довольно!» сказала мать, начинавшая бояться, чтобы сходство не приблизилось, наконецъ, уже черезчуръ близко. Художникъ былъ награжденъ всѣмъ: улыбкой, деньгами, комплиментомъ, искреннимъ пожатьемъ руки, приглашеніемъ на обѣды, — словомъ, получилъ тысячу лестныхъ наградъ.

Портрѣть произвѣль по городу шумъ. Дама показала его пріятельницамъ: всѣ изумлялись искусству, съ какимъ художникъ умѣлъ сохранить сходство и вмѣстѣ съ тѣмъ придать красоту оригиналу. Послѣднее замѣчено было, разумѣется, не безъ легкой краски зависти въ лицѣ. И художникъ вдругъ былъ осажденъ работами. Казалось, весь городъ хотѣлъ у него писаться. У дверей номинутно раздавался звонокъ. Съ одной стороны, это могло быть хорошо, представляя ему безконечную практику разнообразіемъ, множествомъ лицъ. Но, на бѣду, это все былъ народъ, съ которымъ было трудно ладить, — народъ торопливый, занятый, или же принадлежащий свѣту, стало-быть, еще болѣе занятый, чѣмъ всякий другой, и потому истерпѣливый до крайности. Со всѣхъ сторонъ только требовали, чтобы было хорошо и скоро. Художникъ увидалъ, что оканчивать рѣшительно было невозможно, что все нужно было замѣнить ловкостью и быстрой бойкостью кисти, — схватывать одно только цѣлое, одно общее выраженіе и не углубляться кистью въ утонченныя подробности, — однимъ словомъ, слѣдить природу въ ея оконченностіи было рѣшительно невозможнo. Притомъ, нужно прибавить, что у всѣхъ почти писавшихся много было другихъ притязаній на разное. Дамы требовали, чтобы преимущество только душа и характерь изображались въ портретахъ, чтобы остального иногда вовсе не придерживаться, округлить всѣ углы, облегчить всѣ изъянцы, и даже, если можно, избѣжать ихъ вовсе, — словомъ, чтобы на лицо можно было засмотрѣться, если даже не совершенно влюбиться. И вслѣдствіе этого, садясь писаться, онѣ принимали иногда такія выраженія, которыхъ приводили въ изумленіе художника: та старалась изобра-

зить въ лицѣ свое меланхолію, другая мечтательность, третья, во что бы ни стало, хотѣла уменьшить ротъ и сжимала его до такой степени, что онъ обращался, наконецъ, въ одну точку, не больше будавочной головки. И, несмотря на все это, требовали отъ него сходства и непринужденной естественности. Мужчины тоже были ничѣмъ не лучше дамъ: одинъ требовалъ себя изобразить въ сильномъ энергическомъ поворотѣ головы; другой съ поднятыми кверху вдохновенными глазами; гвардейскій поручикъ требовалъ неизрѣбно, чтобы въ глазахъ виденъ былъ Марсъ; гражданская чиновникъ норовилъ такъ, чтобы побольше было прямоты и благородства въ лицѣ, и чтобы рука оперлась на книгу, на которой бы четкими словами было написано: «Всегда стоять за правду». Сначала художника бросали въ потъ таکія требованія: все это нужно было сообразить, обдумать, а между тѣмъ сроку давалось очень немногого. Наконецъ, онъ добирался, въ чемъ было дѣло, и ужъ не затруднялся никакъ. Даже изъ двухъ, трехъ словъ смекалъ виередь, кто чѣмъ хотѣлъ изобразить себя. Кто хотѣлъ Марса, онъ ему въ лицо совалъ Марса; кто мѣтилъ въ Байроны, онъ давалъ ему байроновское положеніе и поворотъ. Коринной ли, Ундиной, Аспазіей ли желали быть дамы, онъ съ большой охотой соглашался на все и прибавлялъ отъ себя уже всякому вдоволь благообразія, которое, какъ известно, никто не подгадитъ, и за чтѣ простятъ иногда художнику и самое несходство. Скоро онъ уже самъ началъ дивиться чудной быстротѣ и бойкости своей кисти. А писавшіеся, само собою разумѣются, были въ восторгѣ и провозглашали его гениемъ.

Чартковъ сдѣлался моднымъ живописцемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сталъ ъздить на обѣды, сопровождать дамъ въ галлереи и даже на гулянья, щегольски одѣваться и утверждать гласно, что художники должны принадлежать къ обществу, что нужно поддержать это званіе, что художники одѣваются какъ саможники, не умѣютълично вести себя, не соблюдаютъ высшаго тона и лишены всякой образованности. Дома у себя, въ мастерской, онъ завелъ опрятность и чистоту въ высшей степени, опредѣлилъ двухъ великолѣпныхъ лакеевъ, завелъ щегольскихъ учениковъ, переодѣвался нѣсколько разъ въ день въ разные утренніе костюмы, занимался улучшеніемъ разныхъ манеръ, съ кото-

рыми принимать посетителей, занялся украшениемъ всеми возможными средствами своей наружности, чтобы произвести сю пріятное впечатліе на дамъ; однимъ словомъ, скоро нельзя было въ немъ вовсе узнать того скромнаго художника, который работалъ когда-то незамѣтно въ своей лачужкѣ на Васильевскомъ островѣ. Объ художникахъ и объ искусствѣ онъ изъяснялся теперь рѣзко: утверждалъ, что ирежнимъ художникамъ уже черезчуръ много приписано достоинства, что всѣ они, до Рафаэля, писали не фигуры, а селедки; что существуетъ только въ воображеніи разсматривателей мысль, будто бы видно въ нихъ присутствіе какой-то святости; что самъ Рафаэль даже писалъ не все хорошо, и за многими произведеніями его удержалась только по преданію слава; что Микель-Анжель хвастунъ, потому что хотѣлъ только похвастать знаніемъ анатоміи; что граціозности въ немъ нѣтъ никакой, и что настоящаго блеска силы кисти и колорита нужно искать только теперь, въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Тутъ, натурально, невольнымъ образомъ доходило дѣло и до себя. «Нѣтъ, я не понимаю», говорилъ онъ, «напряженія другихъ сидѣть и корпѣть за трудомъ: человѣкъ, который копается по нѣсколько мѣсяцевъ надъ картиною, по мнѣ, труженикъ, а не художникъ; я не повѣрю, чтобы въ немъ былъ талантъ; гений творить смѣло, быстро.—Вотъ у меня», говорилъ онъ, обращаясь обыкновенно къ посетителямъ: «этотъ портретъ я написалъ въ два дня, эту головку въ одинъ день, это въ нѣсколько часовъ, это въ часъ съ небольшимъ. Нѣтъ, я... я, признаюсь, не признаю художествомъ того, чтѣ лѣнится строчка за строчкой; это ужъ ремесло, а не художество». Такъ рассказывалъ онъ своимъ посетителямъ, и посетители дивились силѣ и бойкости его кисти, издавали даже восклицанія, услышавъ, какъ быстро они производились, и потомъ пересказывали другъ другу: «Это талантъ, это истинный талантъ! Посмотрите, какъ онъ говорить, какъ блестятъ его глаза! Il y a quelque chose d'extraordinaire dans toute sa figure!»

Художнику было лестно слышать объ себѣ такие слухи. Когда въ журналахъ появлялась печатная хвала ему, онъ радовался, какъ ребенокъ, хотя эта хвала была куплена имъ за свои же деньги. Онъ разносилъ такой печатный листокъ вездѣ и, будто бы не нарочно, показывалъ его знакомымъ и приятелямъ, и это его тѣшило до самой простоты.

душной наивности. Слава его росла, работы и заказы увеличивались. Уже стали ему надоѣдать одни и тѣ же портреты и лица, которыхъ положенія и обороты сдѣлались ему заученными. Уже безъ большой охоты онъ писалъ ихъ, стараясь набросать только кое-какъ одну голову, а остальное давать доканчивать ученикамъ. Прежде онъ, все-таки, искалъ дать какое-нибудь новое положеніе, поразить силою, эффектомъ. Теперь и это становилось ему скучно. Умъ уставалъ придумывать и обдумывать. Это было ему не въ мочь, да и некогда: разсѣянная жизнь и общество, гдѣ онъ старался сыграть роль свѣтского человѣка,—все это уносило его далеко отъ труда и мыслей. Кисть его хладѣла и тушила, и онъ нечувствительно заключился въ однообразныя, опредѣленныя, давно изношенныя формы. Однообразныя, холодныя, вѣчно прибранныя и, такъ-сказать, застегнутыя лица чиновниковъ, военныхъ и лѣтатскихъ, не много представляли поля для кисти: она позабывала и великолѣпныя драпировки, и сильныя движенія, и страсти. О группахъ, о художественной драмѣ, о высокой ея завязкѣ нечего было и говорить. Предъ нимъ были только мундиръ, да корсетъ, да фракъ, предъ которыми чувствуетъ холодъ художникъ и падаетъ всякое воображеніе. Даже достоинства самыхъ обыкновенныхъ уже не было видно въ его произведеніяхъ, а между тѣмъ они все еще расходились, все еще пользовались славою, хотя истинные знатоки и художники только пожимали плечами, глядя на послѣднія его работы. А нѣкоторые, знавшіе Чарткова прежде, не могли понять, какъ могъ исчезнуть въ немъ талантъ, котораго признаки оказались уже ярко въ немъ при самомъ началѣ, и напрасно старались разгадать, какимъ образомъ можетъ угаснуть дарованіе въ человѣкѣ, тогда какъ онъ только-что достигнуль еще полнаго развитія всѣхъ силъ своихъ.

Но этихъ толковъ не слышалъ упоенный художникъ. Уже онъ начиналъ достигать поры степенности ума и лѣта: стать толстѣть и видимо раздаваться въ ширину. Уже въ газетахъ и журналахъ читалъ онъ прилагательныя: «почтенный нашъ Андрей Петровичъ, заслуженный нашъ Андрей Петровичъ». Уже стали ему предлагать по службѣ почетныя мѣста, приглашать на экзамены, въ комитеты. Уже онъ начиналъ, какъ всегда случается въ почетныя лѣта, брать сильно сторону Рафаэля и старинныхъ художниковъ, не

потому, что убѣдился вполнѣ въ ихъ высокомъ достоинствѣ, но затѣмъ, чтобы колоть ими въ глаза молодыхъ художниковъ. Уже онъ начиналъ, по обычаю всѣхъ, вступающихъ въ такія лѣта, укорять безъ изыятія всю молодежь въ безнравственности и дурномъ направленіи духа. Уже начинай онъ вѣрить, что все на свѣтѣ дѣлается просто, вдохновеніемъ свыше иѣть, и все необходимо должно быть подвергнуто подъ одинъ строгий порядокъ аккуратности и однообразья. Однимъ словомъ, жизнь его уже коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкъ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается иронизительными звуками около сердца, когда прикосновенье красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣй въ его заманчивую музыку и мало-малу нечувствительно позволяютъ ей совершение услышать себя. Слава не можетъ дать наслажденія тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденiemъ, цѣлью. Пуки ассигнацій росли въ сундукахъ, и, какъ всякий, кому достается вѣтъ удѣлъ этотъ страшный дартъ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему, равнодушнымъ ко всему, кроме золота, беспричиннымъ скрягой, безпутнымъ собирателемъ, и уже готовъ былъ обратиться въ одно изъ тѣхъ страшныхъ существъ, которыхъ много попадается въ нашемъ безчувственномъ свѣтѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядить исполненный жизни и сердца человѣкъ, которому кажется они движущимися каменными гробами, съ мертвѣцомъ внутри, вместо сердца. Но одно событие сильно потрясло и разбудило весь его жизненный составъ.

Въ одинъ день увидѣлъ онъ на столѣ свою записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италии, произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищъ, который отъ ранихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству, съ пламенной душою труженика погрузился въ него всей душою своей, ото-

рвался отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ и помчался туда, гдѣ въ виду прекрасныхъ небесъ спѣТЬ величавый разсадникъ искусствъ, — въ тотъ чудный Римъ, при имени которого такъ полно и сильно бьется пламенное сердце художника. Тамъ, какъ отшельникъ, погрузился онъ въ трудъ и въ неразвлекаемая ничемъ занятія. Ему не было до того дѣла, толковали ли о его характерѣ, о его неумѣніи обращаться съ людьми, о несоблюденіи свѣтскихъ приличий, объ униженіи, которое онъ причинялъ званію художника своимъ скучнымъ, нещегольскимъ нарядомъ. Ему не было нужды, сердишася ли или неѣть на него братья. Всѣмъ пренебрѣгъ онъ, все отдалъ искусству. Неутомимо посѣщалъ галлереи, по цѣлымъ часамъ застаивался передъ произведеніями великихъ мастеровъ, ловя и престольдуя чудную кисть. Ничего отъ не оканчивалъ безъ того, чтобы не повѣрить себя нѣсколько разъ съ сими великими учителями и чтобы не прочесть въ ихъ созданіяхъ безмолвнаго и краснорѣчиваго себѣ совѣта. Онъ не входилъ въ шумныя бесѣды и споры; онъ не стоялъ ни за пуритовъ, ни противъ пуритовъ. Онъ равно всему отдавалъ должную ему часть, извлекая изо всего только то, что было въ немъ прекрасно, и, наконецъ, оставилъ себѣ въ учителя одного божественнаго Рафаэля, — подобно, какъ великий поэтъ-художникъ, перечитавшій много всякихъ твореній, исполненныхъ многихъ прелестей и величавыхъ красотъ, оставилъ, наконецъ, себѣ настольною книгой одну только Иліаду Гомера, открывъ, что въ ней все есть, чего хочешь, и неѣть ничего, что бы не отразилось уже здѣсь въ такомъ глубокомъ и великому совершенствѣ. И зато вынесъ онъ изъ своей школы величавую идею созданья, могучую красоту мысли, высокую прелесть небесной кисти.

Вошедши въ залу, Чарткоъ нашелъ уже цѣлую огромную толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глупочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Онъ пѣсѣшилъ принять значительную физіономію знатока и приблизился къ картинѣ; но, Боже, что онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло предъ нимъ произведеніе художника. Скромно, божественно, невинно и просто, какъ гений, возносилось оно надъ всѣмъ. Казалось, небесныя фигуры, изумленныя столькими устре-

мленными на нихъ взорами, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Съ чувствомъ невольнаго изумленія созерцали знатоки новую, невиданную кисть. Все тутъ, казалось, соединилось вмѣстѣ: изученіе Рафаэля, отраженное въ высокомъ благородствѣ положеній, изученіе Корреджія, дышавшее въ окончательномъ совершенствѣ кисти. Но властительный всего видна была сила созданія, уже заключенная въ душѣ самого художника. Послѣдній предметъ въ картинѣ былъ имъ проникнутъ; во всемъ постигнутъ за конъ и внутренняя сила; вездѣ уловлена была эта плавущая окружность личной, заключенной въ природѣ, которую видитъ только одинъ глазъ художника-создателя и которая выходитъ углами у копіста. Видно было, какъ все, извлеченное изъ вѣнчанаго міра, художникъ заключилъ сперва себѣ въ душу и уже оттуда, изъ душевнаго родника, устрѣмилъ его одной согласной, торжественной пѣснью. И стало ясно даже непосвященнымъ, какая неизмѣримая пропасть существуетъ между созданіемъ и простой копіей съ природы. Почти невозможно было выразить той необыкновенной тишины, которою невольно были объяты всѣ, внерившие глаза на картину — ни шелеста, ни звука; а картина между тѣмъ ежеминутно казалась выше и выше: свѣтлый и чудесный отдѣлялась ото всего и вся превратилась, наконецъ, въ одинъ мигъ, плодъ налетѣвшей съ небесъ на художника мысли, — мигъ, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно только приготовленіе. Невольные слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружившихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильная уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ, стоялъ Чартковъ передъ картиной, и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки запу碌ли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія, и когда, наконецъ, обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя; хотѣть принять равнодушный, обыкновенный видъ, хотѣть сказать обыкновенное, пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ, въ родѣ слѣдующаго: «Да, конечно, правда, нельзя отнять таланта отъ художника; есть кое-что; видно, что хотѣть онъ выразить что-то; однакоже, что касается до главнаго...» и вслѣдъ за этимъ прибавить, разумѣется, та-

кия похвалы, отъ которыхъ бы не поздоровилось никакому художнику; хотѣть это сдѣлать, но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту неподвижный и бѣзчувственный стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ будто молодость возвратилась къ нему, какъ будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Съ очей его вдругъ слетѣла повязка. Боже! и погубить такъ безжалостно лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ-быть, теплившагося въ груди, можетъ-быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ-быть, такъ же исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ будто въ эту минуту разомъ и вдругъ ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Поть усилия преступилъ на его лицѣ; весь обратился онъ въ одно желаніе и загорѣлся одною мыслью: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души. Но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли ложились принужденно и несвѣзно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступилъ границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенныя, уже отзывался неправильностью и ошибкою. Онъ пренебрѣгъ утомительную, длинную лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Досада его проникла. Онъ велѣлъ вынести прочь изъ своей мастерской всѣ послѣднія произведенія, всѣ безжизненные модныя картишки, всѣ портреты гусаровъ, дамъ и статскихъ совѣтниковъ; заперся одинъ въ своей комнатѣ, не велѣлъ никого впускать, и весь негрузился въ работу. Какъ терпѣливый юноша, какъ ученикъ, сидѣть онъ за своимъ трудомъ. Но какъ безпощадно-неблагодарно было все то, что выходило изъ-подъ его кисти! На каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой незначащей механизмъ охлаждаль весь порывъ и стоять неперескочимъ порогомъ для воображенія. Кисть невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ за-

ученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеніаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытвреженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положеніи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣть это самъ!

«По точно ли были у меня талантъ?» сказалъ онъ наконецъ: «не обманулся ли я?» И, произнесши эти слова, онъ подошелъ къ прежнимъ своимъ произведеніямъ, которыя работались когда-то такъ чисто, такъ безкорыстно, тамъ, въ бѣдной лачужкѣ, на уединенномъ Васильевскомъ островѣ, вдали людей, изобилія и всякихъ прихотей. Онъ подошелъ теперь къ нимъ и сталъ внимательно рассматривать ихъ всѣ, и вмѣстѣ съ ними стала представлять въ его памяти вся прежняя бѣдная жизнь его. «Да», проговорилъ онъ отчаянно: «у меня былъ талантъ! Вездѣ, на всемъ видны его признаки и слѣды...»

Онъ остановился и вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ: глаза его встрѣтились съ неподвижно-вперившимися на него глазами. Это былъ тотъ необыкновенный портретъ, который онъ купилъ на Щукиномъ дворѣ. Все время онъ былъ закрытъ, загроможденъ другими картинами и вовсе вышелъ у него изъ мыслей. Теперь же, какъ нарочно, когда были вынесены всѣ модные портреты и картины, наполнившіе мастерскую, онъ выглянула наверхъ вмѣстѣ съ прежними произведеніями его молодости. Какъ вспомнилъ онъ всю странную его исторію, какъ вспомнилъ, что некоторымъ образомъ онъ, этотъ странный портретъ, былъ причиной его превращенія, что денежный кладъ, полученный имъ такимъ чудеснымъ образомъ, родилъ въ немъ всѣ суетныя побужденія, погубившія его талантъ,—почти бѣшенство готово было ворваться къ нему въ душу. Онъ въ ту же минуту велѣть вынести прочь ненавистный портретъ. Но душевное волненіе оттого не умирало: всѣ чувства и весь составъ были потрясены до дна, и онъ узналъ ту ужасную муку, которая, какъ поразительное исключеніе, является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться,—ту муку, которая въ юношѣ рождаетъ великое, но въ перешедшемъ за грани мечтаний обращается въ бесплодную жажду,—ту странную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасный злодѣянія. Имъ овладѣла ужасная

зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведеніе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Въ душѣ его возродилось самое адское намѣреніе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силой бросился онъ приводить его въ исполненіе. Онъ началъ скучать все лучшее, что только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносить въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая смѣхомъ наслажденія. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанію. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведеній, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякий заранѣе отчаялся въ приобрѣтеніи художественного созданія. Казалось, какъ будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармошю. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на него: вѣчная желчь присутствовала на лицѣ его. Хула на міръ и отрицаніе изображалось само собой въ чертахъ его. Казалось, въ немъ олицетворился тотъ страшный демонъ, котораго идеально изобразилъ Пушкинъ. Кроме ядовитаго слова и вѣчнаго порицанья, ничего не произносили его уста. Подобно какои-то гарпии, попадался онъ на улицѣ, и всѣ, даже знакомые, завидя его издали, старались увернуться и избѣгнуть такой встрѣчи, говоря, что она достаточна отравить потомъ весь день.

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться: размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и, наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновен-

наго портрета,—и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ двоился, четверился въ его глазахъ; всѣ стѣны казались увѣшаны портретами, вперившими въ него свои неподвижные, живые глаза; страшные портреты глядѣли съ потолка, съ полу; комната расширялась и продолжалась безконечно, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявший на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о странной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и издавала одни ужасные вопли и непонятныя рѣчи. Наконецъ, жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ; но, увидѣвшіи изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала миллионы, поняли ужасное ихъ употребленіе.

Часть II.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, чевинно прослыши меценатами и простодушно издергали для этого миллионы, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Такихъ меценатовъ, какъ известно, теперь уже нѣть, и нашъ XIX-ї вѣкъ давно уже пріобрѣлъ скучную физiогномiю банкира, часлаjдающагося своими миллионами только въ видѣ цифръ, выставляемыхъ на бумагѣ. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посетителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприbraneное тѣло. Тутъ была щѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ Гостиного двора и даже толкучаго рынка, въ синихъ нѣмеckихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и выраженье лицъ были здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означались той приторной услужливостью, которая такъ видна въ русскомъ

купцѣ, когда онъ у себя въ лавкѣ передъ покупщикомъ. Тутъ они вовсе не чинились, несмотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившиѣ каждый день бывать на немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитавшиѣ обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и не находившиѣ другого занятія отъ 12 до 1 часа; паконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы очень худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, по единственному, чтобы посмотретьъ, чѣмъ что кончится, кто будетъ давать больше, кто менѣе, кто кого перебьетъ, и за кѣмъ что останется. Множество картинъ было разбросано совершенно безъ всякаго толку; съ пими были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, можетъ-быть, не имѣвшаго вовсе похвального любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старыя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченные и безъ позолоты люстры, кешкеты,—все было навалено и вовсе не въ такемъ порядке, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще, ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона страшно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скучно изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ, и погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь искусствамъ,—все это, кажется, усиливаетъ еще болѣе странную непріятность впечатлѣнія.

Аукціонъ, казалось, былъ въ самомъ разгарѣ. Цѣлая толпа порядочныхъ людей, сдвинувшихъ вмѣстѣ, хлопотала о чѣмъ-то наперерывъ. Со всѣхъ сторонъ раздававшіяся слова: «рубль, рубль, рубль», не давали времени аукціонисту повторять надбавляемую цѣну, которая уже возросла

вчетверо больше объявленной. Обступившая толпа хлопотала изъ-за портрета, который не могъ не остановить всѣхъ, имѣвшихъ сколько-нибудь понятія въ живописи. Высокая кисть художника выказывалась въ немъ очевидно. Портретъ, повидимому, уже несолько разъ былъ реставрированъ и поновленъ, и представлялъ смуглыя черты какого-то азіатца въ широкомъ платьѣ, съ необыкновеннымъ, страннымъ выраженьемъ въ лицѣ; но болѣе всего обступившіе были поражены необыкновенной живостью глазъ. Чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе они, казалось, устремлялись каждому внутрь. Эта странность, этотъ едобыкновенный фокусъ художника заняли вниманіе почти всѣхъ. Много уже изъ состязавшихся о немъ отступились, потому что цѣну набили несмовѣрную. Остались только два известные аристократа, любители живописи, не хотѣвшіе ни за что отказаться отъ такого пріобрѣтенія. Они горячились и набили бы, вѣроятно, цѣну до невозможности, если бы вдругъ одинъ изъ тутъ же разматривавшихъ не произнесъ: «Позвольте мнѣ прекратить на время вашъ споръ: я, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ всякий другой, имѣю право на этотъ портретъ».

Слова эти вмигъ обратили на него вниманіе всѣхъ. Это былъ стройный человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными кудрями. Пріятное лицо, выполненное какой-то свѣтлой беззаботности, показывало душу, чуждую всѣхъ томящихъ свѣтскихъ потрясеній; въ нарядѣ его не было никакихъ притязаній на моду: все показывало въ шемъ артиста. Это былъ, точно, художникъ Б., знаемый лично многими изъ присутствовавшихъ.

«Какъ ни странны вамъ покажутся слова мои»,—продолжалъ онъ, видя устремившееся на себя всеобщее вниманіе,—«но, если вы решитесь выслушать небольшую исторію, можетъ-быть, вы увидите, что я былъ въ правѣ произнести ихъ. Все меня увѣряетъ, что портретъ есть тотъ самый, котораго я ищу».

Весьма естественное любопытство загорѣлось почти на лицахъ всѣхъ, и самъ аукціонистъ, разинувъ ротъ, остался съ поднятымъ въ рукѣ молоткомъ, приготовляясь слушать. Въ началѣ разсказа многие обращались невольно глазами къ портрету, но потомъ всѣ внерились въ одного раз-

сказчика, по мѣрѣ того, какъ разскѣзъ его становился занимательнѣй.

«Вамъ извѣстна та часть города, которую называютъ Коломною» (такъ онъ началъ). «Тутъ все не похоже на другія части Петербурга: тутъ не столица и не провинція; кажется, слышишь, перейди въ коломенскія улицы, какъ оставляютъ тебя всякия молодыя желанья и порывы. Сюда не заходить будущее, здѣсь все тишина и отставка,—все, что остало отъ стolичнаго движенія. Сюда переѣзжаютъ на житѣе отставные чиновники, вдовы, небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ и потому осудившіе себя здѣсь почти на всю жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на пять копѣекъ кофе да на четыре сахара, и, наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который можно назвать однимъ словомъ *пепельный*, — людей, которые съ своимъ платъемъ, лицомъ, волосами, глазами имѣютъ какую-то мутную, пепельную наружность, какъ день, когда нѣтъ на небѣ ни бури, ни солнца, а бываетъ, просто, ни то, ни сё: сѣется туманъ и отнимаетъ всякую рѣзкость у предметовъ. Сюда можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, отставныхъ титулярныхъ совѣтниковъ, отставныхъ питомцевъ Марса съ выколотымъ глазомъ и разdutoю губою. Эти люди вовсе безстрастны: идутъ, ни на что не обращая глазъ; молчатъ, ни о чёмъ не думая. Въ комнатѣ ихъ не много добра, иногда просто штофъ чистой русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго сильнаго прилива къ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ иріемъ, какой обыкновенно любить задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой немецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мышанскої улицы, одинъ владѣющій всѣмъ тротуаромъ, когда время перешло за двѣнадцать часовъ ночи.

«Жизнь въ Коломнѣ страхъ уединенна: рѣдко покажется карета, кроме развѣ той, въ которойѣздятъ актеры, которая громомъ, звономъ и бряканьемъ своимъ одна смущаетъ всеобщую тишину. Тутъ все пѣшеходы; извозчикъ весьма часто безъ сѣдока плетется, таша сѣно для бородатой лошадёнки своей. Квартиру можно сыскать за пять рублей въ мѣсяцъ, даже съ кофеемъ поутру. Вдовы, получающія пенсіонъ, тутъ самыя аристократическія фамиліи; онъ ве-

дуть себя хоромо, метутъ чисто свою комнату, толкуютъ съ пріятельницами о дороживизнѣ говядины и капусты; при нихъ часто бываетъ молоденькая дочь, молчаливое, безгласное, иногда миловидное существо, гадкая собачонка и стѣнныя часы съ печально-постукивающимъ маятникомъ. Потомъ слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны, народъ свободный, какъ всѣ артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ халатахъ, чинять пистолетъ, kleять изъ картона всякия вешицы, полезныя для дома, играютъ съ пришедшими пріятелемъ въ шашки и карты, и такъ проводятъ утро, дѣлая почти то же ввѣчеру, съ присоединеніемъ кое-когда пунша. Послѣ этихъ тузовъ и аристократства Коломны слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь. Ихъ такъ же трудно поименовать, какъ исчислить то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ. Тутъ есть старухи, которыхъ молятся; старухи, которыхъ пьянствуютъ; старухи, которыхъ и молятся, и пьянствуютъ вмѣстѣ; старухи, которыхъ перебиваются непостижимыми средствами: какъ муравы таскаютъ съ собою старое тряпье и бѣлье отъ Калинина моста до толкучаго рынка, съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ; словомъ, чисто самый несчастный осадокъ человѣчества, которому бы ни одинъ благодѣтельный политический экономъ не нашелъ средствъ улучшить состояніе.

«Я для того привелъ ихъ, чтобы показать вамъ, какъ часто этотъ народъ находится въ необходимости искать одной только внезапной, временной помощи, приѣгать къ заемамъ, и тогда поселяются между ними особаго рода ростовщики, снабжающіе небольшими суммами подъ заклады и за большие проценты. Эти небольшіе ростовщики бывають въ нѣсколько разъ безчувственныи всякіхъ большихъ, потому что возникаютъ среди бѣдности и ярко выказываемыхъ нищенскихъ лохмотьевъ, которыхъ не видѣтъ богатый ростовщикъ, имѣющій дѣло только съ пріѣзжающими въ каретахъ. И потому уже слишкомъ рано умираетъ въ душахъ ихъ всякое чувство человѣчества. Между такими ростовщиками былъ одинъ... но не мѣшаетъ вамъ сказать, что происшествіе, о которомъ я принялъся разсказывать, относится къ прошедшему вѣку, именно къ царствованію покойной государыни Екатерины Второй. Вы можете сами

понять, что самый видъ Коломны и жизнь внутри ея должны были значительно измѣниться. Итакъ, между ростовщиками былъ одинъ — существо во всѣхъ отношёніяхъ необыкновенное, поселившееся уже давно въ этой части города. Онъ ходилъ въ широкомъ азіатскомъ нарядѣ; темная краска лица указывала на южное его происхожденіе; но какой именно былъ онъ націи—индѣецъ, грекъ, персіянинъ—объ этомъ никто не могъ сказать навѣрно. Высокій, почти необыкновенный ростъ, смуглое, тощее, запаленное лицо и какой-то непостижимо-страшный цвѣтъ его, большие, необыкновенного огня глаза, нависнувшія густыя брови отличали его сильно и рѣзко отъ всѣхъ писельныхъ жителей столицы. Самое жилище его не похоже было на прочіе маленькие деревянные домики. Это было каменное строеніе въ родѣ тѣхъ, которыя когда-то настроили вдоволь генуэзскіе купцы, съ неправильными, неравной величины окнами, съ желѣзными ставнями и засовами. Этотъ ростовщикъ отличался отъ другихъ ростовщиковъ уже тѣмъ, что могъ снабдить какою угодно суммою всѣхъ, начиная отъ нищей-старухи до расточительного придворного вельможи. Предъ дномъ его показывались часто самые блестящіе экипажи, изъ оконъ которыхъ иногда глядѣла голова роскошной свѣтской дамы. Молва, по обыкновенію, разнесла, что желѣзные сундуки его полны безъ счету денегъ, драгоцѣнностей, брильянтовъ и всякихъ залоговъ, но что, однако же, онъ вовсе не имѣлъ той корысти, какая свойственна другимъ ростовщикамъ. Онъ давалъ деньги охотно, распредѣляя, казалось, весьма выгодно сроки платежей; но какими-то странными ариѳметическими выкладками заставлялъ ихъ восходить до непомѣрныхъ процентовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорила молва. Но что страннѣе всего и что не могло не поразить многихъ,—это была странная судьба всѣхъ тѣхъ, которые получали отъ него деньги; всѣ они оканчивали жизнь несчастнымъ образомъ. Было ли это просто людское мнѣніе, нелѣпые суевѣрные толки, или съ умысломъ распущенныя слухи—это осталось неизвѣстно. Но нѣсколько при мѣровъ, случившихся въ непродолжительное время предъ глазами всѣхъ, были живы и разительны.

«Изъ среды тогдашняго аристократства скоро обратилъ на себя глаза юноша лучшей фамиліи, отличившійся уже въ молодыхъ лѣтахъ на государственномъ попришѣ, жаркій

почитатель всего истинного, возвышенного, ревнитель всего, что породило искусство и умъ человѣка, пророчившій въ себѣ мецената. Скоро онъ былъ достойно отличенъ самой государыней, вѣрившей ему значительное мѣсто, совершенно согласное съ собственными его требованіями, — мѣсто, гдѣ онъ могъ много произвести для наукъ и вообще для добра. Молодой вельможа окружилъ себя художниками, поэтами, учеными. Ему хотѣлось всему дать работу, все поощрить. Онъ предпринялъ и собственный счетъ множество полезныхъ изданій, давалъ множество заказовъ, объявилъ поощрительные призы, издержалъ на это кучи денегъ и, наконецъ, разстроился. Но, полный велиcodушнаго движенья, онъ не хотѣль отстать отъ своего дѣла, искалъ вездѣ занять и, наконецъ, обратился къ известному ростовщику. Сдѣлавши значительный заемъ у него, этотъ человѣкъ въ непродолжительное время измѣнился совершенно: стала гонителемъ, преслѣдователемъ развивающагося ума и таланта. Во всѣхъ сочиненіяхъ стала видѣть дурную сторону, толковать криво всякое слово. Тогда на бѣду случилась французская революція. Это послужило ему вдругъ орудіемъ для всѣхъ возможныхъ гадостей. Онъ стала видѣть во всемъ какое-то революціонное направленіе, во всемъ ему чудились намеки. Онъ сдѣлался подозрительнымъ до такой степени, что началъ, наконецъ, подозрѣвать самого себя, стала считать ужасные, несправедливые доносы, надѣлалъ тьму несчастныхъ. Само собой разумѣется, что такие поступки не могли не достигнуть, наконецъ, престола. Велиcodушная государыня ужаснулась и, полная благородства души, украшающаго вѣнценосцевъ, произнесла слова, которыхъ хотя не могли перейти къ намъ во всей точности, но глубокій смыслъ ихъ впечатлѣлся въ сердцахъ многихъ. Государыня замѣтила, что не подъ монархическими правленіемъ угнетаются высокія, благородныя движенія души, не тамъ презираются и преслѣдуются творенія ума, поэзіи и художествъ; что, напротивъ, одни монархи бывали ихъ покровителями; что Шекспиръ, Мольеръ проповѣдали подъ ихъ велиcodушной защитой, между тѣмъ, какъ Данте не могъ найти угла въ своей республиканской родинѣ; что истинные гenii возникаютъ во время блеска и могущества государей и государствъ, а не во время безобразныхъ политическихъ явленій и терроризмовъ республиканскихъ, которые досель не

подарили миру ни одного поэта; что нужно отличать поэтовъ-художниковъ, ибо одинъ только миръ и прекрасную тишину низводятъ они въ душу, а не волненье и ропотъ; что учёные, поэты и всѣ производители искусствъ суть перлы и брильянты въ императорской коронѣ; ими красуется и получаетъ еще болѣшій блескъ эпоха великаго государя. Словомъ, государыня, произнесшая эти слова, была въ ту минуту божественно-прекрасна. Я помню, что старики не могли объ этомъ говорить безъ слезъ. Въ дѣлѣ всѣ припяли участіе. Къ чести нашей народной гордости надобно замѣтить, что въ русскомъ сердцѣ всегда обитаетъ прекрасное чувство взять сторону угнетеннаго. Обманувшій довѣрѣнность вельможа былъ наказанъ примѣрно и отставленъ отъ мѣста. Но наказаніе гораздо ужаснѣйшее читалъ онъ на лицахъ своихъ соотечественниковъ: это было рѣшительное и всеобщее презрѣніе. Нельзя разсказать, какъ страдала тщеславная душа: гордость, обманутое честолюбіе, разрунившіяся надежды—все соединилось вмѣстѣ, и въ припадкахъ страшнаго безумія и бѣшенства прервалась его жизнь.

«Другой разителный примѣръ произошелъ тоже въ виду всѣхъ: изъ красавицъ, которыми не бѣдна была тогда наша сѣверная столица, одна одержала рѣшительное первенство надъ всѣми. Это было какое-то чудное сліяніе нашей сѣверной красоты съ красотой полудня — брильянтъ, какой попадается на свѣтѣ рѣдко. Отецъ мой признавался, что никогда онъ не видывалъ во всю жизнь свою ничего подобнаго. Все, казалось, въ ней соединилось: богатство, умъ и душевная прелесть. Искателей была толпа и въ числѣ ихъ замѣчательнѣе всѣхъ былъ князь Р., благороднѣйший, лучший изъ всѣхъ молодыхъ людей, прекраснѣйший и лицомъ, и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеаль романовъ и женщинъ. Грандисонъ во всѣхъ отношеніяхъ. Князь Р. былъ влюбленъ страстно и безумно; такая же пламенная любовь была ему отвѣтомъ. Но родственникамъ показалась партія неравною. Родовая вотчина князя уже давно ему не принадлежали, фамилія была въ опалѣ, и плохое положеніе дѣль его было известно всѣмъ. Вдругъ князь оставляетъ на время столицу, будто бы съ тѣмъ, чтобы поправить свои дѣла, и, спустя непродолжительное время, является окруженный пышностью и блескомъ неимовѣрнымъ. Блистательные балы и праздники дѣлаютъ его

известнымъ двору. Отецъ красавицы становится благосклоннымъ, и въ городѣ разыгрывается интереснѣйшая свадьба. Откуда произошла такая перемѣна и неслыханное богатство жениха, этого не могъ навѣро изъяснить никто; но поговаривали стороныю, что онъ вошелъ въ какія-то условія съ непостижимъ ростовщикомъ и сдѣлалъ у него заемъ. Какъ бы то ни было, но свадьба заняла весь городъ; и женихъ, и невѣста были предметомъ общей зависти. Всѣмъ была известна ихъ жаркая, постоянная любовь, долгія томленія, претерпѣнія съ обѣихъ сторонъ, высокія достоинства обоихъ. Пламенные женщины начертывали заранѣе то райское блаженство, которымъ будутъ наслаждаться молодые супруги. Но вышло все иначе. Въ одинъ годъ произошла страшная перемѣна въ мужѣ. Яdomъ подозрительной ревности, нетерпимостью и неистощимыми капризами отравился его дотолѣ благородный и прекрасный характеръ. Онъ сталъ тираномъ и мучителемъ жены своей, и, чего бы никто не могъ, предвидѣть, прибѣгнулъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ, даже побоямъ. Въ одинъ годъ никто не могъ узнать той женщины, которая еще недавно блистала и влекла за собою толпы покорныхъ поклонниковъ. Наконецъ, не въ силахъ будучи выносить дольѣ тяжелой судьбы своей, она первая заговорила о разводѣ. Мужъ пришелъ въ бѣшенство при одной мысли о томъ. Въ первомъ движеніи неистовства, ворвался онъ къ ней въ комнату съ ножомъ и, безъ сомнѣнія, закололъ бы ее тутъ же, если бы его не схватили и не удержали. Въ порывѣ изступленія и отчаянія, онъ обратилъ ножъ на себя — и въ ужаснѣйшихъ мукахъ окончилъ жизнь.

«Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, совершившихся въ глазахъ всего общества, рассказывали множество случившихся въ низшихъ классахъ, которые почти всѣ имѣли ужасный конецъ. Тамъ честный, трезвый человѣкъ сдѣлался пьяницей; тамъ купеческий приказчикъ обворовывалъ своего хозяина; тамъ извозчикъ, возившій нѣсколько лѣтъ честно, за грошъ зарѣзалъ сѣдока. Нельзя, чтобы такія происшествія, рассказываемыя иногда не безъ прибавленій, не навели родъ какого-то невольного ужаса на скромныхъ обитателей Коломны. Никто не сомнѣвался о присутствіи нечистой силы въ этомъ человѣкѣ. Говорили, что онъ предлагалъ такія условія, отъ которыхъ дыбомъ подымались волоса и кото-

Рыхъ никогда потомъ не посмѣль несчастный передавать другому; что деньги его имѣютъ прожигающее свойство, раскаляются сами собою и носять какие-то странные значки.. словомъ, много было о немъ всякихъ неизыщихъ толковъ. И замѣчательно то, что все это коломенское населеніе, весь этотъ миръ бѣдныхъ старухъ, мелкихъ чиновниковъ, мелкихъ артистовъ и, словомъ, всей мелюзги, которую мы только поименовали, соглашались лучше терпѣть и выносить послѣднюю крайность, чѣмъ обратиться къ страшному ростовщику; находили даже околовищихъ отъ голода старухъ, которыхъ лучше соглашались умертвить свое тѣло, чѣмъ погубить душу. Встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, невольно чувствовали страхъ. Пѣшеходъ осторожно пятился и долго еще озирался послѣ того назадъ, слѣдя пропадавшую вдали его непомѣрно высокую фигуру. Въ одномъ уже образѣ было столько необыкновеннаго, что всякаго заставило бы невольно приписать ему сверхъестественное существованіе. Эти сильныя черты, врѣзанныя такъ глубоко, какъ не случается у человѣка; этотъ горячій, бронзовый цѣлый лицо; эта непомѣрная гущина бровей, невыносимые, страшные глаза, даже самая широкая складка его азіатской одежды,— все, казалось, какъ будто говорило, что предъ страстями, движавшимися въ этомъ тѣлѣ, были блѣдны всѣ страсти другихъ людей. Отецъ мой всякий разъ останавливался не-подвижно, когда встрѣчалъ его, и всякий разъ не могъ удержаться, чтобы не произнести: «Дьяволъ, совершенный дьяволъ!» Но надобно васъ поскорѣе познакомить съ моимъ отцомъ, который, между прочимъ, есть настоящій сюжетъ этой исторіи.

«Отецъ мой былъ человѣкъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Это былъ художникъ, какихъ мало,—одно изъ тѣхъ чудъ, которыхъ извергаетъ изъ непочатаго лона своего только одна Русь, художникъ-самоучка, отыскавший самъ въ душѣ своей, безъ учителей и школы, правила и законы, увлеченный только одною жаждою усовершенствованія и шедший, по причинамъ, можетъ-быть, неизвѣстнымъ ему самому, одной только указанной изъ души дорогою; одно изъ тѣхъ самородныхъ чудъ, которыхъ часто современники честятъ обиднымъ словомъ «невѣжи», и которые, не охлаждаясь отъ охулений и собственныхъ неудачъ, получаютъ только новыя рвенья и силы и уже далеко въ душѣ своей

уходяще отъ тѣхъ произведеній, за которыя получили титло невѣжи. Высокимъ внутреннимъ инстинктомъ почуялъ онъ присутствіе мысли въ каждомъ предметѣ; постигнулъ самъ собой истинное значеніе слова: «историческая живопись»; постигнулъ, почему простую головку, простой портретъ Рафаэля, Леонардо-да-Винчи, Тиціана, Корреджіо можно назвать историческою живописью, и почему огромная картина исторического содержанія все-таки будетъ *tableau de genre*, несмотря на всѣ притязанія художника на историческую живопись. И внутреннее чувство, и собственное убѣжденіе обратили кисть его къ христіанскимъ предметамъ, высшей и послѣдней ступени высокаго. У него не было честолюбія или раздражительности, столь неотлучной отъ характера многихъ художниковъ. Это былъ твердый характеръ, честный, прямой человѣкъ, даже грубый, покрытый снаружи нѣсколько черствой корою, не безъ нѣкоторой гордости въ душѣ, отзывающейся о людяхъ вмѣсть и снисходительно, и рѣзко. «Что на нихъ глядѣть?» обыкновенно говорилъ онъ: «вѣдь я не для нихъ работаю. Не въ гостиную понесу я мои картины. Кто пойметъ меня—поблагодаритъ; не пойметъ—все-таки помолится Богу. Свѣтскаго человѣка нечего винить, что онъ не смыслить живописи: зато онъ смыслить въ картахъ, знаетъ толкъ въ хорошемъ винѣ, въ лошадяхъ—зачѣмъ знать больше барину? Еще, пожалуй, какъ попробуетъ того да другого, да пойдетъ умничать, тогда и житъ отъ него не будегъ! Всякому свое, всякий пусть занимается своимъ. По мнѣ, ужъ лучше тотъ человѣкъ, который говорить прямо, что онъ не знаетъ толку, чѣмъ тотъ, который лицемѣритъ: говорить, будто бы знаетъ то, чего не знаетъ, и только гадить да портить». Онъ работалъ за небольшую плату, то-есть, за плату, которая была нужна ему только для поддержанія семейства и для доставленія возможности трудиться. Кроме того, онъ ни въ какомъ случаѣ не отказывался помочь другому и протянуть руку помощи бѣдному художнику; вѣровалъ простой, благочестивой вѣрою предковъ, и оттого, можетъ-быть, на изображенныхъ имъ лицахъ являлось само собою то высокое выраженіе, до которого не могли докопаться блестящіе таланты. Наконецъ, постоянствомъ своего труда и неуклонностью начертаннаго себѣ пути онъ сталъ даже пріобрѣтать уваженіе со стороны тѣхъ, которые честили его невѣжей и доморощенными само-

учкой. Ему давали безпрестанные заказы въ церкви—и работа у него не переводилась. Одна изъ работъ заняла его сильно. Не помню уже, въ чёмъ именно состояль сюжетъ ея, знаю только тѣ—на картинѣ нужно было помѣстить духа тьмы. Долго думалъ онъ надъ тьмъ, какой дать ему образъ: ему хотѣлось осуществить въ лицѣ его все тяжелое, гнетущее человѣка. При такихъ размышленіяхъ иногда проносился въ головѣ его образъ таинственного ростовщика, и онъ думалъ невольно: «Вотъ бы съ кого мнѣ слѣдовало написать дьявола!» Судите же объ его изумлениіи, когда одинъ разъ, работая въ своей мастерской, услышалъ онъ стукъ въ дверь, и вслѣдъ за тьмъ прямо вошелъ къ нему ужасный ростовщикъ. Онъ не могъ не почувствовать какой-то внутренней дрожи, которая пробѣжала невольно по его тѣлу.

«Ты художникъ?» сказалъ онъ безъ всякихъ церемоній моему отцу.

«Художникъ», сказалъ отецъ въ недоумѣни, ожидая, что будетъ далѣе.

«Хорошо. Нарисуй съ меня портретъ. Я, можетъ-быть, скоро умру, дѣтей у меня нѣть; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портретъ, чтобы былъ совершенно какъ живой?»

«Отецъ мой подумалъ: «Чего лучше? онъ самъ просится въ дьяволы ко мнѣ на картину». Даль слово. Они угово-рились во времени и цѣнѣ, и на другой же день, схвативши палитру и кисти, отецъ мой уже былъ у него. Высокій дворъ, собаки, желѣзныя двери и затворы, дугообразныя окна, сундуки, покрытые странными коврами и, наконецъ, самъ необыкновенный хозяинъ, сѣвшій неподвижно передъ нимъ,—все это произъшло на него странное впечатлѣніе. Окна, какъ нарочно, были заставлены и загромождены снизу такъ, что давали свѣтъ только съ одной верхушки. «Чортъ побери, какъ теперь хорошо освѣтилось его лицо!» сказалъ онъ про себя, и принялъся жадно писать, какъ бы опасаясь, чтобы какъ-нибудь не исчезло счастливое освѣщеніе. «Экая сила!» повторялъ онъ про себя: «если я хотя вполовину изображу его такъ, какъ онъ есть теперь, онъ убьетъ всѣхъ моихъ святыхъ и ангеловъ: они побѣдятъ предъ нимъ. Какая дьявольская сила! онъ у меня, просто, выскочить изъ полотна, если только хоть немножко буду вѣренъ

натурѣ. Какія необыкновенныя черты!» повторялъ онъ безпрестанно, усугубляя рвенье, и уже видѣлъ самъ, какъ стали переходить на полотно нѣкоторыя черты. Но чѣмъ болѣе онъ приближался къ нимъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ какое-то тягостное, тревожное чувство, непонятное себѣ самому. Однакоже, несмотря на то, онъ положилъ себѣ преслѣдовать съ буквальною точностью всякую незамѣтную черту и выраженье. Прежде всего занялся онъ отдѣлкою глазъ. Въ этихъ глазахъ столько было силы, что, казалось, нельзя бы и помыслить передать ихъ такъ, какъ были въ натурѣ. Однакоже, во чѣмъ бы то ни стало, онъ рѣшился доискаться въ нихъ послѣдней мелкой черты и оттѣнка, постигнуть ихъ тайну... Но какъ только началъ онъ входить и углубляться въ нихъ кистью, въ душѣ его возродилось такое странное отвращенье, такая непонятная тягость, что онъ долженъ былъ на нѣсколько времени бросить кисть и потомъ приниматься вновь. Наконецъ, уже не могъ онъ болѣе выносить: онъ чувствовалъ, что эти глаза вонзились ему въ душу и производили въ ней тревогу непостижимую. На другой, на третій день это было еще сильнѣе. Ему сдѣлалось страшно. Онъ бросилъ кисть и сказалъ наотрѣзъ, что не можетъ болѣе писать съ него. Надобно было видѣть, какъ измѣнился при этихъ словахъ страшный ростовщикъ. Онъ бросился къ нему въ ноги и молилъ кончить портретъ, говоря, что отъ этого зависитъ судьба его и существованье въ мірѣ; что уже онъ тронулъ своею кистью его живыя черты; что если онъ передастъ ихъ вѣрно, жизнь его сверхъестественною силою удержится въ портретѣ; что онъ чрезъ то не умретъ совершенно; что ему нужно присутствовать въ мірѣ. Отецъ мой почувствовалъ ужасъ отъ такихъ словъ: они ему показались до того странны и страшны, что онъ бросилъ кисти, и палитру, и бросился опрометью вонъ изъ комнаты.

«Мысль о томъ тревожила его весь день и всю ночь; а поутру онъ получилъ отъ ростовщика портретъ, который принесла ему какая-то женщина, единственное существо, бывшее у него въ услугахъ, объявившая тутъ же, что хозяинъ не хочетъ портрета, не даетъ за него ничего и присылаетъ назадъ. Вечеру того же дня узналъ онъ, что ростовщикъ умеръ и что собираются уже хоронить его по обрядамъ его религіи. Все это казалось ему неизѣяснимо-

странно. А между тѣмъ съ этого времени оказалась въ характерѣ его ощущительная перемѣна: онъ чувствовалъ неспокойное, тревожное состояніе, которому самъ не могъ понять причины, и скоро сдѣлалъ онъ такой поступокъ, котораго бы никто не могъ отъ него ожидать. Съ нѣкотораго времени труды одного изъ учениковъ его начали привлекать вниманіе небольшого круга знатоковъ и любителей. Отецъ мой всегда видѣлъ въ немъ талантъ и оказывалъ ему за то свое особенное расположеніе. Вдругъ почувствовалъ онъ къ нему зависть. Всеобщее участіе и толки о немъ сдѣлались ему невыносимы. Наконецъ, къ довершенню досады, узнаетъ онъ, что ученику его предложили написать картину для вновь отстроенной богатой церкви. Это его взорвало. «Нѣть, не дамъ же молокососу восторгъствовать!» говорилъ онъ: «рано, братъ, вздумалъ старииковъ сажать въ грязь! Еще, слава Богу, есть у меня силы. Вотъ мы увидимъ, кто кого скорѣе посадитъ въ грязь». И прямодушиный, чистый въ душѣ человѣкъ употребилъ интриги и происки, которыми дотолѣ всегда гищался; добился, наконецъ, того, что на картину объявленъ былъ конкурсъ и другие художники могли войти также съ своими работами, послѣ чего заперся онъ въ свою комнату и съ жаромъ приняли за кисть. Казалось, всѣ свои силы, всего себя хотѣлъ онъ сюда собрать. И, точно, это вышло одно изъ лучшихъ его произведеній. Никто не сомнѣвался, чтобы не за нимъ осталось первенство. Картины были представлены, и всѣ прочія показались предъ нею, какъ ночь предъ днемъ. Какъ вдругъ одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ, если не ошибаюсь, духовная особа, сдѣлалъ замѣчаніе, поразившее всѣхъ. «Въ картинѣ художника, точно, есть много таланта», сказаль онъ: «но нѣть святости въ лицахъ; есть даже, напротивъ того, что-то демонское въ глазахъ, какъ будто бы рукою художника водило нечистое чувство». Всѣ взглянули и не могли не убѣдиться въ истинѣ этихъ словъ. Отецъ мой бросился впередъ къ своей картинѣ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы повѣрить самому такое обидное замѣчаніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ всѣмъ почти фигурамъ придалъ глаза ростовщика. Они такъ глядѣли демонски-сокрушительно, что онъ самъ невольно вздрогнулъ. Картина была отвергнута, и онъ долженъ былъ, къ неописанной своей досадѣ, услышать, что первенство осталось за его

ученикомъ. Невозможно было описать того бѣшенства, съ которымъ онъ возвратился домой. Онъ чуть не прибилъ мать мою, разогналъ дѣтей, переломалъ кисти и мольбертъ, схватилъ со стѣны портретъ ростовщика, потребовалъ ножъ и велѣлъ разложить огонь въ каминѣ, намѣреваясь изрѣзать его въ куски и сжечь. На этомъ движеньи засталъ его вошедший въ комнату пріятель, живописецъ, какъ и онъ, весельчакъ, всегда довольный собой, не заносившійся никакими отдаленными желаніями, работавшій весело все, что попадалось, и еще веселѣй того принимавшійся за обѣдь и пирушку.

«Что ты дѣлаешь? что собираешься жечь?» сказалъ онъ и подошелъ къ портрету. «Помилуй, это одно изъ самыхъ лучшихъ твоихъ произведеній. Это ростовщикъ, который недавно умеръ; да это совершилъшая вещь. Ты ему, просто, попалъ не въ бровь, а въ самые глаза залѣзъ. Такъ въ жизнь никогда не глядѣли глаза, какъ они глядѣятъ у тебя».

«А вотъ я посмотрю, какъ они будутъ глядѣть въ огнѣ!» сказалъ отецъ, сдѣлавши движенье швырнуть портретъ въ каминъ.

«Остановись, ради Бога!» сказалъ пріятель, удержавъ его: «отдай его ужъ лучше мнѣ, если онъ тебѣ до такой степени колѣтъ глазъ». Отецъ сначала упорствовалъ, наконецъ согласился, и весельчакъ, чрезвычайно довольный своимъ пріобрѣтеніемъ, уташилъ портретъ съ собою.

«По уходѣ его, отецъ мой вдругъ почувствовалъ себя спокойнѣе. Точно, какъ будто бы вмѣстѣ съ портретомъ свалилась тяжесть съ его души. Онъ самъ изумился своему злобному чувству, своей зависти и явной перемѣнѣ своего характера. Разсмотрѣши поступокъ свой, онъ опечалился душою и, ис безъ внутренней скорби, произнесъ: «Нѣть, это Богъ наказалъ меня; картина моя подѣломъ понесла писрамленье. Она была замышлена съ тѣмъ, чтобы погубить брата. Демонское чувство зависти водило мою кистью, демонское чувство должно было и отразиться въ ней». Онъ немедленно отправился искать бывшаго ученика своего, обнялъ его крѣпко, просилъ у него прощенья и старался, сколько могъ, загладить предъ нимъ вину свою. Работы его вновь потекли попрежнему беззмятежно; но задумчивость стала показываться чаще на его лицѣ. Онъ больше молчалъ, чаще бывалъ молчаливъ и не выражался такъ рѣзко о лю-

дыхъ; самая грубая наружность его характера какъ-то умягчилась. Скоро одно обстоятельство еще больше потрясло его. Онъ уже давно не видался съ товарищемъ своимъ, выпросившимъ у него портретъ. Уже собирался было итти его провѣдать, какъ вдругъ онъ самъ вошелъ неожиданно въ его комнату. Послѣ нѣсколькихъ словъ и вопросовъ съ обѣихъ сторонъ, онъ сказалъ: «Ну, братъ, не даромъ ты хотѣлъ сжечь портретъ. Чортъ его побери, въ немъ есть что-то страшное... Я вѣдьмамъ не вѣрю, но, воля твоя, въ немъ сидитъ нечистая сила...»

«Какъ?» сказалъ отецъ мой.

«А такъ, что съ тѣхъ поръ, какъ повѣсили я къ себѣ его въ комнату, почувствовалъ тоску такую... точно, какъ будто бы хотѣлъ кого-то зарѣзать. Въ жизнь мою я не зналъ, чтѣ такое безсонница, а теперь испыталъ не только безсонницу, но сны такіе... я и самъ не умѣю сказать, сны ли это, или что другое: точно домовой тебя душить и все мешается проклятый старицъ. Однимъ словомъ, не могу разсказать тебѣ моего состоянія. Подобнаго со мной никогда не бывало. Я бродилъ, какъ шальной, всѣ эти дни: чувствовалъ какую-то боязнь, непріятное ожиданье чего-то. Чувствую, что не могу сказать никому веселаго, искренняго слова; точно, какъ будто возлѣ меня сидитъ шпіонъ какой-нибудь. И только съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ портретъ племяннику, который напросился на него, почувствовалъ, что съ меня вдругъ будто какой-то камень свалился съ плечъ: вдругъ почувствовалъ себя веселымъ, какъ видишь. Ну, братъ, состряпалъ ты черта!»

«Во время этого разсказа отецъ мой слушалъ его съ неразвлекаемымъ вниманіемъ и, наконецъ, спросилъ: «И портретъ теперь у твоего племянника?»

«Куда у племянника! не выдержалъ!» сказалъ весельчакъ: «знать, душа самого ростовщика переселилась въ него: онъ выскакиваетъ изъ рамъ, расхаживаетъ по комнатѣ, и то, что разсказываетъ племянникъ, просто уму непонятно. Я бы принялъ его за сумасшедшаго, если бы отчасти не испыталъ самъ. Онъ его продалъ какому-то собирателю картинъ, да и тотъ не вынесъ его и тоже кому-то сбылъ съ рукъ».

«Этотъ разсказъ произвелъ сильное впечатлѣніе на моего отца. Онъ задумался не въ шутку, впасть въ ипохондрію

и, наконецъ, совершенно увѣрился въ томъ, что кисть его послужила дьявольскимъ орудіемъ, что часть жизни ростовщика перешла въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь въ портрѣть и тревожить теперь людей, внушая бѣсовскія побужденія, совращающая художника съ пути, порождая страшныя терзанія зависти, и проч., и проч. Три случившіяся вслѣдъ за тѣмъ несчастія, три внезапныя смерти: жены, дочери и малолѣтняго сына, почель онъ пебесною казнью себѣ и рѣшился непремѣнно оставить свѣтъ. Какъ только минуло мнѣ девять лѣтъ, онъ поѣхалъ менѣ въ академію художествъ и, расплатясь съ своими должниками, удалился въ одну уединенную обитель, гдѣ скоро постригся въ монахи. Тамъ строгостью жизни, неусыпнымъ соблюденіемъ всѣхъ монастырскихъ правилъ онъ изумилъ всю братью. Настоятель монастыря, узнавши объ искусствѣ его кисти, требовалъ отъ него написать главный образъ въ церковь. Но смиренный братъ сказалъ наотрѣзъ, что онъ недостоинъ взяться за кисть, что она осквернена, что трудомъ и великими жертвами онъ долженъ прежде очистить свою душу, чтобы удостоиться приступить къ такому дѣлу. Его не хотѣли принуждать. Онъ самъ увеличивалъ для себя, сколько было возможно, строгость монастырской жизни. Наконецъ, уже и она становилась ему недостаточною и не довольно строгою. Онъ удалился, съ благословеніемъ настоятеля, въ пустынъ, чтобы быть совершенно одному. Тамъ изъ древесныхъ вѣтвей выстроилъ онъ себѣ келью, питался одними сырыми кореньями, таскалъ на себѣ камни съ мыса на мысто, стоялъ отъ восхода до захода солнечнаго на одномъ и томъ же мыстѣ съ поднятыми къ небу руками, читая безпрерывно молитвы, — словомъ, изыскивалъ, казалось, всѣ возможныя степени терпѣнья и того непостижимаго самоотверженія, которому примѣры можно развѣ найти въ однихъ только житіяхъ святыхъ. Такимъ образомъ, долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изнуряль онъ свое тѣло, подкрутилъ его въ то же время живительную силу молитвы. Наконецъ, въ одинъ день пришелъ онъ въ обитель и сказалъ твердо настоятелю: «Теперь я готовъ; если Богу угодно, я совершу свой трудъ». Предметъ, взятый имъ, было Рождество Иисуса. Цѣлый годъ сидѣлъ онъ за нимъ, не выходя изъ своей кельи, едва питая себя суповой пищей, молясь безпрестанно. По истеченіи года картина была готова. Это было, точно

чудо кисти. Надобно знать, что ни братья, ни настоятель не имѣли большихъ свѣдѣній въ живописи, но всѣ были поражены необыкновенной святостью фигуръ. Чувство божественного смиренья и кротости въ лицѣ Пречистой Матери, склонившейся надъ Младенцемъ, глубокій разумъ въ очахъ Божественного Младенца, какъ будто уже что-то прозрѣвающихъ вдали, торжественное молчанье пораженныхъ божественнымъ чудомъ царей, повергнувшихъ къ ногамъ Его, и, наконецъ, святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину,—все это предстало въ такой согласной силѣ и могуществѣ красоты, что впечатлѣніе было магическое. Вся братья поверглась на колѣни предъ новымъ образомъ, и умиленный настоятель произнесъ: «Нѣтъ, нельзя человѣку съ помощью одного человѣческаго искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твою кистью, и благословеніе небесъ почило на трудѣ твоемъ».

«Въ это время окончилъ я свое ученье въ академіи, получилъ золотую медаль и вмѣстѣ съ нею радостную надежду на путешествие въ Италію — лучшую мечту двадцатилѣтняго художника. мнѣ оставалось только проститься съ моимъ отцомъ, съ которымъ уже двѣнадцать лѣтъ какъ я разстался. Признаюсь, даже самыи образъ его давно исчезнулъ изъ моей памяти. Я уже нѣсколько наслышался о суровой святости его жизни и заранѣе воображалъ себѣ встрѣтить черствую наружность отшельника, чуждаго всему въ мірѣ, кромѣ своей кельи и молитвы, изнуреннаго, высохшаго отъ вѣчнаго поста и бѣднія. Но какъ же я изумился, когда предсталъ предо мною прекрасный, почти божественный старецъ! И слѣдовъ измѣженія не было замѣтно на его лицѣ: оно сіяло свѣтлостью небеснаго веселья. Бѣлая, какъ снѣгъ, борода и тонкіе, почти воздушные волосы такого же серебристаго цвѣта разсыпались картиенно по груди и по складкамъ его черной рясы и падали до самаго вервяя, которымъ опоясывалась его убогая монашеская одежда. Но болѣе всего изумительно было для меня услышать изъ устъ его такія слова и мысли объ искусствѣ, которыя, признаюсь, я долго буду хранить въ душѣ и желалъ бы искренно, чтобы всякий мой собратъ сдѣлалъ то же.

«Я ждалъ тебя, сынъ мой», сказаъ онъ, когда я подошелъ къ его благословенію. «Тебѣ предстоитъ путь, по ко-

Торому отнынѣ потечетъ жизнь твоя. Путь твой чистъ—не
Совратись съ него. У тебя есть талантъ; талантъ есть дра-
гоцѣннѣйшій даръ Бога — не погуби его. Изслѣдуй, изучай
все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй
находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постиг-
нуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, вла-
дѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ
ничтожномъ художникъ—создатель такъ же великъ, какъ и
въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣн-
наго, ибо сквозить невидимо сквозь него прекрасная душа
создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе,
ибо протекло сквозь чистилище его души... Намекъ о бо-
жественномъ, небесномъ рабѣ заключенъ для человѣка въ
искусствѣ и по тому одному оно уже выше всего. И во
сколько разъ торжественный покой выше всякаго волненія
мірского; во сколько разъ творенье выше разрушенья; во
сколько разъ ангель одной только чистой невинностю свѣт-
лой души своей выше всѣхъ несмѣтныхъ силъ и гордыхъ
страстей сатаны,—во столько разъ выше всего, что ни есть
на свѣтѣ, высокое созданье искусства. Все принеси ему въ
жертву и возлюби его всей страстью,—не страстью, дыша-
щую земнымъ вожделѣньемъ, но тихой, небесной страстью:
безъ нея не властенъ человѣкъ возвыситься отъ земли и
не можетъ дать чудныхъ звуковъ успокоенія; ибо для усмо-
коенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое со-
зданіе искусства. Оно не можетъ поселить ропота въ душу,
но звучащей молитвой стремится вѣчно къ Богу. Но есть
минуты, темныя минуты...» Онъ остановился, и я замѣтилъ,
что вдругъ омрачился свѣтлый ликъ его, какъ будто бы
на него набѣжало какое-то мгновенное облако. «Есть одно
происшествіе въ моей жизни», сказалъ онъ. «Донынѣ я не
могу понять, кто былъ тотъ странный образъ, съ котораго
я написалъ изображеніе. Это было точно какое-то дьяволь-
ское явленіе. Я знаю, свѣтъ отвергаетъ существованье дья-
вола, и потому не буду говорить о немъ; но скажу только,
что я съ отвращеніемъ писалъ его: я не чувствовалъ въ
то время никакой любви къ своей работѣ. Насильно хотѣлъ
покорить себя и бездушно, заглушивъ все, быть вѣрнымъ
природѣ. Это не было созданье искусства, и потому чув-
ства, которыхъ объемлютъ всѣхъ при взгляде на него, суть
уже мятежныя чувства, тревожныя чувства, не чувства

художника, ибо художникъ и въ тревогѣ дышитъ покосимъ. Мыѣ говорили, что портретъ этотъ ходить по рукамъ и разсѣваетъ томительныя впечатлѣнія, зарождая въ художникъ чувства зависти, мрачной ненависти къ брату, злобную жажду производить гоненія и угнетенія. Да хранитъ тебя Всевышній отъ сихъ страстей! Нѣть ихъ страшнѣе. Лучше вынести всю горечь возможныхъ гоненій, чѣмъ нанести кому-либо одну тѣнь гоненія. Спасай чистоту души своей. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душою. Другому простится многое, но ему не простится. Человѣку, который вышелъ изъ дома въ свѣтлой праздничной одеждѣ, стойти только быть обрызнуту одною каплей грязи изъ-подъ колеса, и уже весь народъ обстутилъ его и указываетъ на него пальцемъ, и толкуетъ обѣ его неряшествѣ, тогда какъ тотъ же народъ не замѣчаетъ множества пятенъ на другихъ проходящихъ, одѣтыхъ въ будничныя одежды, ибо на будничныхъ одеждахъ не замѣ чаются пятна».

«Онъ благословилъ меня и обнялъ. Никогда въ жизни не былъ я такъ возвыщенно подвигнутъ. Благоговѣйно, болѣе, чѣмъ съ чувствомъ сына, прильнулъ я къ груди его и поцѣловалъ въ разсыпавшіеся его серебряные волосы.

«Слеза блеснула въ его глазахъ. «Исполни, сынъ мой, одну мою просьбу», сказаъ онъ мнѣ уже при самомъ разставаніи. «Можетъ-быть, тебѣ случится увидать гдѣ-нибудь тотъ портретъ, о которомъ я говорилъ тебѣ,—ты его узнаешь вдругъ по необыкновеннымъ глазамъ и неестественному ихъ выраженію,—во что бы то ни стало, истреби его...»

«Вы можете судить сами, могъ ли я не обѣщать клятвенно исполнить такую просьбу. Въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ не случалось мнѣ встрѣтить ничего такого, что бы хотя сколько-нибудь походило на описание, сдѣланное моимъ отцомъ, какъ вдругъ теперь на аукціонѣ...»

Здѣсь художникъ, не договоривъ еще своей рѣчи, обратилъ глаза на стѣну съ тѣмъ, чтобы взглянуть еще разъ на портретъ. То же самое движеніе сдѣлала въ одинъ мигъ вся толпа слушавшихъ, ища глазами необыкновенного портрета. Но, къ величайшему изумленію, его уже не было на стѣнѣ. Невнятный говоръ и шумъ пробѣжалъ по всей толпѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышались явственно слова: «украденъ». Кто-то успѣлъ уже стащить его, воспользовав-

шись вниманьемъ слушателей, увлеченыхъ разсказомъ. И долго всѣ присутствовавши оставались въ недоумѣніи, не зная, дѣйствительно ли они видѣли эти необыкновенные глаза, или же это была, просто, мечта, представшая только на мигъ глазамъ ихъ, утружденнymъ долгимъ разсмотриваньемъ старинныхъ картинъ.

ШИНЕЛЬ.

Въ департаментѣ... но лучше не называть, въ какомъ департаментѣ. Ничего нѣтъ сердитѣе всякаго рода департаментовъ, полковъ, канцелярій и, словомъ, всякаго рода должностныхъ сословій. Теперь уже всякий частный человѣкъ считаетъ въ лицѣ свое мъ оскорблѣнныи все общество. Говорятъ, весьма недавно поступила просьба отъ одного капитанъ-исправника, не помню, какого-то города, въ которой онъ излагаетъ ясно, что гибнуть государственный постановленія, и что священное имя его произносится рѣшительно всуе; а въ доказательство приложилъ къ просьбѣ преогромный томъ какого-то романтическаго сочиненія, гдѣ, чрезъ каждыя десять страницъ, является капитанъ-исправникъ, мѣстами даже совершенно въ пьяномъ видѣ. Итакъ, во избѣжаніе всякихъ непріятностей, лучше департаментъ, о которомъ идетъ дѣло, мы назовемъ *однимъ департаментомъ*. Итакъ, *въ одномъ департаментѣ* служилъ *одинъ чиновникъ*, —чиновникъ, нельзя сказать, чтобы очень замѣчательный: низенькаго роста, нѣсколько рябовать, нѣсколько рыжеватъ, нѣсколько даже на видъ подслѣповатъ, съ небольшой лысиной на лбу, съ морщинами по обѣимъ сторонамъ щекъ и цвѣтомъ лица, что называется, геморроидальнымъ... Что-жъ дѣлать! виноватъ петербургскій климатъ. Чѣмъ касается до чина (ибо у насъ прежде всего нужно объявить чинъ), то онъ былъ тѣ, что называются вѣчный титуллярный совѣтникъ, надъ которымъ, какъ известно, натрунились и

наострились вдоволь разные писатели, имѣющіе похвальное обыкновеніе налагать на тѣхъ, которые не могутъ кусаться. Фамилія чиновника была Башмачкинъ. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла отъ башмака; но когда, въ какое время и какимъ образомъ произошла она отъ башмака,—ничего этого неизвѣстно. И отецъ, и дѣдъ, и даже гурунть, и всѣ совершенно Башмачкины ходили въ сапогахъ, иеремѣняя только раза три въ годъ подметки. Имя его было Акакій Акакіевичъ. Можетъ-быть, читателю оно покажется нѣсколько страннымъ и выискааннымъ, но можно увѣрить, что его никакъ не искали, а что сами собою случились такія обстоятельства, что никакъ нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вотъ какъ. Родился Акакій Акакіевичъ противъ ночи, если только не измѣняетъ память, на 23 марта. Покойница-матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, какъ слѣдуетъ, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати противъ дверей, а по правую руку стоялъ кумъ, превосходнѣйший человѣкъ, Иванъ Ивановичъ Ерошкинъ, служившій столоначальникомъ въ сенатѣ, и кума, жена квартального офицера, женщина рѣдкихъ добродѣтелей, Арина Семеновна Бѣлобрюшкова. Родильницѣ предоставили на выборъ любое изъ трехъ, какое она хочетъ выбрать: Мокія, Соссія, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нѣть», подумала покойница, «имена-то все такія». Чтобы угодить ей, развернули календарь въ другомъ мѣстѣ—вышли опять три имени: Трифилій, Дула и Варахасій. «Вотъ это наказаніе!» проговорила старуха: «какія все имена! Я, право, никогда и не слыхивала такихъ. Пусть бы еще Варадать или Варухъ, а то Трифилій и Варахасій». Еще переворотили страницу — вышли: Павсикахій и Вахтисій. «Ну, ужъ я вижу», сказала старуха: «что, видно, его такая судьба. Ужъ если такъ, пусть лучше будетъ онъ называться, какъ и отецъ его. Отецъ былъ Акакій, такъ пусть и сынъ будетъ Акакій». Такимъ образомъ и произошелъ Акакій Акакіевичъ. Ребенка окрестили, при чемъ онъ заплакалъ и сдѣлалъ такую гримасу, какъ будто бы предчувствовалъ, что будетъ титулярный совѣтникъ. Итакъ, вотъ какимъ образомъ произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель могъ самъ видѣть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никакъ не-

возможно. Когда и въ какое время онъ поступилъ въ департаментъ и кто опредѣлилъ его, этого никто не могъ припомнить. Сколько ни перемѣнялось дирекголовъ и всякихъ начальниковъ, его видѣли все на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ томъ же положеніи, въ той же самой должности, тѣмъ же чиновникомъ для письма, такъ что потомъ увѣрились, что онъ, видно, такъ и родился на свѣтѣ уже совершено готовымъ, въ вицмундирѣ и съ лысиной на головѣ. Въ департаментѣ не оказывалось къ нему никакого уваженія. Сторожа не только не вставали съ мѣстъ, когда онъ проходилъ, но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ приемную пролетѣла простая муха. Начальники поступали съ нимъ какъ-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощникъ столоначальника прямо совалъ ему подъ носъ бумаги, не сказавъ даже: «Перепишите», или: «Вотъ интересное, хорошенькое дѣльце», или что-нибудь пріятное, какъ употребляется въ благовоспитанныхъ службахъ. И онъ бралъ, посмотрѣвъ только на бумагу, не глядя, кто ему подложилъ и имѣть ли на то право; онъ бралъ и тутъ же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмѣивались и острелились надъ нимъ, во сколько хватало канцелярскаго остроумія, разсказывали тутъ же предъ нимъ разныя составленныя про него исторіи; про его хозяйку, семидесятилѣтнюю старуху, говорили, что она бѣть его, спрашивали, когда будетъ ихъ свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снѣгомъ. Но ни одного слова не отвѣчали на это Акакій Акакіевичъ, какъ будто бы никого и не было передъ нимъ. Это не имѣло даже вліянія на занятія его: среди всѣхъ этихъ докудъ онъ не дѣлалъ ни одной ошибки въ письмѣ. Только если ужъ слишкомъ была невыносима шутка, когда толкали его подъ руку, мѣшая заниматься своимъ дѣломъ, онъ произносилъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось въ словахъ и въ голосѣ, съ какимъ они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, недавно опредѣлившійся, который, по примѣру другихъ, позволилъ было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ какъ будто все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ кото-

рыми онъ познакомился, принялъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенький чиновникъ съ лысинкою на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «я братъ твой». И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ...

Брѣдь ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. Мало сказать: онъ служилъ ревностно; нѣтъ, онъ служилъ съ любовью. Тамъ, въ этомъ переписываныи, ему видѣлся какой-то свой разнообразный и пріятный міръ. Наслажденіе выражалось на лицѣ его; нѣкоторыя буквы у него были фавориты, до которыхъ если онъ добирался, то былъ самъ не свой: и подсмѣивался, и подмигивалъ, и помогалъ губами, такъ что въ лицѣ его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы, соразмѣрно его рвению, давали ему награды, онъ, къ изумленію своему, можетъ-быть, даже попалъ бы въ статскіе совѣтники; но выслужилъ онъ, какъ выражались остряки, его же товарищи, пріжку въ петлицу да нажилъ геморой въ поясницу. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы не было къ нему никакого вниманія. Одинъ директоръ, будучи добрый человѣкъ и желая вознаградить его за долгую службу, приказалъ дать ему что-нибудь по-важнѣе, чѣмъ обыкновенное переписыванье: именно изъ готоваго уже дѣла вѣльно было ему сдѣлать какое-то отношеніе въ другое присутственное мѣсто; дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить заглавный титулъ да перемѣнить кое-гдѣ глаголы изъ первого лица въ третье. Это задало ему такую работу, что онъ вспотѣлъ совершенно, терпѣлъ и наконецъ сказалъ: «Нѣтъ, лучше, дайте, я перепишу что-нибудь». Съ тѣхъ поръ оставили его навсегда переписывать. Внѣ этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Онъ не думалъ вовсе о своемъ платѣ: вицмундиръ у него былъ—не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвѣта. Воротничокъ на немъ былъ узень-

кій, низенький, такъ что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя изъ воротника, казалась необыкновенно длинною, какъ у тѣхъ гипсовыхъ котенковъ, болтающихъ головами, которыхъ носятъ на головахъ цѣлыми десятками русскіе иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало къ его вицмундиру: или сѣнца кусочекъ, или какая-нибудь ниточка; къ тому же онъ имѣть особенное искусство, ходя по улицѣ, поспѣвать подъ окно именно въ то самое время, когда изъ него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вѣчно уносить на своей шляпѣ арбузныя и длинныя корки и тому подобный вздоръ. Ни одинъ разъ въ жизни не обратилъ онъ вниманія на то, что дѣлается и происходитъ всякий день на улицѣ, на что, какъ известно, всегда посмотрѣть его же братъ, молодой чиновникъ, простирающій до того проницательность своего бойкаго взгляда, что замѣтить даже, у кого на другой сторонѣ тротуара отпоролась внизу панталонъ стремешка, — что вызываетъ всегда лукавую усмѣшку на лицѣ его. Но Акакій Акакіевичъ если и глядѣлъ на что, то видѣлъ на всемъ свои чистыя, ровныя почеркомъ выписанныя строки, и только развѣ, если, неизвѣстно откуда взявшись, лошадиная морда помѣщалась ему на плечо и напускала ноздрями цѣлый вѣтеръ въ щеку, тогда только замѣчалъ онъ, что онъ не на серединѣ строки, а скорѣе на серединѣ улицы. Приходя домой, онъ садился тотъ же часъ за столъ, хлебаль наскоро свои пти и бѣль кусокъ говядины съ лукомъ, вовсе не замѣчая ихъ вкуса, бѣль все это съ мухами и со всѣмъ тѣмъ, что ни послыпалъ Богъ на ту пору. Замѣтивши, что желудокъ начинаетъ пучиться, вставалъ изъ-за стола, вынималъ баночку съ чернилами и переписывалъ бумаги, принесенные на домъ. Если же такихъ не случалось, онъ сниналъ нарочно, для собственного удовольствія, копію для себя, особенно, если бумага была замѣчательна не по красотѣ слога, но по адресу къ какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже въ тѣ часы, когда совершенно потухаетъ петербургское сѣрое небо и весь чиновный народъ наѣлся и отобѣдалъ, кто какъ могъ, сообразно съ получаемымъ жалованьемъ и собственной прихотью, когда все уже отдохнуло постѣ департаментскаго скрипѣнья перьями, бѣготни, своихъ и чужихъ необходимыхъ занятій и всего того, что задаетъ

себѣ добровольно, большие даже, чѣмъ нужно, неугомонный человѣкъ, когда чиновники спѣшать предать наслажденію оставшееся время: кто побойчье, несется въ театръ; кто на улицу, опредѣляя его на разсмотрѣванье кое-какихъ шляпенокъ; кто на вечеръ — истратить его въ комплиментахъ какой-нибудь смазливой дѣвушкѣ, звѣздѣ небольшого чиновнаго круга; кто,—и это случается чаще всего,—идетъ, просто, къ своему брату въ четвертый или третій этажъ, въ двѣ небольшія комнаты съ передней или кухней и кое-какими модными претензіями, лампой или иной вещицей, стоявшей многихъ пожертвованій, отказовъ отъ обѣдовъ, гуляній,—словомъ, даже въ то время, когда всѣ чиновники разсѣиваются по маленькимъ квартиркамъ своихъ пріятелей поиграть въ штурмовой висть, прихлебывая чай изъ стакановъ съ копѣчными сухарями, затягиваясь дымомъ изъ длинныхъ чубуковъ, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся изъ высшаго общества, отъ котораго никогда и ни въ какомъ состояніи не можетъ отказаться русскій человѣкъ, или даже, когда не о чемъ говорить, пересказывая вѣчный анекдотъ о комендантѣ, которому пришли сказать, что подрубленъ хвостъ у лошади Фальконетова монумента;—словомъ, даже тогда, когда все стремится развлечься, Акакій Акакіевичъ не предавался никакому развлечению. Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. Написавшись всласть, онъ ложился спать, улыбаясь заранѣе при мысли о завтрашнемъ днѣ: что-то Богъ пошлетъ перелисывать завтра? Такъ протекала мирная жизнь человѣка, который, съ четырьмя стами жалованья, умѣлъ быть довольнымъ своимъ жребиемъ, и дотекла бы, можетъ-быть, до глубокой старости, если бы не было разныхъ бѣдствій, разсыпанныхъ на жизненной дорогѣ не только титуллярнымъ, но даже тайнымъ, дѣйствительнымъ, надворнымъ и всяkimъ совѣтникамъ, даже и тѣмъ, которые не даютъ никому совѣтовъ, ни отъ кого не берутъ ихъ сами.

Есть въ Петербургѣ сильный врагъ всѣхъ, получающихъ 400 рублей въ годъ жалованья или около того. Врагъ этотъ не кто другой, какъ нашъ сѣверный морозъ, хотя, впрочемъ, и говорятъ, что онъ очень здоровъ. Въ девятомъ часу утра, именно въ тотъ часъ, когда улицы покрываются идущими въ департаментъ, начинаетъ онъ давать такие сильные и

колючі щелчки безъ разбору по всѣмъ носамъ, что бѣдные чиновники рѣшительно не знаютъ, куда дѣвать ихъ. Въ это время, когда даже у занимающихъ высшія должности болитъ отъ морозу лобъ, и слезы выступаютъ на глазахъ, бѣдные титулярные совѣтники иногда бывають беззащитны. Все спасеніе состоитъ въ томъ, чтобы въ тощенькой шинелишкѣ перебѣжать, какъ можно скорѣе, пять-шесть улицъ и потомъ натопатись хорошенько ногами въ швейцарской, пока не оттаютъ такимъ образомъ всѣ замерзнувшія на дорогѣ способности и дарованья къ должностнымъ отправленіямъ. Акакій Акакіевичъ съ нѣкотораго времени началъ чувствовать, что его какъ-то особенно сильно стало пропекать въ спину и плечо, несмотря на то, что онъ старался перебѣжать, какъ можно скорѣе, законное пространство. Онъ подумалъ, наконецъ, не заключается ли какихъ грѣховъ въ его шинели. Разсмотрѣвъ ее хорошошенько у себя дома, онъ открылъ, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, именно, на спинѣ и на плечахъ, она сдѣлалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакія Акакіевича служила тоже предметомъ насыщекъ чиновникамъ; отъ нея отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотомъ. Въ самомъ дѣлѣ, она имѣла какое-то странное устройство: воротникъ ея уменьшался съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе, ибо служилъ на подтачиванье другихъ частей ея. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мѣшковато и некрасиво. Увидѣвши, въ чемъ дѣло, Акакій Акакіевичъ рѣшилъ, что шинель нужно будетъ снести къ Петровичу, портному, жившему гдѣ-то въ четвертомъ этажѣ по черной лѣстницѣ, который, несмотря на свой кривой глазъ и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничихъ и всякихъ другихъ панталонъ и фраковъ, разумѣется, когда бывалъ въ трезвомъ состояніи и не шталь въ головѣ какого-нибудь другого предпріятія. Объ этомъ портномъ, конечно, не слѣдовало бы много говорить, но такъ какъ уже заведено, чтобы въ повѣсти характеръ всякаго лица быть совершенно означенъ, то, нечего дѣлать, подавайте намъ и Петровича сюда. Сначала онъ назывался просто Григорій и былъ крѣпостнымъ человѣкомъ у какого-то барина; Петровичемъ онъ началъ называться съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отпускную

и стала попивать довольно сильно по всякимъ праздникамъ, сначала по большимъ, а потомъ, безъ разбору, по всѣмъ церковнымъ, гдѣ только стоялъ въ календарь крестикъ. Съ этой стороны онъ былъ вѣренъ дѣдовскимъ обычаямъ и, споря съ женой, называлъ ее мірскою женщиной и нѣмкой. Такъ какъ мы уже знали про жену, то нужно будетъ и о ней сказать слова два; но, къ сожалѣнію, о ней не много было известно, развѣ только то, что у Петровича есть жена, носитъ даже чепчикъ, а не платокъ; но красотою, какъ кажется, она не могла похвастаться; по крайней мѣрѣ, при встрѣтѣ съ нею, одни только гвардейскіе солдаты заглядывали ей подъ чепчикъ, моргнувшіи усомъ и испустивши какой-то особый голосъ.

Взираясь по лѣстницѣ, ведшей къ Петровичу, которая,—надобно отдать справедливость,—была вся умыщена водой, помоями и проникнута насквозь тѣмъ спиртуознымъ запахомъ, который есть глаза и, какъ известно, присутствуетъ неотлучно на всѣхъ черныхъ лѣстницахъ петербургскихъ домовъ,—взираясь по лѣстницѣ, Акакій Акакіевичъ уже подумывалъ о томъ, сколько запросить Петровичъ, и мысленно положилъ не давать больше двухъ рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыма въ кухнѣ, что нельзя было видѣть даже и самыхъ таракановъ. Акакій Акакіевичъ прошелъ черезъ кухню, незамѣченный даже самою хозяйкою, и вступили, наконецъ, въ комнату, гдѣ увидѣлъ Петровича, сидѣвшаго на широкомъ деревянномъ некрашеномъ столѣ и подвернувшаго подъ себя ноги свои, какъ турецкій паша. Ноги, по обычаю портныхъ, сидящихъ за работою, были нагишомъ; и прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, очень известный Акакію Акакіевичу, съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. На шеѣ у Петровича висѣла мотокъ шелку и нитокъ, а на колѣняхъ была какая-то ветошь. Онъ уже минуты съ три продѣвалъ нитку въ иглоное ухо, не понадѣль и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполноголоса: «Не лѣзеть, варварка! Уѣла ты меня, шельма этакая!» Акакію Акакіевичу было непріятно, что онъ пришелъ именно въ ту минуту, когда Петровичъ сердился: онъ любилъ что-либо заказывать Петровичу тогда, когда послѣдній былъ уже нѣсколько подъ-куражемъ, или,

какъ выражалась жена его: «осадился сивухой, одноглазый чортъ». Въ такомъ состояніи Петровичъ, обыкновенно, очень охотно уступалъ и соглашался, всякий разъ даже кланялся и благодарила. Потомъ, правда, приходила жена, илачясь, что мужъ-де былъ пьянь и потому дешево взялся; но гри-венникъ, бывало, одинъ прибавиши—и дѣло въ шляпѣ. Теперь же Петровичъ былъ, казалось, въ трезвомъ состояніи, а потому кругъ, несговорчивъ и охотникъ заламывать чортъ знаѣть какія цѣны. Акакій Акакіевичъ смекнулъ это и хотѣть было уже, какъ говорится, на попятный дворъ, но ужъ дѣло было начато. Петровичъ прищурить на него очень пристально свой единственный глазъ, и Акакій Акакіевичъ невольно выговорилъ: «Здравствуй, Петровичъ!» — «Здравствовать желаю, сударь!» сказаль Петровичъ и покосиль свой глазъ на руки Акакія Акакіевича, желая высмотрѣть, какого рода добычу тутъ несъ.

«А я вотъ къ тебѣ, Петровичъ, того!..» Нужно знать, что Акакій Акакіевичъ изъяснялся болѣею частию предлогами, нарѣчіями и, наконецъ, такими частицами, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого значенія. Если же дѣло было очень затруднительно, то онъ даже имѣлъ обыкновеніе совсѣмъ не оканчивать фразы, такъ что весьма часто, начавши рѣчь словами: «Это, право, совершенно того...» а потомъ уже и ничего не было, и самъ онъ позабывалъ, думая, что все уже выговорилъ.

«Чтѣ-жъ такое?» сказалъ Петровичъ и обсмотрѣль въ то же время своимъ единственнымъ глазомъ весь вицмундиръ его, начиная съ воротника до рукавовъ, спинки, фалдъ и петлей, чтѣ все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таковъ ужъ обычай у портныхъ: это первое, чтѣ онъ сдѣлаетъ при встрѣчѣ.

«А я вотъ того, Петровичъ... шинель-то, сукно... вотъ видиши, вездѣ въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ крѣпкое... оно немножко запылилось и кажется, какъ будто старое, а оно новое, да вотъ только въ одномъ мѣстѣ немногого того... на спинѣ, да еще вотъ на плечѣ одномъ немногого попротерлось, да вотъ на этомъ плечѣ немножко... видиши? вотъ и все. И работы немногого...»

Петровичъ взялъ капотъ, разложилъ его сначала на столъ, разматривалъ долго, покачалъ головою и полѣзъ рукою на окно за круглой табакеркой съ портретомъ какого-то гене-

рала, — какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четвероугольным лоскуточком бумаги. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и разсмотрел его против свѣта, и опять покачал головою; потом обратил его подкладкой вверхъ и вновь покачал; вновь снял крышку съ генераломъ, заклееннымъ бумагой, и, натащивши въ носъ табаку, закрылъ, спряталъ табакерку и, наконецъ, сказалъ: «Нѣть, нельзя поправить: худой гардеробъ!»

У Акакія Акакіевича при этихъ словахъ єхнуло сердце.

«Отчего же нельзя, Петровичъ?» сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ ребенка: «вѣдь только всего, что на плечахъ поистерлось; вѣдь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...»

«Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся», сказалъ Петровичъ: «да нашить-то нельзя: дѣло совсѣмъ гнилое, тронешь иглой — а вотъ ужъ оно и ползетъ».

«Пускай ползеть, а ты тотчасъ заплаточку».

«Да заплаточки не на чёмъ положить, укрѣпиться ей не за что: поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй вѣтеръ, такъ разлетится».

«Ну, да ужъ прикрѣпи. Какъ же этакъ, право, того!..»

«Нѣть», сказалъ Петровичъ решительно: «ничего нельзя сдѣлать. Дѣло совсѣмъ плохое. Ужъ вы лучше, какъ придется зимнее холодное время, надѣлайте изъ нея себѣ онучекъ, потому что чулокъ не грѣеть. Это нѣмцы выдумали, чтобы побольше себѣ денегъ забирать (Петровичъ любиль при случай колынуть нѣмцевъ); а шинель ужъ, видно, вамъ придется новую дѣлать».

При словѣ «новую» у Акакія Акакіевича затуманило въ глазахъ, и все, что ни было въ комнатѣ, такъ и испло предъ нимъ путаться. Онъ видѣлъ ясно одного только генерала съ заклееннымъ бумагой лицомъ, находившагося на крышкѣ Петровичевой табакерки. «Какъ же новую?» сказалъ онъ, все еще какъ будто находясь во снѣ: «вѣдь у меня и денегъ на это нѣть».

«Да, новую», сказалъ съ варварскимъ спокойствиемъ Петровичъ.

«Ну, а если бы пришлось новую, какъ бы она того..?»

«То-есть, что будетъ стоить?»

«Да».

«Да три полсотни слишкомъ надо будетъ приложить», сказаль Петровичъ и сжалъ при этомъ значительно губы. Онъ очень любилъ сильные эфекты, любилъ вдругъ какъ-нибудь озадачить совершенно и потомъ поглядѣть искоса, какую озадаченный сдѣлаетъ рожу послѣ такихъ словъ.

«Полтораста рублей за шинель!» вскрикнулъ бѣдный Акакій Акакіевичъ,—вскрикнулъ, можетъ-быть, въ первый разъ отъ-роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

«Да-сь», сказаль Петровичъ: «да еще какова шинель. Если положить на воротникъ куншу, да пустить капюшонъ на шелковой подкладкѣ, такъ и въ двѣсти войдетъ».

«Петровичъ, пожалуйста», говорилъ Акакій Акакіевичъ умоляющимъ голосомъ, не слыша и не стараясь слышать сказанныхъ Петровичемъ словъ и всѣхъ его эфектовъ: «какъ-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила».

«Да нѣть, это выйдетъ—и работу убивать, и деньги по-пусту тратить», сказаль Петровичъ, и Акакій Акакіевичъ послѣ такихъ словъ вышелъ, совершенно уничтоженный. А Петровичъ, по уходѣ его, долго еще стояль, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволенъ, что и себя не уронилъ, да и портного искусства тоже не выдалъ.

Вышелъ на улицу, Акакій Акакіевичъ быль какъ во снѣ. «Этаково-то дѣло этакое», говорилъ онъ самъ себѣ: «я, право, и не думаль, чтобы оно вышло того...» а потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, прибавилъ: «такъ вотъ какъ! наконецъ, вотъ чтѣ вышло! а я, право, совсѣмъ и предполагать не могъ, чтобы оно было этакъ». За симъ послѣдовало опять долгое молчаніе, послѣ которого онъ произнесъ: «Такъ этакъ-то! вотъ какое ужъ, точно, никакъ неожиданное того... этого бы никакъ... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, онъ, вмѣсто того, чтобы итти домой, пошелъ совершенно въ противную сторону, самъ того не подозрѣвая. Дорогою задѣль его всѣмъ нечистымъ своимъ бокомъ трубочистъ и вычерниль все плечо ему; цѣлая шапка извести высыпалась на него съ верхушки строившагося дома. Онъ ничего этого не замѣтиль, и потомъ уже, когда наткнулся на будочника, который, поставилъ около себя свою алебарду, натряхиваль изъ рожка на мозолистый кулакъ

табаку, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочникъ сказалъ: «Чего лѣзешь въ самое рыло? развѣ нѣть тебѣ трухтуара?» Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здѣсь только онъ началъ собирать мысли, увидѣть въ ясномъ и настоящемъ видѣ свое положеніе, стать разговаривать съ собою уже не отрывисто, но разсудительно и откровенно, какъ съ благоразумнымъ пріятелемъ, съ которымъ можно поговорить о дѣлѣ самому сердечномъ и близкомъ. «Ну, нѣть», сказалъ Акакій Акакіевичъ: «теперь съ Петровичемъ нельзя толковать: онъ теперь того... жена, видно, какъ-нибудь поколотила его. А вотъ я лучше приду къ нему въ воскресный день утромъ: онъ послѣ кануненской субботы будетъ косить глазомъ и заспавшись, такъ ему нужно будетъ опохмелиться, а жена денегъ не дастъ, а въ это время я ему гривенничекъ и того въ руку—онъ и будетъ сговорчивъ, и шинель тогда и того...» Такъ разсудилъ самъ съ собою Акакій Акакіевичъ, ободрилъ себя и дождался первого воскресенья, и, увидѣвъ издали, что жена Петровича куда-то выходитъ изъ дома, онъ—прямо къ нему. Петровичъ, точно, послѣ субботы сильно косилъ глазомъ, голову держалъ къ полу и былъ совсѣмъ заспавшись; но при всемъ томъ, какъ только узналъ, въ чёмъ дѣло, точно какъ будто его чортъ толкнулъ. «Нельзя», сказалъ: «извольте заказать новую». Акакій Акакіевичъ тутъ-то и всунулъ ему гривенничекъ. «Благодарствую, сударь, подкѣрились маленечко за ваше здоровье», сказалъ Петровичъ: «а ужъ обѣ шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель ужъ я вамъ сошью на славу, ужъ на этомъ постоимъ».

Акакій Акакіевичъ еще было насчетъ починки, но Петровичъ не дослушалъ и сказалъ: «Ужъ новую я вамъ сошью безпремѣнно, въ этомъ извольте положиться, старанье приложимъ. Можно будетъ даже такъ, какъ пошла мода, воротникъ будетъ застегиваться на серебряныя лапки подъ апліке».

Тутъ-то увидѣль Акакій Акакіевичъ, что безъ новой шинели нельзя обойтись, и поникъ совершенно духомъ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ, на что, на какія деньги ее сдѣлать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награжденіе къ празднику, но эти деньги давно уже раз-

мъщены и распредѣлены впередь. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долгъ за приставку новыхъ головокъ къ старымъ голенищамъ, да слѣдовало заказать швѣ три рубахи да штуки двѣ того бѣлья, которое неприлично называть въ печатномъ слогѣ; словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что, вмѣсто сорока рублей наградныхъ, опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ, чортъ знаетъ, какую неизомѣрную цѣну, такъ что ужъ, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты съ ума сходишь, дуракъ такой! Въ другой разъ ни за что возьметъ работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цѣну, какой и самъ не стойти». Хотя, конечно, онъ зналъ, что Петровичъ и за восемьдесятъ рублей возьмется сдѣлать; однако, все же, откуда взять эти восемьдесятъ рублей? Еще половину можно было найти: половина бы отыскалась; можетъ-быть, даже немножко и больше; но гдѣ взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, гдѣ взялась первая половина. Акакій Акакіевичъ имѣлъ обыкновеніе со всякаго истрачиваемаго рубля откладывать по гропу въ кебольшой ящичекъ, запертої на ключъ, съ прорѣзанною въ крышкѣ дырочкой для бросанія туда денегъ. По истечениіи всякаго полугода онъ ревизовалъ накопившуюся мѣдную сумму и замѣнялъ ее мелкимъ серебромъ. Такъ продолжалъ онъ съ давнихъ поръ, и такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, оказалось накопившейся суммы болѣе, чѣмъ на сорокъ рублей. Итакъ, половина была въ рукахъ; но гдѣ же взять другую половину? гдѣ взять другие сорокъ рублей? Акакій Акакіевичъ думалъ-думалъ и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенные издержки, хотя по крайней мѣрѣ въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чаю по вечерамъ, не зажигать по вечерамъ свѣчи, а если что понадобится дѣлать, ити въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ, почти на цыпочкахъ, чтобы такимъ образомъ не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже

отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занашивалось, то всякий разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ, очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ. Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыклось и пошло на ладъ, — даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно, нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ какъ будто самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто бы онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ, какъ будто онъ былъ не одинъ, а какая-то пріятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу. Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлилъ и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ — всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты. Огонь порою показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: не положить ли, точно, куницу на воротникъ? Размышенія обѣ этомъ чуть не навели на него разсѣянности. Одинъ разъ, переписывал бумагу, онъ чуть было даже не сдѣлалъ ошибки, такъ что почти вслухъ вскрикнулъ: «ухъ!» и перекрестился. Въ продолженіе каждого мѣсяца онъ, хотя одинъ разъ, навѣдывался къ Петровичу, чтобы поговорить о шинели: гдѣ лучшее купить сукна, и какого цвѣта, и въ какую цѣну, — и хотя нѣсколько озабоченный, но всегда довольно возвращался домой, помышляя, что, наконецъ, придется же время, когда все это купится и когда шинель будетъ сдѣлана. Дѣло пошло даже скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Противу всякаго чаянія, директоръ назначилъ Акакію Акакіевичу не сорокъ или сорокъ пять, а цѣлыхъ шестьдесятъ рублей. Ужъ предчувствовать ли онъ, что Акакію Акакіевичу нужна шинель, или само собой такъ случилось, но только у него чрезъ это очутилось лишнихъ двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ходъ дѣла. Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца небольшого голодаанья — и у Акакія Акакіевича набралось, точно, около восьмидесяти

рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. Въ первый же день онъ отправился вмѣстѣ съ Петровичемъ въ лавки. Купили сукна очень хорошаго — и не мудрено, потому что обѣ этомъ думали еще за полгода прежде и рѣдкій мѣсяцъ не заходили въ лавки примѣняться къ цѣнамъ; зато самъ Петровичъ сказалъ, что лучше сукна и не бываетъ. На подкладку выбрали коленкору, но такого добротнаго и плотнаго, который, по словамъ Петровича, былъ еще лучше шелку и даже на видъ казистѣй и глянцовитѣй. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога, а вмѣсто ея выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась въ лавкѣ,—кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петровичъ провозился за шинелью всего двѣ недѣли, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петровичъ взялъ двѣ-надцать рублей — меньше никакъ нельзя было: все было рѣшительно шито на шелку, двойнымъ мелкимъ швомъ, и по всякому шву Петровичъ потомъ проходилъ собственными зубами, вытисняя ими разныя фигуры. Это было... трудно сказать, въ который именно день, но, вѣроятно, въ день самый торжественнѣйший въ жизни Акакія Акакіевича, когда Петровичъ принесъ, наконецъ, шинель. Онъ принесъ ее поутру, передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ нужно было идти въ департаментъ. Никогда бы въ другое время не пришлась такъ кстати шинель, потому что начинились уже довольно крѣпкие морозы и, казалось, грозили еще болѣе усилиться. Петровичъ явился съ шинелью, какъ слѣдуетъ хорошему портному. Въ лицѣ его показалось выраженіе такое значительное, какого Акакій Акакіевичъ никогда еще не видалъ. Казалось, онъ чувствовалъ въ полной мѣрѣ, что сдѣлалъ не малое дѣло и что вдругъ показалъ въ себѣ бездну, раздѣляющую портныхъ, которые представляютъ только подкладки и переправляютъ, отъ тѣхъ, которые шьютъ заново. Онъ вынулъ шинель изъ носового платка, въ которомъ ее принесъ (платокъ былъ только-что отъ прачки; онъ уже потомъ свернулъ его и положилъ въ карманъ для употребленія). Вынувши шинель, онъ весьма гордо посмотрѣлъ и, держа въ обѣихъ рукахъ, набросиль весьма ловко на плечи Акакію Акакіевичу, потомъ потянуль и осадиль ее сзади рукой книзу; потомъ драпировала ею Акакія Акакіевича нѣсколько на-распашку. Акакій

Акакиевичъ, какъ человѣкъ въ лѣтахъ, хотѣлъ попробовать въ рукава; Петровичъ помогъ надѣть и въ рукава—вышло, что и въ рукава была хороша. Словомъ, оказалось, что шинель была совершенно и какъ разъ виору. Петровичъ не упустилъ при семъ случаѣ сказать, что онъ такъ только, потому что живетъ безъ вывѣски на небольшой улицѣ и притомъ давно знаетъ Акакія Акакиевича, потому взять такъ дешево, а на Невскомъ проспектѣ съ него бы взяли за одну только работу семьдесятъ пять рублей. Акакій Акакиевичъ обѣ этомъ не хотѣлъ разсуждать съ Петровичемъ, да и боялся всѣхъ сильныхъ суммъ, какими Петровичъ любилъ запускать пыль. Онъ расплатился съ нимъ, поблагодарилъ и вышелъ тутъ же въ новой шинели въ департаментъ. Петровичъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, оставаясь на улицѣ, долго еще смотрѣлъ издали на шинель и потомъ пошелъ нарочно въ сторону, чтобы, обогнувши кривымъ переулкомъ, забѣжать вновь на улицу и посмотреть еще разъ на свою шинель съ другой стороны, то-есть, прямо въ лицо. Между тѣмъ Акакій Акакиевичъ шелъ въ самомъ праздничномъ расположеніи всѣхъ чувствъ. Онъ чувствовалъ всякий мигъ минуты, что на плечахъ его новая шинель, и нѣсколько разъ даже усмѣхнулся отъ внутренняго удовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ выгоды: одно тѣ, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги онъ не примѣтилъ вовсе и очутился вдругъ въ департаментѣ; въ швейцарской онъ скинулъ шинель, осмотрѣлъ ее кругомъ и поручилъ въ особенный надзоръ швейцару. Неизвѣстно, какимъ образомъ въ департаментѣ всѣ вдругъ узнали, что у Акакія Акакиевича новая шинель, и что уже капота болѣе не существуетъ. Всѣ въ ту же минуту выбѣжали въ швейцарскую смотрѣть новую шинель Акакія Акакиевича. Начали поздравлять его, привѣтствовать, такъ что тотъ сначала только улыбался, а потомъ сдѣлалось ему даже стыдно. Когда же всѣ, приступивъ къ нему, стали говорить, что нужно всприснуть новую шинель и что, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ задать имъ всѣмъ вечеръ, Акакій Акакиевичъ потерялся совершенно, не зналъ, какъ ему быть, чтѣ такое отвѣтить и какъ отговориться. Онъ уже минутъ черезъ нѣсколько, весь закраснѣвшись, началъ было увѣрять довольно просто-душно, что это совсѣмъ не новая шинель, что это такъ, что это старая шинель. Наконецъ, одинъ изъ чиновниковъ,

какой-то даже помощникъ столоначальника, вѣроятно, для того, чтобы показать, что онъ ничуть не гордецъ и знается даже съ низшими себя, сказалъ: «Такъ и быть, я вмѣсто Акакія Акакіевича даю вечеръ, и прошу ко миѣ сегодня на чай: я же, какъ нарочно, сегодня именинникъ». Чиновники, натурально, тутъ же поздравили помощника столоначальника и приняли съ охотою предложеніе. Акакій Акакіевичъ началь было отговариваться, но всѣ стали говорить, что неучтиво, что, просто, стыдъ и срамъ, и онъ ужъ никакъ не могъ отказаться. Впрочемъ, ему потомъ сдѣлалось пріятно, когда вспомнилъ, что онъ будетъ иметь чрезъ то случай пройтись даже и ввечеру въ новой шинели. Этаъ весь день былъ для Акакія Акакіевича точно самый большой торжественный праздникъ. Онъ возвратился домой въ самомъ счастливомъ расположениіи духа, скинувъ шинель и повѣсили ее бережно на стѣнѣ, налюбовавшись еще разъ сукномъ и подкладкой, и потомъ нарочно вытащилъ, для сравненія, прежній капотъ свой, совершенно расплозшійся. Онъ взглянулъ на него, и самъ даже засмѣялся: такая была далекая разница! И долго еще потомъ за обѣдомъ онъ все усмѣхался, какъ только приходило ему на умъ положеніе, въ которомъ находился капотъ. Пообѣдалъ онъ весело и послѣ обѣда ужъ ничего не писать, никакихъ бумагъ, а такъ немножко посибаритствовалъ на постели, пока не потемнѣло. Потомъ, не затягивая дѣла, одѣлся, надѣль на плечи шинель и вышелъ на улицу. Гдѣ именно жилъ пригласившій чиновникъ, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: память начинаетъ памъ сильно измѣнять, и все, что ни есть въ Петербургѣ, всѣ улицы и дома слились и смѣшились такъ въ головѣ, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь въ порядочномъ видѣ. Какъ бы то ни было, но вѣрно по крайней мѣрѣ то, что чиновникъ жилъ въ лучшей части города, стало-быть, очень неблизко отъ Акакія Акакіевича. Сначала надо было Акакію Акакіевичу пройти кое-какія пустынныя улицы съ топчимъ освѣщеніемъ, но, по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ чиновника, улицы становились живѣе, населеннѣй и сильнѣе освѣщены; пѣшеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одѣтые; на мужчинахъ попадались борбовые воротники; рѣже встречались ваньки съ деревянными рѣшетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздоч-

ками; напротивъ, все попадались лихачи въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ, съ лакированными санками, съ медвѣжьими одѣлами, и пролетали улицу, визжа колесами по скѣгу, кареты съ убранными козлами. Акакій Акакіевичъ глядѣлъ на все это, какъ на новость: онъ уже нѣсколько лѣтъ не выходилъ по вечерамъ на улицу. Остановился съ любопытствомъ передъ освѣщеннымъ окошкомъ магазина посмотретьъ на картину, гдѣ изображена была какая-то красава женщина, которая складала съ себя башмакъ, обнаживши такимъ образомъ всю ногу, очень недурную; а за спиной ея, изъ дверей другой комнаты, выставилъ голову какой-то мужчина съ бакенбардами и красивой эспаньолкой подъ губой. Акакій Акакіевичъ покачнуль головой и усмѣхнулся, и потомъ пошелъ своею дорогою. Почему онъ усмѣхнулся? потому ли, что встрѣтиль венецъ вовсе незнакомую, но о которой, однажоже, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумалъ онъ, подобно многимъ другимъ чиновникамъ, слѣдующее: «Ну, ужъ эти французы! что и говорить! Ужъ ежели захотять что-нибудь того, такъ ужъ, точно, того!..» А можетъ-быть, даже и этого не подумалъ: вѣдь нельзя же залѣзть въ душу человѣку и узнать все, чтѣ онъ ни думаетъ. Наконецъ, достигнулъ онъ дома, въ которомъ квартировалъ помощникъ столоначальника. Помощникъ столоначальника жилъ на большую ногу: на лѣстницѣ свѣтилъ фонарь, квартира была во второмъ этажѣ. Вошедши въ переднюю, Акакій Акакіевичъ увидѣлъ на полу цѣлые ряды калошъ. Между ними, посреди комнаты, стоялъ самоваръ, шумя и испуская клубами паръ. На стѣнахъ висѣли все шинели да плащи, между которыми нѣкоторые были даже съ бобровыми воротниками или съ бархатными отворотами. За стѣной былъ слышенъ шумъ и говоръ, которые вдругъ сдѣлялись ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышелъ лакей съ подносомъ, уставленнымъ опорожненными стаканами, сливочникомъ и корзиною сухарей. Видно, что ужъ чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакій Акакіевичъ, повѣшивши самъ шинель свою, вошелъ въ комнату, и передъ нимъ мелькнули въ одно время свѣчи, чиновники, трубы, столы для картъ, и смутно поразили слухъ его бѣглый, со всѣхъ сторонъ подымавшійся разговоръ и шумъ передви-гаемыхъ стульевъ. Онъ остановился весьма неловко среди

комнаты, лица и стараясь придумать, что ему сдѣлать. Но его уже замѣтили, приняли съ крикомъ, и всѣ пошли тотъ же часъ въ переднюю и вновь осмотрѣли его шинель. Акакій Акакіевичъ хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человѣкомъ чистосердечнымъ, не могъ не порадоваться, видя, какъ всѣ похвалили шинель. Потомъ, разумѣется, всѣ бросили и его, и шинель, и обратились, какъ водится, къ столамъ, назначеннымъ для виста. Все это: шумъ, говоръ и толпа людей,—все это было какъ-то чудно Акакію Акакіевичу. Онъ, просто, не зналъ, какъ ему быть, куда дѣть руки, ноги и всю фигуру свою; наконецъ, подсѣль онъ къ игравшимъ, смотрѣль въ карты, засматривалъ тому и другому въ лица и чрезъ нѣсколько времени началъ зѣвать, чувствовать, что скучно,—тѣмъ больше, что ужъ давно наступило то время, въ которое онъ, по обыкновенію, ложился спать. Онъ хотѣлъ проститься съ хозяиномъ, но его не пустили, говоря, что непремѣнно надо выпить, въ честь обновки, по бокалу шампанского. Черезъ часъ подали ужинъ, состоявшій изъ винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерскихъ пирожковъ и шампанского. Акакія Акакіевича заставили выпить два бокала, послѣ которыхъ онъ почувствовалъ, что въ комнатѣ сдѣлалось веселѣе, однакожъ никакъ не могъ позабыть, что уже двѣнадцать часовъ и что давно пора домой. Чтобы какъ-нибудь не вздумалъ удерживать хозяинъ, онъ вышелъ потихоньку изъ комнаты, отыскалъ въ передней шинель, которую не безъ сожалѣнія увидѣлъ лежавшую на полу, стряхнулъ ее, снялъ съ нея всякую пушинку, надѣль на плечи и опустился по лѣстницѣ на улицу. На улицѣ все еще было свѣтло. Кое-какія мелочныя лавочки, эти безсмѣшные клубы дворовыхъ и всякихъ людей, были отперты; другія же, которыя были заперты, показывали, однакожъ, длинную струю свѣта во всю дверную щель, означавшую, что онъ не лишенъ еще общества и, вѣроятно, дворовые служанки или слуги еще доказываютъ свои толки и разговоры, повергая своихъ господъ въ совершенное недоумѣніе насчетъ своего мѣстопребыванія. Акакій Акакіевичъ шелъ въ веселомъ расположеніи духа, даже побѣжалъ было вдругъ, неизвѣстно почему, за какою-то дамою, которая, какъ молния, прошла мимо и у которой всякая часть тѣла была исполнена необыкновенного движения. Но, однакожъ, онъ тутъ же остановился и

пошел опять попрежнему очень тихо, подивясь даже самъ неизвѣстно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись передъ нимъ тѣ пустынныя улицы, которыя даже и днемъ не такъ веселы, а тѣмъ болѣе вечеромъ. Теперь онъ сѣдѣли еще глупше и уединеннѣе: фонари стали мелькать рѣже—масла, какъ видно, уже меныше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигдѣ ни души; сверкаль только одинъ снѣгъ по улицамъ, да печально чернѣли съ закрытыми ставнями заснувшія низенькия лачужки. Онъ приблизился къ тому мѣсту, гдѣ перерѣзывалась улица безконечною площадью съ едва видными на другой сторонѣ ея домами, которая глядѣла страшною пустынею.

Вдали, Богъ знаетъ гдѣ, мелькалъ огонекъ въ какой-то будкѣ, которая казалась стоявшою на краю свѣта. Веселость Акакія Акакіевича какъ-то здѣсь значительно уменьшилась. Онъ вступилъ на площадь не безъ какой-то невольной боязни, точно какъ будто сердце его предчувствовало что-то недобroe. Онъ оглянулся назадъ и по сторонамъ—точное море вокругъ него. «Нѣть, лучше и не глядѣть», подумалъ и шелъ, закрывъ глаза, и когда открылъ ихъ, чтобы узнать, близко ли конецъ площади, увидѣлъ вдругъ, что передъ нимъ стоять, почти передъ носомъ, какіе-то люди съ усами,—какіе именно, ужъ этого онъ не могъ даже различить. У него затуманило въ глазахъ и забилось въ груди. «А вѣдь шинель-то моя!» сказалъ одинъ изъ нихъ громовыемъ голосомъ, схвативши его за воротникъ. Акакій Акакіевичъ хотѣлъ было уже закричать: «караулъ», какъ другой приставилъ ему къ самому рту кулакъ, величиною въ чиновничью голову, примолвивъ: «А вотъ только крикни!» Акакій Акакіевичъ чувствовалъ только, какъ сняли съ него шинель, дали ему пинка колѣномъ, и онъ упалъ назавинъ въ снѣгъ и ничего ужъ больше не чувствовалъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ опомнился и поднялся на ноги, но ужъ никого не было. Онъ чувствовалъ, что въ полѣ холодно и шинели нѣть, сталъ кричать; но голосъ, казалось, и не думалъ долетать до концовъ площади. Отчаянный, не уставая кричать, пустился онъ бѣжать черезъ площадь прямо къ будкѣ, подлѣ которой стоялъ будочникъ и, опершись на свою алебарду, глядѣлъ, кажется, съ любопытствомъ, желая знать, какого черта бѣжитъ къ нему издали и кричитъ человѣкъ. Акакій Акакіевичъ, прибѣжалъ къ нему, началъ

задыхающимся голосомъ кричать, что онъ спить и ни за чѣмъ не смотрѣть, не видѣть, какъ грабить человѣка. Бу-
дочникъ отвѣчалъ, что онъ не видѣлъ ничего, что видѣлъ,
какъ остановили его среди площади какіе-то два человѣка, да думалъ, что тѣ были его пріятели; а что пусть онъ вмѣ-
сто того, чтобы понапрасну браниться, сходитъ завтра къ
надзирателю, такъ надзиратель отыщетъ, кто взялъ шинель.
Акакій Акакіевичъ прибѣжалъ домой въ совершенному без-
порядку: волосы, которые еще водились у него въ неболь-
шомъ количествѣ на вискахъ и затылкѣ, совершенно растрепе-
пались; бокъ и грудь, и всѣ панталоны были въ снѣгу.
Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стукъ
въ дверь, поспѣшило вскочила съ постели и, съ башмакомъ
на одной только ногѣ, побѣжала отворять дверь, придержи-
вая на груди своей, изъ скромности, рукою рубашку; но,
отворивъ, отступила назадъ, увида въ такомъ видѣ Ака-
кія Акакіевича. Когда же разсказалъ онъ, въ чёмъ дѣло,
она всплеснула руками и сказала, что нужно итти прямо
къ частному, что квартальный надуетъ, пообѣщается и
станетъ водить; а лучше всего итти прямо къ частному,
что онъ даже ей знакомъ, потому что Анна, чухонка, слу-
жившая прежде у нея въ кухаркахъ, опредѣлилась теперь
къ частному въ нянѣки, что она часто видѣть его самого,
какъ онъ проѣзжаетъ мимо ихъ дома, и что онъ бываетъ
также всякое воскресеніе въ церкви, молится, а въ то же
время весело смотрѣть на всѣхъ, и что, стало-быть, по
всему видно, долженъ быть добрый человѣкъ. Выслушавъ
такое рѣшеніе, Акакій Акакіевичъ, печальный, побрѣль
въ свою комнату, и какъ онъ провелъ тамъ ночь — пред-
ставляется судить тому, кто можетъ сколько-нибудь пред-
ставить себѣ положеніе другого. Поутру рано отправился
онъ къ частному; но сказали, что спить; онъ пришелъ въ
десять — сказали опять: «спить»; онъ пришелъ въ одиннад-
цать часовъ — сказали: «да нѣть частнаго дома»; онъ въ
обѣденное время — но писаря въ прихожей никакъ не хо-
тѣли пустить его и хотѣли непремѣнно узнать, за какимъ
дѣломъ и какая надобность привела, и что такое случилось;
такъ что, наконецъ, Акакій Акакіевичъ разъ въ жизни за-
хотѣлъ показать характеръ и сказалъ наотрѣзъ, что ему
нужно лично видѣть самого частнаго, что они не смѣютъ
его не допустить, что онъ пришелъ изъ департамента за

казеннымъ дѣломъ, а что вотъ, какъ онъ на нихъ пожалулся, такъ вотъ тогда они увидятъ. Противъ этого писаря ничего не посмѣли сказать, и одинъ изъ нихъ пошелъ вызвать частнаго. Частный принялъ какъ-то чрезвычайно странно разсказъ о грабительствѣ шинели. Вместо того, чтобы обратить вниманіе на главный пунктъ дѣла, онъ сталъ разспрашивать Акакія Акакіевича: да почему онъ такъ поздно возвращался? да не заходилъ ли онъ и не былъ ли въ какомъ непорядочномъ домѣ? такъ что Акакій Акакіевичъ сконфузился совершенно и вышелъ отъ него, самъ не зная, возымѣться ли надлежащій ходъ дѣло о шинели, или нетъ. Весь этотъ день онъ не былъ въ присутствіи (единственный случай въ его жизни). На другой день онъ явился весь блѣдный и въ старомъ кашотѣ своемъ, который сдѣлался еще плачевнѣе. Повѣствованіе о грабежѣ шинели, — несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тутъ посмѣяться надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, — однакоже многихъ тронуло. Рѣшились тутъ же сдѣлать для него складчину, но собрали самую бездѣлицу, потому что чиновники и безъ того уже много истратились, подписавшись на директорскій портретъ и на одну какую-то книгу, по предложенію начальника отдѣленія, который былъ пріятелемъ сочинителю; итакъ, сумма оказалась самая бездѣльная. Одинъ кто-то, движимый состраданіемъ, рѣшился, по крайней мѣрѣ, помочь Акакію Акакіевичу добрымъ совѣтомъ, сказавши, чтобы онъ пошелъ не къ квартиральному, потому что, хоть и можетъ случиться, что квартиральный, желая заслужить одобреніе начальства, отыщеть какимъ-нибудь образомъ шинель, но шинель все-таки останется въ полиціи, если онъ не представить законныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему; а лучше всего, чтобы онъ обратился къ одному значительному лицу; что значительное лицо, спешась и снесясь, съ кѣмъ слѣдуетъ, можетъ заставить успѣнїе итти дѣло. Нечего дѣлать, Акакій Акакіевичъ рѣшился итти къ значительному лицу. Каждая именно и въ чёмъ состояла должностъ значительного лица, это осталось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сдѣлался значительнымъ лицомъ, а до того времени онъ былъ незначительнымъ лицомъ. Впрочемъ, мѣсто его и теперь не починалось значительнымъ, въ сравненіи съ другими, еще зна-

чительнѣйшими. Но всегда найдется такой кругъ людей, для которыхъ незначительное въ глазахъ прочихъ есть уже значительное. Впрочемъ, онъ старался усилить значительность многими другими средствами, именно: заявть, чтобы низшіе чиновники встрѣчали его еще на лѣстницѣ, когда онъ приходилъ въ должность; чтобы къ нему являться прямо никто не смѣль, а чтобы шло все порядкомъ строжайшимъ: коллежскій регистраторъ докладывалъ бы губернскому секретарю, губернскому секретарь — титуллярному, или какому приходилось другому, и чтобы уже такимъ образомъ доходило дѣло до него. Такъ ужъ на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякий дразнить и корчить своего начальника. Говорятъ даже, какой-то титуллярный совѣтникъ, когда сѣвали его правителемъ какой-то отдѣльной небольшой канцеляріи, тотчасъ же отгородилъ себѣ особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствія», и поставилъ у дверей какихъ-то капельдинеровъ, съ красными воротничками, въ галунахъ, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя въ «комнатѣ присутствія» насили уставиться обыкновенный письменный столъ. Пріемы и обычай значительного лица были solidны и величественны, но немногосложны. Главнымъ основаніемъ его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», говоривъ онъ обыкновенно, и при послѣднемъ словѣ обыкновенно смотрѣль очень значительно въ лицо тому, которому говориль, хотя, впрочемъ, этому и не было никакой причины, потому что десятокъ чиновниковъ, составлявшихъ весь правительственный механизмъ канцеляріи, и безъ того быть въ надлежащемъ страхѣ: завидя его издали, оставлять уже дѣло и ожидать, стоя въ вытяжку, пока начальникъ пройдетъ черезъ комнату. Обыкновенный разговоръ его съ низшими отзывался строгостью и состоять почти изъ трехъ фразъ: «Какъ вы смыте? Знаете ли вы, съ кѣмъ говорите? Понимаете ли, кто стоитъ передъ вами?» Впрочемъ, онъ быть въ душѣ добрый человѣкъ, хороши съ товарищами, услужливъ; но генеральскій чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Получивши генеральскій чинъ, онъ какъ-то спутался, сбился съ пути и совершенно не зналъ, какъ ему быть. Если ему случалось быть съ ровными себѣ, онъ былъ еще человѣкъ, какъ слѣдуетъ, — человѣкъ очень порядочный, во многихъ отношеніяхъ даже

неглупый человѣкъ; но, какъ только случалось ему быть въ обществѣ, гдѣ были люди хоть однимъ чиномъ пониже его, тамъ онъ былъ, просто, хоть изъ рукъ воинъ: молчаль, и положеніе его возбуждало жалость тѣмъ болѣе, что онъ самъ даже чувствовалъ, что могъ бы провести время несравненно лучше. Въ глазахъ его иногда видно было сильное желаніе присоединиться къ какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливало его мысль: не будетъ ли это ужъ очень много съ его стороны, не будетъ ли фамильярно, и не уронить ли онъ чрезъ то своего значенія? И вслѣдствіе такихъ разсужденій онъ оставался вѣчно въ одномъ и томъ же молчаливомъ состояніи, произнося только изрѣдка какіе-то односложные звуки, и пріобрѣль такимъ образомъ титулъ скучнѣйшаго человѣка. Къ такому-то значительному лицу явился наигъ Акакій Акакіевичъ, и явился во время самое неблагопріятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочемъ, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился въ своемъ кабинетѣ и разговаривалъ очень-очень весело съ однимъ недавно пріѣхавшимъ стариннымъ знакомымъ и товарищемъ дѣтства, съ которыми нѣсколько лѣтъ не видался. Въ это время доложили ему, что пришелъ какой-то Башмачкинъ. Онъ спросилъ отрывисто: «Кто такой?» ему отвѣчали: «Какой-то чиновникъ». — «А! можетъ подождать, теперь не время», сказалъ значительный человѣкъ. Здѣсь надобно сказать, что значительный человѣкъ совершенно пригнулся: ему было время; они давно уже съ приятелемъ переговорили обо всемъ и уже давно перекладывали разговоръ весьма длинными молчаньями, слегка только потрепливая другъ друга по ляжкѣ и приговаривая: «такъ-то, Иванъ Абрамовичъ!» — «этакъ-то, Степанъ Варламовичъ!» но при всемъ томъ, однакоже, вѣтъль онъ чиновнику подождать, чтобы показать пріятелю, человѣку, давно не служившему и зажившемуся дома въ деревнѣ, сколько времени чиновники дожидаются у него въ передней. Наконецъ, наговорившись, а еще болѣе намолчавшись вдоволь и выкуривші сигарку, въ весьма покойныхъ креслахъ съ откидными спинками, онъ, наконецъ, какъ будто вдругъ вспомнилъ и сказалъ секретарю, остановившемуся у дверей съ бумагами для доклада: «Да, вѣдь тамъ стоитъ, кажется, чиновникъ; скажите ему, что онъ можетъ войти». Увидѣвшіи смиренный видъ Акакія Акакіевича и его старенький виц-

мундиръ, онъ оборотился къ нему вдругъ и сказалъ: «что вамъ угодно?» голосомъ отрывистымъ и твердымъ, которому нарочно учился заранѣе у себя въ комнатѣ, въ уединеніи и передъ зеркаломъ, еще за недѣлю до полученія нынѣшняго своего мѣста и генеральского чина. Акакій Акакіевичъ уже заблаговременно почувствовалъ надлежащую робость, нѣсколько смущился и, какъ могъ, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснилъ, съ прибавленіемъ даже чаще, чѣмъ въ другое время, частицъ «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограбленъ безчеловѣчнымъ образомъ, и что онъ обращается къ нему, чтобы онъ ходатайствомъ своимъ какъ-нибудь того, списался бы съ г.oberъ-полицеймейстеромъ или другимъ кѣмъ и отыскать шинель. Генералу, неизвѣстно почему, показалось такое обхожденіе фамильярнымъ. «Что вы, милостивый государь», продолжалъ онъ отрывисто: «не знаете порядка? Куда вы зашли? Не знаете, какъ водятся дѣла? Объ этомъ вы бы должны были прежде подать просьбу въ канцелярію; она пошла бы къ столоначальнику, къ начальнику отдѣленія, потомъ передана бы секретарю, а секретарь доставилъ бы ее уже мнѣ...»

«Но, ваше превосходительство», сказалъ Акакій Акакіевичъ, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствія духа, какая только въ немъ была, и чувствуя въ то же время, что онъ вспотѣль ужаснымъ образомъ: «я, ваше превосходительство, осмѣлился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народъ...»

«Что, что, что?» сказалъ значительное лицо: «откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей такихъ набрались? Что за буйство такое распространилось между молодыми людьми противъ начальниковъ и высшихъ!» Значительное лицо, кажется, не замѣтилъ, что Акакію Акакіевичу забралось уже за пятьдесятъ лѣтъ, стало-быть, если бы онъ и могъ называться молодымъ человѣкомъ, то развѣ только относительно, то-есть, въ отношеніи къ тому, кому уже было семьдесятъ лѣтъ. «Знаете ли вы, кому это говорите? Понимаете ли вы, кто стоитъ передъ вами? Понимаете ли вы это? Понимаете ли это? я васъ спрашиваю». Тутъ онъ топнулъ ногою, возведя голосъ до такой сильной ноты, что даже и не Акакію Акакіевичу сдѣлалось бы страшно. Акакій Акакіевичъ такъ и обмеръ, покинулъся, затрясся всѣмъ

тъломъ и никакъ не могъ стоять: если бы не подбѣжали тутъ же сторожа поддержать его, онъ бы шлепнулся на полъ; его вынесли почти безъ движенія. А значительное лицо, довольно тѣмъ, что эффектъ превзошелъ даже ожиданіе, и совершенно упоенный мыслью, что слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка, искоса взглянулъ на пріятеля, чтобы узнать, какъ онъ на это смотрить, и не безъ удовольствія увидѣлъ, что пріятель его находился въ самомъ неопределенному состояніи и начинай даже съ своей стороны самъ чувствовать страхъ.

Какъ сошелъ съ лѣстницы, какъ вышелъ на улицу,—ничего ужъ этого не помнилъ Акакій Акакіевичъ. Онъ не слышалъ ни рукъ, ни ногъ: въ жизнь свою онъ не былъ еще такъ сильно распечень генераломъ, да еще и чужимъ. Онъ шелъ по вьюгѣ, свистѣвши въ улицахъ, разинувъ ротъ, сбиваясь съ тротуаровъ; вѣтеръ, по петербургскому обычаю, дулъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ. Вмигъ надуло ему въ горло жабу, и добрался онъ домой, не въ силахъ будучи сказать ни одного слова; весь распухъ и слегъ въ постель. Такъ сильно иногда бываетъ надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вснпомоществованію петербургскаго климата, болѣзнь пошла быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать, и когда явился докторъ, то онъ, пощупавши пульсъ, ничего не нашелъ сдѣлать, какъ только прописать пришарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался безъ благодѣтельной помощи медицины; а впрочемъ тутъ же объявилъ ему чрезъ полтора сутокъ непремѣнный капутъ, послѣ чего обратился къ хозяйкѣ и сказалъ: «А вы, матушка, и времени даромъ не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гробъ, потому что дубовый будетъ для него дорогъ». Слышать ли Акакій Акакіевичъ эти произнесенные роковыя для него слова, а если и слышать, произвели ли они на него потрясающее дѣйствіе, пожалѣть ли онъ о горемычной своей жизни,—ничего этого неизвѣстно, потому что онъ находился все время въ бреду и жару. Явленія, одно другого страннѣе, представлялись ему безпрестанно: то видѣлъ онъ Петровича и заказывалъ ему сдѣлать шинель съ какими-то западнями для воровъ, которые чудились ему безпрестанно подъ кроватью, и онъ поминутно призывалъ хоziйку вытащить у

него одного вора даже изъ-подъ одѣяла; то, спрашивая, зачѣмъ виситъ передъ нимъ старый капотъ его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что онъ стоитъ передъ генераломъ, выслушивая надлежащее распеканье, и приговариваетъ: «Виноватъ, ваше превосходительство!» то, наконецъ, даже сквернохульничать, произнося самыя страшныя слова, такъ что старушка-хозяйка даже крестилась, отъ рода не слыхавъ отъ него ничего подобнаго, тѣмъ болѣе, что слова эти слѣдовали непосредственно за словомъ «ваше превосходительство». Далѣе онъ говорилъ совершенную безсмыслицу, такъ что ничего нельзѧ было понять; можно было только видѣть, что беспорядочныя слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконецъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ испустилъ духъ. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первыхъ, не было наслѣдниковъ, а во-вторыхъ, оставалось очень немногого наслѣдства, именно: пучокъ гусиныхъ перьевъ, дѣсть бѣлой казенной бумаги, три пары носковъ, двѣ-три пуговицы, оторвавшіяся отъ панталонъ, и уже извѣстный читателю капотъ. Кому все это досталось, Богъ знаетъ: обѣ этомъ, признаюсь, даже не интересовался разсказывающій сю повѣсть. Акакія Акакіевича свезли и похоронили. И Петербургъ остался безъ Акакія Акакіевича, какъ будто бы въ немъ его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никѣмъ не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя вниманіе и естество наблюдателя, не пропускающаго посадить на булавку обыкновенную муху и разсмотрѣть ее въ микроскопъ, — существо, переносившее покорно канцелярскія насышки и безъ всякихъ чрезвычайнаго дѣла сошедшее въ могилу, но для котораго все же таки, хотя передъ самымъ концомъ жизни, мелькнулъ свѣтлый гость въ видѣ шинели, оживившій на мигъ бѣдную жизнь, и на которое такъ же потомъ нестерпимо обрушилось несчастіе, какъ обрушивается оно на главы сильныхъ міра сего!.. Нѣсколько дней послѣ его смерти посланъ былъ къ нему на квартиру изъ департамента сторожъ, съ приказаніемъ немедленно явиться: начальникъ-де требуетъ; но сторожъ долженъ быть возвратиться ни съ чѣмъ, давши отчетъ, что не можетъ больше придти, и на запроѣ: «почему?» выразился словами: «Да такъ: ужъ онъ умеръ; четвертаго дня похоро-

шили». Такимъ образомъ узнали въ департаментъ о смерти Акакія Акакіевича, и па другой день уже на сго мѣстѣ сидѣлъ новый чиновникъ, гораздо выше ростомъ и выставлявшій буквы уже не такимъ прямымъ почеркомъ, а гораздо наклоннѣе и косѣе.

Но кто бы могъ вообразить, что здѣсь еще не все обѣ Акакія Акакіевичѣ, что суждено ему на нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти, какъ бы въ награду за непримѣченную никѣмъ жизни? Но такъ случилось, и бѣдная исторія наша неожиданно принимаетъ фантастическое окончаніе. По Петербургу пронеслись вдругъ слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше сталъ показываться по ночамъ мертвецъ, въ видѣ чиновника, ищущаго какой-то утащенной шинели, и, подъ видомъ стащенной шинели, сдирающій со всѣхъ плечъ, не разбирай чина и званія, всякия шинели: на кошкахъ, на бобрахъ, на ватѣ, снотовыми, лисы, медвѣжьи шубы — словомъ всякаго рода мѣхѣ и кожи, какія только придумали люди для прикрытия собственной. Одній изъ департаментскихъ чиновниковъ видѣлъ своими глазами мертвеца и узналь въ немъ тотчасъ Акакія Акакіевича; но это впнушило ему, однажоже, такой страхъ, что онъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ и оттого не могъ хорошенъко разсмотрѣть, а видѣлъ только, какъ тотъ издали погрозилъ ему пальцемъ. Со всѣхъ сторонъ поступали безпрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярныхъ, но даже и надворныхъ совѣтниковъ, подвержены совершеннѣй простудѣ, по причинѣ частаго сдергиванья шинелей. Въ полиціи сдѣлано было распоряженіе поймать мертвеца, во чтѣ бы то ни стало, живого или мертваго, и наказать его, въ примѣръ другимъ, жесточайшимъ образомъ, и въ томъ едва было даже не усѣѣли. Именно, будочникъ какого-то квартала, въ Кирюшкиномъ переулкѣ, схватилъ было уже совершенно мертвеца за воротъ на самому мѣстѣ злодѣянія, на покушеніи сдернуть фризовую шинель съ какого-то отставного музыканта, свиставшаго въ свое время на флейтѣ. Схвативши его за воротъ, онъ вызвалъ своимъ крикомъ двухъ другихъ товарищѣй, которымъ поручилъ держать его, а самъ полѣзъ только на одну минуту за сапогъ, чтобы вытащить оттуда тавлинку съ табакомъ, освѣжить па время шесть разъ на вѣку приморожненный носъ свой; но табакъ, вѣроно, былъ

такого рода, котораго не могъ вынести даже и мертвѣцъ. Не успѣлъ будочникъ, закрывши пальцемъ свою правую ноздрю, потинуть лѣвою полгорсти, какъ мертвѣцъ чихнулъ такъ сильно, что совершенно забрызгалъ имъ всѣмъ троимъ глаза. Покамѣсть они поднесли кулаки прорететь ихъ, мертвѣца и слѣдѣ пропасть, такъ что они не знали даже, бытъ ли онъ, точно, въ ихъ рукахъ. Съ этихъ поръ будочники получили такой страхъ къ мертвѣцамъ, что даже опасались хватать и живыхъ, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» и мертвѣцъ-чиновникъ сталъ показываться даже за Калинкинымъ мостомъ, наводя немалый страхъ на всѣхъ робкихъ людей. Но мы, однакоже, совершенно оставили *одно значительное лицо*, которое, по настоящему, едва ли не бытъ причиной фантастического направленія, впрочемъ, совершенно истииной исторіи. Прежде всего долгъ справедливости требуетъ сказать, что *одно значительное лицо*, скоро по уходѣ бѣдного, распеченаго въ пухъ Акакія Акакіевича, почувствовалъ что-то въ родѣ сожалѣнія. Состраданіе было ему не чуждо; его сердцу были доступны многія добрыя движения, несмотря на то, что чинъ весьма часто мѣшалъ имъ обнаруживаться. Какъ только вышелъ изъ его кабинета прѣзжій пріятель, онъ даже задумался о бѣдномъ Акакіи Акакіевичѣ. И съ этихъ поръ почти всякий день представлялся ему блѣдный Акакій Акакіевичъ, не выдержавшій должностнаго раснеканья. Мысль о немъ до такой степени тревожила его, что, недѣлю спустя, онъ рѣшился даже послать къ нему чиновника узнать, чѣмъ онъ, и какъ, и нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ помочь ему; и когда донесли ему, что Акакій Акакіевичъ умеръ скоропостижно въ горячкѣ, онъ остался даже пораженнымъ, слышать упреки совѣсти и весь день былъ не въ духѣ. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неурядное впечатлѣніе, онъ отправился на вечеръ къ одному изъ пріятелей своихъ, у котораго нашелъ поридочное общество, а чѣмъ всего лучше, всѣ тамъ были почти одного и того же чина, такъ что онъ совершенно ничѣмъ не могъ быть связанъ. Это имѣло удивительное дѣйствіе на душевное его расположение. Онъ развернулся, сдѣлался пріятель въ разговорѣ, любезенъ,—словомъ, провелъ вечеръ очень пріятно. За ужиномъ вышелъ онъ стакана два шампанскаго,—средство, какъ известно, не дурно дѣйствующее въ разсужденіи

веселости. Шампанское сообщило ему расположение къ разнымъ экстренностямъ, а именно: онъ рѣшилъ неѣхать еще домой, а зайхать къ одной знакомой дамѣ, Каролинѣ Ивановнѣ,—дамѣ, кажется, нѣмецкаго происхожденія, къ которой онъ чувствовалъ совершенно пріятельскія отношенія. Надобно сказать, что значительное лицо быть уже человѣкъ не молодой, хороший супругъ, почтенный отецъ семейства. Два сына, изъ которыхъ одинъ служилъ уже въ канцелярии, и миловидная, шестнадцатилѣтняя дочь, съ нѣсколькою выгнутымъ, но хорошенъкимъ носикомъ, приходили каждый день цѣловать его руку, приговаривая: «bonjour, пapa». Супруга его, еще женщина свѣжая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцѣловать свою руку и по томъ, переворотивши ее на другую сторону, цѣловала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочемъ, довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ пріличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу въ другой части города. Эта пріятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такія ужъ задачи бываютъ на свѣтѣ, и судить объ нихъ не наше дѣло. Итакъ, значительное лицо сошель съ лѣстницы, сѣль въ сани и сказалъ кучеру: «Къ Каролинѣ Ивановнѣ!» а самъ, закутавшись весьма роскошно въ теплую шинель, оставался въ томъ пріятномъ положеніи, лучше котораго и не выдумаешь для русскаго человѣка, то-есть, когда самъ ни о чѣмъ не думаешь, а между тѣмъ мысли сами лѣзутъ въ голову, одна другой пріятнѣе, не давая даже труда гоняться за ними и искать ихъ. Полный удовольствія, онъ слегка припоминаль всѣ веселыя мѣста проведенного вечера, всѣ слова, заставившія хохотать небольшой кругъ; многія изъ нихъ онъ даже повторялъ вполголоса и нашель, что они все такъ же смѣшны, какъ и прежде, а потому не мудрено, что и самъ посмѣивался отъ души. Изрѣдка мѣшалъ ему, однакоже, по-рыбистый вѣтеръ, который, выхватившись вдругъ, Богъ знаетъ откуда и нивѣсть отъ какой причины, такъ и рѣзаль въ лицо, подбрасывая ему туда клочки снѣга, хлобуча, какъ парусъ, шинельный воротникъ, или вдругъ, съ неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя такимъ образомъ вѣчныя хлопоты изъ него выкарбливаться. Вдругъ почувствовалъ значительное лицо, что его ухватилъ кто-то весьма крѣпко за воротникъ. Обернув-

шись, онъ замѣтилъ человѣка небольшого роста, въ старомъ, ипоношенномъ вицмундирѣ, и не безъ ужаса узналъ въ немъ Акакія Акакіевича. Лицо чиновника было блѣдно, какъ снѣгъ, и глядѣло совершеннымъ мертвѣцомъ. Но ужасъ значительного лица превзошелъ всѣ границы, когда онъ увидѣлъ, что ротъ мертвѣца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнесъ такія рѣчи: «А, такъ вотъ ты, наконецъ! Наконецъ, я тебя того, поймалъ за воротникъ! Твоей-то шинели мнѣ и нужно! Не похлопоталь обѣ моей, да еще и распекъ—отдавай же теперь свою!» Бѣдное значительное лицо чуть не умеръ. Какъ ни были онъ характеренъ въ канцеляріи и вообще передъ низшими, и хотя, взглянувши на одинъ мужественный видъ его и фигуру, всякий говорилъ: «У, какой характеръ!» но здѣсь онъ, подобно весьма многимъ, имѣющимъ богатырскую наружность, почувствовалъ такой страхъ, что не безъ причины даже сталъ опасаться насчетъ какого-нибудь болѣзненнаго припадка. Онъ самъ даже скинулъ поскорѣе съ плечъ шинель свою и закричалъ кучеру не своимъ голосомъ: «Пошелъ во весь духъ домой!» Кучеръ, услышавши голосъ, который произносится обыкновенно въ рѣшительныя минуты и даже сопровождается кое-чѣмъ гораздо дѣйствительнѣйшимъ, упряталъ на всякий случай голову свою въ плечи, замахнулся кнутомъ и помчался, какъ стрѣла. Минутъ въ шесть съ небольшимъ значительное лицо уже было предъ подъѣздомъ своего дома. Блѣдный, перепуганный и безъ шинели, вместо того, чтобы къ Каролинѣ Ивановнѣ, онъ пріѣхалъ къ себѣ, доплелся бое-какъ до своей комнаты и провелъ ночь весьма въ большомъ беспорядкѣ, такъ что на другой день поутру, за чаемъ, дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсѣмъ блѣденъ, папа». Но папа молчалъ и никому ни слова о томъ, чтѣ съ нимъ случилось, и гдѣ онъ былъ, и куда хотѣлъѣ ходить. Это происшествіе сдѣлало на него сильное впечатлѣніе. Онъ даже гораздо рѣже сталъ говорить подчиненнымъ: «какъ вы смѣете? понимаете ли, кто передъ вами?» если же и произносилъ, то ужъ не прежде, какъ выслушавши сперва, въ чемъ дѣло. Но еще болѣе замѣчательно то, что съ этихъ поръ совершенно прекратилось появленіе чиновника - мертвѣца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечамъ; по крайней мѣрѣ, уже не было нигдѣ слышно такихъ случаевъ, чтобы

сдергивали съ кого шинели. Впрочемъ, многіе дѣятельные и заботливые люди никакъ не хотѣли успокоиться и поговаривали, что въ дальнихъ частяхъ города все еще показывался чиновникъ-мертвецъ. И точно, одинъ коломенскій будочникъ видѣлъ собственными глазами, какъ показалось изъ-за одного дома привидѣніе; но, будучи по природѣ своей нѣсколько безсиленъ,—такъ что одинъ разъ обыкновенный взрослый поросенокъ, кинувшись изъ какого-то частнаго дома, сшибъ его съ ногъ, къ величайшему смѣху стоявшихъ вокругъ извозчиковъ, съ которыхъ онъ вытребовалъ за такую издѣвку по грошу на табакъ,—итакъ, будучи безсиленъ, онъ не посмѣлъ остановить его, а такъ шелъ за нимъ въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, привидѣніе вдругъ оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебѣ чего хочется?» и показало такой кулакъ, какого и у живыхъ не найдешь. Будочникъ сказалъ: «Ничего», да и поворотилъ тотъ же часть назадъ. Привидѣніе, однакоже, было уже гораздо выше ростомъ, носило преогромные усы и, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обухову мосту, скрылось совершенно въ ночной темнотѣ.

КОЛЯСКА.

Городокъ Б. очень повеселѣлъ, когда началъ въ немъ стоять *** кавалерійскій полкъ; а до того времени было въ немъ страшъ скучно. Когда, бывало, проѣзжашъ его и взглянешь на низенькие мазаные домики, которые смотрятъ на улицу до невѣроятности кисло, то... невозможно выразить, что дѣлается тогда на сердцѣ: тоска такая, какъ будто бы или проигрался, или отпустилъ некстати какую-нибудь глупость,—однимъ словомъ: не хорошо. Глина на домахъ обвалилась отъ дождя, и стѣны, вмѣсто бѣлыхъ, сдѣлались пѣгими; крыши болѣею частью крыты тростникомъ, какъ, обыкновенно бываетъ въ южныхъ городахъ нашихъ. Садики, для лучшаго вида, городничій давно приказалъ вырубить. На улицахъ ни души не встрѣтишь, развѣ только пѣтухъ перейдетъ чрезъ мостовую, мягкую какъ подушка, отъ лежащей на четверть пыли, которая, при малѣйшемъ дождѣ, превращается въ грязь, и тогда улицы городка Б. наполняются тѣми дородными животными, которыхъ тамошній городничій называетъ французами. Выставивъ серѣзный морды изъ своихъ валинъ, они подымаютъ такое хрюканье, что проѣзжающему остается только погонять лошадей поскорѣе. Вирочемъ, проѣзжающаго трудно встрѣтить въ городкѣ Б. Рѣдко, очень рѣдко какой-нибудь помѣщикъ, имѣющій одиннадцать душъ крестьянъ, въ нанковомъ сюртуке, тарабанитъ по мостовой въ какой-то полубричкѣ и полутелѣжкѣ, выглядывая изъ-за наваленныхъ мучныхъ мыш-

ковъ и пристегивая гнѣвную кобылу, вслѣдъ за которой бѣжитъ жеребенокъ. Самая рыночная площадь имѣть нѣсколько печальный видъ: домъ портного выходить чрезвычайно глупо не всѣмъ фасадомъ, но угломъ; противъ него строится лѣтъ пятнадцать какое-то каменное строеніе о двухъ окнахъ; далѣе стоять самъ по себѣ модный дощатый заборъ, выкрашенный сърою краскою подъ цвѣтъ грязи, который, на образецъ другимъ строеніямъ, воздвигъ городничий во время своей молодости, когда не имѣть еще обыкновенія спать тотчасъ послѣ обѣда и пить на ночь какой-то декоктъ, заправленный сухими крыжовникомъ. Въ другихъ мѣстахъ все почти идетъ. Посреди площади самая маленькая лавочки; въ нихъ всегда можно замѣтить связку бараковъ, бабу въ красномъ платкѣ, пудъ мыла, нѣсколько фунтовъ горькаго миндалю, дробь для стрѣлянія, демикотонъ и двухъ купеческихъ приказчиковъ, во всякое время играющихъ около дверей въ свайку. Но какъ началь стоять въ уѣздномъ городкѣ Б. кавалерійскій полкъ, все перемѣнилось: улицы запестрѣли, оживились, — словомъ, приняли совершенно другой видъ; низенькие домики часто видѣли проходящаго мимо ловкаго, статнаго офицера съ султаномъ на головѣ, шедшаго къ товарищу поговорить о производствѣ, обѣ отличнѣйшемъ табакѣ, а иногда поставить на карточку дрожки, которая можно было назвать полковыми, потому что онѣ, не выходя изъ цолка, успѣвали обходить всѣхъ: сегодня катался въ нихъ маоръ, завтра онѣ появлялись въ поручиковой конюшнѣ, а чрезъ недѣлю, смотри, опять маорскій деньщикъ подмазывалъ ихъ саломъ. Деревянный плетень между домами весь былъ усыпѣнъ висѣвшими на солницахъ солдатскими фуражками; сѣрая шинель торчала непремѣнно гдѣ-нибудь на воротахъ; въ переулкахъ попадались солдаты съ такими жесткими усами, какъ сапожныя щетки. Усы эти были видны во всѣхъ мѣстахъ: соберутся ли на рынке съ ковшиками мѣщанки — изъ-за плечъ ихъ, вѣрно, выглядываютъ усы. Офицеры оживили общество, которое до того времени состояло только изъ суды, жившаго въ одномъ домѣ съ какою-то діаконицею, и городничаго, разсудительнаго человѣка, но спавшаго рѣшительно весь день — отъ обѣда до вечера и отъ вечера до обѣда. Общество сдѣлалось еще многолюднѣе и занимателнѣе, когда переведена была сюда квартира бригаднаго генерала. Окружные помѣ-

пции, о существованиі которыхъ никто бы до того времени не догадался, начали пріѣзжать почаше въ уѣздный городъ, чтобы видѣться съ господами офицерами, а иногда поиграть въ бандикѣ, который уже чрезвычайно темно грезился въ головѣ ихъ, захлопотанной посѣвами, жениными порученіями и зайцами. Очень жаль, что не могу припомнить, по какому обстоятельству случилось бригадному генералу давать большой обѣдъ; заготовленіе къ нему было сдѣлано огромное; стукъ поварскихъ ножей на генеральской кухнѣ былъ слышенъ еще близъ городской заставы. Весь совершенно рынокъ былъ забранъ для обѣда, такъ что судья съ своею діаконицею долженъ былъ ѿсть одинъ только лепешки изъ гречневой муки да крахмальный кисель. Небольшой дворикъ генеральской квартиры былъ весь установленъ дрожками и колясками. Общество состояло изъ мужчинъ — офицеровъ и изъкоторыхъ окружныхъ помѣщиковъ. Изъ помѣщиковъ болѣе всѣхъ былъ замѣчателенъ Пиѳагоръ Пиѳагоровичъ Чертокуцкій, одинъ изъ главныхъ аристократовъ Б.... уѣзда, болѣе всѣхъ шумѣвшій на выборахъ и пріѣзжавшій туда въ щегольскомъ экипажѣ. Онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ и былъ однимъ изъ числа значительныхъ и видныхъ офицеровъ; по крайней мѣрѣ, его видали на многихъ балахъ и собрaniяхъ, гдѣ только кочевалъ ихъ полкъ; впрочемъ, обѣ этомъ можно спросить у дѣвицъ Тамбовской и Симбирской губерній. Весьма можетъ быть, что онъ распустилъ бы и въ прошихъ губерніяхъ выгодную для себя славу, если бы не вышелъ въ отставку по одному случаю, который обыкновенно называется «непріятною исторіею»: онъ ли далъ кому-то въ старые годы оплеуху, или ему дали ее, обѣ этомъ наѣрное не помню, дѣло только въ томъ, что его попросили выйти въ отставку. Впрочемъ, онъ этимъ ничуть не уронилъ своего вѣсу: носилъ фракъ съ высокою таліею, на манеръ военного мундира, на сапогахъ шпоры и подъ носомъ усы, потому что безъ того дворяне могли бы подумать, что онъ служилъ въ пѣхотѣ, которую онъ презрительно называлъ иногда пѣхтурой, а иногда пѣхонтаріей. Онъ былъ на всѣхъ многолюдныхъ ярмаркахъ, куда внутренность Россіи, состоящая изъ мамокъ, дѣтей, дочекъ и толстыхъ помѣщиковъ, наѣзжала веселиться, бричками, таратайками, тарантасами и такими каретами, какія и во снѣ никому не сни-

лись. Онъ пронюхивалъ носомъ, гдѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, и всегда приѣжалъ видѣться съ господами офицерами, очень ловко выскакивалъ передъ ними изъ своей легонькой колясочки или дрожекъ и чрезвычайно скоро знакомился. Въ прошлые выборы даль онъ дворянству прекрасный обѣдъ, на которомъ объявилъ, что если только его выберутъ предводителемъ, то онъ поставитъ дворянъ на самую лучшую ногу. Вообще вѣль себя по-барски, какъ выражаются въ уѣздахъ и губерніяхъ; женился на довольно хорошенькой; взялъ за нею двѣсти душъ ириданаго и нѣсколько тысячи запиталу. Капиталъ былъ тотчасъ употребленъ на шестерку дѣйствительно отличныхъ лошадей, вызолоченные замки къ дверямъ, ручную обезьяну для дома и француза-дворецкаго. Двѣсти же душъ, вмѣстѣ съ двумя стами его собственныхъ, были заложены въ ломбардъ для какихъ-то коммерческихъ оборотовъ. Словомъ, онъ былъ помѣщикъ, какъ слѣдуетъ... изрядный помѣщикъ. Кроме него, на обѣдѣ у генерала было нѣсколько и другихъ помѣщиковъ, но обѣ нихъ нечего говорить. Остальные были всѣ военные того же полка и два штабъ-офицера: полковникъ и довольно толстый маіоръ. Самъ генералъ былъ дюжъ и тучентъ, впрочемъ, хороший начальникъ, какъ отзывались о немъ офицеры. Говорилъ онъ довольно густымъ, значительнымъ басомъ. Обѣдъ былъ чрезвычайный: осетрина, бѣлага, стерляди, дрофы, спаржа, перепелки, куропатки, грибы доказывали, что новарь еще со вчерашняго дня не бралъ въ ротъ горячаго, и четыре солдата, съ ножами въ рукахъ, работали, на помощь ему, всю ночь фрикасе и желе. Бездна бутылокъ, длинныхъ съ лафитомъ, короткойшныхъ съ мадерою. прекрасный лѣтній день, окна, открытыя напролѣсть, тарелки со льдомъ на столѣ, растрепанная манишка у владѣтелей укладистаго фрака, перекрестный разговоръ, покрываемый генеральскимъ голосомъ и заливаемый шампанскимъ,—все отвѣчало одно другому. Послѣ обѣда всѣ встали съ приятною тяжестью въ желудкахъ и, закуривъ трубки съ длинными и короткими чубуками, выпили, съ чашками кофею въ рукахъ, на крыльцо.

«Вотъ ее можно теперь посмотретьъ», сказалъ генералъ. «Пожалуйста, любезнѣйшій», примолвилъ онъ, обращаясь къ своему адъютанту, довольно ловкому молодому человѣку приятной наружности: «прикажи, чтобы привели сюда гнѣ-

дую кобылу! Вотъ вы увидите сами». Тутъ генераль потянулъ изъ трубы и выпустилъ дымъ. «Она еще не слишкомъ въ холѣ: проклятый городишко! нѣть порядочной конюшни. Лошадь, пухъ, пухъ, очень порядочная».

«И давно, ваше превосходительство, пухъ, пухъ, изволите имѣть ее?» сказалъ Чертокуцкій.

«Пухъ, пухъ, пухъ, пух... пухъ, не такъ давно; всего только два года, какъ она взята мною съ завода».

«И получить ее изволили обѣзженную, или уже здѣсь изволили обѣздить?»

«Пухъ, пухъ, пух, пух...у...у...фъ, здѣсь». Сказавши это, генераль весь исчезнулъ въ дымѣ.

Междудѣйствиемъ изъ конюшни выпрыгнулъ солдатъ, послышался стукъ коньтъ, иаконецъ показался другой, въ бѣломъ балахонѣ съ черными огромными усами, ведя за узду вздрогнувшую и пугавшуюся лошадь, которая, вдругъ поднявъ голову, чуть не подняла вверхъ присѣвшаго къ землѣ солдата вмѣстѣ съ его усами. «Ну-жъ, ну, Аграфена Ивановна!» говорилъ онъ, подводя ее подъ крыльцо.

Кобыла называлась Аграфена Ивановна. Крѣпкая и дикая, какъ южная красавица, она грязнула коньтами въ деревянное крыльцо и вдругъ остановилась.

Генераль, опустивши трубку, началъ смотрѣть съ довольнымъ видомъ на Аграфену Ивановну. Самъ полковники, сошедши съ крыльца, взяли Аграфену Ивановну за морду. Самъ маоръ потрепалъ Аграфену Ивановну по ногѣ, прочие пощелкали языкомъ.

Чертокуцкій сошелъ съ крыльца и зашелъ ей взадъ. Солдатъ, вытянувшись и держа узду, глядѣлъ прямо посѣтителямъ въ глаза, будто бы хотѣлъ вскочить въ нихъ.

«Очень, очень хорошая!» сказалъ Чертокуцкій. «Статистическая лошадь! А позвольте, ваше превосходительство, узнать, какъ она ходить?»

«Шагъ у нея хороши, только... чортъ его знаетъ... этотъ дуракъ фельдшеръ далъ ей какихъ-то низоль, и вотъ уже два дня все чихасть».

«Очень, очень хороша! А имѣете ли, ваше превосходительство, соотвѣтствующій экипажъ?»

«Экипажъ?.. Да вѣдь это верховая лошадь».

«Я это знаю; но я спросилъ, ваше превосходительство,

для того, чтобы узнать, имѣете ли и къ другимъ лошадямъ соответствующій экипажъ?»

«Ну, экипажей у меня не слишкомъ достаточно. Мне, признаюсь вамъ сказать, давно хочется имѣть нынѣшнюю коляску. Я писалъ объ этомъ брату моему, который теперь въ Петербургѣ, да не знаю, пришлетъ ли онъ, или нѣтъ».

«Мнѣ кажется, ваше превосходительство», замѣтилъ полковникъ: «нѣтъ, лучше коляски, какъ вѣнская».

«Вы справедливо думаете, шуфъ, шуфъ, шуфъ».

«У меня, ваше превосходительство, есть чрезвычайная коляска, настоящей вѣнской работы».

«Какая? та, въ которой вы пріѣхали?»

«О, нѣтъ; это такъ, разъѣздная, собственно для моихъ поѣздокъ, но та... это удивительно, легка, какъ перышко, а когда вы сядете въ нее, то, просто, какъ бы, съ позволенія вашего превосходительства, нянѣка вастъ въ люлькѣ качала!»

«Стало-быть покойна?»

«Очень, очень покойна; подушки, рессоры, это все какъ будто на картинкѣ нарисовано».

«Это хорошо».

«А ужь укладиста какъ! то-есть, я, ваше превосходительство, и не видывалъ еще такой. Когда я служилъ, то у меня въ ящики помѣщалось десять бутылокъ рому и двадцать фунтовъ табаку, кроме того, со мною еще было около шести мундировъ, бѣлье и два чубука, ваше превосходительство, самые длинные, а въ карманы можно цѣлаго быка помѣстить».

«Это хорошо».

«Я, ваше превосходительство, заплатилъ за нее четыре тысячи».

«Судя по цѣнѣ, должна быть хороша. И вы купили ее сами?»

«Нѣтъ, ваше превосходительство, она досталась по слу-
чаю. Ее купилъ мой другъ, рѣдкій человѣкъ, товарищъ
моего дѣтства, съ которымъ бы вы сошлись совершенно,
мы съ нимъ, что твое, что мое—все равно. Я выигралъ ее
у него въ карты. Не угодно ли, ваше превосходительство,
сдѣлать мнѣ честь пожаловать завтра ко мнѣ отобѣдать? и
коляску вмѣстѣ посмотрите».

«Я не знаю, что вамъ на это сказать. Мнѣ одному

какъ-то... Развѣ ужь позволите вмѣстѣ съ господами офицерами?»

«И господъ офицеровъ прошу покорнѣйше. Господа! я почту себѣ за большую честь имѣть удовольствіе видѣть васъ въ своемъ домѣ».

Полковникъ, маіоръ и прочіе офицеры отблагодарили учтивымъ поклономъ.

«Я, ваше превосходительство, самъ того мнѣнія, что если покупать вещь, то непремѣнно хорошую; а если дурную, то нечего и заводить. Вотъ у меня, когда сдѣлаете мнѣ честь завтра пожаловать, я покажу кое-какія статьи, которыхъ я самъ завелъ по хозяйственной части».

Генераль посмотрѣль и выпустилъ изо рта дымъ.

Чертокуцкій былъ чрезвычайно доволенъ, что пригласилъ къ себѣ господъ офицеровъ; онъ заранѣе заказывалъ въ головѣ своей паштеты и соусы, посматривалъ очень весело на господъ офицеровъ, которые также, съ своей стороны, какъ-то удвоили къ нему свое расположеніе, чтѣ было замѣтно изъ глазъ ихъ и небольшихъ тѣлодвиженій, въ родѣ полупоклоновъ. Чертокуцкій выступилъ впередъ какъ-то развязнѣе, и голосъ его принялъ разслабленіе — выраженіе голоса, обремененнаго удовольствіемъ.

«Тамъ, ваше превосходительство, познакомитесь съ хо-зяйкой дома».

«Мнѣ очень пріятно», сказалъ генераль, поглаживая усы.

Чертокуцкій постѣ этого хотѣль немедленно отправиться домой, чтобы заблаговременно приготовить все къ принятію гостей къ завтрашнему обѣду; онъ взялъ уже было и шляпу въ руки, но какъ-то странно случилось, что онъ остался еще на нѣсколько времени. Между тѣмъ уже въ комнатѣ были разставлены ломберные столы. Скоро все общество раздѣлилось на четвертия партіи въ висть и разсѣлось въ разныхъ углахъ генеральскихъ комнатъ.

Подали свѣчи. Чертокуцкій долго не зналъ, садиться или не садиться ему за висть. Но какъ господа офицеры начали приглашать, то ему показалось очень несогласно съ правилами общежитія отказаться — онъ присѣлъ. Нечувствительно очутился передъ нимъ стаканъ съ пуншемъ, который онъ, позабывши, въ ту же минуту выпилъ. Сыгравши два ро-бера, Чертокуцкій опять нашелъ подъ рукою стаканъ съ

пушнемъ, который, тоже позабывши, выпилъ, сказавши напередъ: «Пора, господа, мнъ домой; право, пора». Но опять присѣть и на вторую партію. Между тѣмъ разговоръ въ разныхъ углахъ комнаты принялъ совершенно частное направленіе. Играющіе въ висть были довольно молчаливы; но неигравшіе, сидѣвшіе на диванахъ въ сторонѣ, вели свой разговоръ. Въ одномъ углу штабъ-ротмистръ, подложивши себѣ подъ бокъ подушку, съ трубкою въ зубахъ, рассказывалъ довольно свободно и спавно любовныя свои приключенія и овладѣль совершенно вниманіемъ собравшагося около него кружка. Одинъ чрезвычайно толстый помѣщикъ съ короткими руками, нѣсколькою нохожими на два выросшие картофеля, слушалъ съ необыкновенно сладкою миною и только по временамъ силился запустить коротенькую свою руку за широкую спину, чтобы вытащить оттуда табакерку. Въ другомъ углу завязался довольно жаркий споръ объ эскадронномъ учениіи, и Чертокуцкій, который въ это время уже, вмѣсто дамы, два раза сбросилъ валета, вмѣшивался вдругъ въ чужой разговоръ и кричалъ изъ своего угла: «въ которомъ тоду?» или «котораго полка?» не замѣчая, что иногда вопросъ совершенно не приходился къ дѣлу. Наконецъ, за нѣсколько минутъ до ужина, висть прекратился, но онъ продолжался еще на словахъ, и, казалось, головы всѣхъ были полны вистомъ. Чертокуцкій очень помнилъ, что выигралъ много, но руками не взять ничего и, вставши изъ-за стола, долго стоялъ въ положеніи человѣка, у которого нѣть въ карманѣ носового платка. Между тѣмъ подали ужинъ. Само собою разумѣется, что въ винахъ не было недостатка и что Чертокуцкій почти невольно долженъ былъ иногда наливать въ стаканъ себѣ, потому что направо и налево стояли у него бутылки.

Разговоръ затянулся за столомъ предлипиной, но, впрочемъ, какъ-то странно онъ быть веденъ: одинъ полковникъ, служившій еще въ кампанію 1812 года, разсказать такую баталию, какой никогда не было, и потомъ, совершенно неизвѣстно по какимъ причинамъ, взялъ пробку изъ графина и воткнулъ ее въ пирожное. Словомъ, когда начали разѣзжаться, то уже было три часа, и кучера должны были нѣсколькихъ особъ взять въ охапку, какъ бы узелки съ покупкою, и Чертокуцкій, несмотря на весь аристократизмъ свой, сидя въ коляскѣ, такъ низко кланялся и съ такимъ

размахомъ головы, что, пріѣхавши домой, привезъ въ усахъ своихъ два репейника.

Въ домъ все совершенно спало; кучерь едва могъ сыскать камердинера, который проводилъ господина черезъ гостиную, сдаль горничной дѣвушкѣ, за которую кос-какъ Чертокуцкій добрался до спальни и уложился возлъ своей молоденькой и хорошенькой жены, лежавшей прелестнѣйшимъ образомъ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, спальномъ платьѣ. Движеніе, произведенное шаденiemъ ея супруга на кровать, разбудило ее. Протянувшись, поднявшись рѣбенцы и три раза быстро зажмурившися глаза, она открыла ихъ съ полу-сердитою улыбкою; но, видя, что онъ рѣшительно не хочетъ оказать на этотъ разъ никакой ласки, съ досады повортилась на другую сторону и, положивъ свѣжую свою щечку на руку, скоро послѣ него заснула.

Было уже такое время, которое по деревнямъ не называется *рано*, когда проснулась молодая хозяйка возлъ храпѣвшаго супруга. Вспомнивши, что онъ возвратился вчера домой въ четвертомъ часу ночи, она пожалѣла будить его и, надѣть спальные башмачки, которые супругъ ся вышился изъ Петербурга, въ бѣлой кофточкѣ, драшивавшейся на ней, какъ льющаяся вода, она вышла въ свою уборную, умылась свѣжею, какъ сама, водою и подопила къ туалету. Взглянувшись на себя раза два, она увидѣла, что сегодня очень недурна. Это, повидимому, незначительное обстоятельство заставило ее просидѣть передъ зеркаломъ ровно два часа лишнихъ. Наконецъ, она одѣлась очень мило и вышла освѣжиться въ садъ. Какъ нарочно, время было тогда прекрасное, какимъ можетъ только похвалиться лѣтний южный день. Солнце, вступивши на полдень, жарило всею силою лучей; но подъ темными густыми аллеями гулять было прохладно, и цветы, пригрѣтые солнцемъ, утробили свой запахъ. Хорошенькая хозяйка вовсе позабыла о томъ, что уже двѣнадцать часовъ, а супругъ ся спить. Уже доходило до слуха ея постѣбѣнное храпѣніе двухъ кучеровъ и одного форейтора, спавшихъ въ конюшнѣ, находившейся за садомъ. Но она все сидѣла въ густой аллѣ, изъ которой былъ открытъ видъ на большую дорогу, и разсѣянно глядѣла на безлюдную ея пустынность, какъ вдругъ показавшаяся вдали мыль привлекла ея вниманіе. Вспомѣтъвшись, она скоро увидѣла нѣсколько экипажей. Впереди

ъхала открытая двумѣстная леонтьевская колясочка; въ ней сидѣть генераль съ толстыми, блестѣвшими на солнцѣ, эполетами, и рядомъ съ нимъ полковникъ. За ней слѣдовала другая четырехмѣстная; въ ней сидѣть маіоръ съ генеральскимъ адъютантомъ и еще двумя, наступивъ сидѣвшими, офицерами; за коляской слѣдовали извѣстныя всѣмъ полковыя дрожки, которыми владѣть на этотъ разъ тучный маіоръ; за дрожками — четырехмѣстный бонвояжъ, въ которомъ сидѣли четыре офицера и пятый на рукахъ; за бонвояжемъ рисовались три офицера на прекрасныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ въ темныхъ яблокахъ.

«Неужели это къ намъ?» подумала хозяйка дома. «Ахъ, Боже мой! въ самомъ дѣлѣ — они поворотили на мостъ!» Она вскрикнула, всплеснула руками и побѣжала чрезъ клумбы и цветы прямо въ спальню своего мужа. Онъ спать мертвѣцки.

«Вставай, вставай! вставай скорѣе!» кричала она, дергая его за руку.

«А?» проговорилъ, потягиваясь, Чертокуцкій, не раскрывая глазъ.

«Вставай, пульпультикъ! слышишь ли? гости!»

«Гости? какіе гости?..» Сказавши это, онъ испустилъ небольшое мычаніе, какое издастъ теленокъ, когда ищетъ мордою сословъ своей матери. «Мм...» ворчалъ онъ: «протяни, моньмуна, свою шейку! я тебя поцѣлю.»

«Душенька, вставай, ради Бога, скорѣй! Генераль съ офицерами! Ахъ, Боже мой, у тебя въ усахъ репейникъ!»

«Генераль? А, такъ онъ уже ѳдетъ? Да что же это, чортъ возьми, меня никто не разбудиль? А обѣдъ, что-жъ обѣдъ? Все ли тамъ, какъ слѣдуетъ, готово?»

«Какой обѣдъ?»

«А развѣ я не заказывалъ?»

«Ты? ты пріѣхалъ въ четыре часа ночи и, сколько я ни спрашивала тебя, ты ничего не сказалъ мнѣ. Я тебя, пульпультикъ, потому не будила, что мнѣ жаль тебя стало: ты ничего не спалъ...» Послѣднія слова сказала она чрезвычайно томнымъ и умоляющимъ голосомъ.

Чертокуцкій, вытаращивъ глаза, минуту лежалъ на постели, какъ громомъ пораженный; наконецъ, вскочить онъ въ одной рубашкѣ съ постели, позабывши, что это вовсе неприлично.

«Ахъ, я лошадь!» сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу: «я звалъ ихъ на обѣдъ! Чѣмъ дѣлать? Далеко они?»

«Я не знаю... они должны сюю минуту уже быть».

«Душенька... спрячься!.. Эй, кто тамъ? Ты, дѣвчонка! ступай — чего дура боишься? — пріѣдутъ офицеры сюю минуту: ты скажи, что барина нѣть дома; скажи, что и не будетъ совсѣмъ, что еще съ утра выѣхалъ... слышишь? и дворовыми всѣмъ объяви; ступай скорѣе!»

Сказавши это, онъ схватилъ наскоро халатъ и побѣжалъ спрятаться въ экипажный сарай, полагая тамъ положеніе свое совершенно безопаснымъ. Но, ставши въ углу сарая, онъ увидѣлъ, что и здѣсь можно было его какъ-нибудь увидѣть. «А вотъ это будетъ лучше», мелькнуло въ его головѣ, и онъ въ одну минуту отбросилъ ступени близъ стоявшей коляски, вскочилъ туда, закрылъ за собою дверцы, для большей безопасности закрылся фартукомъ и кожею, и притихъ совершенно, согнувшись въ своею халатѣ.

Между тѣмъ экипажи подѣхали къ крыльцу.

Вышелъ генераль и встряхнулся; за нимъ — полковникъ, поправляя руками шаптнъ на своей шляпѣ; потомъ соскочилъ съ дрожекъ толстый маиръ, держа подъ мышкою саблю; потомъ выпрыгнули изъ бонвояжа тоненькие подпоручики съ сидѣвшимъ на рукахъ прапорщикомъ; наконецъ, сошли съ сѣдла рисовавшіеся на лошадяхъ офицеры.

«Барина нѣть дома», сказалъ, выходя на крыльцо, лакей.

«Какъ — нѣть? Стало-быть, онъ, однакоожъ, будетъ къ обѣду?»

«Никакъ нѣть. Они уѣхали на весь день. Завтра развѣ около этого только времени будуть».

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ генераль: «какъ же это?..»

«Признаюсь, это штука», сказалъ полковникъ, смѣясь.

«Да нѣть, какъ же этакъ дѣлать?» продолжалъ генераль съ неудовольствіемъ. «Фить... Чортъ... Ну, не можешь принять, зачѣмъ напрашиваться?»

«Я, ваше превосходительство, не понимаю, какъ можно это дѣлать», сказалъ одинъ молодой офицеръ.

«Чѣмъ?» сказалъ генераль, имѣвшій обыкновеніе всегда произносить эту вопросительную частицу, когда говорилъ съ оберъ-офицеромъ.

«Я говорилъ, ваше превосходительство: какъ можно поступать такимъ образомъ!»

«Натурально... Ну, не случилось, что ли — дай знать по крайней мѣрѣ, или не проси».

«Что-жъ, ваше превосходительство, нечего дѣлать, поѣдемте назадъ!» сказалъ полковникъ.

«Разумѣется, другого средства нѣть. Впрочемъ, коляску мы можемъ посмотреть и безъ него. Онъ, вѣрою, ея не взялъ съ собою. Эй, кто тамъ? Подойди, братецъ, сюда!»

«Чего изволите?»

«Ты конюхъ?»

«Конюхъ, ваше превосходительство».

«Покажи-ка намъ новую коляску, которую недавно досталъ баринъ».

«А вотъ, пожалуйте въ сарай».

Генераль отправился вмѣстѣ съ офицерами въ сарай.

«Вотъ извольте, я ее немнога выкачу: здѣсь темненько».

«Довольно, довольно, хорошо!»

Генераль и офицеры обошли вокругъ коляску и тщательно осмотрѣли колеса и рессоры.

«Ну, ничего нѣть особенного», сказалъ генераль: «коляска самая обыкновенная».

«Самая неказистая», сказалъ полковникъ: «совершенно нѣть ничего хорошаго».

«Мнѣ кажется, ваше превосходительство, она совсѣмъ не стоять четырехъ тысячъ», сказалъ одинъ изъ молодыхъ офицеровъ.

«Чтѣ?»

«Я говорю, ваше превосходительство, что, мнѣ кажется, она не стоять четырехъ тысячъ».

«Какое четырехъ тысячъ! она и двухъ не стоитъ. Просто, ничего нѣть. Развѣ внутри есть что-нибудь особенное... Пожалуйста, любезный, отстегни кожу...»

И глазамъ офицеровъ предсталъ Чертокуцкій, сидящій въ халатѣ и согнувшись необыкновеннымъ образомъ.

«А, вы здѣсь!..» сказалъ изумившийся генераль.

Сказавши это, генераль тутъ же захлопнулъ дверцы, закрылъ опять Чертокуцкаго фартукомъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ господами офицерами.

РИМЪ.

ОТРЫВОКЪ.

Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскроивши черные, какъ уголь, тучи, нестерпимо затрешетъ она цѣльмъ потопомъ блеска: таковы очи у альбанки Аннунціаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурные рѣзы. Густая смола волосъ тяжеловѣсной косою вознеслась въ два кольца надъ головой и четырьмя длинными кудрями разсыпалась по шеѣ. Какъ ни поворотить она сіяній снять своего лица—образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ — дивнымъ благородствомъ дышитъ профиль, и мечется красота линій, какихъ не создавала кисть. Обратится ли затылкомъ съ подобранными кверху чудесными волосами, и окажавъ сверкающую позади шею и красоту невиданныхъ землею плечъ — и тамъ она чудо! Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она прямо очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце. Полный голосъ ея звенить, какъ мѣдь. Никакой гибкой пантерѣ не сравниться съ ней въ быстротѣ, силѣ и гордости движений. Все въ ней вѣнецъ созданья, отъ плечъ до античной дышащей ноги и до послѣдняго пальчика на ея ногѣ. Куда ни пойдетъ она—уже несетъ съ собой картину: спышитъ ли ввечеру къ фонтану съ кованной мѣдной вазой на головѣ — вся проникается чуднымъ согласиемъ обнимающая ее окрестность: легче уходить въ даль чудесныя линіи альбанскихъ горъ,

синѣе глубина римскаго неба, прямѣй летить вверхъ кипарисъ, и красавица южныхъ деревъ, римская пинна, тонѣе и чище рисуется на небѣ своею зонтикообразною, почти плывущею на воздухѣ верхушкою. И все: и самый фонтанъ, гдѣ уже столпились въ кучу на мраморныхъ ступеняхъ, одна выше другой, альбанскія горожанки, переговаривающіяся сильными серебряными голосами, пока поочередно бѣсть вода звонкой алмазной дугой въ подставляемы мѣдные чаны, и самый фонтанъ, и самая толпа,—все, кажется, для нея, чтобы ярче выказать торжествующую красоту, чтобы видно было, какъ она предводить всѣмъ, подобно, какъ царица предводить за собою придворный чинъ свой. Въ праздничный ли день, когда темная древесная галлерея, ведущая изъ Альбано въ Кастель-Гандольфо, вся полна празднично-убраннаго народа, когда мелькаютъ подъ сумрачными ея сводами щеголи Миненти въ бархатномъ убранствѣ, съ яркими поясами и золотистымъ цвѣткомъ на пуховой шляпѣ; бредутъ или несутся вскачь ослы съ полузаражуренными глазами, живописно неся на себѣ стройныхъ и сильныхъ альбанскихъ и фраскатанскихъ женщинъ, далеко блестающихъ бѣлыми головными уборами, или таша вовсе не живописно, съ трудомъ и спотыкаясь, длиннаго неподвижнаго англичанина въ гороховомъ непроникаемомъ макинтошѣ, скорчившаго въ острый уголъ свои ноги, чтобы не зацѣпить ими земли, или неся художника въ блузѣ, съ деревяннымъ лицомъ на ремнѣ и ловкой вандиковской бородкой, а тѣнь и солнце бѣгутъ поперемѣнно по всей группѣ,—и тогда, и въ оный праздничный день при ней далеко лучше, чѣмъ безъ нея. Глубина галлереи выдается ее изъ сумрачной темноты своей всю сверкающую, всю въ блескѣ. Пурпурное сукно альбанскаго ея наряда вспыхиваетъ, какъ ищерь, тронутое солнцемъ. Чудный праздникъ летить съ лица ся навстрѣчу всѣмъ. И, повстрѣчавъ ее, останавливаются, какъ вкопанные: и щеголь Миненти съ цвѣткомъ за шляпой, издавши невольно восхищеніе; и англичанинъ въ гороховомъ макинтошѣ, показавъ вопросительный знакъ на неподвижномъ лицѣ своемъ; и художникъ съ вандиковской бородкой, долѣе всѣхъ остановившійся на одномъ мѣстѣ, подумывая: «то-то была бы чудная модель для Діаны, гордой Юноны, соблазнительныхъ грацій и всѣхъ женщинъ, какія только передавались

на полотно!» и дерзновенно думая въ то же время: «то-то былъ бы рай, если бъ такое диво украсило навсегда смиренную его мастерскую».

Но кто же тотъ, чей взглядъ неотразимъ вперился за ея слѣдомъ? Кто сторожитъ ея рѣчи, движения и движения мыслей на ея лицѣ? Двадцатипятилѣтній юноша, римскій князь, потомокъ фамиліи, составлявшей когда-то честь, гордость и безславіе среднихъ вѣковъ, нынѣ пустыни догоравшей въ великолѣпномъ дворцѣ, исписанномъ фресками Гверчина и Каракчей, съ потускнѣвшей картинной галлереей, съ полинявшими штофами, лазурными столами и посьдѣвшимъ, какъ лунь, *maestro di casa*. Его-то увидали недавно римскія улицы, несущаго свои черныя очи, метатели огней изъ-за перекинутаго черезъ плечо плаща, нось, очеркнутый античной линіей, слоновую бѣлизну лба и брошенный на него летучій шелковый локонъ. Онъ появился въ Римѣ послѣ пятнадцати лѣтъ отсутствія, появился гордымъ юношемъ вмѣсто еще недавно бывшаго дитяти.

Но читателю нужно знать непремѣнно, какъ все это свершилось, и потому пробѣжимъ наскоро исторію его жизни, еще молодой, но уже обильной многими сильными впечатлѣніями. Первоначальное дѣтство его протекло въ Римѣ; воспитывался онъ такъ, какъ въ обычаѣ у доживающихъ вѣкъ свой римскихъ вельможъ. Учитель, гувернеръ, дядька и все, что угодно, былъ у него аббатъ, строгій классикъ, почтитель писемъ Піетра Бембо, сочиненій Джіованні *della Casa* и пяти-шести пѣсней Данта, читавшій ихъ не иначе, какъ съ сильными восклицаніями: «*Dio, che cosa divina!*» и потомъ черезъ двѣ строки: «*Diavolo, che divina cosa!*» въ чемъ состояла почти вся художественная оцѣнка и критика,—обращавшій остальной разговоръ на брокколи и артишоки, любимый свой предметъ, знаяшій очень хорошо, въ какое время лучше телятина, съ какого мѣсяца нужно начинать есть козленка, любившій обо всемъ этомъ поболтать на улицѣ, встрѣтясь съ пріятелемъ, другимъ аббатомъ, обтягивавшій весьма ловко полныя икры свои въ шелковые черные чулки, прежде запихнувши подъ нихъ шерстяные; чистившій себя регулярно одинъ разъ въ мѣсяцъ лѣкарствомъ *olio di ricino* въ чашкѣ кофею, и полнѣвшій съ каждымъ днемъ и часомъ, какъ полнѣютъ всѣ аббаты. Натурально, что молодой князь узналъ не много подъ такимъ началомъ. Узналь

онъ только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго, что монсеньоры бываютъ трехъ родовъ: одни въ черныхъ чулкахъ, другіе въ ліловыхъ, а третыи такие, которые бываютъ почти то же, что кардиналы; узнать нѣсколько писемъ Піетра Бембо къ тогдашнимъ кардиналамъ, болѣею частию поздравительныхъ; узнать хорошо улицу Корсо, по которой ходилъ прогуливаться съ аббатомъ, да виллу Боргезе, да двѣ-три лавки, передъ которыми останавливался аббать для закупки бумаги, перьевъ и нюхательного табаку, да аптеку, гдѣ бралъ онъ свое *olio di ricino*. Въ этомъ заключался весь горизонтъ свѣдѣній воспитанника. О другихъ земляхъ и государствахъ аббать намекнулъ въ какихъ-то неясныхъ и нетвердыхъ чертахъ: что есть земля Франція, богатая земля, что англичане — хорошия купцы и любять Ѵзить, что иѣмпы — пьяницы, и что на сѣверѣ есть варварская земля Московія, гдѣ бываютъ такие жестокіе морозы, отъ которыхъ можетъ лопнуть мозгъ человѣческій. Да же сихъ свѣдѣній воспитанникъ вѣроятно бы не узналъ, достигнувъ до двадцатипятилѣтняго своего возраста, если-бъ старому князю не пришла вдругъ въ голову идея перемѣнить старую методу воспитанія и дать сыну образованіе европейское, что можно было отчасти приписать вліянію какой-то французской дамы, на которую онъ съ недавняго времени сталъ наводить безпрестанно лорнетъ на всѣхъ театрахъ и гуляньяхъ, засовывая поминутно свой подбородокъ въ огромный бѣлый жабо и поправляя черный локонъ на парикѣ. Молодой князь былъ отправленъ въ Лукку, въ университетъ. Тамъ, во время шестилѣтняго его пребыванья, развернулась его живая итальянская природа, дремавшая подъ скучнымъ надзоромъ аббата. Въ юношѣ оказалась душа, жадная наслажденій избранныхъ, и наблюдательный умъ. Итальянскій университетъ, гдѣ наука влачилась, скрытая въ черствыхъ схоластическихъ образахъ, не удовлетворялъ новой молодежи, которая уже слышала уривками о ней живые намеки, перелетавшіе черезъ Альпы. Французское вліяніе становилось замѣтно въ Верхней Италии: оно заносилось туда вмѣстѣ съ модами, виньетками, водевилями и напряженными произведеніями необузданной французской музы, чудовищной, горячей, но мѣстами не безъ признаковъ таланта. Сильное политическое движеніе въ журналахъ съ юльской революціи отозвалось и здѣсь. Мечтали о возвра-

щепін погибшій італіанській славі, съ негодованіемъ глядѣли на ненавистный бѣлый мундиръ австрійского солдата. Но італіанська природа, любительница покойныхъ наслажденій, не вспыхнула восстаніемъ, надъ которымъ не позадумался бы французъ; все окончилось только непреодолимымъ желаньемъ побывать въ заальпійской, въ настоящей Европѣ. Вѣчное ея движеніе и блескъ, заманчиво мелькали вдали. Тамъ была новость, противоположность ветхости італіанской, тамъ начиналось XIX столѣтіе, европейская жизнь. Сильно порывалась туда душа молодого князя, чая приключений и свѣта, и всякий разъ тяжелое чувство грусти его осѣняло, когда онъ видѣть совершиенную къ тому невозможность: ему быть извѣстенъ непреклонный деспотизмъ стараго князя, съ которымъ было ему не подъ силу ладить, — какъ вдругъ получилъ онъ отъ него письмо, въ которомъ предписано было емуѣхать въ Парижъ, окончить ученье въ тамошнемъ університетѣ и дождаться въ Лукѣ только прїѣзда дяди, съ тѣмъ, чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ. Молодой князь прыгнулъ отъ радости, переплювалъ всѣхъ своихъ друзей, угостиль всѣхъ въ загородной остеріи и черезъ двѣ недѣли былъ уже въ дорогѣ, съ сердцемъ, готовымъ встрѣтить радостнымъ біенъемъ всякой предметъ. Когда переѣхали Симплонъ, пріятная мысль пробѣжала въ головѣ его: онъ на другой сторонѣ, онъ въ Европѣ! Дикое безобразіе швейцарскихъ горъ, громоздившихся безъ перспективы, безъ легкихъ далей, нѣсколько ужаснуло его взоръ, пріученный къ высоко-спокойной, нѣжашей красотѣ італіанской природы. Но онъ просвѣтельствъ вдругъ при видѣ европейскихъ городовъ, великолѣпныхъ, свѣтлыхъ гостиницъ, удобствъ, разставленныхъ всякому путешественнику, располагающемуся, какъ дома. Щеголеватая чистота, блескъ — все было ему ново. Въ нѣмецкихъ городахъ нѣсколько поразилъ его странный складъ тѣла нѣмцевъ, лишенный стройнаго согласія красоты, чувство которой зарождено уже въ груди італіанца; нѣмецкій языкъ также поразилъ непріятно его музыкальное ухо. Но передъ нимъ была уже французская граница; сердце его дрогнуло. Порхающіе звуки европейскаго моднаго языка, лаская, облобызали слухъ его. Онъ съ тайнымъ удовольствиемъ ловилъ скользящій шелестъ ихъ, который еще въ Италии казался ему чѣмъ-то возвышеннымъ, очищеннымъ отъ всѣхъ судорожныхъ движеній, ка-

кими сопровождаются сильные языки полуденныхъ народовъ, не умѣющихъ держать себя въ границахъ. Еще большее впечатлѣніе произвѣло на него особый родъ женщинъ, легкихъ, порхающихъ. Его поразило это улетучившееся существо, съ едва вызначавшимися легкими формами, съ маленькой ножкой, съ тоненъкимъ воздушнымъ станомъ, съ отвѣтнымъ огнемъ во взорахъ и легкими, почти не выговаривающимися рѣчами. Онь ждалъ съ нетерпѣніемъ Парижа, населять его башнями, дворцами, составилъ себѣ по-своему образъ его и съ сердечнымъ трепетомъ увидѣлъ, наконецъ, близкіе признаки столицы: наклеенные афиши, исполинскія буквы, умножавшіеся дилижансы, омнибусы... наконецъ, понеслись domы предмѣстія. И вотъ онъ въ Парижѣ, безсвязно обнятый его чудовищною наружностью, пораженный движеніемъ, блескомъ улицъ, безпорядкомъ крышъ, гущиной трубъ, безархитектурными сплоченными массами домовъ, облѣпленныхъ тѣсной лоскуностью магазиновъ, безобразіемъ нагихъ, не прислоненныхъ боковыхъ стѣнъ, безчисленной смѣшанной толпой золотыхъ буквъ, которыя лѣзли на стѣны, на окна, на крыши и даже на трубы, свѣтлой прозрачностью нижнихъ этажей, состоявшихъ только изъ однихъ зеркальныхъ стеколь. Вотъ онъ, Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенія, моды, изысканного вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что производить мастерство, художество и всякий талантъ, скрытый въ невидимыхъ углахъ Европы, трепетъ и любимая мечта двадцатилѣтняго человѣка, размѣнъ и ярмарка Европы! Какъ ошеломленный, не въ силахъ собрать себя, пошелъ онъ по улицамъ, пересыпавшимся всякимъ народомъ, исчерченнымъ путями движущихся омнибусовъ, поражаясь то видомъ кафе, блеставшаго неслыханнымъ царскимъ убранствомъ, то знаменитыми крытыми переходами, гдѣ оглушалъ его глухой шумъ нѣсколькихъ тысячъ стучащихъ шаговъ сплошно двигавшейся толпы, которая вся почти состояла изъ молодыхъ людей, и гдѣ ослѣплялъ его трепещущій блескъ магазиновъ, озаряемыхъ свѣтомъ, падавшимъ сквозь стеклянный потолокъ въ галлерею, то останавливалась передъ афишами, которая миллионами пестрѣли и толшились въ глаза, крича о двадцати четырехъ ежедневныхъ представленіяхъ

и безчисленномъ множествѣ всякихъ музикальныхъ концертовъ; то растерявши, наконецъ, совсѣмъ, когда вся эта волшебная куча вспыхнула ввечеру при волшебномъ освѣщениі газа — всѣ дома вдругъ стали прозрачными, сильно засиявши снизу; окна и стекла въ магазинахъ, казалось, исчезли, пропали вовсе, и все, что лежало внутри ихъ, осталось прямо среди улицы нехранимо, блестя и отражаясь въ углубленыи зеркалами. «*Ma quest'è una cosa divina!*» повторялъ живой итальянецъ.

И жизнь его потекла живо, какъ течетъ жизнь многихъ парижанъ и толпы многихъ молодыхъ иностранцевъ, наѣзжающихъ въ Парижъ. Въ девять часовъ утра, схвативши съ постели, онъ уже былъ въ великолѣпномъ кафе, съ модными фресками за стекломъ, съ потолкомъ, облитымъ золотомъ, съ листами длинныхъ журналовъ и газетъ, съ благороднымъ приспѣшникомъ, проходившимъ мимо посѣтителей, держа великолѣпный серебряный кофейникъ въ руки. Тамъ пилъ онъ съ сибаритскимъ наслажденiemъ свой жирный кофей изъ громадной чашки, нѣжась на эластическомъ, упругомъ диванѣ и вспоминая о низенькихъ, темныхъ итальянскихъ кафе съ неопрятнымъ боттегой, несущимъ невымытые стеклянные стаканы. Потомъ принимался онъ за чтеніе колоссальныхъ журнальныхъ листовъ и вспомнилъ о чахоточныхъ журналишкахъ Италии, о какомъ-нибудь *Diario di Roma*, *il Pirato* и тому подобныхъ, где помѣщались невинныя политическія извѣстія и анекдоты чуть не о Термопилахъ и персидскомъ царѣ Даріѣ. Тутъ, напротивъ, вездѣ видно было кипѣвшее перо. Вопросы на вопросы, возраженья на возраженья — казалось, всякий изъ всѣхъ силь топорщился: тотъ грозилъ близкой перемѣнѣ вещей и предвѣщалъ разрушенье государству; всякое чуть замѣтное движенье и дѣйствіе камерь и министерства разрасталось въ движенье огромнаго размаха между упорными партіями и почти отчаянныемъ крикомъ слышалось въ журналахъ. Даже страхъ чувствовалъ итальянецъ, читая ихъ и думая, что завтра же вспыхнетъ революція; какъ будто въ чаду, выходилъ изъ литературного кабинета, и только одинъ Парижъ со своими улицами могъ выѣхать въ одну минуту изъ головы весь этотъ грузъ. Его порхающій по всему блескъ и пестрое движенье, послѣ этого тяжелаго чтенія, казались чѣмъ-то похожими на легкіе цвѣтки, взбѣжавши по оврагу

пропасти. Въ одинъ мигъ онъ переселялся весь на улицу и сдѣлался, подобно всѣмъ, зѣвакою во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ зѣвалъ предъ свѣтлыми, легкими продавицами, только что вступившими въ свою весну, которыми были наполнены всѣ парижскіе магазины, какъ будто бы суровая наружность мужчины была неприлична и мелькала бы темнымъ пятномъ изъ-за цѣльныхъ стеколь. Онъ глядѣлъ, какъ заманчиво щегольскія тонкія руки, вымытыя всячими мылами, блестая, заворачивали бумажки конфетъ, межъ тѣмъ какъ глаза свѣтло и пристально вперялись на проходящихъ, какъ рисовалась въ другомъ мѣстѣ свѣтловолосая головка въ картииномъ склонѣ, опустивши длинныя рѣчицы въ страницы моднаго романа, не видя, что около нея собралась уже куча молодежи, разсматривающая и ея легкую снѣжную шейку, и всякий волосокъ на головѣ ея, подслушивающая самое колебаніе груди, произведенное чтеніемъ. Онъ зѣвалъ и передъ книжной лавкой, гдѣ, какъ пауки, темнѣли на слоновой бумагѣ черныя виньетки, набросанные размашисто, сгоряча, такъ что иногда и разобрать нельзя было, чтѣ на нихъ такое, и глядѣли іероглифами страннія буквы. Онъ зѣвалъ и передъ машиной, которая одна занимала весь магазинъ и ходила за зеркальнымъ стекломъ, катая огромный валъ, растирающій шоколадъ. Онъ зѣвалъ предъ лавками, гдѣ останавливаются по цѣльмъ часамъ парижскіе крокодилы, засунувъ руки въ карманы и разинувъ ротъ, гдѣ краснѣлъ въ зелени огромный морской ракъ, воздымалась набитая трюфелями индѣйка, съ лаконическою надписью: «300 fr.», и мелькали золотистыя перомъ и хвостами желтая и красная рыбы въ стеклянныхъ вазахъ. Онъ зѣвалъ и на широкихъ бульварахъ, царственно проходящихъ поперекъ весь тѣсный Парижъ, гдѣ среди города стояли деревья въ ростъ шестиэтажныхъ домовъ, гдѣ на асфальтовые тротуары валила наѣздная толпа и куча доморощенныхъ парижскихъ львовъ и тигровъ, не всегда вѣрно изображаемыхъ въ поэтияхъ. И, назѣвавшись вдоволь и досыта, взбирался онъ къ ресторану, гдѣ уже давно сіяли газомъ зеркальныя стѣны, отражая въ себѣ безчисленныя толпы дамъ и мужчинъ, пущенныхъ рѣчами за маленькими столиками, разбросанными по залу. Послѣ обѣда уже онъ спѣшилъ въ театръ, недоумѣвая только, который выбрать: на каждомъ изъ нихъ своя знаменитость, на каждомъ свой авторъ, свой актеръ.

Вездѣ новость. Тамъ блещетъ водевиль, живой, вѣтреный, какъ самъ французъ, новый всякий день, создавшій весь въ три минуты досуга, смѣшившій весь отъ начала до конца, благодаря неистощимымъ капризамъ веселости актера; тамъ горячая драма. — И онъ невольно сравнилъ сухую, тощую драматическую сцену Италии, гдѣ повторялись одинъ и тотъ же старикъ Гольдони, знаемый всѣми наизусть, или же новые комедійки, невинныя и наивныя до того, что ребенокъ бы соскучился надъ шутами; онъ сравнилъ ихъ тощую группу съ этимъ живымъ, торопливымъ драматическимъ наводнѣніемъ, гдѣ все ковалось, пока было горячо, гдѣ всякий боялся только, чтобы не простила его новость. Насмѣявшись досыта, наволновавшись, наглядѣвшись, утомленный, подавленный впечатлѣніями, возвращаясь онъ домой и бросался въ постель, которая, какъ известно, одна только нужна французу въ его комнатѣ: кабинетомъ, обѣдомъ и вечернимъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ публичныхъ мѣстахъ. Но князь, однажде, не позабылъ съ этимъ разнообразнымъ зѣваньемъ соединить занятій ума, которыхъ требовала нетерпѣливо душа его. Онъ принялъ слушать всѣхъ знаменитыхъ профессоровъ. Живая рѣчь, часто восторженная, новые точки и стороны, подмѣченныя рѣчивымъ профессоромъ, были неожиданы для молодого итальянца. Онъ чувствовалъ, какъ стала спадать съ глазъ его пелена, какъ въ другомъ, яркомъ видѣ возставали передъ нимъ прежде незамѣченные предметы, и самый пріобрѣтенный имъ хламъ кое-какихъ знаній, которыхъ обыкновенно погибаютъ у большей части людей безъ всякихъ примѣненій, пробуждался и, оглянутый другимъ глазомъ, утверждался навсегда въ его памяти. Онъ не пропустилъ также услышать ни одного знаменитаго проповѣдника, публициста, оратора камерныхъ преній и всего, чѣмъ шумно гремитъ въ Европѣ Парижъ. Несмотря на то, что не всегда доставало ему средствъ, что старый князь присыпалъ ему содержаніе, какъ студенту, а не какъ князю, онъ успѣлъ, однажде, найти случай побывать вездѣ, найти доступъ ко всѣмъ знаменитостямъ, о которыхъ трубятъ, повторяя другъ друга, европейскіе листки; даже увидалъ въ лицо тѣхъ модныхъ писателей, которыхъ странными созданіями была поражена, на ряду съ другими, его пылкая, молодая душа, и въ которыхъ всѣмъ мнилось слышать еще небранныя дотолѣ струны, неуловимые досѣль.

изгибы страстей. Словомъ, жизнь итальянца приняла широкий, многосторонний образъ, обнялась всѣмъ громаднымъ блескомъ европейской дѣятельности. Разомъ, въ одинъ и тотъ же день, беззаботное зѣванье и тревожное пробужденье, легкая работа глазъ и напряженная ума, водевиль на театрѣ, проповѣдникъ въ церкви, политической вихрь журналовъ и камерь, рукоплесканье въ аудиторіяхъ, потрясающій громъ консерваторнаго оркестра, воздушное блистанье танцующей сцены, громотня уличной жизни — какая исполнанская жизнь для двадцатиштилетняго юноши! Нѣтъ лучшаго мѣста, какъ Парижъ; ни за что не промѣнялъ бы онъ такой жизни. Какъ весело и любо жить въ самомъ сердцѣ Европы, гдѣ, идя, подымашься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемирнаго общества! Въ головѣ его даже вертѣлась мысль отказаться вовсе отъ Италии и основаться навсегда въ Парижѣ: Италия казалась ему теперь какимъ-то темнымъ, заплѣсневѣлымъ угломъ Европы, гдѣ заглохла жизнь и всякое движение.

Такъ пронеслись четыре пламенные года его жизни, — четыре года, слишкомъ значительные для юноши, и къ концу ихъ уже многое показалось не въ томъ видѣ, какъ было прежде. Во многомъ онъ разочаровался. Тотъ же Парижъ, вѣчно влекущій къ себѣ иностранцевъ, вѣчная страсть парижанъ, уже показался ему много, много не тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность его жизни исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеньи вѣчнаго его кипѣнья и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякий французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякий французъ воспитывался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографской движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партии, горячо и жарко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ, сильно итальянцу.

Въ движениі торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣль опь только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился передъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ, хотя бы на одну минуту. Купецъ весь капиталъ свой употреблялъ на одну только уборку магазина, чтобы блескомъ и великолѣпіемъ его заманить къ себѣтолшу. Книжная литература прибѣгала къ картинкамъ и типографической роскоши, чтобы ими привлечь къ себѣ охлаждающееся вниманіе. Странностью неслыханныхъ страстей, уродливостью исключеній изъ человѣческой природы силились повѣсти и романы овладѣть читателемъ. Все, казалось, нагло навязывалось и напрощивалось само безъ взыска, какъ непотребная женщина, что ловить человѣка ночью на улицѣ; все, одно передъ другимъ, вытягивало повыше свою руку, какъ обступившая толпа надобѣдливыхъ нищихъ. Въ самой наукѣ, въ ея одушевленныхъ лекціяхъ, которыхъ достоинство не могъ не признать онъ, теперь стало ему замѣтно вездѣ желанье выказаться, хвастнуть, выставить себя; вездѣ блестящіе эпизоды, и нѣтъ торжественнаго, величаваго теченья всего цѣлаго. Вездѣ усилия поднять доселѣ незамѣченныю факты и дать имъ огромное вліяніе, иногда въ упрѣбъ гармоніи цѣлаго, съ тѣмъ только, чтобы оставить за собой честь открытія; наконецъ, вездѣ почти дерзкаяувѣренность и нигдѣ смиренного сознанія собственнаго невѣдѣнія, — и онъ привель себѣ на память стихъ, которымъ итальянецъ Алфieri, въ єдкомъ расположеніи своего духа, попрекнулъ французовъ:

Tutto fanno, nulla sanno,
Tutto sanno, nulla fanno:
Gira volta son Francesi,
Piu gli pesi, men ti danno.

Тоскливо расположеніе духа имъ овладѣло. Напрасно старался онъ развлекать себя, старался сойтись съ людьми, которыхъ уважалъ; но не сошлась итальянская природа съ французскимъ элементомъ. Дружба завязывалась быстро, но уже въ одинъ день французъ выказывалъ себя всего до послѣдней черты: на другой день нечего было и узнавать въ немъ, даѣше известной глубины уже нельзя было погрузить вопроса въ его душу, не вонзалось даже острѣ мысли; а чувства итальянца были слишкомъ сильны, чтобы встрѣтить себѣ полный отвѣтъ въ легкой природѣ. И на-

шель онъ какую-то странную пустоту даже въ сердцахъ тѣхъ, которымъ не могъ отказать въ уваженіи. И увидѣть онъ, наконецъ, что при всѣхъ своихъ блестящихъ чертахъ, при благородныхъ порывахъ, при рыцарскихъ вспышкахъ, вся нація была что-то блѣдное, несовершенное, легкій водевиль, ею же порожденный. Не почила на ней величественно-степенная идея. Вездѣ намеки на мысли, и нѣтъ самыхъ мыслей; вездѣ полу страсти, и нѣтъ страстей; все не окончено, все наметано, набросано съ быстрой руки; вся нація — блестящая виньетка, а не картина великаго мастера.

Нашедшая ли внезапно на него хандра дала ему возможность увидать все въ такомъ видѣ, или внутреннее вѣрное и свѣжее чувство итальянца было тому причиной, то или другое, только Парижъ, со всѣмъ своимъ блескомъ и шумомъ, скоро сдѣлался для него тѣгостной пустыней, и онъ невольно выбиралъ глухіе отдаленные концы его. Только въ одну еще итальянскую оперу заходилъ онъ, тамъ только какъ будто отдыхала душа его, и звуки родного языка теперь вырастали предъ нимъ во всемъ могущество и полнотѣ. И стала представляться ему чаще забытая имъ Италія, вдали, въ какомъ-то манящемъ свѣтѣ; съ каждымъ днемъ зазывы ея становились слышнѣе, и онъ рѣшился, наконецъ, писать къ отцу, чтобы позволилъ ему возвратиться въ Римъ, что въ Парижѣ оставаться больше онъ не видить для себя нужды. Два мѣсяца не получалъ онъ никакого отвѣта, ни даже обычныхъ векселей, которые давно слѣдовали ему получить. Сначала ожидалъ онъ терпѣливо, зная капризный характеръ своего отца, наконецъ, начало овладѣвать имъ беспокойство. Нѣсколько разъ на недѣль навѣдывался къ своему банкиру и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что изъ Рима нѣтъ никакихъ извѣстій. Отчаяніе готово было вспыхнуть въ душѣ его. Средства содержанія уже давно у него всѣ прекратились, уже давно сдѣлать онъ у банкира заемъ, но и эти деньги давно вышли, давно уже онъ обѣдалъ, завтракалъ и жилъ кое-какъ въ долгъ; косо и непріятно начинали посматривать на него — и хоть бы отъ кого-нибудь изъ друзей какое-нибудь извѣстіе. Тутъ-то онъ сильно почувствовать свое одиночество. Въ беспокойномъ ожиданіи бродилъ онъ въ этомъ надѣвшемъ на смерть городѣ. Лѣтомъ онъ былъ для него

еще невыносимъе: всѣ паѣздныя толпы разлетѣлись по ми-
неральныи водамъ, по европейскимъ гостиницамъ и доро-
гамъ. Призракъ пустоты виднѣлся на всемъ. Домы и улицы
Парижа были несносны; сады его томились сокрушительно
между домовъ, палимыхъ солнцемъ. Какъ убитый, остана-
вливался онъ надъ Сеной, на грунтомъ, тяжеломъ мосту, па
ея душной набережной, напрасно стараясь чѣмъ-нибудь по-
забыться, на что-нибудь заглядѣться; тоска необъятная жрала
его, и безыменный червь точилъ его сердце. Наконецъ,
судьба надъ нимъ умилосердилаась — и въ одинъ день бан-
киръ вручилъ ему письмо. Оно было отъ дяди, который
извѣщалъ его, что старый князь уже не существуетъ, что
онъ можетъ пріѣхать распорядиться наслѣдствомъ, которое
требуетъ его личнаго присутствія, потому что разстроено
сильно. Въ письмѣ былъ тощій билетъ, едва доставшій на
дорогу и на расплату четвертой доли долговъ. Молодой
князь не хотѣлъ медлить минуты, уговорить кое-какъ бан-
кира отсрочить долгъ и взялъ място въ курьерской каретѣ.
Казалось, страшная тягость свалилась съ души его, когда
скрылся изъ вида Парижъ и дохнуло на него свѣжимъ воз-
духомъ полей. Въ двое сутокъ онъ уже былъ въ Марсель,
не хотѣлъ отдохнуть часу, и въ тотъ же вечеръ пересѣль-
на пароходъ. Средиземное море показалось ему роднымъ:
оно омывало берега его отчизны, и онъ посвѣжѣлъ уже,
только глядя на однѣ безконечныя его волны. Трудно было
изъяснить чувство, его обнадѣвшее при видѣ перваго италь-
янскаго города — это была великолѣпная Генуя. Въ двой-
ной красотѣ вознеслись надъ нимъ ея пестрыя колокольни,
полосатыя церкви изъ бѣлага и чернаго мрамора и весь
многобашенный амфитеатръ ся, вдругъ обнесший его со
всѣхъ сторонъ, когда пароходъ пришелъ къ пристани. Ни-
когда не видаль онъ Генуи. Эта играющая пестрота до-
мовъ, церквей и дворцовъ на тонкомъ небесномъ воздухѣ,
блеставшемъ непостижимою голубизною, была единственна.
Сошедши на берегъ, онъ очутился вдругъ въ этихъ тем-
ныхъ, чудныхъ, узенькихъ, мощеныхъ плитами улицахъ,
съ одной узенькой вверху полоской голубого неба. Его по-
разила эта тѣснота между домами, высокими, огромными,
отсутствіе экипажнаго стука, треугольныя маленькия пло-
щадки и между ними, какъ тѣсные коридоры, изгибаю-
щіяся линіи улицъ, наполненныхъ лавочками генуэзскихъ

серебренниковъ и золотыхъ мастеровъ. Живописныя круженныя покрывала женщинъ, чуть волнуемыя теплымъ широкко, ихъ твердыя походки, звонкій говоръ въ улицахъ, отворенные двери церквей, кадильный запахъ, несшійся оттуда,—все это дунуло на него чѣмъ-то далекимъ, минувшимъ. Онъ вспомнилъ, что уже много лѣтъ не былъ въ церкви, потерявшей свое чистое, высокое значеніе въ тѣхъ умныхъ земляхъ Европы, гдѣ онъ былъ. Тихо вошелъ онъ и сталъ въ молчаніи на колѣни, у великолѣпныхъ мраморныхъ колоннъ, и долго молился, самъ не зная, за что,—молился, что его приняла Италия, что снизошло на него желанье молиться, что празднично было у него на душѣ, и молитва эта, вѣрно, была лучшая. Словомъ, какъ прекрасную станцію, унесъ онъ за собою Геную: въ ней принялъ онъ первый поцѣлуй Италии. Съ такимъ же яснымъ чувствомъ увидѣлъ онъ Ливорно, пустѣющую Пизу, Флоренцію, слабо знаемую имъ прежде. Величаво глянуль на него тяжелый, граненый куполь ея собора, темные дворцы царственной архитектуры и строгое величіе небольшого городка. Потомъ понесся чрезъ Аппенины, сопровождаемый тѣмъ же свѣтлымъ расположениемъ духа, и когда, наконецъ, послѣ шестидневной дороги, показался, въ ясной дали, на чистомъ небѣ, чудесно круглившійся куполь — о!... сколько чувствъ тогда столпилось разомъ въ его груди! Онъ не зналъ и не могъ передать ихъ; онъ оглядывалъ всякий холмикъ и отлогость. И вотъ уже, наконецъ, Ponte Molle, городскія ворота, и вотъ обняла его красавица площадей Piazza del Popolo, глянуль Monte Pincio съ террасами, лѣстницами, статуями и людьми, прогуливающимися на верхушкахъ! Боже, какъ забилось его сердце! Ветуринъ понесся по улицѣ Корсо, гдѣ когда-то ходилъ онъ съ аббатомъ, невинный, простодушный, знавший только, что латинскій языкъ есть отецъ итальянскаго. Вотъ представили передъ нимъ опять всѣ дома, которые онъ зналъ наизусть: Palazzo Ruspoli съ своимъ огромнымъ кафе, Piazza Colonna, Palazzo Sciarra, Palazzo Doria; наконецъ, поворотилъ онъ въ переулки, такъ бранимые иностранцами, не кипящіе переулки, гдѣ изрѣдка только попадалась лавка брадобрея съ нарисованными лиліями надъ дверьми, да лавка шляпочника, высунувшаго изъ дверей долгополую кардинальскую шляпу, да лавочонка плетеныхъ стульевъ, дѣлавшихся тутъ же на улицѣ. Наконецъ, карета останови-

вилась передъ величавымъ дворцомъ брамантовскаго стиля. Никого не было въ натихъ, неубранныхъ съняхъ. На лѣстнице встрѣтилъ его дряхлый *maestro di casa*, потому что швейцарь съ своей булавой ушелъ, по обыкновенію, въ кафе, гдѣ проводилъ все время. Стариkъ побѣжалъ отворять ставни и освѣщать мало-по-малу старинныя величественные залы. Грустное чувство овладѣло княземъ, — чувство, понятное всякому пріѣзжающему, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, домой, когда все, что ни было, кажется еще старѣе, еще пустѣе, и когда тягостно говорить всякий предметъ, знаемый въ дѣтствѣ; и чѣмъ веселѣе были съ нимъ сопряженные случаи, тѣмъ сокрушительнѣй грусть, насыпаемая имъ на сердце. Онъ прошелъ длинный рядъ залъ, оглянулся кабинетъ и спальню, гдѣ еще не такъ давно старый владѣтель дворца засыпалъ въ кровати подъ балдахиномъ съ кистями и гербомъ, и потомъ выходилъ въ шлафрокъ и туфлихъ въ кабинетъ выпить стаканъ ослиного молока, съ намѣренiemъ пополнѣть, — уборную, гдѣ онъ наряжался съ утонченнымъ стараньемъ старой кокетки и откуда отправлялся потомъ въ коляскѣ съ своими лакеями на гулянье въ виллу Боргезе, лорнировать постоянно какую-то англичанку, пріѣждавшую туда также прогуливаться. На столахъ и въ ящикахъ видны были еще остатки румянъ, бѣлизнъ и всякихъ притираний, которыми молодилъ себя стариkъ. *Maestro di casa* объявилъ, что уже за двѣ недѣли до смерти онъ принялъ было твердое намѣреніе жениться и сдѣлалъ нарочно консультацию съ иностранными докторами, какъ поддержать *con onore i doveri di marito*, но что въ одинъ день, сдѣлавши два или три визита кардиналамъ и какому-то пріору, онъ возвратился усталый домой, сѣль въ кресла и умеръ смертью праведника, хотя смерть его была бы блаженнѣе, если бы онъ, по словамъ *maestro di casa*, догадался послать за двѣ минуты прежде за своимъ духовникомъ *il padre Benvenuto*. Все это слушалъ молодой князь разсѣянно, не принадлежа мыслью ни къ чему. Отдохнувшись отъ дороги и отъ странныхъ впечатлѣній, онъ занялся своими дѣлами. Его поразилъ страшный безпорядокъ ихъ. Все, отъ малаго до большого, было въ безтолкѣвомъ, запутанномъ видѣ. Четыре безконечныя тяжбы за обвалившіеся дворцы и земли въ Феррарѣ и Неаполѣ, совершенно опустошенные доходы за три года впередъ, долги и нищен-

скій недостатокъ среди великолѣпія -- вотъ что представилось глазамъ его. Старый князь былъ непонятное соединеніе скучности и пышности. Онъ держалъ огромную прислугу, которая не получала никакой платы, ничего, кромѣ ливреи, и довольствовалась подаяніями иностранцевъ, приходившихъ смотрѣть галлерею. При князѣ были егери, офиціанты, лакеи, которые ъздили у него за колиской, лакеи, которые никуда не ъздили и просиживали по цѣлымъ днямъ въ близнемъ кафе или остеріи, болтая всякий вздоръ. Онъ распустилъ тогъ же часть всю эту сволочь, всѣхъ егерей и охотниковъ, и оставилъ одного только старика *maestro di casa*; уничтожилъ почти вовсе конюшню, продавъ никогда не употреблявшихся лошадей; призвалъ адвокатовъ и распорядился съ своими тѣжбами, по крайней мѣрѣ, такъ, что изъ четырехъ составилъ двѣ,бросивъ остальныя, какъ вовсе бесполезныя; рѣшился ограничить себя во всемъ и вести жизнь со всею строгостью экономіи. Это было ему не трудно сдѣлать, потому что уже заблаговременно онъ привыкъ ограничивать себя. Ему не трудно было также отказаться отъ всякаго сообщества съ своимъ сословіемъ,—которое, впрочемъ, все состояло изъ двухъ-трехъ доживавшихъ фамилій,—общества, воспитанного кое-какъ отголосками французского образованія, да богача-банкира, собиравшаго около себя кругъ иностранцевъ, да неприступныхъ кардиналовъ, людей исобщительныхъ, черствыхъ, уединенно проводившихъ время за карточной игрой въ *tresette* (родъ дурачка) съ своимъ камердинеромъ или брадобреемъ. Словомъ, онъ уединился совершенно, принялъ разсматривать Римъ и сдѣлалъся въ этомъ отношеніи подобенъ иностранцу, который сначала бываетъ пораженъ мелочью, пеблестицей его наружностью, испытанными, темными домами, и съ недоумѣньемъ вопрошаешь, попадая изъ переулка въ переулокъ: «гдѣ же огромный древній Римъ?» и потомъ уже узнаешь его, когда мало-по-малу изъ тѣсныхъ переулковъ начинашь выдвигаться древній Римъ, гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ, вдѣланымъ въ стѣну, гдѣ порфировой потемневшей колонной, гдѣ фронтономъ посреди вонючаго рыбнаго рынка, гдѣ цѣлымъ портикомъ передъ нестаринной церковью, и наконецъ, далеко, тамъ, гдѣ оканчивается вовсе живущій городъ, громадно вздымается онъ среди тысячелѣтнихъ плющей, алоз и открытыхъ равнинъ, необъятнымъ

Колизеемъ, тріумфальными арками, останками необозримыхъ цезарскихъ дворцовъ, императорскими банями, храмами, гробницами, разнесенными по полямъ; и уже не видить иноземецъ нынѣшихъ тѣсныхъ его улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ: въ памяти его возстаютъ колоссальные образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо!..

Но не такъ, какъ иностранецъ, преданный одному Титу Ливію и Тациту, бѣгущій мимо всего, къ одной только древности, желавшій бы въ порывѣ благороднаго педантизма срыть весь новый городъ — нѣтъ, онъ находилъ все равно прекраснымъ: міръ древній, шевелившійся изъ-подъ темнаго архитрава, могучій средній вѣкъ, положившій вездѣ слѣды художниковъ-исполновъ и великолѣпной щедрости на путь, и, наконецъ, прильшившійся къ немъ новый вѣкъ съ толиящимся новымъ народонаселеніемъ. Ему нравилось это чудное ихъ слияніе въ одно, эти признаки людной столицы и пустыни вмѣстѣ: дворецъ, колонны, трава, дикіе кусты, бѣгущіе по стѣнамъ, трепещущій рынокъ среди темныхъ, молчаливыхъ, заслоненныхъ снизу громадъ, живой крикъ рыбнаго продавца у портика, лимонадчикъ съ воздушной, украшенной зеленью лавочкой передъ Пантеономъ. Ему нравилась самая невзрачность улицъ, темныхъ, неприбранныхъ, отсутствіе желтыхъ и свѣтленькихъ красокъ на домахъ, пиджія среди города: отдыхавшее стадо козловъ на уличной мостовой, крики ребятишекъ и какое-то невидимое присутствіе на всемъ ясной торжественной тишинѣ, обнимающей человѣка. Ему нравились эти безпрерывныя внезапности, неожиданности, поражающія въ Римѣ. Какъ охотникъ, выходящій съ утра на ловлю, какъ старинный рыцарь, искатель приключений, онъ отправлялся отыскивать всякий день новыхъ и новыхъ чудесъ и останавливался невольно, когда вдругъ среди ничтожнаго переулка возносился передъ немъ дворецъ, дышавший строгимъ сумрачнымъ величиемъ. Изъ темнаго травертина были сложены его тяжелыя, несокрушимыя стѣны, вершину вѣнчать великолѣпно набранный колоссальный карнизъ, мраморными брусьями обложена была большая дверь, и окна глядѣли величаво, обремененныя роскошнымъ архитектурнымъ убранствомъ; — или какъ вдругъ нежданно, вмѣстѣ съ небольшой площадью, выглядывалъ картинный фонтанъ, обрызгивав-

шій себя самого и свои обезображенныя мхомъ гранитныя ступени;—какъ темная, грязная улица оканчивалась неожданно играющей архитектурной декораціей Бернини или летящимъ кверху обелискомъ, или церковью и монастырской стѣною, вспыхивавшими блескомъ солнца на темно-лазурномъ небѣ, съ черными, какъ уголь, кипарисами. И чѣмъ далѣе вглубь уходили улицы, тѣмъ чаще росли дворцы и архитектурные созданія Браманта, Борромини, Сангалло, Деллапорта, Виньолы, Бонаротти—и поняль онъ, наконецъ, ясно, что только здѣсь, только въ Италіи, слышно присутствіе архитектуры и строгое ея величіе, какъ художества. Еще выше было духовное его наслажденіе, когда онъ переносился во внутренность церквей и дворцовъ, гдѣ арки, плоскіе столбы и круглые колонны изъ всѣхъ возможныхъ сортовъ мрамора, перемѣшанные съ базальтовыми, лазурными карнизами, порфиромъ, золотомъ и античными камнями, сочетались согласно, покоренные обдуманной мысли, и выше ихъ всѣхъ вознеслось бессмертное созданіе кисти. Они были высоко-прекрасны, эти обдуманныя убранства залъ, полныя царскаго величія и архитектурной роскоши, вездѣ умѣвшей почтительно преклониться предъ живописью въ сей плодотворный вѣкъ, когда художникъ бывалъ и архитекторъ, и живописецъ, и даже скульпторъ вмѣстѣ. Могучія созданія кисти, уже не повторяющейся нынѣ, возносились сумрачно предъ нимъ на потемнѣвшихъ стѣнахъ, все еще непостижимыя и недоступныя для подражанія. Входя и погружаясь болѣе и болѣе въ созерцаніе ихъ, онъ чувствовалъ, какъ развивался видимо его вкусъ, залогъ котораго уже хранился въ душѣ его. И какъ предъ этой величественной, прекрасной роскошью показалась ему теперь низкою роскошью XIX столѣтія, мелкая, ничтожная роскошь, годная только для украшенья магазиновъ, выведенная на щоле дѣятельности золотильщиковъ, мебельщиковъ, обойщиковъ, столяровъ и кучи мастеровыхъ, и лишившая міръ Рафаэлей, Тиціановъ, Микель-Анжеловъ, низведшая къ ремеслу искусство! Какъ низкою показалась ему эта роскошь, поражающая только первый взглядъ и озираемая потомъ равнодушно, передъ этой величавой мыслю—украсить стѣны вѣковѣчнымъ созданіемъ кисти, передъ этой прекрасной мыслю владѣльца дворца—доставить себѣ вѣчный предметъ наслажденія въ часы отдыха отъ дѣлъ и отъ шум-

наго жизненного дрязга, уединившись тамъ, въ углу, на старинной софѣ, далеко отъ всѣхъ, вперя безмолвно взоръ и, вмѣстѣ со взоромъ, входя глубже душою въ тайны кисти, зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ! Ибо высоко возвышаетъ искусство человѣка, придавая благородство и красоту чудную движеньямъ души. Какъ низки казались ему предъ этой незыблемой, плодотворной роскошью, окружившею человѣка предметами, движущими и воспитывающими душу, нынѣшняя мелочная убранства, ломаемая и выбрасываемая ежегодно беспокойною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колossalно, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не оттого ли сей равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій расчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ? Иконы вынесли изъ храма — и храмъ уже не храмъ: летучія мыши и злые духи обитають въ немъ.

Чѣмъ болѣе онъ всматривался, тѣмъ болѣе поражала его сія необыкновенная плодотворность вѣка, и онъ невольно восклицалъ: «Когда и какъ успѣли они это надѣлать?» Эта великоклѣпная сторона Рима какъ будто-бы росла передъ нимъ ежедневно. Галлереи и галлереи — и конца имъ нѣть: и тамъ, и въ той церкви хранится какое-нибудь чудо кисти; и тамъ, на дряхлѣющей стѣнѣ, еще дивить готовый исчезнуть фрескѣ; и тамъ, на вознесенныхъ мраморахъ и столбахъ, набранныхъ изъ древнихъ языческихъ храмовъ, блещеть неувядаемой кистью плафонъ. Все это было похоже на скрытые золотые рудники, покровенные обыкновенной землей, знакомые одному только рудокопу. Какъ полно было у него всякой разъ на душѣ, когда возвращался онъ домой! Какъ было различно это чувство, объятое спокойной торжественностью тишины, отъ тѣхъ тревожныхъ впечатлѣній, которыми безсмысленно наполнялась душа его въ Парижѣ, когда онъ возвращался домой усталый, утомленный, рѣдко будучи въ силахъ повѣрить итогъ ихъ!

Теперь ему казалась еще болѣе согласною съ этими внутренними сокровищами Рима его неприглядная, потемнѣвшая, запачканная наружность, такъ бранимая иностранцами. Ему бы непріятно было выйти послѣ всего этого на мод-

ную улицу, съ блестящими магазинами, щеголеватостью людей и экипажей: это было бы чѣмъ-то развлекающимъ, святотатственнымъ. Ему лучше нравилась эта скромная типина улицъ, это особенное выраженіе римского населенія, этотъ призракъ восемнадцатаго вѣка, еще мелькавшій по улицѣ то въ видѣ чернаго аббата съ треугольною шляпой, черными чулками и башмаками, то въ видѣ старинной пурпурной кардинальской кареты съ позлащенными осями, колесами, карнизами и гербами — все какъ-то согласовалось съ важностью Рима: этотъ живой, не торопящійся народъ, живописно и покойно расхаживающій по улицамъ, закинувъ полулица или набросивъ себѣ на плечо куртку, безъ тягостнаго выраженья въ лицахъ, которое такъ поражало его на синихъ блузахъ и на всемъ пародонаселеніи Парижа. Тутъ самая нищета являлась въ какомъ-то свѣтломъ видѣ, беззаботная, незнакомая съ терзаньемъ и слезами, беспечно и живописно протягивавшая руку; картины полки монаховъ, переходившіе улицы въ длинныхъ бѣлыхъ или черныхъ одѣждахъ; нечистый рыжій капуцинъ, вдругъ вспыхнувшій на солнцѣ свѣтло-верблужкимъ цвѣтомъ; наконецъ, это населеніе художниковъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ свѣта, которые бросили здѣсь узенькие лоскуточки одѣяній европейскихъ и явились въ свободныхъ, живописныхъ нарядахъ; ихъ величественные осанистыя бороды, снятые съ портретовъ Леонардо-да-Винчи и Тиціана, такъ непохожія на тѣ уродливыя, узкія бородки, которыя французы передѣлываютъ и стригутъ себѣ по пяти разъ въ мѣсяцъ. Тутъ художникъ почувствовалъ красоту длинныхъ волнующихся волосъ и позволилъ имъ разсыпаться кудрями. Тутъ самый пѣмецъ, съ кривизной ногъ своихъ и безперехватностью стана, получилъ значительное выраженіе, разнеся по плечамъ золотистые свои локоны, драпируясь легкими складками греческой блузы или бархатнымъ нарядомъ, известнымъ подъ именемъ cinqiesento, которое усвоили себѣ только одни художники въ Римѣ. Слѣды строгаго спокойствія и тихаго труда отражались на ихъ лицахъ. Самые разговоры и мнѣнія, слышимые на улицахъ, въ кафе, въ остеріяхъ, были вовсе противоположны и не похожи на тѣ, которые слышались ему въ городахъ Европы. Тутъ не было толковъ о понизившихся фондахъ, о камерныхъ преніяхъ, объ испанскихъ дѣлахъ: тутъ слышались рѣчи объ

открытой недавно древней статуѣ, о достоинствѣ кисти великихъ мастеровъ, раздавались споры и разоглася о выставленномъ произведеніи нового художника, толки о народныхъ праздникахъ и, наконецъ, частные разговоры, въ которыхъ раскрывался человѣкъ и которые вытѣснены изъ Европы скучными общественными толками и политическими мнѣніями, изгнавшими сердечное выраженіе съ лицъ.

Часто оставлять онъ городъ для того, чтобы оглянуть его окрестности, и тогда его поражали другія чудеса. Прекрасны были эти пѣмыя, пустынныя римскія поля, усеянныя останками древнихъ храмовъ, съ невыразимымъ спокойствиемъ разстилавшіяся вокругъ, гдѣ пламенѣя сплошнымъ золотомъ отъ слившися вмѣстѣ желтыхъ цвѣтковъ, гдѣ блеща жаромъ раздутаго угла отъ пунцовыхъ листовъ дикаго мака. Они представляли четыре чудные вида на четыре стороны. Съ одной— соединялись они прямо съ горизонтомъ одной рѣзкой ровной чертой; арки водопроводовъ казались стоящими на воздухѣ и какъ бы паклесными на блистающемъ серебряномъ небѣ. Съ другой — надъ полями сяли горы; не вырываясь норынисто и безобразно, какъ въ Тироль или Швейцаріи, но согласными плывущими линіями вытибаясь и склоняясь, озаренные чудною ясностью воздуха, онѣ готовы были улетѣть въ небо; у подошвы ихъ неслась длинная аркада водопроводовъ, подобно длинному фундаменту, и вершина горъ казалась воздушнымъ продолжениемъ чуднаго зданія, и небо надъ ними было уже не серебряное, но невыразимаго цвѣта весенней сирени. Съ третьей— эти поля увѣличивались тоже горами, которыя уже ближе и выше возносились, выступая сильнѣе передними рядами и легкими уступами уходя въ даль. Въ чудную постепенность цвѣтовъ облекаль ихъ тонкій голубой воздухъ; и сквозь это воздушно-голубое ихъ покрывало сяли чуть примѣтные дома и виллы Фраскати, гдѣ тонко и легко тронутые солнцемъ, гдѣ уходящіе въ свѣтую мглу пылившихся вдали, чуть примѣтныхъ рощей. Когда же обращался онъ вдругъ назадъ, тогда представлялась ему четвертая сторона вида: поля оканчивались самимъ Римомъ. Сяли рѣзко и ясно углы и линіи домовъ, круглость куполовъ, статуи Латранскаго Иоанна и величественный куполь Петра, вырастающій выше и выше, по мѣрѣ отдаленія отъ него, и властительно остающейся, наконецъ, одинъ на всемъ полу-

горизонтъ, когда уже совершенно скрылся весь городъ. Еще лучше любилъ онъ оглянуть эти поля съ террасы которой-нибудь изъ вилль Фраскати или Альбано, въ часы заходѣнья солнца. Тогда они казались необозримымъ моремъ, сиявшимъ и возносившимся изъ темныхъ перилъ террасы; отлогости и линіи исчезали въ обнявшемъ ихъ свѣтѣ. Сначала онъ еще казалась зеленоватыми, и по нимъ еще видѣлись тамъ и тамъ разбросанныя гробницы и арки; потомъ онъ сквозили уже свѣтлой желтизною въ радужныхъ оттенкахъ свѣта, едва выказывая древніе остатки, и, наконецъ, становились пурпурный и пурпурный, поглощая въ себѣ и самый безмѣрный куполъ и сливаясь въ одинъ густой малиновый цвѣтъ, и одна только сверкающая вдали золотая полоса моря отдѣляла ихъ отъ пурпурного, такъ же, какъ и онъ, горизонта. Нигдѣ, никогда ему не случалось видѣть, чтобы поле превращалось въ пламя, подобно небу. Долго, полный невыразимаго восхищенія, стоялъ онъ передъ такимъ видомъ, и потому уже стоялъ такъ, просто, не восхищаясь, нозабывъ все. Когда и солнце уже скрывалось, потухалъ быстро горизонтъ и еще быстрѣе потухали вмигъ номеркнувшія поля, вездѣ устанавливавшій свой темный образъ вечеръ, надъ развалинами огнистыми фонтанами подымались свѣтящіяся мухи, и неуклюжее крылатое насѣкомое, несущееся стоймя, какъ человѣкъ, известное подъ именемъ дьявола, ударялось безъ толку ему въ очи, — тогда только онъ чувствовалъ, что наступившій холодъ южной ночи уже прокватилъ его всего, и спѣшилъ въ городскія улицы, чтобы не схватить южной лихорадки.

Такъ протекала жизнь его въ созерцаніяхъ природы, искусствъ и древностей. Среди сей жизни почувствовалъ онъ, болѣе нежели когда-либо, желаніе проникнуть глубже исторію Италии, доселъ ему извѣстную эпизодами, отрывками; безъ нея казалось ему неполно настоящее, и онъ жадно принялъ за архивы, лѣтописи и записки. Онъ теперь могъ ихъ читать не такъ, какъ итальянецъ-домосѣдъ, входящій въ тѣломъ, и душою въ читаемыя события и не видящій изъ-за обступившихъ его лицъ и происшествій всей массы цѣлаго, — онъ теперь могъ оглядывать все покойно, какъ изъ ватиканскаго окна. Пребываніе въ Италии, въ виду шума и движенья дѣйствующихъ народовъ и государствъ, служило ему строгою повѣркою всѣхъ выво-

довъ, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу. Читая, теперь онъ еще более и вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастнѣй былъ пораженъ величиемъ и блескомъ минувшей эпохи Италии. Его изумляло такое быстрое разнообразное развитіе человѣка на такомъ тѣсномъ углу земли, такимъ сильнымъ движеньемъ всѣхъ силъ. Онъ видѣлъ, какъ здѣсь кипѣлъ человѣкъ, какъ каждый городъ говорилъ своею рѣчью, какъ у каждого города были цѣлые томы исторіи, какъ разомъ возникли здѣсь всѣ образы и виды гражданства и правлений: волнующіяся республики сильныхъ непокорныхъ характеровъ и полновластные деспоты среди ихъ; цѣлый городъ царственныхъ купцовъ, опутанный сокровенными правительственныеими нитями, подъ призракомъ единой власти дожа; призванные чужеземцы среди туземцевъ; сильные напоры и отпоры въ иѣдрѣ незначительного городка; почти сказочный блескъ герцоговъ и монарховъ крохотныхъ земель; меценаты, покровители и гонители; цѣлый рядъ великихъ людей, столкнувшихся въ одно и то же время; лира, циркуль, мечъ и палитра; храмы, воздвигающіеся среди браней и волнений; вражда, кровавая месть, великодушныя черты и кучи романическихъ происшествій частной жизни среди политического, общественного вихря и чудная связь между ними: такое изумляющее раскрытие всѣхъ сторонъ жизни политической и частной, такое пробужденіе въ столь тѣсномъ объемѣ всѣхъ элементовъ человѣка, совершившихся въ другихъ мѣстахъ только частями и на большихъ пространствахъ!—И все это исчезло и прошло вдругъ, все застыло, какъ погаснувшая лава, и выброшено даже изъ памяти Европою, какъ старый ненужный хламъ. Нигдѣ, даже въ журналахъ, не выказывается бѣдная Италия своего развѣнчанного чela, лишенная значенія политическаго, а съ нимъ и вліянія на міръ.

«И неужели»,—думалъ онъ,— «не воскреснетъ никогда ея слава? Неужели неѣть средствъ возвратить минувший блескъ ея?» И вспомнилъ онъ то время, когда еще въ университетѣ, въ Луккѣ, бредилъ онъ о возобновленіи ея минувшей славы; какъ это было любимой мыслью молодежи; какъ за стаканами добродушно и простосердечно мечтала она о томъ. И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни. Почуялъ онъ теперь, смущ

тась, Великий Перстъ, предъ нимъ же повергается въ прахъ нѣмлющій человѣкъ,—Великий Перстъ, начертывающій свыше всемирныя события. Онъ вызвалъ изъ среды ся же гонимаго ея гражданина, бѣднаго генуэзца, который одинъ убилъ свою отчизну, указавъ міру невѣдомую землю и другіе, широкіе пути. Раздался всемирный горизонтъ; огромнымъ размахомъ закиѳли движенія Европы; понеслись вокругъ свѣта корабли, двинувъ могучія сѣверныя силы. Осталось пусто Средиземное море; какъ обмелѣвшее рѣчное русло, обмелѣла обойденная Италія. Стоитъ Венеція, отразивъ въ адриатическія волны свои потухнувшіе дворцы, и разрывающей жалостью проникается сердце иностранца, когда поинкій гондольеръ влечеть его подъ пустынными стѣнами и разрушенными перилами безмолвныхъ мраморныхъ балконовъ. Онѣмѣла Феррара, пугая дикой мрачностью своего герцогскаго дворца. Глядять пустынно на всемъ пространствѣ Италіи ея наклонныя башни и архитектурныя чуда, очутясь среди разнодушнаго къ нимъ поколѣнья. Звонкое эхо раздается въ шумѣвшихъ когда-то улицахъ, и бѣдный ветуринъ подѣжаетъ къ грязной остерпѣ, поселившейся въ великолѣбномъ дворцѣ. Въ нищенскомъ вретищѣ очутилась Италія, и пыльными отрепьями висятъ на ней куски ея померкнувшей царственной одежды.

Въ порывѣ душевной жалости готовъ онъ былъ даже лить слезы. Но утѣшительная, величественная мысль приходила сама къ нему въ душу, и чуялъ онъ другимъ, высшимъ чутьемъ, что не умерла Италія, что слышится ея неотразимое вѣчное владычество надъ всѣмъ міромъ, что вѣчно вѣтъ иго ся великий гений, уже въ самомъ началѣ завязавший въ груди ся судьбу Европы, внесшиі крестъ въ европейскіе темные лѣса, захвативший гражданскимъ багромъ на дальнемъ краю ихъ дикообразнаго человѣка, закиѳвшій здѣсь впервые всемирной торговлей, хитрой политикой и сложностью гражданскихъ пружинъ, внесшиі потомъ всѣмъ блескомъ ума, вѣявшій чело свое святымъ вѣнцомъ поэзіи и, когда уже политическое влияніе Италіи стало исчезать, развернувшій надъ міромъ торжественными дивами — искусствами, подарившими человѣку невѣдомыя наслажденія и божественныя чувства, которыхъ дотолѣ не подымались изъ лона души его. Когда же и вѣкъ искусства скрылся и къ нему охладѣли погружен-

ные въ расчеты люди, онъ вѣтъ и разносится надъ міромъ въ завывающихъ волнахъ музыки, и на берегахъ Сены, Невы, Темзы, Москвы, Средиземнаго, Чернаго моря, въ стѣнахъ Алжира и на отдаленныхъ, еще недавно дикихъ, островахъ гремятъ восторженные плески звонкимъ гѣвцамъ. Наконецъ, самой ветхостью и разрушеньемъ своимъ онъ грозно владычествуетъ нынѣ въ мірѣ; эти величавыя архитектурныя чуда остались, какъ призраки, чтобы попрекнуть Европу въ ея китайской мелочной роскоши, въ игрушечномъ раздробленіи мысли. И самое это чудное собрание отжившихъ міровъ, и прелесть соединенія ихъ съ вѣчно цвѣтущей природой — все существуетъ для того, чтобы будить міръ, чтобы жителю Сѣвера, какъ сквозь сонъ, представлялся иногда этотъ Югъ, чтобы мечта о немъ вырывала его изъ среды хладной жизни, преданной занятіямъ, очерстывавшимъ душу, — вырывала бы его оттуда, блеснувъ ему неожданно уносящею вдаль перспективой, колизейскою ночью при лунѣ, прекрасно умирающей Венецией, невидимымъ небеснымъ блескомъ и теплыми поцѣлуюми чудеснаго воздуха, — чтобы хоть разъ въ жизни быть онъ прекраснымъ человѣкомъ...

Въ такую торжественную минуту онъ примирялся съ разрушеньемъ своего отечества, и зрѣлись тогда ему во всемъ зародыши вѣчной жизни, лучшаго будущаго, которое вѣчно готовитъ міру его вѣчный Творецъ. Въ такія минуты онъ даже весьма часто задумывался надъ нынѣшнимъ значеніемъ римскаго народа. Онъ видѣлъ въ немъ материалъ, еще непочатый. Еще ни разу не игралъ онъ роли въ блестящую эпоху Италии: отмѣчали на страницахъ исторіи имена свои папы да аристократическіе дома, но народъ оставался незамѣтенъ. Его не зацѣплялъ ходъ движавшихся внутри и внѣ его интересовъ; его не коснулось образованіе и не взметнуло вихремъ сокрытая въ немъ силы. Въ его природѣ заключалось что-то младенчески-благородное. Эта гордость римскій именемъ, вслѣдствіе которой часть города, считая себя потомками древнихъ квиритовъ, никогда не вступала въ брачные союзы съ другими; эти черты характера, смѣшанного изъ добродушія и страстей, показывающія свѣтлую его натуру (никогда римлянинъ не забывалъ ни зла, ни добра; онъ или добрый, или злой, или расточитель, или скряга; въ немъ добродѣ-

тели и пороки въ своихъ самородныхъ слояхъ и не смѣшились, какъ у образованного человѣка, въ неопределенные образы, у котораго всякихъ страстишекъ понемногу подъ верховнымъ начальствомъ эгоизма); эта невоздержность и порывъ развернуться на всѣ деньги, замашка сильныхъ народовъ,— все это имѣло для него значеніе. Эта свѣтлая, непритворная веселость, которой теперь нѣтъ у другихъ народовъ: вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, ему казалось, что стараются тѣшить народъ; здѣсь, напротивъ, онъ тѣшится самъ; онъ самъ хочетъ быть участникомъ; его насилие удержишь въ карнавалѣ; все, что ни накоплено имъ въ продолженіе года, онъ готовъ промотать въ эти полторы недѣли; все усадитъ ошь на одинъ нарядъ: одѣнется паяцомъ, женщиной, поэтомъ, докторомъ, графомъ, вретъ чепуху и лекціи и слушающему, и неслушающему,— и веселость эта обнимаетъ, какъ вихрь, всѣхъ, отъ сорокалѣтняго до мальчишки: послѣдній бобыль, которому не во чтѣ одѣться, выворачиваетъ себѣ куртку, вымазываетъ лицо углемъ и бѣжитъ туда же, въ пеструю кучу. И веселость эта прямо изъ его природы; ею не хмель дѣйствуетъ: тотъ же самый народъ освящаетъ пьяного, если встрѣтить его на улицѣ. Потомъ черты природнаго художественнаго инстинкта и чувства: онъ видѣлъ, какъ простая женщина указывала художнику погрѣхность въ его картинѣ; онъ видѣлъ, какъ выражалось невольно это чувство въ живописныхъ одеждахъ, въ церковныхъ убранствахъ; какъ въ Дженсано народъ убиралъ цвѣточными коврами улицы; какъ разноцвѣтные листики цвѣтовъ обращались въ краски и тѣни, на мостовой выходили узоры, кардинальскіе гербы, портретъ папы, вензеля, штицы, звѣри и арабески; какъ на канунѣ Свѣтлаго Воскресенія продавцы съѣстныхъ припасовъ, *тициаролы*, убирали свои лавочки: свиные окорока, колбасы, бѣлые пузыри, лимоны и листья обращались въ мозаику и составляли плафонъ; круги пармезановъ и другихъ сыровъ, ложась одинъ на другой, становились въ колонны; изъ салыхъ свѣчей составлялась бахрома мозаичнаго занавѣса, драпировавшаго внутреннія стѣны; изъ сала, бѣлаго какъ снѣгъ, отливались цѣлыя статуи, историческія группы христіанскихъ и библейскихъ содержаній, которыя изумленный зритель принималъ за алебастровыя — вся лавочка обращалась въ свѣтлый храмъ, сияя позлащенными

звѣздами, искусно освѣщаясь развѣщенными шкаликами и отражая зеркалами безконечныя кучи лицъ. Для всего этого нужно было присутствіе вкуса, и пицкароле дѣлалъ это не изъ какихъ-нибудь доходовъ, но для того, чтобы полюбовались другіе и полюбоваться самому. Наконецъ, народъ, въ которомъ живеть чувство собственнаго достоинства: здѣсь онъ іп popolo, а не чернь, и носитъ въ своей природѣ прямыя начала временъ первоначальныхъ квириотовъ; его не могли даже сорвать наѣзды иностранцевъ, развратителей пребывающихъ въ бездѣйствіи націй, — наѣзды, порождающіе по трактирамъ и дорогамъ презрѣнійшій классъ людей, по которымъ путешественникъ произносить часто сужденіе обо всемъ народѣ. Самая нелѣпость правительственныхъ постановленій, эта безсвязная куча всякихъ законовъ, возникшихъ во всѣ времена и отношенія и не уничтоженныхъ понынѣ, между которыми даже есть эдикты временъ древней римской республики, — все это не искоренило высокаго чувства справедливости въ народѣ. Онъ порицааетъ неправеднаго притязателя, освистываетъ гробъ покойника и впряженется великолѣпно въ колесницу, везущую тѣло, любезное народу. Самые поступки духовенства, часто соблазнительные, произведшиѣ бы въ другихъ мѣстахъ развратъ, почти не дѣйствуютъ на него: онъ умѣетъ отдать религию отъ лицемѣрныхъ исполнителей и не заразится холодной мыслью невѣрія. Наконецъ, самая нужда и бѣдность, неизбѣжный удѣлъ стоячаго государства, не ведутъ его къ мрачному злодѣйству: онъ весель и переносить все, и только въ романахъ да повѣстяхъ рѣжетъ по улицамъ. Все это показывало ему стихіи народа сильнаго, непочатого, для котораго какъ будто бы готовилось какое-то поприще впереди. Европейское просвѣщеніе какъ будто съ умысломъ не коснулось его и не водрузило въ грудь ему своего холоднаго усовершенствованія. Самое духовное правительство, этотъ странный уцѣльвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія, чтобы никто изъ честолюбивыхъ сосѣдей не посягнулъ на его личность, чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность. Притомъ здѣсь, въ Римѣ, не слышалось чего-то умершаго; въ самыхъ развалинахъ и великолѣпной бѣдности Рима не было того томительного, проникающаго чувства, которымъ объем-

лется невольно человѣкъ, созерцающій памятники заживо умирающей націи. Тутъ противоположное чувство: тутъ ясное, торжественное спокойствіе. И всякий разъ, сообразя все это, князь предавался невольно размышеніямъ и стала подозрѣвать какое-то таинственное значеніе въ словѣ «вѣчный Римъ».

Итогъ всего этого былъ тотъ, что онъ старался узнавать болѣе и болѣе свой народъ. Онъ его слѣдилъ на улицахъ, въ кафе, гдѣ въ каждомъ были свои посѣтители: въ одномъ антикваріи, въ другомъ стрѣлки и охотники, въ третьемъ кардинальскіе слуги, въ четвертомъ художники, въ пятомъ вся римская молодежь и римское щегольство; слѣдилъ въ остеріяхъ, чисто-римскихъ остеріяхъ, куда не заходить иностранецъ, гдѣ римскій *nobile* садится иногда рядомъ съ Миненте, и общество скидываетъ съ себя сюртуки и галстуки въ жаркие дни; слѣдилъ его въ загородныхъ живописно-невзрачныхъ трактиришкахъ съ воздушными окнами безъ стеколъ, куда фамиліями и компаніями наѣзжали римляне обѣдать, или, по ихъ выраженію, *far allegria*. Онъ садился и обѣдалъ вмѣстѣ съ ними, вмѣшивался охотно въ разговоръ, дивясь весьма часто простому здравомыслію и живой оригинальности разсказа простыхъ, неграмотныхъ горожанъ. Но болѣе всего онъ имѣлъ случай узнавать его во время церемоній и празднествъ, когда всплываетъ наверхъ все народонаселеніе Рима и вдругъ показывается несметное множество дотолѣ неподозрѣваемыхъ красавицъ, — красавицъ, которыхъ образы мелькаютъ только въ барельефахъ да въ древнихъ антологическихъ стихотвореніяхъ. Эти полные взоры, алебастровыя плечи, смолистые волосы, въ тысячи разныхъ образовъ поднятые на голову или опрокинутые назадъ, картино пронзенные насквозь золотой стрѣлой, руки, гордая походка — вездѣ черты и намеки на серьезную классическую красоту, а не легкую прелестъ граціозныхъ женщинъ. Тутъ женщины казались подобными зданіямъ въ Италии: онѣ или дворцы, или лачужки, или красавицы, или безобразныя; середины нѣть между ними: хорошенъкихъ нѣть. Онъ имѣлъ наслажданія, какъ наслаждался въ прекрасной поэмѣ стихами, выбившимися изъ ряда другихъ и насыпавшими свѣжительную дрожь на душу.

Но скоро къ такимъ наслажденіямъ присоединилось чувство, объявившее сильную борьбу всѣмъ прочимъ, — чувство,

которое вызвало изъ душевнаго дна сильныя человѣческія страсти, подымающія демократической бунтъ противъ высокаго единодержавія души: онъ увидѣлъ Аннунціату. И вотъ, такимъ образомъ, мы добрались, наконецъ, до свѣтлаго образа, который озарилъ начало нашей поѣсти.

Это было во время карнавала. «Сегодня я не пойду на Корсо», сказали principio своему maestro di casa, выходя изъ дома: «мнѣ надоѣдастъ карнаваль, мнѣ лучшіе нравятся лѣтніе праздники и церемоніи...»

«Но развѣ это карнаваль?» сказали старики: «это карнаваль ребятъ. Я помню карнаваль: когда по всему Корсо ни одной кареты не было, и всю ночь гремѣла по улицамъ музыка; когда живописцы, архитекторы и скульпторы выдумывали цѣлые группы, исторіи; когда народъ—князь понимаетъ—весь народъ, всѣ, всѣ золотильщики, рамщики, мозаичисты, прекрасныя женщины, вся синьорія, всѣ nobili, всѣ, всѣ, всѣ... o quanta allegria! Вотъ когда былъ карнаваль, такъ карнаваль! А теперь что за карнаваль? Э!..» сказали старики и покачали плечами; потомъ опять сказали: «Э!» и покачали плечами, и потомъ уже произнесъ: «Е и па porcheria!»—Затѣмъ maestro di casa, въ душевномъ порывѣ, сдѣлалъ необыкновенно сильный жестъ рукою, но утищился, увидѣвъ, что князя давно предъ нимъ не было: онъ былъ уже на улицѣ. Не желая участвовать въ карнаваль, онъ не взялъ съ собой ни маски, ни желѣзной сѣтки на лицо и, забросившись плащомъ, хотѣлъ только пробраться чрезъ Корсо на другую половину города. Но народная толпа была слишкомъ густа. Едва только прорвался онъ между двухъ человѣкъ, какъ уже попотчивали его сверху мукой; нестрый арлекинъ ударилъ его по плечу трещоткою, пролетѣвъ мимо съ своей Коломбиною; «конфетти» и пучки цветовъ полетѣли ему въ глаза; съ двухъ сторонъ стали ему жужжать въ уши: съ одной стороны графъ, съ другой медикъ, читавший ему длинную лекцію о томъ, что у него находится въ желудочної кипѣ. Пробраться между нихъ не было силъ, потому что народная толпа возросла, цѣль экипажей, уже не будучи въ возможности двинуться, остановилась. Вниманіе толпы занялъ какой-то смѣльчакъ, шагавшій на ходуляхъ наравнѣ съ домами, рискуя всякую минуту быть сбитымъ съ ногъ и грохнуться на смерть о мостовую. Но обѣ этомъ, кажется, у него не было заботы. Онъ тащилъ

на плечахъ чучелу великаны, придерживая ее одной рукою, неся въ другой написанный на бумагѣ сонетъ, съ придѣланнымъ къ нему бумажнымъ хвостомъ, какой бываетъ у бумажного змѣя, и крича во весь голосъ: «Ecco il gran poeta morto! Ecco il suo sonetto colla coda. (Вотъ умершій великий поэтъ! Вотъ его сонетъ съ хвостомъ!)» *) Этотъ смѣльчакъ сгустилъ за собою толпу до такой степени, что князь едва могъ перевести духъ. Наконецъ, вся толпа двинулась впередъ за мертвымъ поэтомъ; цѣль экипажей тронулась, чему онъ обрадовался сильно, хоть народное движение сбило съ него шляпу, которую онъ теперь бросился подымать. Поднявши шляпу, онъ поднялъ вмѣстѣ и глаза, и осталбенѣлъ: предъ нимъ стояла неслыханная красавица. Она была въ сияющемъ альбанскомъ нарядѣ, въ ряду двухъ другихъ, тоже прекрасныхъ женщинъ, которые были предъ ней — какъ ночь предъ днемъ. Это было чудо въ высшей степени. Все должно было померкнуть предъ этимъ блескомъ. Глядя на нее, становилось ясно, почему итальянскіе поэты и сравниваютъ красавицъ съ солнцемъ. Это именно было солнце, полная красота! Все, чтѣ разсыпалось и блестѣаетъ поодиночкѣ въ красавицахъ міра, все это собралось сюда вмѣстѣ. Взглянувши на грудь и бюстъ ея, уже становилось очевидно, чего недостаетъ въ груди и бюстахъ прочихъ красавицъ. Предъ ея густыми блестающими волосами показались бы жидкими и мутными всѣ другіе волосы. Ея руки были для того, чтобы всякаго обратить въ художника: какъ художникъ, глядѣть бы онъ на нихъ вѣчно, не смѣя дохнуть. Предъ ея ногами показались бы щеками ноги англичанокъ, нѣмокъ, француженокъ и женщинъ всѣхъ другихъ націй; одни только древніе ваятели удержали высокую идею красоты ихъ въ своихъ статуяхъ. Это была красота полная, созданная для того, чтобы всѣхъ равно ослѣпить. Тутъ не нужно было имѣть какой-нибудь особенный вкусъ; тутъ всѣ вкусы должны были сойтись, всѣ должны были повергнуться ницъ: и вѣрующей, и невѣрующей, упали бы предъ ней, какъ предъ внезапнымъ появленьемъ божества. Онъ видѣлъ, какъ весь народъ, сколько

*) Въ итальянской поэзіи существуетъ родъ стихотворенія, извѣстнаго подъ именемъ *сонета съ хвостомъ* (*con la coda*) — когда мысль не вмѣстилась и ведеть за собою прибавленіе, которое часто бываетъ длиннѣе самого сонета.

его тамъ ни было, заглядѣлся на нее, какъ женщины выразили невольное изумленье на своихъ лицахъ, смѣшанное съ наслажденiemъ, и повторяли: «*O bella!*»; какъ все, что ни было, казалось, превратилось въ художника и смотрѣло пристально на одну ее. Но въ лицѣ красавицы написано было только одно вниманіе къ карнавалу: она смотрѣла только на толпу и на маски, не замѣчая обращенныхъ на нее глазъ, едва слупая стоявшихъ позади ея мужчинъ въ бархатныхъ курткахъ, вѣроятно, родственниковъ, пришедшихъ вмѣстѣ съ ними. Князь принимался было разспрашивать у стоявшихъ подтѣ него, кто была такая чудная красавица и откуда, но вездѣ получалъ въ отвѣтъ одно только пожатіе плечами, сопровождаемое жестомъ, и слова: «Не знаю; должно-быть, иностранка *). Недвижный, притаивъ дыханье, онъ поглощалъ ее глазами. Красавица, наконецъ, навела на него свои полныя очи, но тутъ же смущилась и отвела ихъ въ другую сторону. Его пробудилъ крикъ: передъ нимъ остановилась громадная телѣга. Толпа находившихся въ ней масокъ въ розовыхъ блузахъ, называвъ его по имени, принялась качать въ него мукой, сопровождая однимъ длиннымъ восклицаніемъ: «у, у, у!..» И въ одну минуту съ ногъ до головы быть онъ обсыпанъ бѣлою пылью, при громкомъ смѣхѣ всѣхъ обступившихъ его сосѣдей. Весь бѣлы, какъ снѣгъ, даже съ бѣлыми рѣсницами, князь побѣжалъ наскоро домой переодѣться.

Покамѣстъ онъ сбѣгалъ домой, пока успѣлъ переодѣться; уже только полтора часа оставалось до *Ave Maria*. Съ Корсо возвращались пустыя кареты: сидѣвшіе въ нихъ перебрались на балконы смотрѣть оттуда не перестававшую двигаться толпу, въ ожиданіи коннаго бѣга. При поворотѣ на Корсо, встрѣтилъ онъ телѣгу, полную мужчинъ въ курткахъ и сіяющихъ женщинъ съ цвѣточными вѣнками на головахъ, съ бубнами и тимпанами въ рукахъ. Телѣга, казалось, весело возвращалась домой; бока ея были уbraneы гирляндами, спицы и ободья колесъ увиты зелеными вѣтвями. Сердце его захолонуло, когда онъ увидѣлъ, что среди женщинъ сидѣла въ ней поразившая его красавица. Сверкающимъ смѣхомъ озарялось ея лицо. Телѣга быстро промчалась при кли-

*) Римляне всѣхъ, кто не живеть въ Римѣ, называютъ иностранцами (*forestieri*), хотя бы они обитали только въ 10 миляхъ отъ города.

кахъ и пѣсняхъ. Первымъ дѣломъ его было бѣжать вслѣдъ ся; но дорогу перегородилъ ему огромный поѣздъ музыкантовъ: на шести колесахъ везли страшилищной величины скрипку. Одинъ человѣкъ сидѣлъ верхомъ на подставкѣ, другой, идя сбоку ея, водилъ громаднымъ смычкомъ по четыремъ канатамъ, натянутымъ на нее вмѣсто струнъ. Скрипка, вѣроятно, стоила большихъ трудовъ, издержекъ и времени. Впереди шелъ исполинскій барабанъ. Толпа народа и мальчишекъ тѣсно валила вслѣдъ за музыкальнымъ поѣздомъ, и шествіе замыкаль извѣстный въ Римѣ своейтолщиною пицкароло, неся клистирную трубку вышиною съ колокольню. Когда улица очистилась отъ поѣзда, князь увидѣлъ, что бѣжать за тѣлѣгой глупо и поздно, и притомъ неизвѣстно, по какимъ дорогамъ понеслась она. Онъ не могъ, однако же, отказаться отъ мысли искать се. Въ воображеніи его порхалъ этотъ сияющій смѣхъ и открытыя уста съ чудными рядами зубовъ. «Это блескъ молній, а не женщина!» повторялъ онъ въ себѣ, и въ то же время съ гордостью прибавлялъ: «Она римлянка; такая женщина могла только родиться въ Римѣ. Я долженъ непремѣнно ее увидѣть; я хочу ее видѣть, не съ тѣмъ, чтобы любить ее — нѣтъ, я хотѣлъ бы только смотрѣть на нее, смотрѣть на всю ее, смотрѣть на ея очи, смотрѣть на ея руки, на ея пальцы, на блестающіе волосы. Не цѣловать ее, хотѣлъ бы только глядѣть на нее. И что же? Вѣдь это такъ должно быть, это въ законѣ природы; она не имѣетъ права скрыть и унести красоту свою. Полная красота дана для того въ міръ, чтобы всякий ее увидаль, чтобы идею о ней сохранилъ вѣчно въ своемъ сердцѣ. Если бы она была просто прекрасна, а не такое верховное совершенство, она бы имѣла право принадлежать одному, ее бы могъ онъ унести въ пустынью, скрыть отъ міра. Но красота полная должна быть видима всѣмъ. Развѣ великодушный храмъ строить архитекторъ въ тѣсномъ неревулкѣ? Нѣтъ, онъ ставить его на открытой плопади, чтобы человѣкъ со всѣхъ сторонъ могъ оглянуть его и подивиться ему. Развѣ для того зажженъ свѣтильникъ, сказалъ Божественный Учителъ, чтобы скрывать его и ставить подъ столъ? Нѣтъ, свѣтильникъ зажженъ для того, чтобы стоять на столѣ, чтобы всѣмъ было видно, чтобы всѣ двигались при его свѣтѣ. Нѣтъ, я долженъ ее видѣть непремѣнно». Такъ разсуждалъ князь и потомъ

долго передумывалъ и перебиралъ всѣ средства, какъ достичнуть этого; наконецъ, какъ казалось, остановился на одномъ и отправился тутъ же, нимало не медля, въ одну изъ тѣхъ отдаленныхъ улицъ, которыхъ много въ Римѣ, гдѣ нѣтъ даже кардинальского дворца съ выставленными расписными гербами на деревянныхъ овальныхъ щитахъ, гдѣ виденъ нумеръ надъ каждымъ окномъ и дверью тѣснаго домишкя, гдѣ идетъ горбомъ выпущенная мостовая, куда изъ иностранцевъ заглядываетъ только развѣ пройдоха немецкій художникъ съ проходнымъ стуломъ и красками, да козель, отставшій отъ проходящаго стада и остановившійся посмотретьъ съ изумленiemъ, что за улица, имъ никогда не виданная. Тутъ раздается звонко лепеть римлянокъ: со всѣхъ сторонъ, изо всѣхъ оконъ несутся рѣчи и переговоры. Тутъ все откровенно, и проходящій можетъ совершенно знать всѣ домашнія тайны; даже мать съ дочерью разговариваютъ не иначе между собою, какъ высунувъ обѣ свои головы на улицу; тутъ мужчинъ незамѣтно вовсе. Едва только блеснетъ утро, уже открывается окно и высовывается сьора Сусанна; потомъ изъ другого выкazывается сьора Грація, надѣвая юбку; потомъ открываетъ окно сьора Нанна; потомъ вылѣзаетъ сьора Лучія, расчесывая гребнемъ косу; наконецъ, сьора Чечилія высовываетъ руку изъ окна, чтобы достать бѣлье на протянутой веревкѣ, которое тутъ же и наказывается за то, что долго не дало достать себя, наказывается скомканьемъ, киданьемъ на полъ и словами: «che bestia!» Тутъ все живо, все кипитъ: летить изъ окна башмакъ съ ноги въ шалуна-сына или въ козла, который, подошедъ къ корзинкѣ, гдѣ поставленъ годовой ребенокъ, принялъ его нюхать и, наклоня голову, готовился ему объяснить, что такое значать рога. Тутъ ничего не было неизвѣстного. Синьоры все знали, что ни есть: какой сьора Джюдита купила платокъ, у кого будетъ рыба за обѣдомъ, кто любовникъ у Барбаруччи, какой капуцинъ лучше исповѣдуетъ. Изрѣдка только вставляетъ свое слово мужъ, стоящій обыкновенно на улицѣ, облокотясь у стѣны, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, почитавшій необходимостью, услыша о капуцинѣ, прибавить короткую фразу: «всѣ мошенники!» послѣ чего продолжалъ снова пускать подъ носъ себѣ дымъ. Сюда не заѣзжала никакая карета, кромѣ развѣ только одной двухколесной трясучки, запряженной муломъ, привез-

шимъ хлѣбнику муку, и соннаго осла, едва дотащившаго перекидную корзину съ броколями, несмотря на всѣ понуканья мальчишекъ, угобжающихъ каменями его нещекотливые бока. Тутъ нѣтъ никакихъ магазиновъ, кромѣ лавочонки, гдѣ продаются хлѣбъ и веревки, со стеклянными бутылами, да темнаго узенькаго кафе, находящагося въ самомъ углу улицы, откуда виденъ былъ безпрестанно выходивший ботtega, разносившій синьорамъ кофе или шоколадъ на козьемъ молокѣ, въ жестяныхъ маленькихъ кофейничкахъ, извѣстный подъ именемъ Авроры. Дома тутъ принадлежали двумъ, тремъ, а иногда и четыремъ владѣльцамъ, изъ которыхъ одинъ имѣть только пожизненное право, другой владѣть однимъ этажемъ и имѣть право пользоваться съ него доходомъ только два года, послѣ чего, вслѣдствіе завѣщанія, этажъ долженъ быть перейти отъ него къ *padre Vicenzo* на десять лѣтъ, у котораго, однакоже, хочетъ оттягать его какой-то родственникъ прежней фамиліи, живущій во Фраскати и уже злаговоременно затѣявшій процессъ. Были и такие владѣльцы, которые владѣли однимъ окномъ въ одномъ домѣ, да другими двумя въ другомъ домѣ, да пополамъ съ братомъ пользовались доходами съ окна, за которое, впрочемъ, вовсе не платиль неисправный жилецъ — словомъ, предметъ неистощимый тяжѣ и продовольствія адвокатовъ и куріаловъ, наполняющихъ Римъ. Дамы, о которыхъ только-что было упомянуто, всѣ, какъ первоклассныя, честимыя полными именами, такъ и второстепенные, называвшіяся уменьшительными именами, всѣ Тетты, Тутты, Нанны, болѣшею частью ничѣмъ не занимались: онѣ были супруги — адвоката, мелкаго чиновника, мелкаго торгаша, носильщика, факина, а чаще всего незанятаго гражданина, умѣвшаго только красиво драматизоваться не весьма надежнымъ плащомъ.

Многія изъ синьоръ служили моделями для живописцевъ. Тутъ были всѣхъ родовъ модели. Когда бывали деньги, онѣ проводили весело время въ остеріи съ мужьями и цѣлой компаніей; не было денегъ — не были скучны и глядѣли въ окно. Теперь улица была типе обыкновенного, потому что нѣкоторыя отправились въ народную толпу на Корсо. Князь подошелъ къ ветхой двери одного домишка, которая вся была выверчена дырами, такъ что самъ хозяинъ долго тыкалъ въ нихъ ключомъ, покамѣстъ попадалъ въ настоя-

шую. Уже готовъ онъ быть взяться за кольцо, какъ вдругъ услышалъ слова: «Сьюръ принчише хотеть видѣть Пеппе?» Онъ поднялъ голову вверхъ: изъ третьяго этажа глядѣла, высунувшись, сюра Тутта.

«Экая крикунья!» сказала изъ супротивнаго окна сюра Сусанна. «Принчише, можетъ-быть, совсѣмъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе».

«Конечно, съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не правда ли, князь? Съ тѣмъ, чтобы видѣть Пеппе, не такъ ли, князь? Чтобы увидѣть Пеппе?»

«Какой Пеппе, какой Пеппе!» продолжала съ жестомъ обѣими руками сюра Сусанна: «князь сталъ бы думать теперь о Пеппе! Теперь время карнавала: князь поѣдетъ вмѣстѣ съ своей куджиной, маркезой Монтелли, поѣдетъ съ друзьями въ каретѣ бросать цвѣты, поѣдетъ за городъ *far allegria*. Какой Пеппе! какой Пеппе!»

Князь изумился такимъ подробностямъ, о своемъ препровожденіи времени, но изумляться ему было нечего, потому что сюра Сусанна знала все.

«Нѣтъ, мои любезныя синьоры», сказаль князь: «мнѣ, точно, нужно видѣть Пеппе».

На это дала отвѣтъ князю уже синьора Грація, которая давно высунулась изъ окошка второго этажа и слушала. Отвѣтъ дала она, слегка пощелкавъ языкомъ и покрутивъ пальцемъ — обыкновенный отрицательный знакъ у римлянокъ—и потомъ прибавила: «Нѣтъ дома».

«Но, можетъ-быть, вы знаете, гдѣ онъ, куда ушелъ?»

«Э, куда ушелъ!» повторила сюра Грація, приклонивъ голову къ плечу: «статься можетъ—въ остеріи, на площади, у фонтана; вѣрно, кто-нибудь позвалъ его, куда-нибудь ушелъ: *chi lo sa!* (кто его знаетъ)!»

«Если想要 принчише что-нибудь сказать ему», подхватила изъ супротивнаго окна Барбаручы, вѣвая въ то же время серыгу въ свое ухо: «пусть скажетъ мнѣ: я ему передамъ».

«Ну, нѣтъ», подумалъ князь и поблагодариль за такую готовность. Въ это время выглянуль изъ перекрестнаго перегулка огромный запачканный носъ и, какъ большой топоръ, повиснуль надъ показавшимся вслѣдъ за нимъ губами и всѣмъ лицомъ: это былъ самъ Пеппе.

«Вотъ Пеппе!» вскрикнула сюра Сусанна.

«Вотъ идетъ Пеппе, sior principe!» вскрикнула живо изъ своего окна сюра Грація.

«Идетъ, идетъ Пеппе!» зазвенѣла изъ самаго угла улицы сюра Чечилія.

«Принчине, принчише, вонъ Пеппе! вонъ Пеппе! (ecco Perre! ecco Perre!)» кричали на улицѣ ребятишки.

«Вижу, вижу», сказалъ князь, оглушенный такимъ живымъ крикомъ.

«Вотъ я, eccellenza! вотъ!» сказалъ Пеппе, снимая шапку. Онъ, какъ видно, уже успѣлъ попробовать карнавала: его откуда-нибудь сбоку хватило сильно мукой: весь бокъ и спина были у него выбѣлены совершенно, шляпа изломана и все лицо было убито бѣлыми гвоздями. Пеппе уже былъ замѣчательенъ потому, что всю жизнь свою остался съ уменьшительнымъ именемъ Пеппе. До Джузеппе онъ никакъ не добрался, хотя и посѣдѣлъ. Онъ происходилъ даже изъ хорошей фамиліи, изъ богатаго дома негощанта, но послѣдній домишко былъ у него оттяганъ тяжбой. Еще отецъ его, человѣкъ тоже въ родѣ самого Пеппе, хотя и назывался sior Джованни, проѣлъ послѣднее имущество, и онъ мыкаль теперь свою жизнь подобно многимъ, то-есть, какъ приходилось: то вдругъ опредѣлялся слугой у какого-нибудь иностранца, то былъ на посыпкахъ у адвоката, то являлся убиарателемъ студіи какого-нибудь художника, то сторожемъ виноградника или виллы, и, по мѣрѣ того, измѣнялся на немъ безпрестанно костюмъ. Иногда Пеппе попадался на улицѣ въ круглой шляпѣ и широкомъ сюртукѣ, иногда въ узенькомъ кафтанѣ, лопнувшемъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ, съ такими узенькими рукавами, что длинные руки его выглядывали оттуда, какъ метлы; иногда на ногѣ его являлся поповскій чулокъ и башмакъ; иногда онъ показывался въ такомъ костюмѣ, что ужъ и разобрать было трудно, тѣмъ болѣе, что все это было надѣто вовсе не такъ, какъ слѣдуетъ: иной разъ, просто, можно было подумать, что онъ надѣлъ на ноги, вместо панталонъ, куртку, собравши и завязавши ее кое-какъ сзади. Онъ былъ самый радушный исполнитель всѣхъ возможныхъ порученій, часто вовсе беззинтересно: тащилъ продавать всякую ветошь, которую поручали дамы его улицы, пергаментныя книги разорившагося аббата или антикварія, картину художника; заходилъ по утрамъ къ аббатамъ забирать ихъ панталоны

и башмаки для почистки къ себѣ на домъ, которые потомъ позабывалъ въ урочное время отнести назадъ отъ излишнаго желанья услужить кому-нибудь попавшемуся третьему, и аббаты оставались арестованными безъ башмаковъ и панталонъ на весь день. Часто ему перепадали порядочные деньги; но деньгами онъ распоряжался по-римски, то-есть, на завтра никогда почти ихъ не ставало, не потому, чтобы онъ тратилъ на себя или проѣдалъ, но потому, что все у него шло на лотерею, до которой былъ онъ страшный охотникъ. Врядъ ли существовалъ такой нумеръ, котораго бы онъ не попробовалъ. Всякое незначащее ежедневное происшествіе у него имѣло важное значеніе. Случилось ли ему найти на улицѣ какую-нибудь дрянь, онъ тотъ же часть справлялся въ гадательной книѣ, за какимъ нумеромъ она тамъ стоитъ, съ тѣмъ, чтобы его тотчасъ же взять въ лотерею. Приснился ему однажды сонъ, что сатана,—который и безъ того ему снился, неизвѣстно по какой причинѣ, въ началѣ каждой весны,—что сатана потащилъ его за носъ по всѣмъ крышамъ всѣхъ домовъ, начиная отъ церкви Св. Игнатія, потомъ по всему Корсо, потомъ по переулку *tre Ladroni*, потомъ по *via della stamperia*, и остановился, наконецъ, у самой *trinita* на лѣстницѣ, приговаривая: «вотъ тебѣ, Пеше, за то, что ты молился Св. Панкратію: твой билетъ не выиграетъ». Сонъ этотъ произвелъ болыніе толки между сирой Чечиліей, сирой Сусанной и всей почти улицей; но Пеше разбрѣшилъ его по-своему: сбѣгалъ тотъ же часъ за гадательной книгой, узналъ, что чортъ значитъ 13 нумеръ, носъ 24, Святой Панкратій 30, и взялъ въ то же утро всѣ три нумера. Потомъ сложилъ всѣ три нумера—вышелъ 67, онъ взялъ и 67. Всѣ четыре нумера, по обыкновенію, лопнули. Въ другой разъ случилось ему завести перепалку съ виноградаремъ, толстымъ римляниномъ, сиромъ Рафаэлемъ Томачели. За что они поссорились,—Богъ ихъ вѣдаетъ, но кричали они громко, производя сильные жесты руками, и, наконецъ, оба побѣдили—признакъ ужасный, при которомъ обыкновенно со страхомъ высовываются изъ оконъ всѣ женщины и проходящій пѣшеходъ отсторанивается подальше,—признакъ, что дѣло доходитъ, наконецъ, до ножей. И точно, толстый Томачели запустилъ уже руку за ременное голенище, обтягивающее его толстую икру, чтобы вытащить оттуда ножъ, и сказалъ: «Погоди

ты, вотъ я тебя, телячья голова!» какъ вдругъ Пеппе уда-
рилъ себя рукою по лбу и убѣжалъ съ мѣста битвы. Онъ
вспомнилъ, что на телячью голову онъ еще ни разу не
взялъ билста, отыскалъ нумеръ телячей головы и побѣ-
жалъ бѣгомъ въ лотерейную контору, такъ что всѣ, приго-
товившіеся смотрѣть кровавую сцену, изумились такому не-
ожданному поступку, и самъ Рафаэль Томачели, засунувши
обратно ножъ въ голенище, долго не зналъ, что ему дѣ-
лать, и, наконецъ, сказалъ: «Che uomo curioso!» (какой
странный человѣкъ!)» Что билеты лошались и пропадали,
этимъ не смущался Пеппе. Онъ былъ твердо увѣренъ, что
будетъ богачомъ, и потому, проходя мимо лавокъ, спраши-
валъ почти всегда, чтѣсто всякая вещь. Однъ разъ,
узнавши, что продается большой домъ, онъ зашелъ нарочно
поговорить объ этомъ съ продавцомъ; и когда стали надъ
нимъ смеяться знавшіе его, онъ отвѣчалъ очень просто-
душно: «Но къ чему смеяться? къ чему смеяться? Я вѣдь
не теперь хотѣлъ купить, а послѣ, со временемъ, когда буду-
туть деньги. Тутъ ничего нѣтъ такого... Всякій долженъ
пріобрѣтать состояніе, чтобы оставить потомъ дѣтямъ, на
церковь, бѣднымъ, на другія разныя вещи... chi lo sa!»
Онъ уже давно былъ извѣстенъ князю, былъ даже когда-то
взять отцомъ его въ домъ въ качествѣ офицанта, и тогда
же прогнали за то, что въ мѣсяцъ износилъ свою ливрею
и выбросилъ за окно весь туалетъ стараго князя, нечаянно
толкнувъ его локтемъ.

«Послушай, Пеппе!» сказалъ князь.

«Чтѣ хочетъ приказать eccelenza?» говорилъ Пеппе, стоя
съ открытою головою: «Князю стонѣть только сказать «Пеппе!»
а я: «вотъ я!» Потомъ князь пусть только скажетъ: «Слу-
шай, Пеппе», а я: «еско те, eccelenza!»

«Ты долженъ, Пеппе, сдѣлать мнѣ теперь вотъ какую
услугу...» При сихъ словахъ князь взглянула вокругъ себя
и увидѣла, что всѣ сироты Граціи, сироты Сусаны, Барба-
руччи, Тетты, Тутты, — всѣ, сколько ихъ ни было, выста-
вились любопытно изъ окна, а бѣдная сирота Чечилія чуть
не вывалилась вовсе на улицу.

«Ну, дѣло плохо!» подумалъ князь. «Пойдемъ, Пеппе,
ступай за мною!»

Сказавши это, онъ пошелъ впередъ, а за нимъ Пеппе,
потушивъ голову и разговаривая самъ съ собою: «Э! женщины,

потому и любопытны, потому что женщины, потому что любопытны».

Долго шли они изъ улицы въ улицу, погрузясь каждый въ свои соображенія. Пеше думаль вотъ о чемъ: «Князь дастъ, вѣрно, какое-нибудь порученіе, можетъ-быть важное, потому что не хочетъ сказать при всѣхъ; стало-быть, дастъ хорошій подарокъ или деньги. Если же князь дастъ деньги, что съ ними дѣлать? Отдавать ли ихъ сюору Сервилю, содержателю кафе, которому онъ давно долженъ? потому что сюоръ Сервилю на первой же недѣль поста непремѣнно потребуетъ съ него денегъ, потому что сюоръ Сервилю усадилъ всѣ деньги на чудовищную скрипку, которую собственоручно дѣлалъ три мѣсяца для карнавала, чтобы проѣхаться съ нею по всѣмъ улицамъ, — теперь, вѣроятно, сюоръ Сервилю долго будетъ ъсть, вмѣсто жаренаго на вертелѣ козленка, одни броколи, вареные въ водѣ, пока не наберетъ вновь денегъ за кофе. Или же не платить сюору Сервилю, да вмѣсто того позвать его обѣдать въ остерію? потому что сюоръ Сервилю — il vago Romano, и за предложенную ему честь будетъ готовъ потерпѣть долгъ; а лотерея непремѣнно начнется со второй недѣли поста. Только какимъ образомъ до того времени уберечь деньги? какъ сохранить ихъ такъ, чтобы не узналъ ни Джакомо, ни мастеръ Петручъо, точильщикъ, которые непремѣнно попросятъ у него взаймы? потому что Джакомо заложилъ въ Гету жидамъ все свое платье, а мастеръ Петручъо тоже заложилъ свое платье въ Гету жидамъ и разорвалъ на себѣ юбку и послѣдній платокъ жены, нарядясь женщиной... какъ сдѣлать такъ, чтобы не дать имъ взаймы?» Вотъ о чёмъ думаль Пеше.

Князь думаль вотъ о чёмъ: «Пеше можетъ разыскать и узнать имя, гдѣ живеть, и откуда, и кто такая красавица. Во-первыхъ, онъ всѣхъ знаетъ, и потому больше, нежели всякий другой, можетъ встрѣтить въ толпѣ прятелей, можетъ чрезъ нихъ развѣдѣть, можетъ заглянуть во всѣ кафе и остеріи, можетъ заговорить даже, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія своей фигурой. И хотя онъ подчѣсть болтунъ и разсѣянная голова, но, если обязать его словомъ настоящаго римлянина, онъ сохранить все втайне».

Такъ думаль князь, идя изъ улицы въ улицу, и, нако-

нець, остановился, увидѣвши, что уже давно перешель мостъ, давно уже былъ въ Транстеверской сторонѣ Рима, давно взирается на гору, и не далеко отъ него церковь S. Pietro in Montorio. Чтобы не стоять на дорогѣ, онъ взошелъ на площадку, съ которой открывался весь Римъ, и произнесъ, оборотившись къ Пеппе: «Слушай, Пеппе: я отъ тебя потребую одной услуги».

«Что想要 eccelenza?» сказалъ опять Пеппе.

Но здѣсь князь взглянуль на Римъ и остановился: предъ нимъ въ чудной сіяющей панорамѣ предсталъ вѣчный городъ. Вся свѣтлая груда домовъ, церквей, куполовъ, остро-конечій сильно освѣщена была блескомъ поизившагося солнца. Группами и поодиночкѣ одинъ изъ-за другого выходили дома, крыши, статуи, воздушныя террасы и галлереи; тамъ пестрѣла и разыгрывалась масса тонкими верхушками колоколенъ и куполовъ съ узорною капризностью фонарей; тамъ выходилъ цѣликомъ темный дворецъ; тамъ плоскій куполь Пантеона; тамъ убранная верхушка Антониновской колонны съ капителю и статуей апостола Павла; еще правѣе возносили верхи капитолійскія зданія съ колоннами, статуями; еще правѣе надъ блещущей толпой домовъ и крышъ величественно и строго подымалась темная ширина колизейской громады; тамъ опять играющая толпа стѣнъ, террасъ и куполовъ, покрытая ослѣпительнымъ блескомъ солнца. И надъ всей сверкающей массой темнѣли вдали своей черною зеленою верхушки каменныхъ дубовъ изъ вилль Людовизи, Медичисъ, и цѣльны стадомъ стояли надъ ними въ воздухѣ куполообразныя верхушки римскихъ пинъ, поднятая тонкими столами. И потомъ, во всю длину всей картины возносились и голубѣли прозрачныя горы, легкія, какъ воздухъ, объятыя какимъ-то фосфорическимъ свѣтомъ. Ни словомъ, ни кистью нельзя было передать чуднаго согласія и сочетанья всѣхъ плановъ этой картины! Воздухъ былъ до того чистъ и прозраченъ, что малѣйшая черточка отдаленныхъ зданій была ясна, и все казалось такъ близко, какъ будто можно было схватить рукою. Послѣдній мелкій архитектурный орнаментъ, узорное убранство карниза — все вызначалось въ непостижимой чистотѣ. Въ это время раздались пушечный выстрѣль и отдаленный слившійся крикъ народной толпы, — знакъ, что уже пробѣжалі кони безъ сѣдоковъ, завершающіе день кар-

навала. Солнце опускалось ниже къ землѣ; румянѣе и жарче
сталъ блескъ его на всей архитектурной массѣ: еще живѣй
и ближе сдѣлался городъ; еще темнѣй зачернѣли пинны;
еще голубѣе и фосфориѣ стали горы; еще торжественнѣй
и лучше готовый погаснуть небесный воздухъ... Боже! ка-
кой видъ! Князь, объятый имъ, позабылъ и себя, и красоту
Аннуниціаты, и таинственную судьбу своего народа, и все,
что ни есть на свѣтѣ.

КОМЕДИИ.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пеньять, коли рожа крива.
Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.

Жена его.

Аммосъ Федоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.

Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.

Иванъ Кузьмичъ Шпекинъ, почтмейстеръ.

Петръ Ивановичъ Добчинскій } городскіе помѣщики.

Петръ Ивановичъ Бобчинскій }

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.

Федоръ Андреевичъ Люлюковъ } отставные чиновники, почетныя

Иванъ Лазаревичъ Растворовскій }

Степанъ Ивановичъ Коробкинъ }

Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.

Свистуновъ } полицейскіе.

Пуговицынъ }

Держиморда }

Абдулинъ, купецъ.

Февронья Петровна Пошлепкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничаго.

Слуга трактирный.

Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ и КОСТЮМЫ.

Замѣчанія для господъ актеровъ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень не глупый, по-своему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, но ведеть себя очень солидно; довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, но тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрью довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ, по обыкновенію, въ своеемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стрижены, съ прической.

Анна Андреевна, жена его, провинціальная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная въ половину на романахъ и альбомахъ, въ половину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна и при случайѣ выказываетъ тщеславіе. Береть иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, чтобъ отвѣтить ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоять въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе пьесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, то-ненький, худенький; нѣсколько приглушенъ и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ,— одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ кашцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говорить пѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи

остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющей эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграеть. Одѣть по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говорить серьезно, смотрѣть нѣсколько внизъ, резонеръ и любить себѣ самому читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любить много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его—серый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга; оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немножко выше и серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ, прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумъ. Охотникъ большой на догадки и потому каждому слову своему даетъ вѣсь. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своеѣ значительную мину. Говорить басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде ишипять, а потомъ уже бывать.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ, но при всемъ томъ иронира и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвестъ электрическое потрясеніе на всѣхъ разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ будто изъ одной груди. Отъ несоблюденія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНИЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѿдѣть ревизоръ.

Аммосъ Федоровичъ. Какъ, ревизоръ?

Артемій Филипповичъ. Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, ишкогнито. И еще съ секретнымъ предписаньемъ.

Аммосъ Федоровичъ. Вотъ-те на!

Артемій Филипповичъ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенные крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (бормочетъ впололоса, проблагая скоро глазами)... «и увѣдомить тебя». А! вотъ: «сіышу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно наигрѣ уѣздѣ (значительно поднимаетъ палецъ вверхъ). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляется себѣ частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всяkimъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, чтѣ плавить въ руки...» (остановясь) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякий часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живеть гдѣ-нибудь ишкогнито... Вчерашняго дня я...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все

играеть на скрипкѣ...» и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Аммосъ Федоровичъ. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? затѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій. Зачѣмы! Такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Аммосъ Федоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министеріято, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣть ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Аммосъ Федоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не того... вы не... Начальство имѣть тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усь.

Городничій. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ.—Смотрите, по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтуя и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственный вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовыхъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

Артемій Филипповичъ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надѣ каждой кроватью надписать по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ,— всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, которого дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше: тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. О! насчетъ врачеванья мы съ Хри-

стіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше — лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣеть, то и такъ выздоровѣеть. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христіанъ Ивановичъ издаётъ звукъ, отчасти похожій на букву и и нѣсколько на е.

Городничій. Вамъ тоже посовѣтовать бы, Аммосъ Федоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенками, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Аммосъ Федоровичъ. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите — приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надѣть самыя шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй, опять его можете повѣсить. Такоже засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы онъ сейчасъ вышелъ изъ винокуренного завода, — это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно обѣ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлечень. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ёсть лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ издаётъ тотъ же звукъ.

Аммосъ Федоровичъ. Нѣть, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдается немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣть человѣка, который бы за собою

не имъль какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтерианцы напрасно противъ этого говорятъ.

Аммосъ Федоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ — рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ — все взятки.

Аммосъ Федоровичъ. Ну, нѣть, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стѣтъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣрюете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресеніе бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи мира, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Федоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ обѣ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально, неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣть толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать громасу, вотъ этакъ (*оплааетъ громасу*), и по-томъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, обѣ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что-жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? Я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на-дняхъ, когда

зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ доброго сердца, а мы выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли втчашются юношеству.

Городничій. То же я долженъ вамъ замѣтить и обѣ учитель по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тыму, но только объясняеть съ такимъ жаромъ, что не помнить себя. Я разъ слушалъ его: цу, покамѣстъ говорилъ объ ассирияхъ и вавилониахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожарь, ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хвать стуломъ обѣ поль! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говорить: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничій. Да, таковъ уже неизѣянный законъ судебнъ: умный человѣкъ—или пьяница, или рожу такую состроитъ, что хотѣ святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части! Всего боишься: всякий мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?» — «Ляпкинъ-Тяпкинъ». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заповѣдей?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вотъ что худо!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ Ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, что? какъ вы думаете обѣ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю?—война съ турками будеть.

Аммосъ Федоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо понали!

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французы гадить.

Городничій. Какая война съ турками! Просто, намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстеръ. А если такъ, то не будетъ войны съ турками.

Городничій. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтмейстеръ. Да чтѣ я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городничій. Да чтѣ я? Страху-то нѣть, а такъ, немножко... Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорять, что я имъ солено пришелся; а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣть, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобы изъ предосторожности, а больше изъ любопытства: смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное членіе. Иное письмо съ наслажденiemъ, прочтешь — такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше чѣмъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»!

Городничій. Ну, что-жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновнике изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. Нѣть, о петербургскомъ ничего нѣть, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однажды, что вы не читаете писемъ: есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно: одинъ поручикъ пишеть къ пріятелю, и описать балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течеть», говорить, «въ эмиреяхъ: барышень много, музыка играеть, штандартъ ска-

четъ...» съ большимъ, большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городничій. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмейстеръ. Съ большимъ удовольствиемъ.

Аммосъ Федоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмейстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничій. Ничего, ничего. Другое дѣло, если-бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Федоровичъ. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чентовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничій. Батюшки, не мылы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ. Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Добчинскій и Бобчинскій (оба входятъ запыхавшись).

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Чѣд, чтѣ такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій (перебивая). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій (перебивая). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы событесь и не припомните всего.

Бобчинскій. Припомню, ей-Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобы Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничий. Да говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулья. (*Весь усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутииться полученнымъ письмомъ, да-сь... такъ я тогда же забѣжалъ... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я уже все, все, все знаю-сь. Такъ я, вотъ изволите видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растваковскому, а не заставши Растваковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій (перебивая). Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему: слышали ли вы о новости-та, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ услыхали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій (перебивая). За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій (отводя его руки). За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ... энто... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!.. Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говорить: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня... съ утра я ничего неѣль, такъ желудочное трясеніе...» да-сь, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ». Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (перебивая). Недурной наружности, въ партекулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партекулярномъ платьѣ, ходить этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки, и здѣсь (*вертитъ рукою*)

около лба) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не спроста-сь». Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-сь,—трактирщика Власа: у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содергать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ?» а Власть и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не расскажете, ей-Богу, не расскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это», говоритъ, «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-сь, «Ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-сь, а Ѣдеть», говоритъ, «въ Саратовскую губернію и», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живеть, изъ трактира не Ѣдеть, забираетъ все на счетъ и ни копѣки не хочетъ платить». Какъ сказали онъ мнѣ это, а меня тутъ вотъ свыше и вразумило. «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: «э!»

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?» — Да-сь. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

Городничій. Кто, какой чиновникъ?

Бобчинскій. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотицію,—ревизоръ.

Городничій (*въ страхѣ*). Чтѣ вы, Господь съ вами! это не онъ.

Добчинскій. Онъ! и денегъ не платить, и не Ѣдетъ. Кому же-бѣ быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣть. Увидѣть, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ Ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ насчетъ своего желудка... да, такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянуль. Меня такъ и проняло страхомъ.

Городничій. Господи, помилуй настъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живеть?

Добчинский. Въ цытомъ номерѣ, подъ лѣстницей.

Бобчинский. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ здѣсь?

Добчинский. А недѣли ~~двѣ~~ ужъ. Пріѣхалъ на Василя Египтянина.

Городничій. Двѣ недѣли! (*Въ сторону*). Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высыпчена унтер-офицерская жена! Арестантамъ не выдавали провизіи! На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! иношество! (*Хватается за голову*).

Артемій Филипповичъ. Что-жъ, Антонъ Антоновичъ? —ѣхать парадомъ въ гостиницу.

Аммосъ Федоровичъ. Нѣть, нѣть! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ «Дѣянія Иоанна Масона»...

Городничій. Нѣть, нѣть; позвольте ужъ мнѣ самому. Вывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ. Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

Бобчинский. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой — весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь самъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Чѣмъ угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ; или нѣть, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы кабъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный блюжитъ впотыхахъ*).

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Федоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Федоровичъ. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣль на больныхъ, да и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Какое колпаки! Больнымъ велико габеръ-сулъ давать, а у меня по всѣмъ коридорамъ несетъ такая капуста, что береги только ность.

Аммосъ Федоровичъ. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ са-

момъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку — а! только рукой махну. Самъ Соломонъ не разрѣшилъ, что въ ней правда и что неправда. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмайстеръ уходяты и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Городничій, Бобчинскій, Добчинскій и квартальный.

Городничій. Чѣдѣ, дрожки тамъ стоять?

Квартальный. Стоять.

Городничій. Ступай на улицу... или, нѣтъ, постой! Ступай, принеси... Да другое-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

Квартальный. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

Городничій. Какъ такъ?

Квартальный. Да такъ: привезли его поутру мертвѣцки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не прошелъ.

Городничій (*хватаясь за голову*). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ — бѣги прежде въ комнату, слыши! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, пойдемъ!

Бобчинскій. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

Бобчинскій. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотретьъ, какъ у него эти поступки...

Городничій (*принимая шпагу, къ квартальному*). Бѣги сейчасъ возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Абулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислать новой. О, лукавый пародъ! А такъ, мошен-

ники, я думаю, тамъ ужъ просьбы изъ-подъ полы и готовить. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, чтѣ идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты тамъ кумаешься, да кра-дешь въ ботфорты серебряныя ложечки, — смотри, у меня ухо востро!.. Чтѣ ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ — а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянуль всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же и частный приставъ.

Городничій. А, Степанъ Ильич! Скажите ради Бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный приставъ. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

Городничій. Ну, слушайте же, Степанъ Ильич! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ расположились?

Частный приставъ. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартального Шуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

Городничій. А Держиморда гдѣ?

Частный приставъ. Держиморда побѣхалъ на пожарной трубѣ.

Городничій. А Прохоровъ пьянъ?

Частный приставъ. Пьянъ.

Городничій. Какъ же вы это такъ допустили?

Частный приставъ. Да Богъ его знаетъ. Вчерашняго дня случилась за городомъ драка — побѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

Городничій. Послушайте-жъ, вы сдѣлайте вотъ чтѣ: квартальный Шуговицынъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать насконо старый заборъ, чтѣ возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабыть, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору. Что это за скверный городъ! только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ или, просто, заборъ — чортъ ихъ знаетъ

откудова, и нанесутъ всякой дряни! (*Вздыхастъ*). Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу: довольны ли?—чтобы говорили: «Всѣмъ довольны, ваше благородіе»; а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... О, охъ, хо, хъ! грѣшень, во многомъ грѣшень. (*Беретъ вмѣсто шляпы футляръ*). Даи только, Боже, чтобы сошло съ рука поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О, Боже мой, Боже мой! Щемль, Петръ Ивановичъ! (*Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ*).

Частный приставъ. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа.

Городничій (*бросая коробку*). Коробка, такъ коробка. Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорѣла. Я обѣ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывши, сдуру скажеть, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давать воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставить фонари подъ глазами — и правому, и виноватому. Щемль, Щемль, Петръ Ивановичъ! (*Уходитъ и возвращается*). Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дринная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Анна Андреевна и Марья Антоновна *вбѣгаютъ на сцену*.

Анна Андреевна. Гдѣ-жъ, гдѣ-жъ они? Ахъ, Боже мой!.. (*Отворяя дверь*). Мужъ! Антоша! Антонъ! (*Говоритъ скоро*). А все ты, а все за тобой. И искала копаться: «Я булавочку, я косынку». (*Подбѣгааетъ къ окну и кричитъ*). Антонъ, куда, куда? Чѣмъ, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами! съ какими усами?

Голосъ городничаго. Послѣ, послѣ, матушка!

Анна Андреевна. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... мнѣ только одно слово: чѣмъ онъ, полковникъ? А? (*Съ пренебреженіемъ*). Уѣхалъ! Я тебѣ вспомню это! А все

эта: «Маменька, маменька, погодите, зашлилю сзади косынку; я сейчасъ». Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться: и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да чтѣ-жъ дѣлать, маменька? Все равно, чрезъ два часа мы все узнаемъ.

Анна Андреевна. Чрезъ два часа! покорнейше благодарю. Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать, что чрезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! (*Слышишься въ окно*). Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не слышала? Глуая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его разспросила. Не могла этого узнать! Въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ. А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками. Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси, куда поѣхали; да разспроси хорошенъко: что за пріѣзжий, каковъ онъ, — слышишь? Подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: черные или нѣть, и сю же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! (*Кричитъ до тихъ поръ, пока не опускается занавѣсъ. Такъ занавѣсъ и закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостиницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ 1.

Осипъ лежитъ на барской постели.

Чортъ побери, ёсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубылъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Что ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! Профинтиль дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидить и хвостъ подвернуль, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; иѣтъ, вишь ты, нужно въ

каждомъ городѣ показать себя! (Дразнитъ сю). «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси са-мый лучшій: я не могу есть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ». Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратинка простой! Съ проѣзжаю-щимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! Право, на деревиѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньшие, возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на полатяхъ, да ѿшь широги. Ну, кто-жъ спорить, конечно, если пой-детъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеяtry, собаки тебѣ танцуютъ, и все, чтѣ хочешь. Разговариваетъ все на тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступить; пойдешь на Щукинъ — купцы тебѣ кричатъ: «Почтенный!» на перевозѣ въ лодкѣ съ чиловникомъ ся-дешь; компаніи захотѣль — ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявить, чтѣ всякая звѣзда значить на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха-офицерша забредетъ; горничная шпой разъ заглянетъ такая... фу, фу, фу! (Усмѣхается и трясется головою). Галантейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ го-ворить сы. Наскучило ити — берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждого дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой чутъ не лопнешь съ го-лоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что съ нимъ сдѣлаешь? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать — и куды!.. пошелъ кутить: єздить на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеяtry билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь — и посылаешь на толкучий про-дававъ новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спустить, такъ что на немъ всего останется сертушка да шинелинка... Ей-Богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спустить рублей за двадцать; а о брюкахъ и го-ворить нѣчего — ни по чѣмъ идутъ. А отчего? — оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должностъ, а онъ идеть гулять по прешпекту, въ картишки играеть.

Эхъ, если-бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а, поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня-бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ юсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? (*Со вздохомъ*). Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь пши! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ сѣѣль. Стучится; вѣрию, это онъ идетъ. (*Поспѣшило схватываться съ постели*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Осипъ и Хлестаковъ.

Хлестаковъ. На, прими это (*отдаетъ фуражку и тропочку*). А, опять валялся на кровати?

Осипъ. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видать я развѣ кровати, что ли?

Хлестаковъ. Врешь, валялся; видишь, вся склонена!

Осипъ. Да на чѣмъ она? Не знаю я развѣ, чѣмъ такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

Хлестаковъ (*ходитъ по комнатѣ*). Посмотри, тамъ, въ картузѣ, табаку нѣть?

Осипъ. Да гдѣ-жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднєе выкурили.

Хлестаковъ (*ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшиительнымъ голосомъ*). Послушай... эй, Осипъ!

Осипъ. Чего изволите?

Хлестаковъ (*громкимъ, но не столь рѣшиительнымъ голосомъ*). Ты ступай туда.

Осипъ. Куда?

Хлестаковъ (*голосомъ вовсе не рѣшиительнымъ и не громкимъ, очень близкимъ къ просыбѣ*). Внизъ, въ буфетъ... Тамъ скажи... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

Осипъ. Да нѣть, я и ходить не хочу.

Хлестаковъ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

Осипъ. Да такъ; все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не цасть обѣдать.

Хлестаковъ. Какъ онъ смѣеть не дать? Вотъ еще вздоръ!

Осипъ. Еще, говорить, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платить. Вы-де съ бариномъ, говорить, мошенники, и баринъ твой — плутъ. Мы-де, говорить, этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали.

Хлестаковъ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

Осипъ. Говорить: «Этакъ всякий пріѣдетъ, обживется, задолжается, поспѣ и выгнать нельзя». Я, говорить, «шутить не буду, а прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму».

Хлестаковъ. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осипъ. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

Хлестаковъ. На что-жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

Осипъ. Да, право, сударь...

Хлестаковъ. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(*Осипъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Хлестаковъ (*одинъ*).

Ужасно какъ хочется юсть! Такъ немножко прошелся, думаяль, не проѣдеть ли аппетитъ — нѣть, чортъ возьми, не проходитъ. Да если-бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣль меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываеть. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣль — и все обобразъ. А при всемъ томъ страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не привель. Какой скверный городишко! Въ овошенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ, просто, подло. (*Насвистываетъ сначала изъ «Роберта», потомъ: «Не шей ты мнъ, матушка», а наконецъ — ни сё, ни то*). Никто не хочетъ итти.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Хлестаковъ, Осипъ и трактирный слуга.

Слуга. Хозяинъ приказалъ спросить, что вамъ угодно.

Хлестаковъ. Здравствуй, братецъ! Ну, что ты, здоровъ?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаковъ. Ну что, какъ у васъ въ гостиницѣ? хорошо ли все идетъ?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаковъ. Много проѣзжающихъ?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаковъ. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ порь обѣда не приносить, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе—видишь, мнѣ сейчасъ постѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

Слуга. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпушкатъ. Онъ, никакъ, хотѣлъ итти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаковъ. Да что-жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ъсть. Этакъ могу я совсѣмъ отошатъ. Мнѣ очень ъсть хочется: я не шутя это говорю.

Слуга. Такъ-съ. Онъ говорилъ: «Я ему обѣдать не дамъ, покамѣсть онъ не заплатитъ мнѣ за прежнее». Таковъ ужъ отвѣтъ его бытъ.

Хлестаковъ. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что-жъ ему такое говорить?

Хлестаковъ. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ъсть. Деньги сами собою... Онъ думаетъ, что, какъ ему, музыкѣ, ничего, если не поѣсть день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

ЯВЛЕНИЕ V.

Хлестаковъ (*одинъ*).

Это скверно, однakoжъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ъсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ платя что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, чтобъ ли, продать? Нѣть, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! «Кто такой, чтобъ такое?» А лакей входитъ (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значить «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь

гусь-помѣщикъ, такъ и валить, медвѣдь, прямо въ гостиную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенѣкой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» (*потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой*). Тыфу! (*плоетъ*) даже тошнить, такъ Ѣсть хочется.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Хлестаковъ, Осипъ, потомъ слуга

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Несутъ обѣдъ.

Хлестаковъ (*прихлопываетъ въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулъ*). Несутъ! несутъ! несутъ!

Слуга (*съ тарелками и салфеткой*). Хозяинъ въ постѣдній разъ ужъ даетъ.

Хлестаковъ. Ну, хозяинъ, хозяинъ... Я плевать на твоего хозяина! Чѣмъ тамъ такое?

Слуга. Супъ и жаркое.

Хлестаковъ. Какъ, только два блюда?

Слуга. Только-съ.

Хлестаковъ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: чѣмъ это въ самомъ дѣлѣ такое!... Этого мало.

Слуга. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

Хлестаковъ. А соуса почему нѣтъ?

Слуга. Соуса нѣтъ.

Хлестаковъ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка Ѣли семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

Хлестаковъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Да ужъ нѣтъ.

Хлестаковъ. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

Хлестаковъ. Ахъ, ты, дуракъ!

Слуга. Да-съ.

Хлестаковъ. Поросенокъ ты скверный... Какъ же они Ѣдятъ, а я не Ѣмъ? Отчего же я, чортъ возьми, не могу также? Развѣ они не такие же проѣзжающіе, какъ я?

Слуга. Да ужъ известно, что не такие.

Хлестаковъ. Какіе же?

Слуга. Обнакновенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

Хлестаковъ. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать.
(Наливаетъ супъ и пьетъ). Чѣмъ это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только во-
няетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

Слуга. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказать: коли не хо-
тите, то и не нужно.

Хлестаковъ *(засыпая рукою кушанье)*. Ну, ну, ну...
оставь, дуракъ! Ты привыкъ тамъ обращаться съ другими:
я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую... *(Бѣстъ).*
Боже мой, какій супъ! *(Продолжаетъ пить).* Я думаю,
еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не Ѣдалъ такого супу: ка-
кія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. *(Рѣжетъ курицу).*
Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немногого
осталось, Осипъ, возьми себѣ. *(Рѣжетъ жаркое).* Чѣмъ это
за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да чтѣ-жъ такое?

Хлестаковъ. Чортъ его знаетъ, что такое, только не жар-
кое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. *(Бѣстъ).*
Мошенники, канальи! чѣмъ они кормятъ? И челюсти забо-
лять, если сѣѣшь одинъ такой кусокъ. *(Ковыряетъ паль-
цемъ въ зубахъ).* Подлецы! Совершенно, какъ деревянная
кора—ничѣмъ вытащить нельзя; и зубы почернѣютъ постѣ
этихъ блюдъ. Мошенники! *(Вытираетъ ротъ салфеткой).*
Больше ничего нѣтъ?

Слуга. Нѣтъ.

Хлестаковъ. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-
нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ
проѣзжающихъ.

Слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Оси-
помъ.*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Хлестаковъ, потомокъ Осипъ.

Хлестаковъ. Право, какъ будто и не Ѣль; только-что раз-
охотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить
хоть сайку.

Осипъ (*входитъ*). Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ обѣ вѣсъ.

Хлестаковъ (*испугавшиися*). Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщицъ, успѣть уже пожаловаться! Чѣмъ, если вѣ самомъ дѣлѣ онъ потащить меня въ тюрьму? Чѣмъ-жъ? Если благороднымъ образомъ, я пожалуй... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ вѣ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я, какъ нарочно, задаль тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой... Нѣтъ, не хочу... Да чѣмъ онъ? какъ онъ смѣеть вѣ самомъ дѣлѣ? Чѣмъ я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? (*Бодрится и выпрямляется*). Да я ему прямо скажу: «Какъ вы смѣете? Какъ вы...» (*У дверей вертится рука; Хлестаковъ блѣднѣетъ и сѣживается*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Хлестаковъ, городничій и Добчинскій.

(Городничій, вошедъ, останавливается. Оба вѣ испугъ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другого, выпучивъ глаза).

Городничій (*немного оправившиися и протянувъ руки по швамъ*). Желаю здравствовать!

Хлестаковъ (*кланяется*). Мое почтеніе!..

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего...

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ (*сначала немнога заикается, но къ концу утчи говоритъ громко*). Да чѣмъ дѣлать?.. Я не виноватъ... Я, право, заплачу... Мнѣ пришли изъ деревни. (*Добчинскій выплядываетъ изъ дверей*). Онъ большие виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ—онъ, чортъ знаетъ, чего плеснуль туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня морить голодомъ по цѣлымъ днямъ... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За чѣмъ я... Вотъ новость!

Городничій (*робя*). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозять холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ береть такую. А если чѣмъ

такъ, то... Позвольте мнѣ предложить вамъ перенѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣть, не хочу! Я знаю, что значитъ на другую квартиру: то-есть — въ тюрьму. Да какое вы имѣете право? Да какъ вы смѣете?.. Да вотъ я... Я служу въ Нетербургѣ. (*Бодрится*). Я, я, я...

Городничій (*въ сторону*). О, Господи Ты Боже, какой сердитый! Все узналь, все рассказали проклятые купцы!

Хлестаковъ (*храбрясь*). Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой — не пойду. Я прямо къ министру! (*Стучитъ кулакомъ по столу*). Чѣдѣ вы? чѣдѣ вы?

Городничій (*вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькия... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

Хлестаковъ. Нѣть, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васть жена и дѣти, я долженъ итти въ тюрьму, вотъ прекрасно! (*Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и вѣспути прячется*). Нѣть, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (*дрожа*). По неопытности, ей-Богу, по неопытности. Недостаточность состоянія... Сами извольте посудить: казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если-жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что же до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то это клевета, ей-Богу, клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да что? мнѣ нѣть никакого дѣла до нихъ... (*Въ размышилсіи*). Я не знаю, однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко... Вотъ еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣть. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣть ни копѣеки.

Городничій (*въ сторону*). О, тонкая штука! Экъ куда метнуль! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и принятъся. Ну, да ужъ по-пробовать, не куды пошло! Чѣдѣ будетъ, то будетъ, попробовать на авось. (*Вслухъ*). Если вы, точно, имѣете нужду въ деньгахъ или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Даите, дайте мнѣ взаймы! Я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣстѣ, или хоть даже и меньше.

Городничій (*поднося бумажки*). Ровно двѣстѣ рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю. Я вамъ тотчасъ пришло ихъ изъ деревни... у меня это вдругъ... Я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

Городничій (*въ сторону*). Ну, слава Богу! деньги взяль. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернуль.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ*). Позови сюда трактирного слугу! (*Къ городничему и Добчинскому*). А чтѣ-жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (*Добчинскому*). Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня... (*Добчинскому*). Садитесь! (*Городничій и Добчинский садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается*).

Городничій (*въ сторону*). Нужно быть посмѣтѣ. Онъ хотѣть, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (*Вслухъ*). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣть; но я, я кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший пріемъ — и вотъ, какъ будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣть здѣсь: совсѣмъ не знать, чѣмъ заплатить.

Городничій (*въ сторону*). Да, рассказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! (*Вслухъ*). Осмѣлюсь ли спросить: куда и въ какія мѣстаѣхать изволите?

Хлестаковъ. Я йду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій (*въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выражение*). Въ Саратовскую губернію! А? и не покраснѣть! О, да съ нимъ нужно ухо востро! (*Вслухъ*). Благое дѣло изволили предпринять. Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорить, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственного удовольствія ѿдете?

Хлестаковъ. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургъ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владимира въ нетлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послать его самого и отолкаться въ канцелярію.

Городничій (*въ сторону*). Прону посмотрѣть, какія цули отливаютъ! и старика-отца припелѣ! (*Вслухъ*). И на долгое время изволите Ѵхать?

Хлестаковъ. Право, не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнь, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За чтѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности; душа моя жаждетъ просвѣщенія.

Городничій (*въ сторону*). Славно завязалъ узелокъ! Вреть, вреть — и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришился. Я тебя ужъ заставлю побольше разскказать! (*Вслухъ*). Справедливо изволили замѣтить. Что можно сдѣлать въ глупши? Вѣдь вотъ хоть бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣшь ничего, а награда, неизвѣстно еще, когда будетъ. (*Окидываетъ глазами комнату*). Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такие, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

Городничій. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпнитъ, отъ кого же? — отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться! Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завель обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣ-

лать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь — не могу: темно, темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ... но нѣтъ, я недостоинъ.

Хлестаковъ. А чѣмъ?

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ! недостоинъ, недостоинъ!

Хлестаковъ. Да чѣмъ-жъ такое?

Городничій. Я бы дерзнулъ... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная... Но нѣтъ, чувствую самъ, что ужъ слишкомъ болышия честь... Не разсердитесь — ей Богу, отъ простоты души предложилъ.

Хлестаковъ. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Минь гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

Городничій. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня ужъ такой нравъ: гостепріимство съ самого дѣтства, особенно, если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаются.

Хлестаковъ. Покорно благодарю. Я самъ тоже — я не люблю людей двуличныхъ. Минь очень нравится ваша откровенность и радушіе, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженіе, уваженіе и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипомъ. (*Бобчинскій выглядываетъ изъ двери*).

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаковъ. Да; подай счетъ.

Слуга. Я ужъ давича подаль вамъ другой счетъ.

Хлестаковъ. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори: сколько тамъ?

Слуга. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ братъ.

Хлестаковъ. Дуракъ! еще началь вычисывать. — Всего сколько слѣдуетъ?

Городничій. Да вы не извольте беспокоиться: онъ подождетъ. (*Слуга*). Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

Хлестаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. (*Прячетъ*
деныи. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинский.)

ЯВЛЕНИЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то—богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А что тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (*Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.*)

Городничій. Такжѣ, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрмы — разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же тюрмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (*Добчинскому*). Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣть мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки: одну въ богоугодное заведеніе Земляникъ, а другую женѣ. (*Хлестакову*). Осмѣясь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

Хлестаковъ. Да зачѣмъ же?.. А впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги—не знаю... Развѣ на этомъ счетѣ?

Городничій. Я здѣсь напишу. (*Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя*). А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фришика да бутылки толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера: не казиста на видъ, а слона повалить

съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что опь такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. (*Написавши, отдаётъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрызгается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинский летитъ вмѣсть съ нею на сцену. Всѣ издаютъ воскликанія. Бобчинскій подымается.*)

Хлестаковъ. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлѣпка! Я забылъ къ Христіану Ивановичу: у него-съ есть пластырь такой, такъ вотъ оно и пройдетъ.

Городничій (*дѣлая Бобчинскому укоризненный знакъ, Хлестакову*). Это-съ ничего. Прошу покорнейше, пожалуйте! А слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чёмоданъ. (*Осипу*). Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему—тебѣ всякий покажеть. Прошу покорнейше! (*Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому*). Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! И растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что такое. (*Уходитъ; за нимъ Бобчинскій Занависько опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната первого дѣйствія.

ЯВЛЕНИЕ I.

Анна Андреевна, Марья Антоновна (*стоятъ у окна въ тѣхъ же самыихъ положеніяхъ*).

Анна Андреевна. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а все ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ! еще нужно копаться... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ будто бы вымерло все.

Марья Антоновна. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна прийти. (*Всматривается въ окно и вскрикиваетъ*). Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ въ концѣ улицы.

Анна Андреевна. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какая-нибудь фантазія. Ну, да, идетъ. Кто-жъ это идетъ? Небольшого

роста... во фракѣ... Кто-жъ это? А? Это однажды досадно! Кто-жъ бы это такой былъ?

Марья Антоновна. Это Добчинскій, маменька!

Анна Андреевна. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое... Совсѣмъ не Добчинскій. (*Машеньку платкомъ*). Эй, вы, ступайте сюда! скорѣ!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспоприть. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу,—изъ чего же ты споришь? (*Кричитъ въ окно*). Скорѣй, скорѣй! вы тихо идете. Ну, чтѣ, гдѣ они? А? Да говорите же оттуда, все равно. Чѣ? Очень строгій? А? А мужъ, мужъ? (*Немногого отстуپя отъ окна, съ досадою*). Такой глупый: до тѣхъ порь, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и Добчинскій.

Анна Андреевна. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однѣхъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда-жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ порь толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

Добчинскій. Ей-Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевестъ. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну, рассказывайте: что и какъ тамъ?

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ прислать вамъ записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто онъ такой? генераль?

Добчинскій. Нѣть, не генераль, а не уступить генералу: такое образованіе и важные поступки-сь.

Анна Андреевна. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было написано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

Анна Андреевна. Ну, расскажите: что и какъ.

Добчинский. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немногого сурово, да-съ; сердился и говорилъ, что и въ гостиницѣ все не хорошо, и къ нему не пойдеть, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія... А то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайного доноса; я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

Анна Андреевна. Да вамъ-то чего бояться? вѣдь вы не служите.

Добчинский. Да такъ, знаете, когда вельможа говорить, чувствуешь страхъ.

Анна Андреевна. Ну, что-жъ... это все, однажды, вздоръ. Расскажите: каковъ онъ собою? что, старъ или молодъ?

Добчинский. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говорить совсѣмъ такъ, какъ старикъ. «Извольте», говорить, «я поѣду и туда, и туда...» (*размахиваетъ руками*) такъ это все славно. «Я», говорить, «и написать, и почитать люблю; но мѣшасть, что въ комнатѣ», говоритъ, «немножко темно».

Анна Андреевна. А собой каковъ онъ: брюнетъ или блондинъ?

Добчинский. Нѣтъ, большие шантреты, и глаза такие быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущеніе даже приводятъ.

Анна Андреевна. Чѣмъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ? (*Читаетъ*). «Спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать пять копѣекъ...» (*останавливается*). Я ничего не понимаю: къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

Добчинский. А, это Антонъ Антоновичъ писалъ на черновой бумагѣ, по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

Анна Андреевна. А, да, точно. (*Продолжаетъ читать*). «Но, уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ

хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что выклесена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислать самаго лучшаго; а не то, я перерою весь его погребъ. Цѣлуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...» Ахъ, Боже мой! Это, однакожъ, нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

Добчинскій (*блѣжитъ и кричитъ въ дверь*). Мишка! Мишка! Мишка! (*Мишка входитъ*).

Анна Андреевна. Послушай: бѣги къ купцу Абдулину... постой, я дамъ тебѣ записочку (*садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ:*) эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобы онъ побѣжалъ съ нею къ купцу Абдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди, сейчасъ прибери хорошенъко эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

Добчинскій. Ну, Анна Андреевна, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣвается.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте! я не держу васъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться туалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходить въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

Анна Андреевна. Цвѣтное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, вамъ нѣдѣль палевое!

Анна Андреевна. Мнѣ палевое нѣдѣль?

Марья Антоновна. Нѣдѣль; я, что угодно, даю, нѣдѣль: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

Анна Андреевна. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не

темные? самые темные. Какой вздоръ говорить! Какъ же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на трефовую даму?

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вы больше червонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки. Я никогда не была червонной дамой. (*Постыдно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой*). Этакое вдругъ вообразится! червонная дама! Богъ знаетъ, что та-кое! (*По уходу ихъ отворяются двери, и Мишка выбра-сывается изъ нихъ сорь. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Мишкай Осипъ.

Осипъ. Куда тутъ?

Мишкай. Сюда, дядюшка, сюда!

Осипъ. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишкай. Что, дядюшка, скажите: скоро будетъ генераль?

Осипъ. Какой генераль?

Мишкай. Да баринъ вашъ.

Осипъ. Баринъ? да какой онъ генераль?

Мишкай. А развѣ не генераль?

Осипъ. Генераль, да только съ другой стороны.

Мишкай. Что-жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

Осипъ. Больше.

Мишкай. Виши ты какъ! то-то у насъ сумятицу подняли.

Осипъ. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка тамъ что-нибудь поѣсть!

Мишкай. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ, какъ баринъ вашъ сядеть за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

Осипъ. Ну, а простого-то что у васъ есть?

Мишкай. Щи, каша, да пироги.

Осипъ. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! Ничего, все будемъ єсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Чтобъ, тамъ другой выходить есть?

Мишка. Есть. (Оба несут чемодан въ боковую комната).

ЯВЛЕНИЕ V.

Квартальные отворяютъ обѣ половинки дверей. Входитъ Хлестаковъ: за нимъ городничій, да иѣ попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, Добчинскій и Бобчинскій, съ пластиремъ на носу. Городничій указываетъ квартальнымъ на полу бумагу—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга впопыхахъ.

Хлестаковъ. Хорошія заведенія. Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

Городничій. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоначальники и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностю заслужить вниманіе начальства.

Хлестаковъ. Завтракъ былъ очень хороши; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

Городничій. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

Хлестаковъ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

Артемій Филипповичъ (подбылая). Лабарданъ-съ.

Хлестаковъ. Очень вкусная. Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что ли?

Артемій Филипповичъ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

Хлестаковъ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

Артемій Филипповичъ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочие всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство,—можетъ-быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ,—всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Большой не успѣеть войти въ лазаретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

Городничій. Ужъ на что, осмѣлюсь доложить вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно одной чистоты, починки, поправки... словомъ, наиумнѣйший человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной

городничий, конечно, радъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже Ты мой, какъ бы таکъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно?!» Наградить ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало... то чего-жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.

Артемій Филипповичъ (*въ сторону*). Эка, бездѣльникъ, какъ распisyвается! Далъ же Богъ такой дарь!

Хлестаковъ. Это правда. Я, признаюсь, самъ люблю иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишкы выкинутся.

Бобчинскій (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста, пѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлечений, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

Городничий (*въ сторону*). Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаются! (*Вслухъ*). Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣть о такихъ обществахъ. Я карты и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ эти карты. Смотрѣть никогда не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля или что-нибудь другое, то такое омерзѣніе нападетъ, что, просто, илюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроить будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снислись проклятыя. Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоценное время убивать на нихъ?

Луна Лукичъ (*въ сторону*). А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше-жъ я употреблю это время на пользу государственную.

Хлестаковъ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однажды... Все зависитъ отъ той стороны, съ которой кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ, забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ... ну, тогда конечно... Нѣтъ, не говорите; иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тъ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ (*раскланивался*). Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своеемъ родѣ удовольствіе вать видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Какъ можно-сь! вы это такъ изволите говорить для комплиманта. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Шомилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Привыкли жить, comprenez vous, въ сѣѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ: грязные трактиры, мракъ невѣжества... Если-бъ, признаюсь, не такой случай, который меня... (*посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней*) такъ вознаградиль за все...

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Какъ можно-сь! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживала.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, деревня, впрочемъ, тоже имѣть свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что за жизнь, право! Вы, можетъ - быть, думаете, что я только переписываю; нѣть, начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить по плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать!» Я только ка двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только,

чтобы сказать: это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тр, тр... пошель писать. Хотѣли было даже меня коллежскимъ асессоромъ сдѣлать, да думаю, зачѣмъ. И сторожъ летить еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ», говоритъ, «салоти почищу». (*Городничему*). Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

Въ кресло. Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.
Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ.
Лука Лукичъ. Не извольте беспокоиться!

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничий и все садятся*). Я не люблю церемоніи. Напротивъ, я даже старалось, стараюсь проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорять: «Вонъ», говорятъ, «Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ меня приняли даже за главнокомандующаго: солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго».

Анна Андреевна. Скажите, какъ!

Хлестаковъ. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики... Литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, чтѣ, братъ Пушкинъ?»—«Да такъ, братъ», отвѣчаетъ бывало: «такъ какъ-то все...» Большой оригиналъ.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названий даже не помню. И все слушаемъ: я не хотѣль писать, но театральная дирекція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ». И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написаль, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ... все это я написаль.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю статьи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

Анна Андреевна. Такъ, вѣрно, и Юрий Милославскій ваше сочиненіе.

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ: я и знала, что даже здѣсь будешь спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрий Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всѣмъ*). Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ приѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку — паръ, которому подобного нельзя отыскать въ природѣ. Я всякий день на балахъ. Тамъ у насъ и висть свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на чтѣ не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь только кухаркѣ: «На, Маврушка, шинель»... Что-жъ я вру — я и позабыть, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница стоять... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкуются и жужжатъ тамъ, какъ пимели, только и слышно ж... ж... ж... Иной разъ и министръ... (*Городничий и прощіе съ робостью встаютъ съ своихъ стульевъ*). Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ: ваше превосходительство. Однѣ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ — куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генера-

ловъ находились охотники и брались, по подойдутъ, было — нѣть, мудрено. Кажется и легко па видъ, а разсмотришь — просто, чортъ возьми! Послѣ видять, нечего дѣлать — ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себѣ, тридцать пять тысяч однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я и принимаю», говорю: «такъ и быть», говорю: «я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я...» И точно: бывало, какъ прохожу черезъ департаментъ — просто землетрясенье, все дрожитъ и трясется, какъ листъ. (*Городничий и прочие трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе*). О! я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ остраську. Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всѣмъ: «Я самъ себя знаю, самъ». Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякий день ѻзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш... (*поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на полъ, но съ почтенiemъ поддергивается чиновниками*).

Городничий (*подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силился выпороть*). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ (*быстрымъ отрывистымъ голосомъ*). Чѣдъ такое?

Городничий. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ (*такимъ же голосомъ*). Не разберу ничего, все вздоръ.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ. Вздоръ — отдохнуть. Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хороши... я доволенъ, я доволенъ. (*Съ декламацией*). Лабарданъ! лабарданъ! (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничий*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, кроме Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій (*Добчинскому*). Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вотъ оно, чѣдъ значитъ человѣкъ! Въ жисть не

быть въ присутствіи такой важной персоны, чутъ не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой въ разсужденіи чина?

Добчинскій. Я думаю, чутъ ли не генераль.

Бобчинскій. А я такъ думаю, что генераль-то ему и въ подметки не станеть; а когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ? Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка! (*Оба уходятъ*).

Артемій Филипповичъ (*Лукъ Лукичу*). Страшно, просто; а отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирахъ. Ну, что, какъ проспится, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе? (*Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училища, произнеся*): Прощайте, сударыня!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ахъ, какой пріятный!

Марья Антоновна. Ахъ, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращеніе! сей-часъ можно увидѣть столичную штучку. Пріемы и все это такое... Ахъ, какъ хорошо! Я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! Я, просто, безъ памяти. Я, однакожъ, ему очень понравилась: я замѣтила—все на меня поглядывалъ.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣль!

Анна Андреевна. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ по-далъше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

Марья Антоновна. Нѣть, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? И съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрѣль. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ висть съ посланниками, и тогда посмотрѣль на меня.

Анна Андреевна. Ну, можетъ-быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А», говоритъ себѣ: «дай ужъ посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тъ же въ городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ). Чш... ш...

Анна Андреевна. Чтѣ?

Городничій. И не радъ, что напоилъ. Ну, что, если хоть одна половина изъ того, чтѣ онъ говорилъ, правда? (*Задумывается*). Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, пригнуль немнога; да вѣдь, не пригнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ъздитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чортъ его знаешь, не знаешь, чтѣ и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольни, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощущала робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

Городничій. Ну, ужъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — фантазии! Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другого словца. Васъ посыпуть, да и только, а мужа и поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

Анна Андреевна. Объ этомъ я ужъ совѣтуя вамъ не беспокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (*посматриваетъ на дочь*).

Городничій (*одинъ*). Ну, ужъ съ вами говорить!.. Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (*Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь*). Мишка! позови квартальныхъ, Свищунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (*Послѣ небольшого молчанія*). Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хоть бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенький, тоненький—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажется изъ себя, а какъ надѣнетъ фрачишку—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давеча въ трактирѣ, заламливавъ такія аллегоріи и екивоки, что, казись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ, наконецъ, и по-

дался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой.

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Осипъ. Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничій. Чш!.. чтѣ? чтѣ? спить?

Осипъ. Нѣтъ еще, немножко потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, какъ тебя зовутъ?

Осипъ. Осипъ, сударыня.

Городничій (*женѣ и дочери*). Полно, полно вамъ! (*Osinu*). Ну, чтѣ, другъ, тебя накормили хорошо?

Осипъ. Накормили, покориѣши благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну, чтѣ, скажи: къ твоему барину слышкомъ, я думаю, много вѣдитъ графовъ и князей?

Осипъ (*въ сторону*). А чтѣ говорить? Коли теперь накормили хорошо, значить, послѣ еще лучше накормятъ. (*Вслухъ*). Да, бываютъ и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенький!

Анна Андреевна. А чтѣ, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

Городничій. Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну, чтѣ, другъ?..

Анна Андреевна. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

Осипъ. Чинъ обыкновенно какой.

Городничій. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, чтѣ, другъ, какой твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать или нѣтъ?

Осипъ. Да, порядокъ любить. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

Городничій. А мнѣ очень нравится твоё лицо. Другъ, ты долженъ быть хороший человѣкъ. Ну, чтѣ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходить?..

Городничій. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идеть о жизни человѣка... (*Къ Osinu*). Ну, чтѣ, другъ, право, мнѣ ты очень нравишься. Въ дорогѣ

не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить линій стаканчикъ, — оно теперь холодновато,—такъ вотъ тебѣ пара цѣлковиковъ на чай.

Осипъ (*принимая деньги*). А покорнѣйше благодарю, супдарь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

Городничій. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А чтѣ, другъ...

Анна Андреевна. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осипъ, душенька! какой миленький искик у твоего барина!

Городничій. Да постойте, дайте мнѣ... (*Къ Осипу*). А чтѣ, другъ, скажи пожалуйста: на чтѣ больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то-есть, что ему въ дорогѣ большие нравится?

Осипъ. Любить онъ, по разсмотрѣнію, что какъ придется. Больше всего любить, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобы было хорошее.

Городничій. Хорошее?

Осипъ. Да, хорошее. — Вотъ ужъ на чтѣ я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотрѣть, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей-Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Чтѣ, Осипъ, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородіе!» — «Э», говоритъ, «это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты», говоритъ, «напомни мнѣ, какъ пріѣду». — «А», думаю себѣ, (*махнувъ рукою*) «Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой».

Городничій. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ даль на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

Осипъ. За чтѣ жалуете, ваше высокоблагородіе? (*Прячетъ деньги*). Развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! (*Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова*).

Городничій. Чш! (*поднимается на цыпочки; вся сцена впололоса*). Боже васъ сохрани шумѣть! Идите себѣ! полно ужъ вамъ...

Анна Андреевна. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что намъ вдвоеъ только можно сказать.

Городничій. О, ужъ тамъ наговорять! Я думаю, поди только, да послушай — и уши потомъ заткнешь. (*Обращаясь къ Осипу*). Ну, другъ...

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же, Держиморда и Свистуновъ.

Городничій. Чш! эkie косолапые медвѣди стучать сапогами. Такъ и валится, какъ будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телѣги! Гдѣ васть чортъ таскаетъ?

Держиморда. Былъ по приказанію...

Городничій. Чш! (*закрываетъ ему ротъ*). Экъ какъ каркнула ворона! (*Дразнитъ его*). Былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! (*Къ Осипу*). Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, чтѣ нужно для барина. Все, что ни есть въ домѣ, требуй. (*Осипъ уходитъ*). А вы — стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домѣ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ выпустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что хочетъ подать на меня просьбу, въ-зашей такъ прямо и толкайте! таѣ его! хорошенько! (*Показываетъ ногою*). Слыши? Чш... чш... (*Уходитъ на цыпочкахъ всльдо за квартиральными*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНИЕ I.

Входять осторожно, почти на цыпочкахъ: Аммосъ Федоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вполголоса.

Аммосъ Федоровичъ (*строитъ всѣхъ полукружіемъ*). Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ъздить, и государственный соѣдѣть распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забываютъ на цыпочкахъ*).

Артемій Филипповичъ. Воля ваша, Аммосъ Федоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

Аммосъ Федоровичъ. А что именно?

Артемій Филипповичъ. Ну, извѣстно, что.

Аммосъ Федоровичъ. Подсунуть?

Артемій Филипповичъ. Ну, да, хоть и подсунуть.

Аммосъ Федоровичъ. Опасно, чортъ возьми! раскричится: государственный человекъ. А развѣ въ видѣ приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятникъ?

Почтмейстеръ. Или же: «вотъ, моль, пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія».

Артемій Филипповичъ. Смотрите, чтобы онъ вѣсъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенному государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодинокѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ—чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенному дѣлается! Ну, вотъ вы, Аммосъ Федоровичъ, первый и начните.

Аммосъ Федоровичъ. Такъ лучше-жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусила хлѣба.

Артемій Филипповичъ. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

Лука Лукичъ. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что, заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня, просто, и души нѣть, и языкъ, какъ въ грязь, завязнуль. Нѣть, господа, увольте, право увольте!

Артемій Филипповичъ. Да, Аммосъ Федоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

Аммосъ Федоровичъ. Что вы! что вы: Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ или гончей ищейкѣ...

Всѣ (пристаютъ къ нему). Нѣть, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣть, Аммосъ Федоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. НѣТЬ, Аммосъ Федоровичъ!

Аммосъ Федоровичъ. Отвяжитесь, господа! (Въ это время слышны шаги и откашиваніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперѣры въ двери, толпятся и стараются выйти, чтобъ происходило не безъ того, чтобы не притиснули кое-кою. Раздаются вполголоса восклицанія):

Голосъ Бобчинскаго. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяніе — совсѣмъ прижали!

(Выхватываются нѣсколько восклицаній ай! ай! наконецъ, всю вытираются, и комната остается пуста).

ЯВЛЕНИЕ II.

Хлестаковъ (одинъ, выходитъ съ заспанными глазами).

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ туфяковъ и перигъ? даже вспотѣль. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ, въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятнѣстію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то, чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень не дурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣть, и не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья (входя и останавливаясь, про-себя). Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (Вслухъ, вытянувшись и придергивая рукою шапку). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по воль дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно, однако же, быть судьею?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобреніемъ со стороны начальства. (Въ сторону). А деньги въ кулакъ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Апна 3-й степени уже не такъ.

Судья (высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ. Въ сторону). Господи Боже! не знаю, гдѣ сижу. Точно горятіе угли подъ тобою.

Хлестаковъ. Чѣмъ это у васъ въ рукѣ?

Аммосъ Федоровичъ (*потерявшиись и роняя на полъ ассигнаціи*). Ничего-съ.

Хлестаковъ. Какъ ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммосъ Федоровичъ (*дрожа всѣмъ тѣломъ*). Никакъ нѣтъ-стъ! (*Въ сторону*). О, Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ (*подымая*). Да, это деньги.

Аммосъ Федоровичъ (*въ сторону*). Ну, все кончено—пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. Знаете ли что? дайте ихъ мнѣ взаймы.

Аммосъ Федоровичъ (*постыдно*). Какъ же-съ, какъ же-съ... съ большимъ удовольствиемъ. (*Въ сторону*). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: то да сѣ... Впрочемъ, я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ привлю.

Аммосъ Федоровичъ. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвениемъ и усердемъ къ начальству... постараюсь заслужить... (*Притопыняется со стула. Вытянувшись и руки по швамъ*). Не смѣю болѣе беспокоить своимъ присутствиемъ. Не будеть никакого приказанья?

Хлестаковъ. Какого приказанья?

Аммосъ Федоровичъ. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

Хлестаковъ. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣть, ничего. Покорѣйше благодарю.

Аммосъ Федоровичъ (*раскланиваясь и уходя, въ сторону*). Ну, городъ нашъ!

Хлестаковъ (*по уходу его*). Судья—хорошій человѣкъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Хлестаковъ п почтмейстеръ (*входитъ, вытянувшись, въ мундиръ, придергивая шапку*).

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что-жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмейстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ боянъ-тонь, и нѣть провинціальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. (*Въ сторону*). А онъ, однакожъ, ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь, однакожъ, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмейстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. (*Глядя въ глаза ему, говоритъ про себя*). А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (*Вслухъ*). Какой странный со мной случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

Почтмейстеръ. Почему же? почту за величайшее счастіе. Вотъ-съ, извольте. Отъ души готовъ служить.

Хлестаковъ. Очень благодаренъ. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. (*Встаетъ, вытягивается и придергиваетъ шпагу*). Не смѣю долѣе беспокоить своимъ присутствиемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управлѣнія?

Хлестаковъ. Нѣть, ничего.

(*Почтмейстеръ раскланивается и уходитъ*).

Хлестаковъ (*раскуривая сигарку*). Почтмейстеръ, мнѣ кажется, тоже очень хороший человѣкъ; по крайней мѣрѣ усердливъ. Я люблю такихъ людей.

ЯВЛЕНИЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти вытягивается изъ дверей. Сзади его слышна голосъ почты вслухъ: «Чего робѣешь?»

Лука Лукичъ (*вытягиваясь не безъ трепета и придергивая сигару*). Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подаетъ ему сигару*).

Лука Лукичъ (*про-себя, въ нервности*). Вотъ тебѣ разѣ!
Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка.
Конечно, не то, что въ Петербургъ. Тамъ, батюшка, я ку-
ривалъ сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка — про-
сто, ручки себѣ потомъ пощѣщешь, какъ выкуришь. Вотъ
огонь, закурите. (*Подаетъ ему сигару.*)

Лука Лукичъ *пробуетъ закурить и весь дрожитъ.*

Хлестаковъ. Да не съ того конца!

Лука Лукичъ (*отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и,*
махнувъ рукою, про-себя). Чортъ побери все! сгубила про-
клятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ.
А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ жен-
ского пола, никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы?
Какія вамъ больше нравятся — брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что*
сказать.

Хлестаковъ. Нѣть, скажите откровенно: брюнетки или
блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣть, нѣть, не отговаривайтесь! Мнѣ хо-
чется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь дождожь... (*Въ сторону*). Ну, и
самъ не знаю, что говорю.

Хлестаковъ. А! а! не хотите сказать. Вѣрно, ужъ какая-
нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку.
Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ *молчитъ.*

Хлестаковъ. А! а! покраснѣли! Видите! видите! Отчего-жъ
вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣль, ваше бла... преос... сіят... (*Въ сто-*
рону). Продаль, проклятый языкъ, продаль!

Хлестаковъ. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ, точно, есть
что-то такое, чтѣ внушиаетъ робость. По крайней мѣрѣ я
знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не
такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вотъ со мной престранный случай: въ дорогѣ
совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста
рублей взаймы?

Лука Лукичъ (*хватаясь за карманы, про себя*). Вотъ-те штука, если нѣть! Есть, есть! (*Вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи*).

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю.

Лука Лукичъ (*вытягиваясь и придерживая шпагу*). Не смѣю дольше беспокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте.

Лука Лукичъ (*летитъ вонъ почти бѣломъ и говоритъ въ сторону*). Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Хлестаковъ и Артемій Филипповичъ, вытянувшись и придерживая шпагу.

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Землемѣрица.

Хлестаковъ. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемій Филипповичъ. Имѣль честь сопровождать васъ и принимать лично во вѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

Хлестаковъ. А, да! помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

Артемій Филипповичъ. Радъ стараться на службу отечеству.

Хлестаковъ. Я, — признаюсь, это моя слабость, — люблю хорошую кухню. — Скажите, пожалуйста, мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, но правда ли?

Артемій Филипповичъ. Очень можетъ быть. (*Помолчавъ*). Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. (*Придвигается ближе со своимъ стуломъ и говоритъ вполголоса*). Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершиенно ничего не дѣлаетъ: все дѣла въ большомъ запущеніи; посыпки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только-что былъ предъ моимъ приходомъ,ѣздить только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ и поведенія, если признаться предъ вами,—конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель,—поведенія самого предосудительного. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчин-

скій куда-нибудь выйдетъ изъ дома, то онъ тамъ ужъ и сидить у жены его; я присягнуть готовъ... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинского, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

Хлестаковъ. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думаль.

Артемій Филипповичъ. Вотъ и смотритель здѣшняго училыща... Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность: онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушасть юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

Хлестаковъ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Минъ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ, люблю въ скучное время прощать что-нибудь забавное... Какъ ваша фамилія? я все позабываю.

Артемій Филипповичъ. Земляника.

Хлестаковъ. А, да! Земляника. И что-жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

Артемій Филипповичъ. Какъ же-сь! пятеро; двое уже взрослыхъ.

Хлестаковъ. Скажите, взрослыхъ! А какъ они... какъ они того?..

Артемій Филипповичъ. То-есть, не изволите ли вы спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

Хлестаковъ. Да, какъ ихъ зовутъ?
Артемій Филипповичъ. Николай, Иванъ, Елизавета, Марыя и Перепетяя.

Хлестаковъ. Это хорошо.

Артемій Филипповичъ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствиемъ, отнимать времени, опредѣленного на священныя обязанности... (*Раскланивается съ тыльмъ, чтобы уйти.*)

Хлестаковъ (*прогожая*). Нѣть, ничего. Это все очень смѣшно, чтѣ вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время... Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему.*) Эй, вы! какъ васть? я все позабывало, какъ ваше имя и отчество.

Артемій Филипповичъ. Артемій Филипповичъ.

Хлестаковъ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣть ли у васъ денегъ взаймы—рублей четыреста?

Артемій Филипповичъ. Есть.

Хлестаковъ. Скажите, какъ кстати. Покорнейше васть благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Хлестаковъ, Бобчинскій и Добчинскій.

Бобчинскій. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ, Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

Добчинскій. Помѣщикъ Петръ, Ивановъ сынъ, Добчинскій.

Хлестаковъ. А, да я ужъ васть видѣль. Вы, кажется, тогда упали? Чѣдѣ, какъ вашъ носъ?

Бобчинскій. Слава Богу! не извольте беспокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

Хлестаковъ. Хорошо, что присохъ. Я радъ... (*Вдругъ и отрывисто*). Денегъ нѣть у васъ?

Добчинскій. Денегъ? какъ денегъ?

Хлестаковъ. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинскій. Такой суммы, ей-Богу, нѣть. А нѣть ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

Добчинскій. При мнѣ-сь не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Хлестаковъ. Да, ну, если тысячи нѣть, такъ рублей сто.

Бобчинскій (*шаря въ карманахъ*). У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣть ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

Добчинскій (*смотря въ бумажникъ*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинскій. Да вы поишите-то получше. Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то, вѣрно, какъ-нибудь запали.

Добчинскій. Нѣть, право, и въ прорѣхѣ нѣть.

Хлестаковъ. Ну, все равно. Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей... это все равно. (*Принимаетъ деньги*).

Добчинскій. Я осмѣливаюсь попросить васть относительно одного очень тонкаго обстоятельства.

Хлестаковъ. А чѣдѣ, это?

Добчинскій. Дѣло очень тонкаго свойства-сь: старшій-то

сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака...

Хлестаковъ. Да?

Добчинскій. То-есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобы онъ теперь уже быть совсѣмъ, то-есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я: Добчинскій-съ.

Хлестаковъ. Хорошо, пусть называется, это можно.

Добчинскій. Я бы и не беспокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой... большія надежды по-дадетъ: наизусть стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадется ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькия дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

Бобчинскій. Да, большія способности имѣеть.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Я обѣ этомъ постараюсь, я буду говорить... я надѣюсь... все это будетъ сдѣлано, да, да... (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

Бобчинскій. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

Хлестаковъ. А что, о чёмъ?

Бобчинскій. Я прошу васъ покорнейше, какъ пойдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разныемъ: сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сиятельство, или превосходительство, живеть въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живеть Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Бобчинскій. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ, моль, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живеть Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

Хлестаковъ. Очень хорошо.

Добчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствиемъ.

Бобчинскій. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствиемъ.

Хлестаковъ. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно. (*Выпрекающа* и *ходь*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Хлестаковъ (одинъ).

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, они меня принимаютъ за государственного человека. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ общелкастъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и черниль! (*Осипъ вылянулъ изъ дверей, произнесши: «сейчасъ»*). А ужъ Тряпичкину, точно, если кто попадеть на зубокъ, — берегись: отца родного не пощадить для словца, и деньги тоже любить. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ суды триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ... Какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ... Ого! за тысячу перевалило... Ну-ка теперь, капитанъ, ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь! посмотримъ, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Хлестаковъ и Осипъ (съ чернилами и бумагою).

Хлестаковъ. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ? (*Начинаетъ писать*).

Осипъ. Да, слава Богу! Только знаете что, Иванъ Александровичъ?

Хлестаковъ. А что?

Осипъ. Уѣзжайте отсюда! Ей-Богу, уже пора.

Хлестаковъ (*пишетъ*). Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

Осипъ. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, — ну, и довольно. Чѣмъ съ ними долго связываться? Плюньте на нихъ! не ровень часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ... ей-Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славныя — такъ бы закатили..

Хлестаковъ (*пишетъ*). Нѣть, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ. Да что завтра! Ей-Богу, пойдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая честь вамъ, да все, знаете, лучше уѣхать скорѣе; вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будетъ гнѣваться, что такъ за-

мышкались. Такъ бы, право, закатили славно! А лошадей
бы важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ (*пишетъ*). Ну, хорошо. Отнеси только напе-
редъ это письмо, пожалуй, вмѣсть и подорожную възьми.
Да зато, смотри, чтобы лошади хорошія были! Ямщикиамъ
скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ
фельдѣгеря, катили и пѣсни бы пѣли!. . (*Продолжаетъ пи-
сать*). Вообразжаю, Тряпичкинъ умретъ со смѣху...

Осипъ. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ,
а самъ лучше буду укладываться, чтобы не прошло попа-
прасну времы.

Хлестаковъ (*пишетъ*). Хорошо, принеси только свѣчу.

Осипъ (*выходитъ и говоритъ за сценой*). Эй, послушай,
брать! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру,
чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ
привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а
прогону, скажи, баринъ не платить: прогонъ, моль, скажи,
казенныій. Да чтобъ все живѣе, а не то, моль, баринъ сер-
дится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаковъ (*продолжаетъ писать*). Любопытно знать, гдѣ
онъ теперь живеть—въ Почтамтской или Гороховой? Онъ,
вѣдь, тоже любить часто переѣзжать съ квартиры и не до-
плачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. (*Серты-
ваетъ и надписываетъ*).

Осипъ *приноситъ свѣчу.* **Хлестаковъ** *печатаетъ*. Въ это
время слышенъ голосъ Держиморды: Куда лѣзешь, борода?
Говорять тебѣ, никого не вѣльно пускать.

Хлестаковъ (*даетъ Осипу письмо*). На, отнеси.

Голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не
допустить: мы за дѣломъ пришли.

Голосъ Держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ,
спитъ. (*Шумъ увеличивается*).

Хлестаковъ. Чѣмъ тамъ такое, Осипъ? Посмотри, чѣмъ за-
шумѣ.

Осипъ (*глядя въ окно*). Купцы какіе-то хотятъ войти, да
не допускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, вѣстъ
хотятъ видѣть.

Хлестаковъ (*подходя къ окну*). А чѣмъ вы, любезные?

Голоса купцовъ. Къ твоей милости прибѣгаемъ. Прика-
жите, государь, просьбу принять.

Хлестаковъ. Впустите ихъ, виустите! пусть идутъ. Осинъ, скажи имъ: пусть идутъ. (*Осинъ уходитъ*).

Хлестаковъ принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ. «Его высокоблагородному светлости господину финансову отъ купца Абдулина...» Чортъ знаетъ, чтд: и чина такого нѣть!

ЯВЛЕНИЕ X.

Хлестаковъ и купцы (съ кузовомъ вина и сахарными головами).

Хлестаковъ. А что вы, любезные?

Купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

Хлестаковъ. А что вамъ угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

Хлестаковъ. Отъ кого?

Одинъ изъ купцовъ. Да все отъ городничаго здѣнияго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинить, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморить, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватить за бороду, говорить: «Ахъ ты татаринъ! Ей-Богу! Если бы, то-есть, чѣмъ-нибудь не уважили его, а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: чтд слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочки — мы противъ этого не стоймъ. Нѣть, виши ты, ему всего этого мало — ей-ей! Придеть въ лавку и, чтд ни попадется, все береть. Сукна увидить штуку, говорить: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мнѣ». Ну, и несешь, а въ штуку-то будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

Хлестаковъ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

Купцы. Ей-Богу! такого никто не запомнить городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То-есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всяющую дрянь береть: черносливи такой, чтд лѣтъ уже по семи лежить въ бочкѣ, чтд у меня сидѣлецъ не будетъ Ѳесть, а онъ цѣлую горсть туда запустить. Именины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не чуждается; нѣть, ему еще подавай: говорить, и на Онуфрія его именины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

Хлестаковъ. Да это, просто, разбойники!

Купцы. Ей-ей! А попробуй прекословить, наведеть къ

тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что, велить запереть двери. «Я тебя», говорить, «не буду», говорить, «подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это», говорить, «запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!»

Хлестаковъ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это, просто, въ Сибирь.

Купцы. Да ужъ куда милость твоя ни запровадить его— все будетъ хорошо, лишь бы, то-есть, отъ насъ подалъши. Не побрезгай, отецъ нашъ, хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцомъ и кузовкомъ вина.

Хлестаковъ. Нѣть, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взяточъ. Вотъ, если бы вы, напримѣръ, предложили мнѣ взаймы рублей триста,—ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: взаймы я могу взять.

Купцы. Изволь, отецъ нашъ! (*Вынимаютъ деньги*). Да что триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

Хлестаковъ. Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

Купцы (*подносятъ ему на серебряномъ подносѣ деньги*). Ужъ, пожалуйста, и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

Хлестаковъ. Ну, и подносикъ можно.

Купцы (*кланяясь*). Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

Хлестаковъ. О, нѣть, я взяточъ никакихъ...

Осипъ. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! въ дорогѣ все пригодится. Давай сюда головы и кулекъ! Подавай все, все пойдѣсть въ прокъ. Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку, — и веревочка въ дорогѣ пригодится; телѣжка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то-есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

Хлестаковъ. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. (*Купцы уходятъ*). Слышишь голосъ женщины: Нѣть, ты не смыслишь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

Хлестаковъ. Кто тамъ? (*Подходитъ къ окну*). А что ты, матушка?

Голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу!
Повели, государь, выслушать.

Хлестаковъ (въ окно). Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Хлестаковъ, слесарша и унтеръ-офицерша.

Слесарша (кланяясь въ ноги). Милости прошу...

Унтеръ-офицерша. Милости прошу...

Хлестаковъ. Да что вы за женщины?

Унтеръ-офицерша. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлушкина, отецъ мой...

Хлестаковъ. Стой, говори прежде одна. Чѣмъ тебѣ нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пойшли ему Богъ всякое зло! Чѣмъ ни дѣлямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядькамъ, ни теткамъ его ни въ чемъ никакого прибытку не было!

Хлестаковъ. А чѣмъ?

Слесарша. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя: онъ женатый.

Хлестаковъ. Какъ же онъ можетъ это сдѣлать?

Слесарша. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ—побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! Чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ если живъ у него, то чѣмъ и онъ, каналья, околъ или поперхнулся навѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьяношка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ. «На чѣмъ», говоритъ, «тебѣ мужъ? онъ ужъ тебѣ не годится». Да я то знаю—годится или не годится; это мое дѣло, мошенникъ такой! «Онъ», говоритъ, «воръ; хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно», говоритъ, «онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекрутъ». Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! Я слабый человѣкъ, подлецъ ты такой! Чѣмъ всей родиѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго! А если есть теща, то чѣмъ и тещѣ...

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? (*Вытровожаетъ старуху*).

Слесарша (*уходя*). Не позабудь, отецъ нашъ! будь милостивъ!

Унтеръ-офицерша. На городничаго, батюшка, пришла...

Хлестаковъ. Ну, да чтобъ, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ.

Унтеръ-офицерша. Высѣкъ, батюшка!

Хлестаковъ. Какъ?

Унтеръ-офицерша. Но ошибкъ, отецъ мой! Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не подоспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дни сидѣть не могла.

Хлестаковъ. Такъ что-жъ теперь дѣлать?

Унтеръ-офицерша. Да дѣлать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья нечая отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо! Ступайте! ступайте! я распоряжусь. (*Въ окно высовываются руки съ просыбами*). Да кто тамъ еще? (*Подходитъ къ окну*). Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! (*Отходя*). Надоѣли, чортъ возьми! Не впускатъ, Осипъ!

Осипъ (*кричитъ въ окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите! (*Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели, съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанной щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ*).

Осипъ. Пошелъ, пошелъ! чего лѣзешь? (*Упирается первому руками въ брюхо и вытирается влістѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Хлестаковъ п Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ахъ!

Хлестаковъ. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нѣть, я не испугалась.

Хлестаковъ (*рисуется*). Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣялось ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаковъ. Отчего же, напримѣрь, вы никуда нешли?

Марья Антоновна. Я думала, не здѣсь ли маменька...

Хлестаковъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда нешли?

Марья Антоновна. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

Хлестаковъ (*рисуется*). А ваши глаза лучше, нежели важные дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принести удовольствіе.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаковъ. Для такой прекрасной особы, какъ вы. Осмѣялся ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стуль? Но нѣтъ, вамъ должно не стуль, а тронъ.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мнѣ такъ нужно было идти. (*Съла*).

Хлестаковъ. Какой у васъ прекрасный платочекъ!

Марья Антоновна. Вы насмѣшили, лишь бы только посмѣяться надъ провинціальными.

Хлестаковъ. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсѣмъ не понимаю, о чёмъ вы говорите: какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода!

Хлестаковъ. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобы вы мнѣ написали лучше на память какиебудь стишкы въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

Хлестаковъ. Для васъ, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

Марья Антоновна. Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

Хлестаковъ. Да что стихи! я много ихъ знаю.

Марья Антоновна. Ну, скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

Хлестаковъ. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю ихъ...

Хлестаковъ. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что въ горести напрасно на Бога

ропшешь, человѣкъ!..» ну и другіе... теперь не могу припомнить; впрочемъ, это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... (*Придвигая стулъ*).

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь... (*Отодвигаетъ стулъ*).

Хлестаковъ. Отчего-жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

Марья Антоновна (*отодвигаясь*). Для чего-жъ близко? все равно и далеко.

Хлестаковъ (*придвигаясь*). Отчего-жъ далеко? все равно и близко.

Марья Антоновна (*отодвигается*). Да къ чему-жъ это?

Хлестаковъ (*придвигаясь*). Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

Марья Антоновна (*смотритъ въ окно*). Чѣдъ это, такъ, какъ будто бы полетѣло? Сорока или какая другая птица?

Хлестаковъ (*цѣлууетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встаетъ въ негодованіи*). Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!..

Хлестаковъ (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно, отъ любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти*).

Хлестаковъ (*продолжая удерживать ее*). Изъ любви, право, изъ любви. Я такъ только, пошутилъ: Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. (*Падаетъ на колѣни*). Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на колѣняхъ*). Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ (*вставая*). А, чортъ возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это чѣдъ значить, сударыня? Это чѣдъ за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! И не смей показываться на глаза. (*Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ*). Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумлениe...

Хлестаковъ (*въ сторону*). А она тоже очень аппетитна, очень недурна. (*Бросается на колѣни*). Сударыня, вы видите, я сгораю отъ любви.

Анна Андреевна. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ, встаньте, встаньте! здѣсь поль совсѣмъ нечистъ.

Хлестаковъ. Нѣть, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

Хлестаковъ. Нѣть, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы неувѣнчаете постоянную любовь мою, то я недостоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ... я замужемъ.

Хлестаковъ. Это ничего! Для любви нѣть различія; и Карамзинъ сказалъ: «Законы осуждаютъ». Мы удалимся подъ сѣнь струй... Руки вашей, руки прошу.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Тѣ же и Марья Антоновна (*вдругъ вспыхиваетъ*).

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказали, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ*): Ахъ, какой пассажъ!

Анна Андреевна. Ну, что ты? къ чему? зачѣмъ? Чѣмъ за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала, какъ угорѣлая кошка. Ну, что ты нашла такого удивительнаго? Ну, что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, когда ты будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ.

Марья Антоновна (сквозь слезы). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Чѣдѣ тебѣ глядѣть на нихъ! не нужно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе — передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна сѣдовать.

Хлестаковъ (схватывая за руку дочь). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (съ изумленіемъ). Такъ вы въ нее?..

Хлестаковъ. Рѣшите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну, вотъ видишь, дура, ну, вотъ видишь: изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣньяхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну, вотъ, право, стойть, чтобы я нарочно отказалася: ты недостойна такого счастія.

Марья Антоновна. Не буду, маменька; право, впередъ не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣ же и городничій (вспомыхахъ).

Городничій. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

Хлестаковъ. Чѣдѣ съ вами?

Городничій. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣрю, и на половину иѣтъ того, чѣдѣ они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налагала вамъ, будто бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей-Богу, вретъ. Она сама себя высѣкла.

Хлестаковъ. Провались унтеръ-офицерша — мнѣ не до нея!

Городничій. Не вѣрьте, пе вѣрьте! Это такие лгуны... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣрить. Они ужъ и по всему городу известны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества, осмѣлюсь доложить: это такие мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостои-

ваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ просить руки нашей дочери.

Городничій. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство: она немного съ придурию, такова же была и мать ея.

Хлестаковъ. Да, я, точно, прошу руки. Я влюбленъ.

Городничій. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорить тебѣ!

Хлестаковъ. Я не шутя вамъ говорю... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

Городничій. Не смѣю вѣрить, недостоинъ такой чести.

Хлестаковъ. Да, если вы не согласитесь отдать руки Мары Антоновны, то я, чортъ знаетъ, чтѣ готовъ...

Городничій. Не могу вѣрить: изволите щутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ахъ, какой чурбанъ, въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ?

Городничій. Не могу вѣрить.

Хлестаковъ. Отдайте, отдайте! Я отчаянныи человѣкъ, я рѣшусь на все; когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отадутъ.

Городничій. Ахъ, Боже мой! Я, ей-ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! У меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.

Городничій. Да благословить васъ Богъ! а я не виноватъ!
(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ). Что за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! (Протираетъ глаза). Цѣлюются! Ахъ, батюшки, цѣлюются! Точный женихъ. (Вскрикиваетъ, подпрыгивая отъ радости). Ай, Антонь! Ай, Антонь! Ай, городничій! Вона, какъ дѣло-то попало!

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣ же и Осипъ.

Осипъ. Лошади готовы.

Хлестаковъ. А, хорошо... я сейчасъ.

Городничий. Какъ-съ? Изволите ъхать?

Хлестаковъ. Да, ъду.

Городничий. А когда же, то-есть... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

Хлестаковъ. А это... На одну минуту только, на одинъ день къ дядѣ—богатый стариkъ; а завтра же и назадъ.

Городничий. Не смѣмъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

Хлестаковъ. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! (*Цѣлуетъ ея ручку*).

Городничий. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

Хлестаковъ. О, нѣтъ, къ чему это? (*Немного подумавъ*). А впрочемъ, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вамъ.

Хлестаковъ. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то-есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею опибкою,—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

Городничий. Сейчасъ! (*Вынимаетъ изъ бумажника*). Еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаковъ. А, да! (*Беретъ и рассматриваетъ ассигнации*). Это хорошо. Вѣдь это, говорятъ, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Прощайте, Антоnъ Антоновичъ! Очень р旤язанъ за ваше гостепріимство. Я признаюсь отъ всего сердца: мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго приема. Прощайте, Анина Андреевпа! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна! (*Выходитъ*).

ЗА СЦЕПОЙ.

Голосъ Хлестакова. Прощайте, ангель души моей, Марья Антоновна!

Голосъ городничаго. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ъдете?

Голосъ Хлестакова. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-нибудь

застлать, хотя бы коврикомъ. Не прикажете ли, я велю по-
дать коврикъ?

Голосъ Хлестакова. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впро-
чемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

Голосъ городничаго. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую,
вынь коверъ самый лучшій, — что по голубому полю, пер-
сидскій, скорбѣ!

Голосъ ямщика. Тпр...

Голосъ городничаго. Когда же пражкажете ожидать вась?

Голосъ Хлестакова. Завтра или послѣ-завтра.

Голосъ Осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ
такъ! Теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

Голоса ямщика. Тир...

Голосъ Осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо!
Славно будетъ! (*Бьетъ рукою по ковру*). Теперь садитесь,
ваше благородіе!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

Голосъ городничаго. Прощайте, ваше превосходительство!

Женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

Голосъ Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голосъ ямщика. Эй, вы, залетные! (*Колокольчикъ звенитъ;*
занавѣсь опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I.

Городничій, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Чѣдь, Анна Андреевна? а? Думала ли ты
что-нибудь объ этомъ? Экой богатый приѣзъ, канальство! Ну,
признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто
изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ... фу, ты, каналь-
ство!.. съ какимъ дьяволомъ породнилась!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣть; я давно это знала. Это
тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, ни-
когда не видѣла порядочныхъ людей.

Городничій. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ.
Однакоожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія
мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна?

Высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! Призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, каналій! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ! Постойте-жъ, голубчики! Прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Залиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня, п вотъ этихъ болыше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали: что вотъ, дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою — не то, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали. Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! Ужъ когда торжество, такъ торжество. (*Квартальный уходитъ*). Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Чтѣ, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, чтѣ за городничество.

Городничій. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ зашибрата со всѣми министрами и во дворецъ ъздитъ, такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы вѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно вѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничій. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсять тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ конечно голубую лучше.

Городничій. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? — потому что, слышится, поѣдешь куда-нибудь — фельдѣгера и адъютанты поскакутъ вездѣ впередъ: «лошадей!» И тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титуллярные,

капитаны, городничие, а ты себѣ и въ усь не дуешь. Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*). Вотъ чѣ, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь нужно совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ёздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самыми тонкими обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городничій. Чѣ-жѣ? вѣдь слово не вредить.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ вѣдь жизнь совершенно другая.

Городничій. Да; тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ракушка и корюшка, такія, что только слонка потечеть, какъ начнешь ёсть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтобы нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобы у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобы нельзя было войти, и нужно бы только этакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ, какъ хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и купцы.

Городничій. А! здорово, соколики!

Купцы (кланяясь). Здравія желаемъ, батюшка!

Городничій. Чѣ, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Чѣ, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиилуты, протобестіи, надувалы морскіе! жаловаться? Чѣ, много взяли? Вотъ, думаютъ, такъ въ тюрьму его и засадятъ!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что...

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова отпускаешь!

Городничій (съ неудовольствиемъ). А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Чѣ? а? чѣ теперь скажете? Теперь я васъ!.. Обманываете народъ...

Сдѣлаешь подрядъ съ казною—на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ пожертвуюшь двадцать аришинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если-бъ знали, такъ бы тебѣ... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь. «Мы», говоритъ. «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкнуть въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что? — начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бѣть за то, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а ужъ обмѣриваешь; а какъ разопреть тебѣ брюхо, да набѣешь себѣ карманъ, такъ и заважничай! Фу, ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничашь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (кланяясь). Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. Жаловаться? А кто тебѣ помогъ спутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь.—Что скажешь? а?

Одинъ изъ купцовъ. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ! Лукавый попуталъ. И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

Городничій. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего?—оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

Купцы (кланяются въ ноги). Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

Городничій. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!» а прежде чтѣ? Я бы васъ... (махнувъ рукой). Ну, да Богъ простить! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина: чтобы поздравленіе было... понимаешь? не то, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ или головою сахару... Ну, ступай съ Богомъ! (*Купцы уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тъ же, Аммосъ Федоровичъ, Артемій Филипповичъ, потомъ Растваковскій.

Аммосъ Федоровичъ (*еще въ deerjakh*). Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

Артемій Филипповичъ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ. Я душевно обрадовался, когда услышалъ. (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марии Антоновны*). Марья Антоновна!

Растваковскій (*входитъ*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлить Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручкѣ Марии Антоновны*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тъ же, Коробкинъ съ женою, Люлюковъ.

Коробкинъ. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны*). Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ея ручкѣ*).

Жена Коробкина. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

Люлюковъ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходитъ къ ручкѣ и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ лыжкомъ съ видомъ удальства*). Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить. (*Подходитъ къ ея ручкѣ и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ*).

ЯВЛЕНИЕ V.

Множество гостей въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!» Бобчинскій и Добчинскій (*проталкиваются*).

Бобчинскій. Имѣю честь поздравить!

Добчинскій. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

Бобчинскій. Съ благополучнымъ происшествиемъ!

Добчинскій. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна! (*Оба подходятъ въ одно время и ставкаются лбами*).

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходитъ къ ручки*). Честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьѣ ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить времія.

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, вонь энтакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! Все будеть мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Еще нѣсколько гостей, *подходящихъ къ ручкамъ*, Лука Лукичъ съ женою.

Лука Лукичъ. Имѣю честь...

Жена Луки Лукича (*блѣснитъ впередъ*). Поздравляю вась, Анна Андреевна! (*Цѣлуются*). А я такъ, право, обрадовалась. Говорять мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку». — «Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ; вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ!» «Ну», думаю себѣ, «слава Богу!» И говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгораю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ»... «Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ: «Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рываю. Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рываешься?» — «Луканчикъ», говорю, «я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и лютятся».

Городничій. Покорнѣши прошу садиться, господа! Эй, Мишка, принеси слюда побольше стульевъ! (*Гости садятся*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, частный приставъ и квартальные.

Частный приставъ. Имѣю честь поздравить вась, ваше высокоблагородіе, и пожелать благополучія на многія лѣта.

Городничій. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! (*Гости усаживаются*).

Аммосъ Федоровичъ. Но скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепен-ный ходъ всего, то-есть, дѣла.

Городничій. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собствен-нолично сдѣлать предложеніе.

Анна Андреевна. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ. Говорить: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ ва-шемъ достоинствамъ». И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! — «Мнѣ, вѣ-рите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь — копейка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества».

Марья Антоновна. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ го-ворилъ.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не злаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! — «Я, Анна Андреевна, изумля-юсь». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... И когда я хотѣла сказать: «Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь», онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ са-мымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣтить моимъ чувствамъ, не тѣ, я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, онъ обо мнѣ это го-ворилъ.

Анна Андреевна. Да, конечно... и обѣ тебѣ было, я ни-чего этого не отвергаю.

Городничій. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣ-лится. «Застрѣлюсь, застрѣлюсь!» говорить.

Многіе изъ гостей. Скажите пожалуйста!

Аммосъ Федоровичъ. Экая штука!

Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

Артемій Филипповичъ. Не судьба, батюшка, судьба — индѣй-ка: заслуги привели къ тому. (*Въ сторону*). Этакой свинцѣ лѣзеть всегда въ ротъ счастье!

Аммосъ Федоровичъ. Я, пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

Городничій. Нѣть, мнѣ теперь не до кобельковъ.

Аммосъ Федоровичъ. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

Жена Коробкина. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада ва-шему счастію! вы вѣ можете себѣ представить.

Коробкинъ. Гдѣ-жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ-то.

Городничій. Да, онъ отправился на одинъ день, по вѣсма важному дѣлу.

Анна Андреевна. Къ своему дядѣ, чтобы испросить благословенія.

Городничій. Испросить благословенія; но завтра же... (*Чихаетъ, поздравленія сливаются въ одинъ гулъ*). Много благодаренъ! Но завтра же и назадъ... (*Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышны другие голоса*):

Частнаго пристава. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

Бобчинскаго. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

Добчинскаго. Продли Богъ на сорокъ-сороковы!

Артемія Филипповича. Чтобъ ты пропалъ!

Жены Коробкина. Чортъ тебя побери!

Городничій. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того же желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ... деревенскій ужъ слишкомъ... признаюсь, большая непріятность... Вотъ и мужъ мой... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

Городничій. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

Лука Лукичъ. И дай Богъ получить!

Растаковскій. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно.

Аммосъ Федоровичъ. Большому кораблю — большое плаванье.

Артемій Филипповичъ. По заслугамъ и честь.

Аммосъ Федоровичъ (*въ сторону*). Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдо! Ну, нетъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ поръ еще не генералы.

Артемій Филипповичъ (*въ сторону*). Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзеть! Чего доброго, можетъ, и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно. (*Обращаясь къ нему*). Тогда, Антонъ Антоновичъ, и нась не позабудьте.

Аммосъ Федоровичъ. И если что случится, напримѣръ,

какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ!

Коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему валиу протекцію, мѣсто отца заступите сиротѣ.

Городничій. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во-первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себѣ обременять этими обѣщаніями?

Городничій. Почему-жъ, душа моя? иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелюзгѣ оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, какъ она трахтуетъ насъ?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же и почтмейстеръ (впопыхахъ, съ распечатаннымъ письмомъ въ руки).

Почтмейстеръ. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, которого мы приняли за ревизора, быть не ревизоръ.

Всѣ. Какъ, не ревизоръ?

Почтмейстеръ. Совсѣмъ не ревизоръ, — я узналъ это изъ письма.

Городничій. Чѣмъ вы, чѣмъ вы? изъ какого письма?

Почтмейстеръ. Да изъ собственнаго его письма. Приносять ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: «въ Почтамтскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно, нашелъ безпорядки по почтовой части иувѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городничій. Какъ же вы?..

Почтмейстеръ. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эштафетой; но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянется, такъ вотъ и тянется! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай! пропадешь, какъ курица»; а въ другомъ словно бѣсь какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ

сургучъ — по жиламъ огонь, а распечатать — морозъ, ей-Бегу, морозъ. И руки дрожать, и все помутилось.

Городничій. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городничій. Что-жъ онъ по-вашему такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то, чортъ знаетъ, что такое!

Городничій (*запальчиво*). Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? Я васъ подъ арестъ...

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничій. Да, я!

Почтмейстеръ. Коротки руки!

Городничій. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь закопошау?

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что Сибирь? далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какая со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіономіи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генераль-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшился только, съ которой начать — думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ англіцкаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ. Всѣ миѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные: отъ сѣху ты бы умеръ. Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во-первыхъ: городничій — глупъ, какъ сивый меринъ...»

Городничій. Не можетъ быть! Тамъ иѣть этого.

Почтмейстеръ (*показываетъ письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читаетъ*). «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть! вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «Городничий—глупъ, какъ сивый меринъ...»

Городничий. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоить.

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...» (*Оставляя читать*). Ну, тутъ опять и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городничий. Нѣть, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?..

Городничий. Нѣть, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*): «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментской сторожъ Михаилъ, должно-быть, также, подлецъ, пшеть горькую».

Почтмейстеръ (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ (*продолжая читать*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и...» (*закаивается*).

Коробкинъ. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинъ. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо*).

Артемій Филипповичъ (*не давая письма*). Нѣть, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинъ. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочиталъ: да-же, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*). Читайте.

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. (*Отдаетъ письмо*). Вотъ. позвольте... (*закрываетъ пальцемъ*). Вотъ отсюда читайте. (*Всѣ приступаютъ къ нему*).

Почтмейстеръ. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Коробкинъ (*читая*). «Надзиратель за богоугоднымъ заведенiemъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ».

Артемій Филипповичъ (*къ зрителямъ*). И не остроумно! Свинья въ ермолкѣ! гдѣ-жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Коробкинъ (*продолжая читать*). «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ (*къ зрителямъ*). Ей-Богу, и въ ротъ никогда не брать луку.

Аммосъ Федоровичъ (*въ сторону*). Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣть!

Коробкинъ (*читаетъ*). «Судья...»

Аммосъ Федоровичъ. Вотъ тебѣ на!.. (*Вслухъ*). Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ: дрянь этакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣть!

Почтмейстеръ. Нѣть, читайте!

Артемій Филипповичъ. Нѣть, ужъ читайте!

Коробкинъ (*продолжаетъ*). «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...» (*Останавливается*). Должно быть, французское слово.

Аммосъ Федоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значить! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть, и того еще хуже.

Коробкинъ (*продолжая читать*). «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощаи, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пиши для души. Вижу: точно, нужно чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ numerомъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ, въ третъемъ этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой реприマンдъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзаль, такъ зарѣзаль! Убить, убить, совсѣмъ убить! Ничего не вижу: вижу какія-то свиньирыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машетъ*).

Почтмейстеръ. Куды воротить! Я, какъ нарочно, прика-

заль смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ, точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Федоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (вздыхаетъ). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Аммосъ Федоровичъ (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошили?

Городничій (*бѣетъ себѣ по лбу*). Какъ я — нѣть, какъ я, старый дуракъ? Выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надѣ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и илотовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду. Трехъ губернаторовъ обманулы!.. Что губернаторы! (*махнувъ рукой*) нечего и говорить про губернаторовъ...

Анна Андреевна. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой...

Городничій (*въ сердцахъ*). Обручился! Кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзеть миѣ въ глаза съ обрученемъ!.. (*Въ изступленіи*). Вотъ, смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесеть по всему свѣту исторію. Мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! Чина, званія не попадить, и будуть всѣ складить зубы и бить въ ладоши. Чему смеетесь? надѣ собою смеетесь!.. Эхъ вы!.. (*Стучитъ со злости ногами объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!.. (*Суетъ кулакомъ и бѣстѣ каблукомъ въ полъ*).

(Послѣ некотораго молчанія).

До сихъ поръ не могу притти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ии на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣтайте!

Артемій Филипповичъ (разставляя руки). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Аммосъ Федоровичъ. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).

Бобчинскій. Ей-сй, не я! и не думаль...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется. Приѣхали, какъ сумасшедши, изъ трактира: «Пріѣхать, пріѣхать и денегъ не платить...» Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобы васъ чортъ побрали съ вами ревизоромъ и рассказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыхъ! Сплетни сѣсте, сорохи короткохвостыя!

Аммосъ Федоровичъ. Пачкуны и проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхие! (Все обступаютъ ихъ).

Бобчинскій. Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣть, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые тогор...

Бобчинскій. А вотъ и нѣть; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинице.

(Произнесенные слова поражаютъ, какъ громомъ, всхъ.
Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ;
вся группа, вдругъ перемѣнившая положеніе, остается въ
окаменѣніи).

Нѣмая сцена.

Городничий посерединѣ въ видѣ столба съ распостертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь, съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшийся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гости, прислонившіяся одна къ другой съ самыми сатирическими выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По левую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову искривленко на-бокъ, какъ бusto къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, приспѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ бы хотѣлъ посвистать или произнести: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуреннымъ глазомъ и подкинувшимъ на городничаго; за нимъ, у самаго края, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеньемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсь опускается.

ПРИМЪЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

Носъ. Повѣсть начата въ 1832/3 году: въ первоначальной редакціи кончена (для «Московскаго Наблюдателя») въ первой половинѣ марта 1835 года; передѣлана для «Современника» Пушкина въ періодъ съ февраля по май 1836 года. Напечатана въ третьемъ томѣ «Современника», цензурное разрѣшеніе котораго помѣщено такъ: «сентября, 1836». При напечатаніи въ «Современникѣ» передѣлано было, по требованію цензуры, слѣдующее мѣсто рукописнаго текста: «Онъ поспѣшилъ въ соборъ, пробрался сквозь рядъ нищихъ-старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями только для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся, и вошелъ въ церковь. Молельщиковъ внутри церкви было не-много; они все стояли только при входѣ въ двери. Ковалевъ чувствовалъ, что онъ въ такомъ разстроенному состояніи, что никакъ не въ силахъ быть молиться. Онъ искалъ господина носа по всемъ угламъ и, наконецъ, увидѣть его, стоявшаго въ сторонѣ. Носъ совершило спрятать лицо свое въ большой стоячій воротникъ и съ выражениемъ величайшей набожности молился. «Какъ подойти къ нему?» думалъ Ковалевъ. «Одѣть, какъ господинъ, и притомъ еще статской совѣтникъ». Онъ началъ, стоя около него, поканивать; но посѣди на минуту не оставлять набожнаго своего положенія и отвѣчивать поклоны. «Милостивый государь!» сказалъ Ковалевъ, стараясь ободрить себя: «Милостивый государь!» — «Что вамъ угодно?» отвѣчалъ онъ, оборачиваясь.—«Миѣ страшно, милостивый государь... Миѣ кажется... вы должны знать свое мѣсто... и я васъ вдругъ пахожу... и гдѣ же?—въ церкви. Согласитесь...»

«Я не могу понять, какъ вы изволите говорить: объяснитесь...».—«Какъ миѣ ему объяснить?» подумалъ Ковалевъ и, сбравшись съ духомъ, началъ: «Конечно, я... Впрочемъ, я... Миѣ ходить безъ поса... согласитесь, это не то, что ходить какой-нибудь торговецъ, которая продаетъ на Воскресенскомъ мосту очищенные апельсины — можно сидѣть безъ него. Но для лица, ожидающаго губернаторскаго мѣста, чтобъ, безъ сомнѣнія, послѣ-

дустъ... Я не знаю, милостивый государь!» при этомъ маіоръ пожалъ плечами: «извините. Если на это смотрѣть сообразно съ правилами долга и чести, вы сами можете понять ...»—«Ничего рѣшительного», отвѣчалъ посы: «изъяснитесь удовлетворительнѣе».

«Милостивый государь!» сказалъ Ковалевъ съ чувствомъ достоинства: «я не знаю, какъ понимать слова ваши... Здѣсь все дѣло, кажется, совершенно очевидно... или вы не хотите... Вѣдь вы мой собственный посы!» Пось посмотрѣть на маіора (и лобъ) брови его нѣсколько нахмурились.

«Вы опибаетесь, милостивый государь: я самъ по себѣ. Притомъ между нами не можетъ быть никакихъ тѣсныхъ сношеній. Судя по пуговицамъ вашего вицмундира, вы должны служить въ сенатѣ или, по крайней мѣрѣ, по юстиції, я же по ученой части». Сказавши это, посы отвернулся и продолжалъ молиться. Ковалевъ совершенно смѣшился и скопфузился. «Что тутъ дѣлать?» подумалъ онъ. Въ это время въ сторонѣ послышалася пріятный шумъ дамскаго платья. Вошла пожилая дама довольно широкаго размѣра, вся убранныя кружевами, нѣсколько походившая на готическое строеніе, и съ песю тональной, въ платѣ, очень мило драпировавшемся на ея стройныхъ формахъ, въ наложной шляпкѣ, легкой, какъ бисквитное пирожное. За ними остановился и открылъ табакерку высокій господинъ съ большими бакенбардами и цѣлой партіей воротниковъ. Ковалевъ выступилъ поближе, высунулъ и поправилъ батистовый воротникъ манишки, поправилъ печатки отъ часовъ и, улыбаясь по сторонамъ, обратилъ вниманіе на лѣгонькую даму, которая, какъ весенний цветочекъ, слегка наклонилась и подносила руку, съ бледными прозрачными пальцами, ко лбу Улыбка на лицѣ Ковалева расширилась еще далѣе, когда онъ увидѣлъ изъ подъ шляпки часть ея подбородка и часть щеки. Но вдругъ онъ отскочилъ, какъ будто бы обжегшись: онъ вспомнилъ, что у него вмѣсто поса совершиенно ничего пѣтъ. И слезы выдавились изъ глазъ. Онъ оборотился, чтобы прямо сказать этому господину, чтѣ прикинулся статскимъ советникомъ, что онъ плутъ и подлецъ и что онъ больше ничего, кроме собственнаго посы. Но поса не было: онъ успѣлъ ускакать впередъ, онять кѣ комунибудь съ визитомъ. Онъ вышелъ изъ церкви. Время безподобное; солнце свѣтилось; на Невскомъ пароду гибель. Дама таскъ и сыпнетъ цѣльмы водонадомъ. Вонъ и знакомый ему надворный советникъ идетъ ...» (Ср. стр. 11—13 этого тома).

Въ значительной степени передѣланы и слѣдующія страницы рукописнаго текста: «Почтенный чиновникъ слушалъ это съ значительною миною и въ то же время занимался считаніемъ принесенныхъ имъ денегъ, отдаливъ 2 рубля 33 копѣйки за припечатаніе объявленія. Но сторонамъ стоило множество старухъ, купеческихъ сидѣльцевъ, дворниковъ, кучеровъ съ запасками. Въ одной отдавалася кучеръ трезваго поведенія; въ другой мало поддержанная коляска, работавшая за Петра, у которой не было ни одного винта цѣлаго. Тамъ отдавалась здоровая дѣвка 19 лѣтъ, упражнявшаяся въ прачечномъ лѣѣ, годная и для другихъ работы въ домѣ, у которой уже нѣсколько зубовъ недоста-

вало во рту; прочныи дрожки безъ одной рессоры; молодая, горячая, въ сѣрыхъ яблокахъ, лошадь 17 лѣтъ отъ роду; новый полученный изъ Лондона сѣмена рѣши и редистъ; таикъ-называемый индійскій редистъ; отличная дача со всѣми угодьями: двумя стойлами для лошадей и мѣстомъ, на которомъ можно развести превосходный садъ. Тамъ же было извѣщеніе о потерянномъ кошелѣкѣ съ обѣщаніемъ приличнаго вознагражденія: вызовъ желающихъ кунить старыя подоивы и велиющихъ (sic!) явиться къ переторжкѣ въ такомъ-то часу. Комната, въ которой все то находилось, была маленькая, закопчена, и воздухъ въ ней былъ тамъ густъ, хоть топоръ повѣсь, потому что русскіе мужики имѣютъ удивительное свойство сгущать атмосферу, и, гдѣ собираются и четыре дворника въ красныхъ рубашкахъ, и одинъ кучеръ, тамъ смѣло можно повѣсить на воздухѣ топоръ. Къ счастью, коллежскій ассесоръ Ковалевъ не могъ ничего этого услышать, потому что закрылся платкомъ и потому что самый посѣ-то находился, Богъ знаетъ, къ какихъ мѣстахъ». Словы: «сказаль онъ, национецъ, съ петербургіемъ» въ рукописи нѣть. Страницы, слѣдующія непосредственно затѣмъ въ печатномъ текстѣ, начиная отъ словъ: «Сейчасъ, сейчасъ!» до конца второй главы (стр. 15—27), представляютъ позднѣйшую обработку первоначальнаго, менѣе развитого рукописнаго текста. Въ рукописи этотъ текстъ читается такъ: «Сейчасъ, сейчасъ! — Два рубля сорокъ три копѣйки.. рубль шестьдесятъ копѣекъ!» говорилъ сѣдовласый господинъ, бросая въ глаза старухамъ и дворникамъ записки. «Вамъ что угодно?» наконецъ сказалъ онъ, обратившись къ Ковалеву.

«Я особенно прошу...» сказалъ Ковалевъ: «случилось мошенничество или плутовство— я до сихъ поръ не могу никакъ узнать. Я прошу только припечатать, что тотъ, кто этого подлеца комиѣ представить, получить достаточное вознагражденіе».

«Хм! Позвольте узнать, какъ ваша фамилія?»

«Коллежскій ассесоръ Ковалевъ. Вы, впрочемъ, можете просто написать: состоящий въ маіорскомъ чинѣ».

«Да что сбѣжившій-то былъ ванъ дворовый человѣкъ?»

«Какой дворовый человѣкъ! Это бы еще не такое большое мошенничество! Но это... нось».

«Гм! какая странная фамилія! И на большую сумму этотъ Носовъ обокрали вѣсть?»

«Ность, то-есть... вы не то думаете Нось, мой собственный нось прошалъ неизвѣстно. Самъ сатана-дьяволъ захотѣлъ подшутить надо мною... Только этотъ нось разѣзжаетъ теперь господиномъ по городу и дурачить всѣхъ... Только я васъ прошу объявить, чтобы поймавший представить ко миѣ мошенника, подлеца, сукна... Но я заканилился, и у меня пересохло въ горлѣ. Я не могу ничего говорить!»

Чиновникъ задумался, что означали его крѣпко скавшіяся губы.

«Нѣть, я не могу помѣстить такого объявленія въ газету», сказалъ онъ, наконецъ, послѣ долгаго молчанія.

«Какъ? отчего?»

«Такъ. Газета можетъ потерять репутацію. Если всякий начнетъ писать, что у него сбѣжалъ носъ или губы... И такъ уже говорить, что печатаютъ много несъобразностей и ложныхъ слуховъ».

«Да когда у меня, точно, пропалъ носъ?»

«Если пропалъ, то это дѣло медика. Говорить, что есть такие люди, которые могутъ приставить какой угодно носъ. Но, впрочемъ, я замѣчу, что вы должны быть человѣкъ веселаго нрава и любите пощутить».

«Клинусь вамъ: вотъ какъ Богъ святы, если лгу! Хотите, я вамъ покажу?..»

«Зачѣмъ беспокоиться?» продолжалъ чиновникъ, нюхая табакъ. «Впрочемъ, если вамъ не въ беспокойство, то желательно бы взглянуть», продолжалъ онъ съ движениемъ любопытства.

Коллежскій ассесоръ отнялъ платокъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно странно!» сказалъ чиновникъ: «совершенно, какъ только-что выпеченный блинъ. Мѣсто до неизрѣятности ровное!»

«Ну, что и теперь будете говорить? Извольте же сейчасъ напечатать!»

«Напечатать-то, конечно, дѣло небольшое, только я не предвижу въ этомъ большой пользы. Если уже хотите, то вы можете дать кому-нибудь описать искусствомъ первомъ, какъ рѣдкое произведеніе натуры, и напечатать эту статейку въ «Сѣверной Пчелѣ» [тутъ онъ помахалъ еще разъ табаку] для пользы юношества, упражняющагося въ наукахъ [при этомъ онъ утеръ носъ], или таѣтъ для общаго любопытства».

Коллежскій ассесоръ былъ въ положеніи человѣка, совершенно сраженнаго уныніемъ. Онъ опустилъ глаза въ листъ газеты, где было извѣщеніе о спектакляхъ, и уже лицо его готово было улыбнуться, встрѣтивши имя актрисы, хорошенькой собою, и рука всхлилась за карманъ—пощупать, есть ли синяя ассигнація, потому что штаб-офицеры, по мѣтию Ковалева, должны сидѣть въ креслахъ; по мысль о носѣ, какъ острый ножъ, воизбралась въ его сердце. Бѣдный Ковалевъ, въ нестерпимой тоскѣ, отправился къ квартальному надзирателю, чрезвычайному охотнику до сахару; потому его вся передniaц, она же и столова, была уставлена сахарными головами, которыхъ нанесли къ нему, изъ дружбы, куницы. Кухарка въ это время складала съ частнаго пристава. ботфорты; инага и всѣ военные доспѣхи уже мирно развѣсились по угламъ, и грозную треугольную шляпу уже затрогивалъ трехлѣтій сынокъ его, и онъ, послѣ боевой, бранной жизни готовился вкусить удовольствія мира. Ковалевъ вошелъ къ нему въ то время, когда онъ потянулся, крякнулъ и сказалъ: «Эхъ, славно засну два часика!» И потому можно было спачала (*sic!*), что приходъ коллежскаго ассесора былъ совершенно не во время, и не знаю, хотя бы онъ даже принесъ ему въ то время несколько фунтовъ чаю или сукна,— онъ бы не былъ принялъ слишкомъ радушино. Частный былъ большой поощритель всѣхъ искусствъ и мануфактурности, хотя

иногда и говорилъ, что нѣтъ почтеннѣе вещи, какъ государстvenная ассигнація; «мѣста займетъ немнога, въ карманъ всегда помѣстится, уронишь — не расшибется».

Частный принялъ довольно сухо Ковалева: сказаль, что послѣ обѣда не такое время, чтобы производить слѣдствіе, что сама натура назначила, чтобы человѣкъ, наѣвшись, немнога отдохнулъ [изъ этого видно было, что частный приставъ былъ философъ], и что у порядочного человѣка не оторвутъ носа, и что многое есть на свѣтѣ разныхъ маюровъ, которые не имѣютъ даже и исподняго въ приличномъ состояніи и таскаются по всѣмъ непристойнымъ мѣстамъ.

То-есть, это уже было не въ бровь, а прямо въ глазы! Нужно знать, что Ковалевъ былъ чрезвычайно обидчивый человѣкъ. Онъ могъ извинить все, что ни говори о немъ самому, но никакъ не извинить, если это гасалось къ чину или званію. Онъ полагалъ, что по театральнымъ пьесамъ можно пропускать свободно все, что относится къ оберъ-офицерамъ, но на штабъ-офицеровъ никакъ не должно нападать. Такой приемъ частного его таѣ сконфузилъ, что онъ немножко стряхнулъ головою и съ чувствомъ собственного достоинства сказалъ, немнога разставивъ руки: «Признаюсь, послѣ такихъ, съ вашей стороны, обидныхъ замѣчаний, я ничего не могу прибавить...» и вышелъ.

Онъ приѣхалъ домой, едва слыша въ себѣ душу, а подъ со-бою ноги, послѣ всѣхъ этихъ душевныхъ революцій. Усталый, бросился онъ въ кресла и, отдохнувши немнога, сказалъ: «Боже мой! Боже мой! За что это такое несчастіе? Будь я безъ руки или безъ ноги — все бы это лучше, будь я безъ обоихъ ушей даже, все спосибѣ, но безъ носа человѣкъ — хоть выбрось! Если бы кто-нибудь отрѣзalъ или я самъ былъ причиной... но вотъ штука — прошаль самъ собою! Ей-Богу это невѣроятно! Можетъ быть, я силю, и миѣ все это снится». Коллежскій ассессоръ пальцемъ себя щипинъ, — самъ чуть не вскрикнулъ отъ боли. «Нѣть, чортъ возьми! я не сплю». Онъ потихоньку приблизился къ зеркалу и сначала зажмурилъ глаза, потомъ вдругъ глянуль — авось-либо есть посы; но въ ту же минуту отскочилъ отъ зеркала, сказавши: «Чортъ знаетъ что! Какая дрянь!»

Дѣйствительно, это происшествіе было до невозможности [ис] вѣроятно, таѣ что его можно было совершенно назвать сновидѣніемъ, если бы оно не случилось въ самомъ дѣлѣ и если бы не представлялось множество самыхъ удовлетворительныхъ доказательствъ. Онъ долго передумывалъ, кто бы здѣсь быть виной, и, наконецъ, едва ли не остановился на томъ, что здѣсь главною причиной должна быть одна вдова, тоже штабъ-офицерша, которая желала, чтобы онъ женился на ея дочери, за которой онъ любилъ приволакиваться, по всегда избѣгалъ окончательной раздѣлки и, когда вдова объявила ему напримѣръ, что она хочетъ выдать ее за него, онъ потихоньку отчалилъ съ своими комплиментами, сказавши, что еще молодъ, что нужно еще прослужить лѣтъ пятьокъ, чтобы было ровно сорокъ два года. И потому теперь, по его мнѣнию, вдова хотѣла ему непремѣнно

отметить и рѣшилась его испортить и, вѣрою, наяла бабъ-ворожей или сама, можетъ-быть, удержила.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ услышалъ въ передней голосъ: «Здѣсь живеть коллежскій асессоръ Ковалевъ?»

«Войдите; маіоръ Ковалевъ здѣсь», сказаъ онъ, вскочивши со стула и отвория дверь. Это былъ полицейскій чиновникъ, благородной наружности, который стоялъ въ концѣ Исаак...»

«Вы, кажется, изволили затерять посывой?»

«Такъ точно».

«Онъ теперь перехваченъ».

«Нѣтъ? Чѣмъ вы говорите?» закричалъ въ величайшей радости маіоръ. «Какимъ образомъ?»

«Страннымъ слушаемъ: его перехватили почти на дорогѣ. Онъ уже садился въ дилижансъ и хотѣлъ уѣхать въ Ригу. И пашпорть уже давно былъ написанъ на имя тамбовскаго директора училищъ. И странно то, что я самъ принялъ его за господина; но, къ счастью, были со мною очки, и я, уже надѣвшіи ихъ, увидѣлъ, что это былъ посы. Вѣдь я близорукъ и, если вы передо мною станете, то я вижу только, что лицо, но ни носа, ни бороды — ничего не замѣчу. Моя теща, то-есть мать жены моей, тоже ничего не видитъ».

Ковалевъ былъ виѣ себя. «Гдѣ же онъ? гдѣ? Я сейчасъ побѣжу» (sic!).

«Не беспокойтесь. Я, зная, что онъ вамъ нуженъ, нарочно принесъ его съ собою. И странно то, что главный участникъ въ этомъ дѣлѣ есть мошенникъ цырюльникъ на Вознесенской улицѣ, который сидитъ теперь на сѣїзжѣ. Я давно, вирочемъ, подозрѣвалъ его въ пьянствѣ и воровствѣ, и еще третьяго дня стащилъ онъ въ Гостиномъ поддюжинѣ жилетныхъ пуговицъ. Носъ ванилъ совершенно таковъ, какъ былъ». — При этомъ квартальный полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда завернутый въ бумагу посы.

«Такъ, онъ!» закричалъ Ковалевъ въ радости: «Точно онъ! Такой же самой¹⁾ Откушайте сегодня со мною чашечку чаю».

«Съ большою пріятностью желалъ бы, но не могу: занять... Очень большая теперь поднялась дороговизна на всѣ припасы... У меня въ домѣ живеть и теща, то-есть мать моей жены, и дѣти; старшій особенно подастъ большія надежды, умный мальчишка; но средствъ къ воспитанію совершенно нѣть никакихъ».

Ковалевъ догадался, и, схвативъ со стола красную асигнацію, сунулъ въ руки надзирателя, который, расшаркавшись, вышелъ за дверь, и въ ту же (почти минуту) Ковалевъ слышалъ голосъ его на улицѣ, гдѣ онъ увѣщевалъ по зубамъ одного глупаго мужика, наѣхавшаго съ своею телѣгой (на) бульварь. Коллежскій асессоръ пришелъ, наконецъ, въ себя, потому что радость повернула почти въ безпамятство... «Ну, теперь, слава Богу, что есть посы. А ну, приложимъ его». Сказавши это, онъ

¹⁾ Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ.

началь приставить (sic!) его на свое мѣсто, по, къ удивленію, замѣтилъ, что посъ никакъ не приклевался.

«Ну же, ну! подѣзай, дуракъ!» говорилъ онъ ему; но посъ совершило глупъ и наѣзъ прямо на столъ, какъ только онъ отнималъ руку. Лицо маюра слезливо искривилось. «Неужели онъ не пристанетъ?» сказать онъ въ искугѣ. Но посъ дѣйствительно отнадаль. «Ахъ, Боже мой! Да вѣдь какимъ же [образомъ] онъ можетъ пристать? Я и позабылъ о томъ, что ужъ если чѣмъ отрѣзано, то пельзя приставить».

Между тѣмъ слухъ объ этомъ необыкновенномъ происшествіи распространился по всей столицѣ и, какъ всегда водится, не безъ особыхъ прибавлений. Тогда умы всѣхъ имению пастроены были къ чрезвычайному: недавно только-что занимали весь городъ опыты дѣйствія магнетизма. Притомъ исторія о таинственныхъ стульяхъ въ Конюшенной была свѣжка, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, что посъ коллежского ассессора Ковалева, ровно въ три часа, каждый день, прогуливается по Невскому проспекту. Любопытныхъ стекалось каждый день множество. Этому происшествію были чрезвычайно рады всѣ свѣтскіе необходимые посѣтители раутовъ, любившие смыть дамы, которыхъ запасъ уже совершило истощился. Но многие слушали объ этомъ съ неудовольствиемъ, и одинъ господинъ со звѣздою съ негодованіемъ говорилъ, что онъ удивляется, какъ въ нынѣшній просвещенный вѣкъ могутъ распространяться такие слухи и нелѣпныя выдумки, и что онъ еще болѣе удивляется, какъ не обратить на это вниманіе правительство. Этотъ господинъ былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые бы желали вынуждать правительство даже въ ихъ домашніи горы съ своюю супругою.

Обо всѣхъ этихъ слухахъ бѣдный коллежский ассесоръ, не зная, какимъ образомъ, узнавалъ, не выходя почти изъ своей комната... Онъ не вѣрѣлъ никого винуватъ къ себѣ, не появился никуда, даже въ театръ, какой бы ни игрался тамъ водевиль; не игралъ даже въ бостонѣ; не видѣлъ даже Ярышнина, съ которымъ быть большою пріятель, и въ продолженіе мѣсяца такъ исходялъ и изсохъ, что бытъ похожъ больше на мертвца, нежели на человѣка и даже...

Вирочемъ, все это, что ни описало здѣсь, видѣлось маюру во снѣ. И когда онъ проснулся, то въ такую пріицель радость, что вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ зеркалу и, увидѣвшимъ все на своихъ мѣстахъ, бросился плясать въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ (танецъ, который) составленъ... изъ кадриля и мазурки вмѣстѣ. И когда лакей его Иванъ просунулъ голову въ двери, посмотрѣть, что дѣлаетъ баринъ, онъ закричалъ ему: «Пончель! Чѣмъ тутъ пашель дивнаго?» Черезъ минуту онъ, бросившись и сѣвши на кровать, закричалъ: «Эй, Иванъ!» — «Чего извольте-съ?» — «Чѣмъ не спрашивала ли маюра Ковалева одна дѣвчонка, такая хорошенькая собою?» — «Никакъ нѣть». — «Гм!» сказалъ маюръ Ковалевъ и посмотрѣль, улыбаясь, въ зеркало.

• Передѣльвая повѣсть «Носъ» для первого изданія своихъ

«Сочинений», Гоголь дать ей новое окончаніе. Въ «Современникѣ» Пушкина повѣсть оканчивалась такъ: «Послѣ этого, какъ-то странно и совершенно неизъяснимымъ образомъ случилось, что у маіора Ковалева опять показался на своемъ мѣстѣ носъ. Это случилось уже въ началѣ мая, не помню, 5 или 6 числа. Маіоръ Ковалевъ, проснулся поутру, взялъ зеркало и увидѣлъ, что носъ сидѣлъ уже, гдѣ слѣдуетъ, между двумя щеками. Въ изумлѣніи онъ выронилъ зеркало на полъ и все щупалъ пальцами, дѣйствительно ли это былъ носъ. Но, убѣрившись, что это былъ, точно, не кто другой, какъ онъ самъ, онъ соскочилъ съ кровати въ одной рубашкѣ и началъ плясать по всей комнатѣ какой-то танецъ, составленный изъ мазурки, кадрили и трепака. — Потомъ приказалъ дать себѣ одѣться, умылся, выбрилъ бороду, которая уже отросла-было, такъ-что могла вмѣсто щетки чистить платье, — и чрезъ нѣсколько минутъ видѣли уже коллежскаго ассессора на Невскомъ проспектѣ, весело поглядывающаго на всѣхъ; а многие даже примѣтили его покупавшаго въ Гостиюномъ дворѣ узенькую орденскую ленточку, не извѣстно, для какихъ причинъ, потому что у него не было никакого ордена.

«Чрезвычайно странная исторія! Я совершили ничего не могу понять въ ней. И для чего все это? Къ чему это? Я увѣренъ, что больше половины въ ней неправдоподобнаго. Не можетъ быть, никакимъ образомъ не можетъ быть, чтобы носъ одинъ самъ собоюѣздилъ въ мундирѣ и притомъ еще въ рангѣ статскогосовѣтника! И неужели въ самомъ дѣлѣ Ковалевъ не могъ сmekнуть, что чрезъ газетную экспедицію нельзя объявлять о носѣ? Я здѣсь не въ томъ смыслѣ говорю, чтобы мнѣ казалось дорого заплатить за объявление: это пустяки, и я совсѣмъ не изъ числа корыстолюбивыхъ людей; но неприлично, совсѣмъ неприлично, пейдеть. Несообразность и больше ничего! — И цырюльникъ Иванъ Яковлевичъ вдругъ явился и прошаль, неизвѣстно къ чему, неизвѣстно для чего. — Я, признаюсь, не могу постичь, какъ я могъ написать это? — Да и для меня вообще непонятно, какъ могутъ авторы братъ такого рода сложеты! Къ чему все это ведеть? Для какой цѣли? Что доказываетъ эта повѣсть? Не понимаю, совершили не понимаю. — Положимъ, для фантазіи законъ не писанъ, и притомъ дѣйствительно случается въ свѣтѣ много совершили неизъяснимыхъ проницествий: но какъ здѣсь?.. Отчего носъ Ковалева?.. И зачѣмъ самъ Ковалевъ?.. Нѣть, не понимаю, совсѣмъ не понимаю. Для меня это тантъ необъяснимо, что я... Нѣть, этого нельзѧ понять!»

Во второмъ изданіи «Сочинений Гоголя» (1855 г.) удержаны поправки, сдѣланныя въ повѣсти авторомъ въ 1851 году.

Портрѣтъ. Первая печатная редакція этой повѣсти, появившаяся въ «Арабескахъ» (см. настоящаго изданія томъ IX), передѣлана въ Римѣ въ 1841 году; передѣлка пачата не позже конца марта 1837 года. Пересмотрѣна и вновь исправлена въ началѣ 1842 года и 17 марта этого года отправлена Иллітисеву, который и напечаталъ ее въ «Современникѣ» XXVII т., № 3. Цензурное разрѣшеніе этой книжки журнала помѣщено: «30

июня 1842 г.» Въ 1851 г. авторомъ сдѣланы легкія стилистические поправки для второго изданія его «Сочиненій». **Шинель.** Задумана въ 1834 г. Начата, въ наброскѣ, въ 1839 г.; кончена въ началѣ 1841 г.; отѣлана въ 1842 г. для первого изданія «Сочиненій», въ которомъ и напечатана въ первый разъ. **Ноляска.** Первая редакція набросана въ 1835 г.; отѣлана для Пушкина въ сентябрѣ того же года; напечатана, конечно, съ поправками Гоголя, въ первомъ томѣ «Современника», цензурное разрѣшеніе котораго помѣчено: «31 марта 1836 г.».

Римъ (отрывокъ). С. Т. Аксаковъ, слышавшій этотъ разсказъ въ чтеніи Гоголя въ концѣ 1839 г., называетъ его «итальянской повѣстью» — «Аннуїцата». Разсказъ былъ написанъ въ Римѣ ранѣе сентября того же года; въ концѣ 1841 г. «отрывокъ» отѣланъ былъ для печати и появился въ «Москвитянинѣ» 1842 г., № 3.

Ревизоръ. Начатъ въ 1834 году; сценическій текстъ оконченъ 4 декабря 1835 года; одобренъ къ представлению 2 марта, но авторъ продолжалъ исправлять этотъ текстъ и послѣ цензурного разрѣшенія. На сценѣ Александрийского театра въ Петербургѣ «Ревизоръ» представленъ быть въ первый разъ 19 апрѣля 1836 года въ воскресенье; въ Москвѣ 25 мая того же года — въ Маломъ театрѣ. Одновременно съ постановкою на сцену «Ревизора» Гоголь печаталъ «литературный» текстъ комедіи, во многомъ расходившійся съ «сценическимъ»; онъ вышелъ въ свѣтъ въ апрѣль 1836 г. (цензурное разрѣшеніе помѣчено «13 марта 1836 года»). Съ этого времени до половины июля 1842 года «Ревизоръ» урывками, въ разное время, перерабатывался, пока получилъ тотъ видъ, въ которомъ явился въ третьямъ томѣ первого изданія «Сочиненій Гоголя». Окончательная выработка по本事еннаго здѣсь текста относится къ періоду времени съ марта 1841 г. по 15 июля 1842 г.

Въ одной послѣдней печатной редакціи «Ревизора», сравнительно съ предыдущими, сдѣланы слѣд. передѣлки:

1) Подробно развита заключительная, пѣмая оцена, имѣвшая въ двухъ первыхъ печатныхъ изданіяхъ комедіи такой видъ: «*Весь издаютъ звукъ изумленія и остаются съ открытыми ртами и выпнутыми лицами. Нѣмая сцена. Занавись опускается.*»

2) Во второмъ изданіи «Сочиненій Гоголя» исключены замѣчанія о гостяхъ, принадлежащія, очевидно, автору: «*Гости должны быть разнохарактерны. Они должны быть высокие и низенькие, толстые и тощіе, нечесанные и причесанные. Костюмированы тоже должны быть различно — во фракахъ, венгеркахъ и сюртукахъ разного цвета и покрова. Въ дамскихъ костюмахъ та же нестрота: одни одѣты довольно прилично, даже съ притязаніемъ на моду, но что-нибудь должны имѣть не таѣть, какъ слѣдуетъ: или чепецъ на-бекрень, или ридикюль какой-нибудь странный; другія въ платяхъ, уже совершенно не принадлежащихъ ни къ какой модѣ — съ большими платками и чепчиками въ видѣ сахарной головы и проч.* — Вообще слѣдуетъ обратить вниманіе на цѣлое всей пьесы. Страхъ, испугъ, недо-

умѣніе, сущливость должны разомъ и вдругъ выражаться на всей трупѣ дѣйствующихъ лицъ, выражаться въ каждомъ совершенію особенно, сообразно съ его характеромъ». (Ср. выше, стр. 178).

3) Напечатанныя въ новой редакціи (стр. 195) строки: «Пѣхотный капитанъ» и т. д. замѣняютъ собою слѣдующее мѣсто первыхъ двухъ изданій «Ревизора»: «Пѣхотный капитанъ болыше всего меня поддѣлъ; однакожъ, что ни говори, а удивительно бестія штосы срѣзываєтъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ, и все обобраль. Славно играетъ! Если-бы еще гдѣ-нибудь съ нимъ встрѣтиться! Впрочемъ, какъ же встрѣтиться? на это все нуженья случай. Когда-бы въ самомъ дѣлѣ уже скорѣе доѣхать домой! надоѣло въ дорогѣ! Нарочно такой мерзкій городника: въ другихъ, по крайней мѣрѣ, что-нибудь бываетъ, а здѣсь ничего совершенно нѣтъ. Въ овощенной лавкѣ балыки еще сносные, но проклятые сидѣльцы очень мало даютъ на пробу».

4) Передѣлано слѣдующее мѣсто двухъ первыхъ печатныхъ редакцій комедіи: «Хлестаковъ (испугавшись). Вотъ тебѣ на! Я, ей-Богу, никакъ не думалъ про это... Эка бестія трактирщики! Если въ самомъ дѣлѣ потащить въ тюрьму? Что-жъ? если благороднымъ образомъ, еще ничего, я, пожалуй, пойду... Нѣтъ, что-жъ я говорю: пойду? Тамъ вчера смотрѣли на меня двѣ купеческія дочери, офицеры тоже безпрестанно ходятъ... Нѣтъ, я не соглашусь. Онъ не можетъ сдѣлать этого, или ужъ онъ будетъ послѣ этого такая скотина... Это можно какого-нибудь мышцанина или ремесленника... Нѣтъ, не поддаваться! (Ободряется). Чѣмъ онъ можетъ мнѣ? Я скажу ему: какъ вы!.. Я знать не хочу... (У дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднеетъ).»

5) Слегка измѣнены слѣдующія строки первого и второго изданія «Ревизора»: «Перестань, ты ничего не знаешь, и не въ свое дѣло не мѣшайся!» «Я, Анна Андреевна, вы повѣрите ли, что я потому только ищу руки вашей или вашей дочери, что чувствую сердечную любовь и изумляюсь вашимъ достоинствамъ». Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ... и когда я хотѣла сказать: «мы никогда не смѣемся надѣяться на такую честь, тогда онъ, не говоря ни слова, вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благородѣйшимъ образомъ: «Анна Андреевна! не сдѣлайте меня несчастнѣйшимъ! и если вы не согласитесь отвѣтить моимъ чувствамъ, я смертью окончу жизнь свою». И ниже: «АммосъѲедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе! Лука Лукичъ. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела. Артемій Филипповичъ (въ сторону). Вотъ этакой свиньѣ такъ и лѣзть въ самый ротъ счастье».

Всѣ поправки и передѣлки, давшія въ результатѣ окончательную редакцію «Ревизора», напечатаны Гоголемъ на первое печатное изданіе этой комедіи (1836 г.).

Оглавлениe

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СТР,

Повѣсти.

Носъ	5
Портретъ (въ позднійшой редакціи).	31
Шинель.	87
Коляска.	119
Римъ (отрывокъ).	131

Комедіи.

Ревизоръ	175
Примѣчанія редактора.	257

СОЧИНЕНИЯ Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

РЕДАКЦІЯ
Н. С. Тихонравова.

Съ біографіею Н. В. Гоголя, составленной В. И. Шенрокомъ, двумя портретами Гоголя, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ, двумя автографами и тремя собственноручными рисунками.

— ◊ —
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Съ тремя собственноручными рисунками Гоголя къ послѣдней сценѣ „Ревизора“ и автографомъ.

— ◊ —
Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.
1900.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ КОМЕДИИ „РЕВИЗОРЪ“.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

писаннаго авторомъ вскорѣ послѣ первого представлениія „Ревизора“
къ одному литератору.

...Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно,
такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдѣтъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-
тяжостное облекло меня. Мое же созданіе мнѣ показалось
противно, дико и какъ будто вовсе не мое. Главная роль
пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ,
что такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ
Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевиль-
ныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повергнуться
съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался, просто, обыкно-
веннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ
столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Не-
ужели въ самомъ дѣлѣ не видно изъ самой роли, что такое
Хлестаковъ? Пли мною овладѣла довременно слѣпая гор-
дость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были
такъ слабы, что даже и тѣни, и намека въ немъ не осталось
для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ,
вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ
позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣрить тому,
что говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ: видеть, что
все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ

говорить плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложь, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ такъ близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказаль бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкий, совершенный *comme il faut*, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе не холодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера, т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіономіи — рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче карикатуризть старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертными воротниками; но схватить тѣ черты, которыхъ довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновенного свѣтскаго круга,— дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, повидимому, ничемъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говорить иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькамъ, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ

людяхъ, которые не лишены, между прочимъ, хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякий отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указать кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросанного въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякий хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочеть только признаться; онъ любить даже и посмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подчасъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни, — дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ.

Итакъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ толикихъ разнородныхъ движений, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

Съ самаго начала представлениія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и приемѣ публики я не заботился. Одного только суды изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя я слышалъ упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила по причинамъ, однакожъ, не относящимся къ искусству. Какимъ образомъ бранила, мы обѣ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и не мало смѣшнаго. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирить «Ревизора» городничий. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде, ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло оставаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ, по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о коемъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. Зато оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли, сверхъ ожиданія, дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ, я воображалъ въ нихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, ихъ какъ-нибудь вынесетъ и не такъ обкарекутъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно карикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ, костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ сущности своемъ довольно опрятные, толстенькие, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными машинишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и карикатурна. Я какъ бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобы сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычай, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ моимъ давали не много, я оставилъ ихъ въ покой. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ будто теченіе пьесы, до толѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актер сдѣлалъ мнѣ замѣченіе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая

замѣчаніе довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я, однажоже, не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первый. Но замѣчаніе было сдѣлано: «стало-быть», — сказать я самъ въ себѣ, — «я плохо выполнилъ эту сцену». И точно, теперь, во время представлениія, я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и посигь признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялъся за перерѣлку. Теперь, кажется, вышло немнога сильнѣе, по крайней мѣрѣ, естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу. Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужноѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ. — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи «Ревизора».

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсь закрывается въ какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, какъ будто не кончена. Но я не виновать. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смыняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не должны опускаться занавѣсь, что совершилось все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ называемыя живыя картины. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, чтѣдѣ сколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще другихъ прочихъ увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Несмотря на всѣ эти прочія, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: «нѣтъ, это не свяжетъ нимало, это не унизительно». Пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Галанта не остановятъ указаныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движеть свои волны. И въ данной ему позѣ чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразить всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждого изъ дѣй-

ствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, вслѣдствіе великолѣтности надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его. Особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ и пр., и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь не измѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ оstellenбенѣть одинакимъ образомъ: но они даль въ картинѣ, которая очерчивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимическій продолжить свою роль и, несмотря на то, что, повидимому, показалъ себя балетмейстеру, можетъ всегда оставаться высокимъ актеромъ. Но у меня недостаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними, со всѣми! мнѣ опротивѣла моя пьеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія, далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, прїѣзжайте скорѣе. Я не пойду, не простишись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г., мая 25.
С.-Петербургъ.

II

Две сцены, выключенные и при первомъ изданіи, какъ замедлявшія теченіе пьесы.

I.

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Но, я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза...

Анна Андреевна. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выши-

сывала все платье изъ Москвы, — бывало, мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: «Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откроите мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза, просто, говорятъ...» И всѣ, бывало, въ одинъ голосъ: «Съ вами, Анна Андреевна, довольно побывать минуту, чтобы отъ вашей любезности по-забыть всѣ обстоятельства». А стоявший въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ? Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ, что ли? Красавецъ! Лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю чтѣ; глаза черные-черные, а воротнички рубашки его—это батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: «Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, не начитывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, чтѣ со мною дѣлается, когда гляжу на васъ...» На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, тонко, не больше какъ въ палецъ — это, просто, было обвороженіе! Такъ говорить бывало: «Я, Анна Андреевна, такое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце»; говорить... Я ужъ не могу теперь припомнить, чтѣ онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію: хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

Марья Антоновна. Я не знаю, маменька,—мнѣ, однажды, кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

Анна Андреевна. Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Чтѣ вздоръ, то вздоръ.

Марья Антоновна. Нѣть, право, маменька; когда вы этакъ говорите, или сидите въ профиля, у васъ губы все...

Анна Андреевна. Пожалуйста, не толкай пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошие глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ, того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ одѣтыми Богъ знаетъ какъ. (*Поспѣшино уходитъ; за ней Марья Антоновна*).

II.

Хлестаковъ и Растваковскій (въ скатерининскомъ мундирѣ съ экипажемъ).

Растваковскій. Имѣю честь рекомендоваться — житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-маіоръ Растваковскій.

Хлестаковъ. А, прошу покориѣйше садиться; очень радъ. Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

Растваковскій (*сълѣд.*). А, такъ вы изволили знать Задунайскаго?

Хлестаковъ. Какого Задунайскаго?

Растваковскій. Графа Румянцова-Задунайскаго. Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

Хлестаковъ. Да... такъ вы служили давно?..

Растваковскій. Находился во время осады подъ Спилстріей, въ 1773 году. Очень жаркое было дѣло. Турукъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-маіоръ былъ въ нашемъ полку — не изволите ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

Хлестаковъ. Гвоздевъ? Какой это?

Растваковскій. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

Хлестаковъ. Нѣтъ, не знаю.

Растваковскій. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, чтѣ вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

Хлестаковъ. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

Растваковскій. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ турукъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда французы подступали подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-маіоромъ Фиктель-Кнабе, иѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генераль-аншефъ тогдашній. Потемкинъ, вѣдѣтъ, переименовать: «Ты, — говорить, не Сихфридъ, а Супъ, — такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ». И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ.

Такъ этотъ Сунгъ Ивановичъ и секундъ-маюровъ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражомъ. Къ пимъ былъ прикомандированъ я и еще квартирмистръ, если изволите знать, Тренакинъ, Автономъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

Хлестаковъ. Тренакинъ? нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ...

Растаковскій (*не слушая*). Видный мужчина: русый волосъ, золотой эксельбантъ. Ловко танцевать польский. Хлопнетъ, бывало, рукою и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки... хе - хе - хе... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку... хе - хе - хе... тамъ ужъ сидить, и на утро денщикъ выводитъ, какъ будто драгуна, въ треугольной шляпѣ... хе-хе-хе... и портупея виситъ, хе-хе-хе...

Хлестаковъ. Да это подобная исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полка, и говоритъ... (*Останавливается и смотритъ, между тѣмъ, пристально въ глаза Растаковскому*). Послушайте, однажды, не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

Растаковскій. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца или гвардеецъ у чиновника?

Хлестаковъ. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобы послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

Растаковскій. Такъ это вамъ нужны деньги? Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны, пришелъ беспокоить преубѣдительнѣйшего просьбою.

Хлестаковъ. А что, о чёмъ?

Растаковскій. Долженъ получить прибавочнаго пенсіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Растаковскій. Я самъ подавать просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

Хлестаковъ. А какъ давно вы подавали просьбу?

Растаковскій. Да если сказать правду, не такъ и давно,—

въ 1801 году; да воть ужъ тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ чрезъ Сосулькина, Ивана Петровича, который Ѳхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ-то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ-то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже немного и ждать остается: тридцать лѣтъ прошло, стало-быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

Хлестаковъ. Да, натурально, теперь рѣшать скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны... хорошо, хорошо.

III.

Сцены первого изданія „Ревизора“, передѣланныя авторомъ для изданія комедіи (въ 1842 году).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНИЕ I.

Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ препріятное извѣстіе. Меня увѣдомляютъ, что отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ нашей губерніи все относящееся по части гражданскаго управлѣнія.

Аммосъ Федоровичъ. Чѣмъ вы говорите! изъ Петербурга?

Артемій Филипповичъ (въ испутъ). Съ секретнымъ предписаніемъ?

Лука Лукичъ (въ испутъ). Инкогнито?

Городничій. Я, признаюсь вамъ откровенно, очень потревожился. Такъ, какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенные крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (бормочетъ впололоса, проблагая скоро излами)... «и увѣдомить тебя». А! вотъ: «Спѣшу, между про-

чимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ. (Значительно поднимаетъ палецъ вверхъ). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляеть себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всяkimъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, чтѣ плыветъ въ руки...» (остановясь) Ну, здѣсь свои... «то совсѣмъ тебѣ взять предосторожность, ибо онъ можетъ пріѣхать во всякой чась, если только уже не пріѣхалъ и не живеть гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня я...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее, и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство.

Аммосъ Федоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайное происшествіе.

Лука Лукичъ. Скажите, пожалуйста, Антонъ Антоновичъ, отчего это? Зачѣмъ же къ намъ ревизоръ? Вѣдь нашъ городъ уже, кажется, такъ далеко отъ всего, что о немъ бы и заботиться нечего.

Городничій (*испуская вздохъ*). Говорите же вы! до сего днѧшняго дня Богъ миловалъ. Случалось, правда, по газетамъ слышать, что въ такомъ-то мѣстѣ того-то посадили за взятки, того-то отдали подъ судъ за потворство и воровство или за подлогъ; но все это случалось, благодареніе Богу, въ другихъ мѣстахъ, а къ намъ до сихъ поръ никакихъ ни ревизовокъ, ни ревизоровъ... ничего не было.

Аммосъ Федоровичъ. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ, Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Нѣтъ, Аммосъ Федоровичъ. Вы хотя и учелый человѣкъ, но не туда попали. Гдѣ нашему уѣздному городишку? Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить; а то стонть чортъ знаетъ гдѣ—въ глухи... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не добѣшь.

Аммосъ Федоровичъ. Нѣтъ, я вамъ скажу, начальство имѣть тонкіе виды: даромъ что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усть.

Городничий (зажмувъ рукої). Ну... васъ, я знаю, не переговоришъ. Я, господа, собралъ васъ нарочно... По своей части, то-есть въ отношении устройства городового и полиціи, я уже кое-какъ распорядился, совѣтуя и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ. Безъ сомнѣнія, проѣзжайшій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть подвѣдомственный вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему въ будни; и тамъ, какъ слѣдуетъ, надписать предъ каждою кроватью по-латыни или на другомъ какомъ языкѣ... какъ признается нужно—это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ—всякую болѣзнь, когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа, какъ найдете лучше. (*Помолчавъ и покачавъ головою*). У васъ больные такой крѣпкой табакъ курятъ, что всегда распихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бъ ихъ было меньше, потому что сейчасъ отнесутъ или къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

Артемій Филипповичъ. Насчетъ этого мы уже съ Христіаномъ Ивановичемъ распорядились, какъ нужно. Все зависитъ отъ образа лѣченія: я полагаю, что чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше. Да и самомъ дѣлѣ, зачѣмъ убыточиться и выписывать дорогія лѣкарства для какого-нибудь инвалида?.. Человѣкъ простой, если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Притомъ и Христіану Ивановичу очень затруднительно было бъ съ ними изъясняться, потому что онъ не знаетъ по-русски. Лучше же сберегу я казенный интересъ и уменьшениемъ расходовъ увеличу сумму. Тогда и начальство, видя мое усердіе, безъ сомнѣнія, представить меня къ отлигчю въ поощреніе прочимъ (*обращаясь къ Христіану Ивановичу*), то-есть я разумѣю, что при этомъ и вамъ будетъ какое-нибудь благоволеніе.

Христіанъ Ивановичъ издастъ звукъ, отчасти похожій на букву и и несколько на е.

Городничий. Вамъ тоже посовѣтовать бы, Аммосъ Федоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленьками гусенками, которые такъ и пишутъ подъ ногами. Оно, конечно,

домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально,—и почему жъ сторожу и не завесть его?—только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и наль самыи шкапомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту; но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, вы, пожалуй, опять его можете повѣсить. Так же засѣдатель вашъ... онъ, можетъ-быть, очень хороший человѣкъ и свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, но отъ него, знаете, такой запахъ, какъ будто бъ онъ только-что вышелъ изъ винокуренаго завода,—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно обѣ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню, чѣмъ-то развлечень. Есть такія средства, которыя могутъ это нѣсколько исправить, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ. Можно ему посовѣтовать юстицъ лукъ, или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными средствами или медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христіанъ Ивановичъ издастъ тотъ же звукъ.

Аммосъ Федоровичъ. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, точно, что какъ-то въ дѣствіи мамка его ушибла, и съ того времени отъ него отдается немногого водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что называется въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить, потому что нѣть человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорить.

Аммосъ Федоровичъ. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. У меня если есть грѣшки, то самые невинные! Вѣдь я, какъ вамъ известно, беру взятки борзыми щенками.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

Аммосъ Федоровичъ. Э, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ, это совсѣмъ не то. Вотъ у васъ, напримѣръ: шуба стоять пятьсотъ рублей, да...

Городничій. Ну, а чѣмъ изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣрюете, вы въ церковь никогда не ходите; а я, по крайней мѣрѣ, въ вѣрѣ

тврдъ и каждое воскресене бываю въ церкви. А вы... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи мра, то просто волосы дыбомъ поднимаются.

Аммосъ Федоровичъ. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ этомъ случаѣ Богъ знаетъ: ежели слишкомъ много ума, то бываетъ иной разъ хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ обѣ уѣздномъ судѣ; а оно врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, Самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться, особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, вотъ этотъ, что имѣть толстое лицо... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись, чтобы, взошедші на каѳедру, не сдѣлать гримасу — вотъ такъ (*дѣлаетъ гримасу*). И потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ-быть, оно тамъ и нужно такъ, — обѣ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это постыдителю — это можетъ быть очень худо. Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Ахъ, Боже мой! У меня совершенно изъ ума вышло.

Городничій. То же я долженъ замѣтить и обѣ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова — это видно, и свѣдѣшій нахваталь тьму, но только объясняеть съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣстъ говорилъ обѣ ассирианахъ и вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ. Ей-Богу! Сѣжалъ съ каѳедры и, что силы есть, хватъ стуломъ обѣ - полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убыточъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ; я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Право, я не знаю, что и дѣлать съ нимъ...

Городничій. Да. Таковъ уже неизъяснимый законъ судебъ, что умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую состроить, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Эко, право, хлопотливое дѣло.

Городничій. Это бы еще ничего — хлопоты; худо, что не знаешь, съ которой стороны ожидать его, когда и въ какое время. Иногда проклятое — вотъ что смущаетъ! Вдругъ заглянуть: «а! вы здѣсь, голубчики! А кто, скажетъ, здѣсь судья? Ляпкинъ-Тяпкинъ. — А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Землянику! Вотъ что худо.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Городничій. Здравствуйте, Иванъ Кузьмичъ! Я нарочно послалъ за вами съ тѣмъ, чтобы сообщить очень важную новость.

Почтмейстеръ. Я слышалъ уже отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну, чтѣ? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? Война съ турками будетъ.

Аммосъ Федоровичъ. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Нѣть, нѣть! совсѣмъ не то.

Почтмейстеръ. Право, война съ турками. Это все французъ гадитъ.

Городничій. Какая тутъ война съ турками! Гдѣ тутъ турки? Тутъ просто намъ плохо будетъ, а не туркамъ. Это уже известно: меняувѣдомляетъ достовѣрный человѣкъ, что именно ѳдетъ чиновникъ съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть въ нашемъ городе все гражданское устройство.

Почтмейстеръ. А, можетъ быть, очень можетъ быть, — и это правда.

Городничій. Ну, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ, а меня даже немного по кожѣ подираетъ.

Почтмейстеръ. Да я и самъ чувствую... а вы очень боитесь?..

Городничій. Чего жъ бояться! боиznи нѣть, а такъ какъ-то неловко... больше со стороны куничества и гражданства

здѣшняго. Я, признаться сказать, имъ немножко солено пришелся. Они на меня какъ коршуны... такъ бы всего и растрепали, только перья полетѣть во всѣ стороны. Пожалуйте сюда [Иванъ Кузьмичъ], я вамъ кое-что скажу. (*Отводитъ его въ сторону*). Вотъ въ чемъ дѣло: можетъ-быть, онъ, если не прѣхалъ, то находится близко отсюда. Я, признаюсь вамъ, имѣю основательныя причины думать, не жаловался ли кто-нибудь на меня. Отчего жъ такая напасть на нашъ городъ? Да притомъ еще инкогнито? Чортъ знаетъ, что такое: инкогнито! Вѣдь начальство жъ есть въ городѣ, къ чemu жъ тутъ инкогнито? Такъ вамъ нужно, Иванъ Кузьмичъ, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать. Для этого снять какъ-нибудь изъ глины слѣпокъ; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстеръ. Знаю, знаю... Я это дѣлаю и безъ того: не то чтобы изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, ибо, признаюсь, очень люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это весьма интересное чтеніе! иное письмо съ большимъ удовольствиемъ прочтены: такъ хорошо описываются разные этакіе пассажи... назидательные даже! лучше нежели въ *Московскихъ Вѣdomостяхъ*. А вы никогда не читали?

Городничій. Нѣть, не читалъ; я, однакоже, радъ, что вы это дѣлаете. Это въ жизни хорошо. Скажите: тамъ вы до сихъ поръ ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновнику изъ Петербурга?

Почтмейстеръ. О петербургскомъ ничего нѣть; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы никогда не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно читалъ я: одинъ поручикъ пишетъ къ одному пріятелю своему и описалъ балъ и жизнь свою съ такимъ искусствомъ... очень хорошо. «Я провожу, говоритъ, время съ крайнимъ удовольствиемъ; барышень, говоритъ, много, музыка играеть, штандартъ скачеть...» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Вотъ, если хотите, я вамъ ламъ его прочесть. Я нарочно оставилъ его у себя.

Городничий. Покорнейше благодарю. Теперь, право, мнѣ не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: какъ только получите какое-нибудь извѣстіе, то сейчасъ же его ко мнѣ; а если жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтмайстеръ. Съ большимъ удовольствіемъ.

Аммосъ Федоровичъ. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтмайстеръ. Ахъ, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейственное.

Аммосъ Федоровичъ. Эко, въ самомъ дѣлѣ, какое непредвидимое извѣстіе! А я, признаюсь, шель-было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонко. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. У меня завели тяжбу два помѣщика-сосѣда, и я теперь травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

Городничий. Богъ съ ними теперь, со всякими зайцами! У меня въ ушахъ только и слышно, что инкогнито проклятое. Такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ...

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Бобчинскій и Добчинскій, оба входятъ запыхавшись.

Бобчинскій. Чрезвычайное происшествіе!

Добчинскій. Неожиданное извѣстіе!

Всѣ. Чѣ? чѣ? такое?

Добчинскій. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостиницу...

Бобчинскій (*перебивая*). Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостиницу...

Добчинскій (*перебивая*). Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я расскажу.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я... позвольте, позвольте... вы ужъ и слога такого не имѣете...

Добчинскій. А вы не помните всѣхъ обстоятельствъ; вы сейчасъ собьетесь.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, помню. Ей-Богу, помню! Ужъ не мѣшайте,—пусть я расскажу. Не мѣшайте!. Скажите, го-

спода, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

Городничій. Да что такое? говорите, ради Бога, что такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! сдѣлайте милость, садитесь! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулья. (*Всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что такое?

Бобчинскій. Позвольте, я сейчасъ — по порядку. Какъ только вышелъ я отъ васъ... Э, не мѣшайте, Петръ Ивановичъ! не говорите ужъ ничего, сдѣлайте милость, я ужъ самъ знаю!... Какъ только вышелъ я отъ васъ, то побѣжалъ тотчасъ къ Коробкину, а не заставши Коробкина дома, заворотилъ къ Ростановскому; а не заставши Ростановского, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ...

Добчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

Бобчинскій. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Слышили ли вы, говорю я Петру Ивановичу, о той новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма. А Петръ Ивановичъ уже услышали обѣ этомъ отъ ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

Добчинскій. За боченкомъ для французской водки.

Бобчинскій. За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пошли съ Петромъ Ивановичемъ къ Почечуеву... Э, сдѣлайте одолженіе, Петръ Ивановичъ, не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говорить мнѣ: сегодня, я знаю, привезли въ трактиръ свѣжей семги, такъ пойдемъ — закусимъ. Только-что мы въ гостиницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ...

Добчинскій (перебивая). Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ...

Бобчинскій. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходить по комнатѣ, и въ лицѣ такое разсужденіе и физіономія... такие важные поступки, и такъ здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я такъ, какъ будто предчувствовалъ, и говорю себѣ: здѣсь что-нибудь да не даромъ. А Петръ Ивановичъ тотчасъ мигнули пальцемъ и подозвали трактирица, — трактирица Власа: у него

жена три недѣли назадъ тому родила, и такой хорошій мальчикъ,—большія подасть надежды; современемъ такъ же, какъ отецъ, будетъ содергать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ спросилъ потихоньку: кто такой этотъ молодой человѣкъ? а Власъ говоритъ: это, говорить... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста не перебивайте! Вы не разскажете, ей-Богу, не разскажете! вы немножко шепе-ляете; у васъ, я знаю, одинъ зубъ со свистомъ. Это, го-ворить, молодой человѣкъ, чиновникъ, ѿдущій изъ Петер-бурга: Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѿдеть въ Са-ратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя отве-стуетъ: большие полуторы недѣли живеть, дальше не ѿдеть, забираетъ все на счетъ, и денегъ хоть бы копейку запла-тиль. Меня въ одну минуту такъ и вразумило. Э! говорю я Петру Ивановичу...

Добчинскій. Нѣть, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ: Э!..

Бобчинскій. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. Э! сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ, съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежить Богъ знаетъ куда: въ Саратовскую губернію! Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ.

Городничій. Чѣмъ вы говорите! Не можетъ быть. (*Придви-гаетъ поближе стулъ*). Да нѣть, это вамъ такъ показалось:— это кто-нибудь другой.

Добчинскій. Помилуйте, какъ не онъ: и денегъ не платить, и не ѿдеть! Кому же бѣть быть, какъ не ему? И съ какой стати жиль бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ.

Бобчинскій. Онъ, онъ, ей-Богу, онъ... Я ставлю Богъ знаетъ чѣмъ... Такой наблюдательный: все обсмотрѣль и по угламъ вездѣ, и даже заглянуль въ наши тарелки, полюбо-пытствовать, чтѣ ѿдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани!

Городничій. Ахъ, Боже мой! помилуй насть грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живеть?

Добчинскій. Въ 5-мъ №, подъ лѣстницей.

Бобчинскій. Въ томъ самомъ номерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

Городничій. И давно онъ ужъ здѣсь?

Добчинскій. Ужъ будетъ полторы недѣли. Пріѣхалъ на Василья Египтина.

Городничій. Полторы недѣли! что вы! (*Въ сторону*). Ай-ай-ай (*почесывая ухо*), въ эти полторы недѣли высѣчена почти напрасно унтеръ-офицерская жена! Боже мой! въ эти полторы недѣли арестантамъ никакой провизіи не выдавали. На улицахъ кабакъ, нечистота. О, Боже мой, Боже мой!... (*Хватается за голову*).

Артемій Филипповичъ. Миѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, намъ теперь поскорѣй одѣться въ мундиры, и сей же часъѣхать прямо къ нему въ гостиницу.

Аммосъ Федоровичъ. А я полагаю, Антонъ Антоновичъ, что нужно больше параду. Нужно пригласить купечество, впередь пустить голову: онъ человѣкъ видный. Не дурно бы тоже и священство. Это имѣть глубокое и таинственное значеніе, вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Иоанна Массона...

Городничій. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому это обѣлатъ. (*Обращаясь къ Бобчинскому*). Вы говорите, что онъ человѣкъ молодой?

Бобчинскій. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

Городничій. Ну, это хорошо, что молодой человѣкъ. Мы вотъ какъ сдѣляемъ: вы теперь приготовляйте каждый по своей части наскоро, чтò можете, къ принятію, а я отправлюсь самъ, или вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, такъ, какъ бы просто для прогулки,—будто бы наѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе какихъ-нибудь недостатковъ или непріятностей. А вамъ совѣтую сей же часъ воспользоваться временемъ. Эй, Свистуновъ!

Свистуновъ. Что угодно?

Городничій. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ... или, нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда.

(*Квартальный бѣжитъ впопыхахъ*).

Артемій Филипповичъ. Идемъ, идемъ, Аммосъ Федоровичъ! Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

Аммосъ Федоровичъ. Да вамъ-то еще ничего: у васъ все въ исправности.

Артемій Филипповичъ. Кой чортъ въ исправности! Плохо, чрезвычайно плохо. Для больныхъ сегодня и на кухнѣ ничего не готовилось.

(*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель*

училищъ и почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ стоятъ съ возвращающимся квартиральнымъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ V.

Хлестаковъ (одинъ). Это скверно, однажды, если онъ со-
всѣмъ ничего не дастъ єсть. Такъ хочется, какъ еще ни-
когда не хотѣлось. Развѣ изъ платья что-нибудь пустить въ
обороть? Нѣть, не хочу; лучше немногого нюхоладу, да, по
крайней мѣрѣ, пріѣду домой въ петербургскомъ костюмѣ.
Жаль, что Іохимъ не далъ напрокатъ кареты, а хорошо бы
пріѣхать домой въ каретѣ. Очень бы недурно подкатить къ
какому-нибудь сосѣду-помѣщику съ фонарями подъ крыльцо,
а Осипа сзади одѣть въ ливрею. Какъ бы переполошились
всѣ: кто такой, что такое? а лакей входитъ: «Иванъ Але-
ксандровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажете при-
нять?» Они, пентюхи, и не знаютъ, что такое значить «при-
кажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь-
помѣщикъ, то въ ту же минуту вылезть изъ брички, и, не
говоря ни слова, такъ прямо медвѣдь и валится въ гости-
ную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенъкой подойдешь: «Су-
дарыня, какъ я...» Тыфу (*плюетъ*), даже тошнить, какъ єсть
хочется.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Хлестаковъ, Городничій и Добчинскій. (*Городничій, вошедъ, останавливаетъ. Оба въ испугѣ смотрятъ чѣмъ-то минутъ одинъ на друго-го, выпучивъ глаза.*)

**Городничій (немного оправившись и протянувъ руки по-
швамъ).** Желаю здравствовать.

Хлестаковъ (кланяется). Мое почтеніе...

Городничій. Извините.

Хлестаковъ. Ничего.

Городничій. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣш-
ня города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и
всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій...

Хлестаковъ (сначала немного заикается, но къ концу рѣчи

говоритъ громко). Да чтò жъ дѣлать!.. я не виноватъ!.. Я, право, заплачу... Мнѣ приплють изъ деревни. (Бобчинскій выглядываетъ изъ дверей). Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ... онъ, чортъ знаетъ, чего плеснуль туда: я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ... Чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что жъ я?.. Вотъ новость!

Городничій (робя). Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорские купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. Позвольте мнѣ предложить вамъ перѣѣхать со мною на другую квартиру.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу; я знаю, что значитъ на другую квартиру, то-есть въ тюрьму. Зачѣмъ же меня... Вы не имѣете права... Я покажу вамъ подорожную... Я чиновникъ, ѿду въ собственную мою деревню, въ Саратовскую губернію, служу по министерству... Вы не смѣете... я буду жаловаться.

Городничій (въ сторону). О, Боже мой! Все, все узналъ... Какой сердитый! Все рассказали проклятые купцы.

Хлестаковъ (храбрясь). Да какъ вы смѣете!.. Меня самъ министръ знать... Нѣтъ, не пойду! Ей-Богу, не пойду, хоть вы со всей своей командой... (Въ сторону). Не поддаваться! право, не поддаваться! и если что-нибудь... то... (Берегтъ сзади рукою бутылку).

Городничій (вытянувшись и дрожа всемъ тѣломъ). Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькия... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка.

Хлестаковъ. Нѣтъ, я не хочу. Вотъ еще! мнѣ какое дѣло! Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ ити въ тюрьму, — вотъ прекрасно! (Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугъ прячется). Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу.

Городничій (дрожа). По неопытности, ей-Богу, по неопытности! Недостаточность состоянія... Казенаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если жъ и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару штакъ. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся куничествомъ, которую я будто бы высѣкъ, то

это клевета, ей-Богу, клевета! Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаковъ. Да... конечно... (*Въ размышилениі*). Я не знаю, однаждохъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ?.. Я не знакомъ съ нею. Да мнѣ и дѣла нѣтъ къ ней. Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь. До этого вамъ далеко... я заплачу вамъ деньги; у меня только теперь нѣтъ. Я по-тому и сижу здѣсь такъ долго, что ни копѣйки нѣтъ денегъ.

Городничій (*въ сторону*). О, тонкая штука! Экъ куда метнуль! Какого туману напустилъ! Разбери, кто хочетъ. Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Попробовать развѣ на-авось? (*Вслухъ*). Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чёмъ другомъ, то я готовъ служить сю минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

Хлестаковъ. Такъ вы даете мнѣ взаймы?.. О, если такъ, то я сейчасъ готовъ расплатиться: мнѣ бы двѣсти рублей, раздѣлаться только съ трактирщикомъ, а тамъ я, какъ только въ деревню, сей же часъ и возвращу вамъ... это вдругъ.

Городничій. Помилуйте! я готовъ ожидать, сколько угодно. Какъ можно, чтобы я осмѣлился назначить срокъ. Вотъ тутъ ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаковъ (*принимая деньги*). Покорнѣйше благодарю; я вамъ очень благодаренъ. Меня, признаюсь, это чрезвычайно поощрило; у меня ужъ ни копѣйки не было. Вы, какъ я вижу теперь, очень благородный человѣкъ, а прежде я думалъ... (*Кладетъ ихъ въ карманъ*).

Городничій (*въ сторону*). Ну, слава Богу! по крайней мѣрѣ деньги взялъ. Теперь дѣло, можетъ-быть, на ладъ пойдетъ. Я таки ему, вмѣсто двухсотъ, четыреста ввернуль.

Хлестаковъ. Эй, Осипъ! (*Осипъ входитъ*). Позови сюда трактирного слугу! (*Къ городничему и Добчинскому*). А что жъ вы стоите? Сдѣлайте милость, садитесь. (*Добчинскому*). Садитесь, прошу покорнѣйше.

Городничій. Ничего, мы и такъ постоимъ.

Хлестаковъ. Садитесь, пожалуйста, я васъ пропусти! (*Добчинскому*). Садитесь. (*Городничий и Добчинский садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь*).

Городничій (*въ сторону*). Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ

и мы турсы: прикинемся, какъ будто совсѣмъ и не знаемъ, что онъ за человѣкъ. (*Вслухъ*). Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли нарочно въ гостиницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ; но я, я, кромѣ должности, еще, по христіанскому человѣколюбію, хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший пріемъ, и вотъ, въ награду за ревностную службу, случай доставилъ такое пріятное знакомство съ вами.

Хлестаковъ. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

Городничій (*въ сторону*). Да, рассказывай себѣ! (*Вслухъ*). Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣстаѣхать изволите?

Хлестаковъ. Яѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

Городничій (*въ сторону, съ лицомъ, принимающимъironicheskoe vyrazhenie*). Въ Саратовскую губернію! О, да ты штука! (*Вслухъ*). Да, пріятная прогулка для ума и сердца. Въ дорогѣ способности хорошо развиваются... И вы, вѣрно, такъ только по своей охотѣѣдете туда, для своего удовольствія?

Хлестаковъ. Нѣть, батюшка меня требуетъ; а мнѣ, признаюсь, въ Петербургѣ лучше бы...

Городничій (*въ сторону*). Батюшка требуетъ... А? Экія пули отливаются! А вѣдь какой маленький... (*Вслухъ*). И на долгое время изволитеѣхать туда?

Хлестаковъ. Не знаю. Мнѣ не хотѣлось бы жить съ музыками; помѣщики тоже не имѣютъ образованности; однажды, отставку подаль.

Городничій (*въ сторону*). И въ отставку подаль! Каково подвертываетъ! (*Вслухъ*). И прекрасно дѣлаете. Чѣмъ служба? Однѣ хлопоты: ночь не спишь—стараешься для отечества, не жалѣшь ничего, а награда неизвѣстно еще, когда будетъ. (*Окидываетъ глазами комнату*). Какія большія пятна по угламъ! Должно-быть, течь и сырость бываетъ; и стѣны тоже ужъ слишкомъ низенькия... Мнѣ кажется, эта комната для васъ не слишкомъ удобна.

Хлестаковъ. Скверная комната, и клопы такие, какихъ я еще нигдѣ не видывалъ: такъ, какъ собаки, канальи, кусаются.

Городничій. Скажите! Такой просвѣщенный гость, и претерпѣваетъ такое неудовольствіе отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтѣ не слѣдовало родиться! Мнѣ кажется, сколько на мои слабые глаза, или это мухи обпачкали, какъ будто бы даже темно въ этой комнатѣ.

Хлестаковъ. Да, совсѣмъ темно, и хозяинъ завель обыкновеніе не отпускаетъ совсѣмъ свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать—почитать, или такъ придетъ фантазія сочинить что-нибудь; но не можно, потому что вовсе темно.

Городничій. Осмѣлюсь ли просить васъ объ одномъ наивеличайшемъ одолженіи, котораго, безъ сомнѣнія, можетъ-быть, я даже не достоинъ.

Хлестаковъ. А чѣмъ?

Городничій. Я бы дерзнулъ попросить васъ перенѣхать ко мнѣ на дому: у меня есть въ домѣ для васъ очень удобная комната.

Хлестаковъ (*въ размышиленіи*). Какъ, то-есть, къ вамъ?.. Да у васъ какая комната?

Городничій. Прекрасная комната, и столъ тоже вы будете у меня имѣть—хоть не столичный, но хорошій столъ; припасы свѣжіе, не такие, какіе отпускаютъ въ трактирѣ за деньги. Не откажите! а я ужъ такъ радъ буду гостю... У меня такой правъ: гостепріимство съ самаго дѣтства; все, чтѣ ни есть, готовъ предложить; особенно если еще притомъ гость такой просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести. Нѣтъ, не имѣю этого порока: отъ полноты души выражаясь.

Хлестаковъ. Покорно благодарю васъ. Мнѣ тоже вы очень понравились.

ЯВЛЕНИЕ X.

Городничій, Хлестаковъ, Добчинскій.

Городничій. Не угодно ли будетъ вамъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то богоугодныя и другія?

Хлестаковъ. А чѣмъ тамъ такое?

Городничій. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... Знаете, это для наблюдательнаго ума хорошо; тутъ можно много полезнаго вывести.

Хлестаковъ. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. (*Бобчинский выставляетъ голову въ дверь*).

Городничій. Так же, если будетъ ваше желаніе, отгуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

Хлестаковъ. Извольте, извольте.

Городничій. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрмы,—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

Хлестаковъ. Да, тюрмы... нѣтъ, лучше я посмотрю богоугодныя заведенія.

Городничій. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ свою экипажъ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

Хлестаковъ. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

Городничій (*Добчинскому*). Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

Добчинскій. Ничего, я такъ.

Городничій. Вы побѣгите нѣсколько ко мнѣ и скажите женѣ моей... или, лучше, я дамъ вамъ записочку. (*Хлестакову*). Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобы она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя.

Хлестаковъ. Зачѣмъ беспокоиться? Впрочемъ, извольте, напишите: вотъ тутъ и чернила, только бумаги... не знаю... развѣ на этомъ счетѣ.

Городничій. Я здѣсь напишу. (*Пишетъ и отдастъ Добчинскому, который подходитъ къ двери; но въ это время дверь обрывается, и подслушавшій съ другой стороны Бобчинский лепитъ вмѣсть съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается*).

Хлестаковъ. Чѣмъ не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

Бобчинскій. Ничего, ничего; только сверхъ носа небольшая нашлѣпка. Я забѣгу къ Христіану Ивановичу, онъ дастъ мнѣ пластиря, и все пройдетъ.

Городничій (*дѣлая Бобчинскому укорителльный знакъ, Хлестакову*). Прошу покорнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. (*Осипу*). Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ вся-

кій покажеть. Прошу покорнѣйше! (*Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ, но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому*). Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! и растянулся, какъ чортъ знаетъ что такое! (*Уходитъ, за нимъ Бобчинскій; занавѣсь опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничій. Осмѣлюсь представить вамъ семейство мое: жена и дочь.

Хлестаковъ (*раскланиваясь*). Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю удовольствіе васъ видѣть.

Анна Андреевна. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

Хлестаковъ (*рисуясь*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

Анна Андреевна. Прошу покорно садиться.

Хлестаковъ. Возлѣ васъ стоять уже есть счастіе; впрочемъ, если вы такъ уже непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что, наконецъ, сижу возлѣ васъ.

Анна Андреевна. Помилуйте! я никакъ не смѣю на свой счетъ... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

Хлестаковъ. Чрезвычайно непріятна. Знаете, сдѣлавши привычку жить въ свѣтѣ, пользоваться всѣми удобствами, и вдругъ, послѣ этого, въ какой-нибудь дорогѣ... не встрѣтившись съ образованнѣмъ человѣкомъ, съ которымъ бы можно поговорить о чѣмъ-нибудь; станціонные смотрители чрезвычайные невѣжи и совершенно безъ воспитанія... Если бъ, признаюсь, не такой случай, какъ теперь, который меня вознаградилъ совершенно (*посматривая на Анну Андреевну*), то я совсѣмъ не нашелся бы.

Анна Андреевна. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно.

Хлестаковъ. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

Анна Андреевна. Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаковъ. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, очень заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу въ деревнѣ...

Хлестаковъ. Да, конечно; впрочемъ, деревня тоже имѣеть пріятности: ручейки, хижинки, зефиры!.. Я, сударыня, служу въ Петербургъ съ большою выгодою. Это правда, что на мнѣ небольшой чинъ: ужъ никакъ не больше коллежскаго ассессора, даже немножко меныше; но за то меня вся канцелярія знаетъ, и начальникъ отдѣленія совершенно со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударить по плечу: «приходи, братецъ, обѣдать». Правду сказать, я ужъ зато и дѣлаю много. Вы, можетъ-быть, думаете, что я принадлежу къ тѣмъ, которые только переписываютъ бумаги,—о, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я только приду и скажу: это вотъ такъ, это вотъ такъ,—а тамъ уже чиновникъ для письма сю минуту перомъ: тр... тр... такъ это все скоро. Миѣ тамъ ужъ и кресло стоитъ особенно, какъ будто столонаачальному,—право. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ, говорить, сапоги почищу». (*Городничему*). Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

Вмѣстѣ | Городничій. Чинъ такой, что еще можно постоять.

| Артемій Филипповичъ. Мы постоимъ

| Лука Лукичъ. Не извольте беспокоиться.

Хлестаковъ. Безъ чиновъ, прошу садиться. (*Городничий и всѣ садятся*). Да. Тамъ изъ нашихъ чиновниковъ никто такъ не одѣвается. Платы заказываю Ручу, триста рублей за пару. И если этакъ куда иду, то всѣ говорять: «вонъ, говорять, Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ, когда я шелъ пѣшкомъ, меня приняли даже за турецкаго посланника,—право; и удивительно то, что на мнѣ даже не было военнай шинели. Всѣ солдаты выскочили изъ гаултвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ уже офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говорить мнѣ: «ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за турецкаго посланника».

Анна Андреевна. Скажите, какъ?

Хлестаковъ. Да меня уже вездѣ знаютъ. Я на всѣхъ гуляньяхъ бываю; въ театрѣ... съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже литературою занимаюсь. На сцену

разные водевильчики даю, и довольно, знаете, этакъ удачно. Литераторовъ часто вижу. У меня тоже обѣдаютъ нѣкоторые. Хорошенькая у меня очень квартирка; я плачу восемьсотъ рублей: три комнаты, на улицу окна.

Анна Андреевна. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

Хлестаковъ. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ, впрочемъ, много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Сумбека... Вотъ и Фенелла тоже мое сочиненіе. И все это такъ, по слушаю: я даже не хотѣлъ ихъ, признаюсь, писать, но театральная дирекція говорить: «пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думалъ себѣ: «пожалуй, изволь, братецъ!» И тутъ же въ одинъ вечеръ написать. Да и въ журналы помѣщаю сочиненія: въ *Московскомъ Телеграфѣ* и въ *Библиотекѣ для чтенія*. Вотъ эти всѣ статьи, чтѣ были тамъ Брамбеуса, это все мои.

Анна Андреевна. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

Хлестаковъ. Да, это все мои и другія разныя сочиненія. Миѣ Смирдинъ двадцать пять тысячъ платить. Да если сказать по правдѣ, то всѣ журналы, какіе тамъ ни есть, это все я издаю.

Анна Андреевна. Такъ вѣрно и Юрий Милославскій ваше сочиненіе?

Хлестаковъ. Да, это мое сочиненіе.

Анна Андреевна. Я сейчасъ догадалась.

Марья Антоновна. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это г. Загоскина сочиненіе.

Анна Андреевна. Ну, вотъ, я и знала, что даже здѣсь будетъ спорить.

Хлестаковъ. Ахъ, да, это правда: это, точно, Загоскина; а есть другой Юрий Милославскій, такъ тотъ ужъ мой.

Анна Андреевна. Ну, это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

Хлестаковъ. Да, миѣ Смирдинъ сорокъ тысячъ даетъ въ годъ. Я этимъ составилъ себѣ состояніе: у меня два дома есть въ Петербургѣ, и если бы вы подошли къ моему дому, то вы бы подумали, что дворецъ. Я нарочно вѣтъ архитектуру, чтобы даль самий лучший видъ. Вездѣ колонны, пруды, каскады... О, если бъ этакую квартиру нанимать, то

нужно, по крайней мѣрѣ, 20 тысячъ въ годъ. Я самъ даю балы даже иногда.

Анна Андреевна. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даются балы?

Хлестаковъ. О! балы тамъ отличные! Подадутъ вамъ десертную тарелочку, такъ это просто объяденье; или какой-нибудь пирогъ, что самъ онъ горячъ такъ, что вы не можете взять въ ротъ, а въ серединѣ мороженое, холодное, вотъ какъ ледъ. Да, я каждый разъ бываю на этихъ балахъ; тамъ у насъ и висть свой составился: министръ, французскій посланникъ, англійскій, нѣмецкій посланникъ и я. И какъ только иногда какъ-нибудь замѣшиваюсь, то ужъ посланники и говорятъ: «да гдѣ жъ Иванъ Александровичъ? послать за Иваномъ Александровичемъ!» И какъ начнемъ играть — то просто я вамъ скажу, что ужъ ни на что не похоже. Такъ уморишься, такъ уморишься, что какъ взбѣжишь къ себѣ на лѣстницу въ четвертый этажъ, то просто сбросишь съ себя шинель кухаркѣ, и скажешь только: «на, Маврушка!» А поть такъ въ три ручья и льется! И на другой день въ должность ужъ никакъ не хочешь идти. «Осипъ, и не буди меня!» — бывало, говорю: — «не пойду!» Впрочемъ, я это такъ только говорю, а у меня должность тутъ же на дому, и чиновники всегда ко мнѣ приходятъ. А любопытно очень видѣть, если бы нарочно заглянули, когда я проснусь. Въ передней у меня графы и князья толкуются и жужжатъ такъ, какъ шмели, только слышно ж... ж... ж... Ну, нечего дѣлать, нужно, однажды, выйти къ нимъ. И нельзя, впрочемъ: иной разъ министръ, не то чтобы всегда, а иногда заѣдетъ. (*Городничий и прочие съ робостью встаютъ со своихъ стульевъ*). Всѣмъ нужда ко мнѣ: я вѣдь имѣю самое прибыточное мѣсто. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ иногда: ваше превосходительство. Я одинъ разъ даже управлялъ департаментомъ, — право. И такъ это странно случилось: директоръ по болѣзни уѣхалъ въ свою деревню, — всѣ думали: кому дать исправлять должностъ? кто будетъ? какъ и что? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но подойдутъ, бывало: нѣть, мудрено. Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣшь — нѣть, чортъ возьми, трудно; да послѣ видятъ, что нечего дѣлать — ко мнѣ: Иванъ Александровичъ, говорить, можетъ это сдѣлать. И въ ту же минуту по улицамъ вѣздѣ курьеры, курьеры, курьеры... курьеровъ пят-

наддать: «Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немнога смущился, вышелъ въ халатъ; хотѣлъ отказаться, но думаю себѣ, дойдетъ до государя — непріятно; ну, да и не хотѣлось испортить свой послужной списокъ. «Извольте, говорю, господа, я принимаю должностъ, только ужъ у меня прошту не такъ, ужъ теперь ни, ни, ни!.. Ужъ у меня ухо востро держите!.. Я ужъ»... И точно: бывало, какъ прохожу, то у меня чиновники всѣ вотъ такъ трясутся. (*Городничий и прочие трясутся отъ страха*). Я и въ государственномъ совѣтѣ присутствую. И во дворецъ, если иногда балы случатся, за мной всегда ужъ посылаютъ. Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ. (*Зеваетъ во всю глотку*). О чемъ, бишь, я говорилъ?

Городничій (*подходя и трясясь вспять пильюмъ, силился выповорить*). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ. Чѣдѣ такое? вы что-то говорите?

Городничій. А ва-ва-ва... ва...

Хлестаковъ. Не разберу ничего.

Городничій. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?... Вотъ и комната, и все, что нужно.

Хлестаковъ. Отдохнуть? Извольте, извольте, я готовъ. (*Встаетъ*). Прощайте, сударыня! Право, чрезвычайно хочется спать. Завтракъ былъ у васъ хорошъ. (*Входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, кроме Хлестакова и городничаго.

Бобчинскій (*Добчинскому*). Вотъ это, Петръ Ивановичъ, какой важный человѣкъ. Я никогда еще не былъ въ присутствіи такой важной персоны. Я чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ, кто онъ такой?

Добчинскій. Я думаю, что чуть ли не генералъ.

Бобчинскій. А я думаю, что генералъ ему и въ подметки не станетъ! А когда генераль, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. И во дворецъ Ѣздить! Пойдемъ, Петръ Ивановичъ, разскажемъ обѣ этому Аммосу Федоровичу и Коробкину. Они еще ничего обѣ этому не знаютъ. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинскій. Прощайте, кумушка.

Артемій Филипповичъ (Лукъ Лукичъ). Такой знатный человѣкъ, а мы даже и не въ мундирахъ. Съ этакою молодостю, да такія должности отправляетъ. Ахъ, Боже мой! Когда бы въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь не досталось. Прощайте, сударыня! (*Уходитъ, за нимъ Лука Лукичъ*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и городничій.

Городничій (входитъ на цыпочкахъ). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничій. Прилегть отдохнуть. Боже вась сохрани тутъ какъ-нибудь шумѣть. — Такъ совсѣмъ ошеломило! Страхъ такой напасть: еще такого важнаго человѣка никогда не видѣль. (*Задумывается*). Съ министрами играеть и во дворецъ ъездитъ... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... Чортъ его знаетъ, не знаешь, чтѣ и дѣлается въ головѣ!... Какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣть.

Городничій. Ну, ужъ вы—женщины. Всё кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все тралала. Вдругъ брякнуть ни изъ того, ни изъ другого словцо. Вась выскѣнуть, да и только, а мужа къ поминай, какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ будто съ какимъ-нибудь Добчицкимъ.

Анна Андреевна. Обѣ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не беспокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... (*Посматриваетъ на очи*).

Городничій (одинъ). Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. (*Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь*). Мишка, позови квартальную, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. (*Послѣ небольшого молчанія*). Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненький, поджаристый такой,—никакъ не узнаешь, что онъ важная особа. Однакожъ, какъ онъ ни скрывался, а нако-

недѣль-таки не выдержалъ и все рассказалъ. Видно, что человѣкъ молодой.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Хлестаковъ (одинъ).

Мнѣ нравится здѣшній городокъ. Такое добродушіе со стороны жителей... А какъ много значитъ нѣсколько времени пожить въ Петербургѣ! Всѣ съ такимъ почтеніемъ суетятся, бѣгаютъ, какъ будто точно за какимъ-нибудь важнымъ. Дочка у городничаго очень хорошенъкая! Такая свѣженъкая, розовыя губки. Да и матушка такая, что еще можно бы... Я люблю этакъ проводить время. Городничий, я думаю, однажде долженъ быть очень разсѣянъ: вмѣсто двухсотъ рублей, какъ я разсмотрѣлъ теперь, онъ мнѣ далъ четыреста.— Я попрошу у него удержать ихъ на время при себѣ для путевыхъ издержекъ. Я полагаю даже, если онъ уже такой добрый, еще попросить взаймы.— Оно хоть и не такъ теперь нужно, но все же лучшее за однимъ разомъ. Дорога вѣдь такая вещь, что никакъ нельзя разсчитать въ обрѣзъ. Можетъ-быть, опять капитанъ встрѣтится.

ЯВЛЕНИЕ II.

Хлестаковъ и почтмейстеръ (входитъ, вытянувшись, въ мундиръ, придерживая шапку).

Почтмейстеръ. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шекинъ.

Хлестаковъ. Прошу покорнейше садиться... Такъ вы въ этомъ городѣ и живете?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Какъ же! Мнѣ очень знакомъ вашъ начальникъ. Бѣдь это по Адмиралтейству, кажется?.. Да, такой добраякъ. — Мы даже, если вамъ сказать правду, волочились вмѣстѣ за одною прехорошенькою. — Ну, натурально: куда-жъ ему? — старикъ. Бывало, всегда, какъ только встрѣтить меня, я еще у Полтавскаго моста, а онъ у Аничкина— подниметь

палецъ и кричить: злодѣй! счастливѣцъ, каналья!.. А тамъ, знаете, ввечеру на Невскомъ проспектѣ очень много можно встрѣтить хорошенъкихъ... (*Въ сторону*). У этого, мнѣ кажется, почтмейстера можно занять денегъ. (*Вслухъ*). Такъ вы здѣшній почтмейстеръ?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Вообразите: какой странный случай со мною! Выѣхавши изъ Петербурга, я разсчиталъ, какъ нарочно, все это самыи аккуратнѣйшимъ образомъ.—Вотъ это, думаю себѣ, на прогоны, это на издержки для себя, это ямщики на водку, это для моего крѣпостного человѣка, и все какъ нельзя лучше. Но, къ величайшему изумленію, стало мнѣ всего только на половину дороги, и теперь недостаетъ какой-нибудь бездѣлицы: не можете ли вы одолжить мнѣ на самое короткое время сколько-нибудь денегъ?

Почтмейстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Да рублей хоть сто на первый случай; я завтра даже... или очень скоро возвращу.

Почтмейстеръ. Сейчасъ. (*Шаритъ въ карманахъ и говоритъ спололоса*). Ахъ, Боже мой, вотъ штука, если не будетъ! Вотъ не приведи Богъ!.. Есть, есть... (*Съ поспѣшностью даетъ ассигнаціи*).

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю! (*Въ сторону*). Почтмейстеръ, кажется, хорошій человѣкъ.

Почтмейстеръ (*встаетъ, выпрямляется и придергиваетъ шпагу*). Не смѣя далѣе беспокоить своимъ присутствиемъ... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управлѣнія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! хорошо, хорошо!

ЯВЛЕНИЕ III.

Хлестаковъ и Аммосъ Федоровичъ (*въ мундирѣ, выпрямившись и придерживая рукою шпагу*).

Аммосъ Федоровичъ. Имѣю честь представиться: судья здѣшнаго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. А, сдѣлайте милость, садитесь. Чѣмъ, вы давно занимаетесь тутъ мѣсто?

Аммосъ Федоровичъ. Съ 816-го, быть избранъ на трех-

лѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. Это хорошо. Я самъ тоже служу. Чѣдѣ, получаете награды?

Аммосъ Федоровичъ. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-ї степени съ одобреніемъ со стороны начальства.

Хлестаковъ. Да это впрочемъ еще довольно счастливо. У насъ есть одинъ такой, что пятнадцать лѣтъ служить, и получилъ только одну пряжку.—Скажите, пожалуйста, мнѣ, право, нѣсколько и совѣстно, да нечего дѣлать; со мною странный случай: въ дорогѣ совершенно истратился... Не можете ли вы одолжить мнѣ на малое время рублей сто? Я вамъ, можетъ-быть, завтра же отдамъ.

Аммосъ Федоровичъ. Сейчасъ. (*Вынимаетъ поспшино изъ бумажника деньги*).

Хлестаковъ. Очень вамъ благодаренъ. Въ дорогѣ, знаете, этахъ разныя потребности могутъ случиться. Никакъ нельзя предвидѣть.—Въ одномъ мѣстѣ захочется поѣсть, въ другомъ купить что-нибудь. Оно хоть бездѣлица, а все составляетъ счетъ.

Аммосъ Федоровичъ (*раскланиваясь*). Не смѣя беспокоить своимъ присутствиемъ, имѣю честь пребыть...

Хлестаковъ. А вы уже ёдете? Зачѣмъ же такъ рано? Понидите еще. Мнѣ очень пріятно съ вами побесѣдоватъ.

Аммосъ Федоровичъ. Не смѣю беспокоить.

Хлестаковъ. Ну, когда такъ, то прощайте. Покорно благодарю за то, что навѣстили меня. (*Вытровожаетъ Аммоса Федоровича*). Судья тоже, сколько мнѣ кажется, очень не глупый человѣкъ. Я люблю такихъ людей, съ которыми можно быть откровенну.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Хлестаковъ (*одинъ*).

Какъ много здѣсь чиновниковъ! Городишко довольно населенъ. Теперь я вижу, сколько мнѣ кажется, они меня почитаютъ за человѣка государственного. Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физиognоміи точно есть что-то такое, внушающее... Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ. А въ Петербургѣ попробуй пойти

къ какому-нибудь даже послѣднему портнишку, чтобы сшить тебѣ въ долгъ фракъ: ни за что не сошьетъ. Мнѣ кажется, это ужъ черезчуръ... такое развращеніе нравовъ можетъ быть только въ столицѣ. — А перечесть, сколько у меня теперь денегъ. (*Вынимаетъ изъ кармана*). Въ этой пачкѣ четыреста. (*Кладетъ особо*). Сколько тутъ? (*Считаетъ*). Двадцать пять, пятьдесятъ, семьдесятъ пять... какая замасленная!.. сто, и тутъ сто... о! о! всѣхъ до тысячи добирается! А должно-быть одинакъ, сколько мнѣ кажется, эти чиновники болыпіе дураки; въ годовъ только, я думаю... фай... даже посвистываетъ! Такая простота. Написать нарочно объ этомъ Тряпичкину. Онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пускай-ка ихъ отбреетъ хорошенъко, — это, право, будетъ хорошо. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернила.

Осипъ (*выглядываетъ изъ дверей*). Сейчасъ.

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ же п. Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидѣвъ Хлестакова, не успѣвшаго встать на ноги, и всплеснувъ руками*). Ахъ, какой пассажъ!

Хлестаковъ (*вставая*). А, чортъ возьми!

Анна Андреевна. Признаюсь, я въ такомъ нахожусь... я не знаю... (*Къ Марѣи Антоновнѣ*). Чѣмъ это ты вздумала? Съ кого ты это примѣръ взяла?

Хлестаковъ (*вдругъ бросается на колѣни*). Анна Андреевна! — влюбленъ, влюбленъ! Прошу руки Марѣи Антоновны.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой!.. какъ же это!.. Право, такъ скоро, да еще... и на колѣняхъ стоите!

Хлестаковъ. Руки, руки прошу! Если не согласитесь, умру, сейчасъ же умру, на этомъ самомъ мѣстѣ. Застрѣлюсь, напропалую застрѣлюсь.

Анна Андреевна. Я, право, не могу еще притти въ себя... Мы никакъ и не смѣемъ думать о такой чести. Вамъ нужна, по крайней мѣрѣ, графиня или княгиня.

Хлестаковъ. О, мнѣ все равно! Я не слишкомъ гляжу на графинь. Если вы не рѣшитесь исполнить моей просьбы, то вы не можете представить, что со мною случится; какъ честный человѣкъ увѣряю. Я рѣшительный человѣкъ: мнѣ жизнь копейка.

Анна Андреевна. Ахъ, Боже мой! какъ вы меня пугаете! Отваживать жизнь свою, да еще такимъ страшнымъ образомъ! Встаньте... я согласна, только встаньте.

Хлестаковъ (вставая). Теперь я самый... (*Въ сторону*). А она тоже очень аппетитна! (*Вслухъ Анну Андреевну, подбираясь къ ней*). Какъ я счастливъ, что могу наконецъ...

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же и почтмайстеръ.

Почтмайстеръ. Я, господа, пришелъ объявить вамъ удивительное дѣло.

Городничій. А напримѣръ, что такое? послушаемъ.

Почтмайстеръ. Я и самъ не знаю, что сказать вамъ: такое странное обстоятельство, что я...

Нѣкоторые. Какое? чѣм?

Почтмайстеръ. Прихожу я домой и застаю письмо этого чиновника, которому мы показывали всѣ заведенія. На пакетѣ было написано какому-то Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу. И какъ прочиталъ я, что въ Почтамтскую улицу, то въ ту же минуту такъ и обомлѣлъ. Вѣрно, думаю себѣ, это обо мнѣ писано. Можетъ-быть, какъ-нибудь дошло до него, что я для своего удовольствія распечатывалъ иногда письма. И въ ту же самую минуту, такъ, какъ будто какая-нибудь не предвидимая сила понудила меня распечатать.

Аммосъ Федоровичъ. Какъ, и это самое письмо?

Городничій. Какъ же вы это?.. (*Всѣ показываютъ ужасъ*).

Почтмайстеръ. Я и самъ испугался такой мысли и въ ту же минуту положилъ письмо на столъ, и уже хотѣлъ позвать почтальона, чтобы отправить скорѣе съ эпітафетой. Но только немножко отойду отъ стола, таѣ вѣтъ опять и тянуть, и тянуть. Въ одномъ ухѣ кричить: «распечатай!» въ другомъ: «не распечатывай! распечатай, не распечатывай!». Съ этой стороны такъ, вѣтъ какъ бы подъ руку кто-нибудь толкаетъ, а съ другой стороны—какъ будто бы невидимая сила говоритъ: «оставь, пропадешь какъ курица!» Такъ что минутъ съ десять не зналъ, чѣмъ дѣлать; наконецъ, напропалую рѣшился распечатать.

Городничий. Какъ же вы смысли распечатать?

Почтмейстеръ. Ей-Богу, распечатала! со страхомъ такимъ, какого еще никогда не помню. И ставни велѣль закрыть, и собственоручно заткнулъ всѣ щелки. И какъ только придавилъ сургучъ, то огонь такъ по всему тѣлу и пробѣжалъ; а какъ разломалъ печать — морозъ, морозъ, такъ воть и чувствую, что мороэзъ! А какъ вынуль и развернуль письмо-то, я уже не знаю, гдѣ я въ то время былъ. Зубы и губы такъ тряслись, что цѣлый часъ не могъ одной строчки прочесть.

Городничий. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстеръ. Въ томъ-то и штука, что онъ и не уполномоченный, и не особа!

Городничий. Чѣд-жъ онъ по-валимъ такое?

Почтмейстеръ. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, чѣд такое.

Городничий (запальчиво). Какъ вы смыете это сказать? Знаете ли, что я велю васъ подъ арестъ взять?

Почтмейстеръ. Кто? вы?

Городничий. Да, я.

Почтмейстеръ. Коротки руки.

Городничий. Знаете ли, что этотъ самый чиновникъ женился на моей дочери? Я самъ скоро буду вельможа, и если захочу, то васъ въ Сибирь законопачу.

Почтмейстеръ. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! чѣд Сибирь, далеко Сибирь. Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтмейстеръ (*читаетъ*). «Мая такого-то числа и пр., и пр., и пр. Я уже писаль къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, о томъ, какъ обыгралъ меня въ Пензѣ пѣхотный капитанъ. Трактирщикъ хотѣль даже потащить въ тюрьму. Къ батюшкѣ не писаль: недоволенъ тономъ. Все одно: розги да розги. Этимъ, при теперешнемъ образованіи, онъ ничего не возьметъ. Но вдругъ сцена перемѣнилась: я живу теперь у городничаго въ домѣ, жуирую, отпускаю *bon mots*. Жена и дочка его обѣ ко мнѣ неравнодушны. Не рѣшился, съ которой прежде начать; думаю, лучше съ матушки: къ дочкѣ, можетъ-быть, труденъ доступъ, а матушка такая, что сию минуту готова влюбиться по уши. Самъ городничий пребла-

городнѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивый меринъ!!!»

Городничій. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого.

Почтмейстеръ (*показываетъ письмо*). Читайте сами!

Городничій (*читаетъ*). «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали.

Почтмейстеръ. Какъ же бы я сталъ писать?

Артемій Филипповичъ. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «Городничій преблагороднѣйшій человѣкъ, съ гостепріимствомъ патріархальнымъ, но глупъ какъ сивый меринъ...»

Городничій. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтмейстеръ (*продолжая читать*). «Но... хм, хм, хм, хм... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ...» (*Оставляя читать*). Ну, тутъ обо мнѣ тоже онъ неприлично выразился.

Городничій. Нѣтъ, читайте!

Почтмейстеръ. Да къ чему-жъ?

Городничій. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать. Читайте все!

Артемій Филипповичъ. Позвольте, я прочитаю. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*). «Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ; чрезвычайно похожъ на департаментскаго сторожа Михѣева; должно-быть, тоже, подлецъ, пьетъ горькую.

Почтмейстеръ (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго нужно посбѣчь: больше ничего!

Артемій Филипповичъ (*продолжая читать*). «Кромѣ того, надзиратель надъ богоугоднымъ заведеніемъ какой-то» и... и... и... (*Занikaется*).

Коробкинь. А что-жъ вы остановились?

Артемій Филипповичъ. Да нечеткое перо... впрочемъ, видно, что негодяй.

Коробкинь. Дайте мнѣ! Вотъ у меня, я думаю, получше глаза. (*Беретъ письмо*).

Артемій Филипповичъ (*не давая письма*). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Коробкинь. Да позвольте, ужъ я знаю.

Артемій Филипповичъ. Прочитать, я и самъ прочитаю; далѣе, право, все разборчиво.

Почтмейстеръ. Нѣть, все читайте! Вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ! отдайте письмо.
(Коробкину). Читайте!

Артемій Филипповичъ. Сейчасъ. (Отдаетъ письмо). Вотъ, позовльте, я закрою пальцемъ. (Закрываетъ пальцемъ). Вотъ этого мѣста только не читайте, а прочее все можно. (Все приступаютъ къ нему).

Почтмейстеръ. Читайте! читайте все!

Коробкинъ (читая). «Кромѣ того, надзиратель за богоугодными заведеніемъ, какой-то Земляника: вообрази себѣ чухонскую свинью въ ермолкѣ, съ преображеніемъ ушами...»

Артемій Филипповичъ (къ зрителямъ). И нимало не остроумно! Богъ знаетъ что: свинья въ ермолкѣ! Совсѣмъ неправдоподобно; гдѣ-жъ свинья въ ермолкѣ бываетъ?

Коробкинъ (продолжая читать). «А отъсмотрителя училъюща страшно воняетъ лукомъ...»

Лука Лукичъ (къ зрителямъ). Ей-Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Аммосъ Федоровичъ (въ сторону). Слава Богу, хоть, по крайней мѣрѣ, обо мнѣ нѣть.

Коробкинъ (читаетъ). «Кромѣ того, какой-то судья...»

Аммосъ Федоровичъ. Вотъ тебѣ на! (Вслухъ). Господа, я думаю, что письмо дѣйствительно нѣсколько длинно. На первый разъ этого будетъ довольно.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же? Нѣть, мнѣ хочется все знать.

Коробкинъ (продолжаетъ). «Какой-то судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, ужасный мове-тонъ...» (Останавливается). Должно быть, французское слово.

Аммосъ Федоровичъ. А чортъ его знаетъ, что оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ-быть и того еще хуже.

Коробкинъ (продолжая читать). «Словомъ: дурачье страшное! По моей физиognomii приняли меня за военного генераль-губернатора. Я, съ своей стороны, подпустилъ имъ пыли порядочной. Ты пописываешь для Библіотеки для Чтенія. Пожалуйста, помѣсти ихъ въ свою литературу и окритикуй хорошенько! Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братецъ, такъ жить: ищешь пищи для души, а свѣтская чернь тебя не понимаетъ. Хочешь наконецъ чѣмъ-нибудь этакимъ высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую

губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку. (*Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ С.-Петербургъ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворь, въ 3 этажъ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репризандъ неожиданный!

Городничій. Вотъ когда зарѣзать, такъ зарѣзать! Убить, убить, совсѣмъ убить! Ничего не вижу. Вижу какія-то свиные рылы, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! (*Машетъ рукою*).

Почтмейстеръ. Куда тутъ воротить! Я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку и впередъ послать предписаніе, — чортъ бы меня совсѣмъ побѣрать!

Жена Коробкина. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрная конфузія!

Аммосъ Федоровичъ. Однакожъ, чортъ возьми, господа, вѣдь онъ у меня взять деньги взаймы.

Артемій Филипповичъ. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстеръ (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня сто рублей.

Бобчинскій. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ семьдесятъ пять ассигнаціями и три двугривенныхъ.

Аммосъ Федоровичъ (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? какъ это, въ самомъ дѣлѣ, мы такъ оплошали!

Городничій (*бьетъ себя по лбу*). Какъ я?.. нѣть, какъ я, старый дуракъ! выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!.. Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести меня; мошенниковъ надѣ мошенниками обманывать; пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, подѣвать на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!.. Чѣо губернаторовъ!.. А теперь... вертопрахъ, какой-нибудь мальчишка... на губахъ молоко еще не обсохло... Ступай, ищи его, чортъ побери!.. Я думаю, такъ удираетъ по столбовой дорогѣ, что колокольчикъ заливается.

Анна Андреевна (мужу). Какъ же?.. Вѣдь это не можетъ быть... Онъ совсѣмъ вѣдь обручился ужъ съ нашей Машенькой.

Городничій (*съ досадою*). А развѣ ты не видишь, что у него все это: фу, фу? Пустѣйший человѣкъ, чортъ бы по-

браль его! Воть подлинно, если Богъ захочеть наказать, такъ отниметъ разумъ. Ну, чтò въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка или вельможу? Пусть бы имѣль онъ въ себѣ что-нибудь внушающее уваженіе; а то, чортъ знаетъ чтò: дрянь, сосулька! тоныше сѣрной спички. И какимъ это образомъ случилось? Кто первый вынесъ, что онъ чиновникъ, присланный для того, чтобъ ревизовать?..

Артемій Филипповичъ. А кто вынесъ? воть кто вынесъ, эти молодцы! (*Показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*).

Бобчинскій. Ей, ей, не я, и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Артемій Филипповичъ. Конечно, вы.

Лука Лукичъ. Разумѣется, вы первые прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира: пріѣхать, пріѣхать ревизоръ, и денегъ не платить... Нашли, чортъ бы васъ побралъ, важную птицу.

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Артемій Филипповичъ. Чтобъ васть чортъ побралъ съ вами ревизоромъ и разсказами.

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятые! сплетни сѣете, сороки короткоквостыя!

Аммосъ Федоровичъ. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Артемій Филипповичъ. Сморчки короткобрюхіе! (*Все обступаютъ ихъ*).

Бобчинскій. Ей-Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это вы говорили.

Бобчинскій. Э, нѣтъ, вы прежде...

IV.

Сцены, написанныя для второго изданія «Ревизора» (1841 г.)
и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНИЕ I.

Входятъ осторожно, почти на цыпочкахъ. Аммосъ Федоровичъ, Артемій Филипповичъ, почтмейстеръ, Лука Лукичъ, Добчинскій и Бобчинскій, въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ вѣтомолоса.

Аммосъ Федоровичъ. Скорѣе, скорѣе, господа, въ кружокъ, потому что онъ сейчасъ выйдетъ. Вотъ такъ. (*Все равняются и образуютъ полукружіе*). Вы, Петръ Ивановичъ, забѣгите съ этой стороны, а вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забыгаютъ на цыпочкахъ*). Вотъ такъ; теперь совсѣмъ на военную ногу. Оно, знаете, въ этакомъ видѣ слѣдуетъ представиться. (*Осмотривается вслѣхъ ихъ*). А вѣдь если посмотретьъ нѣсколько издалека, такъ у насъ есть точно что-то воинское. (*Слышно изъ комнаты Хлестакова откряхтываніе и плеваніе. Чиновники пугаются*).

Артемій Филипповичъ. Да видно уже проснулся.

Аммосъ Федоровичъ. Утрудился.

Почтмейстеръ. А вѣдь нечего сказать, вчера онъ куда бойко развернулся. Какъ вы полагаете? Мнѣ кажется, что изъ всего того, что онъ говорилъ вчера, не все правда?

Аммосъ Федоровичъ. Еще бы! подгулять, ну и прилгнуть. Это не порокъ; это за всякий государственнымъ человѣкомъ водится. Но вѣдь за то у него все взвѣшено. Вотъ онъ, положимъ, подгулять, но какъ подгулять? — съ цѣлью подгулять.

Почтмейстеръ. А хорошо, что мы вздумали состроить закуску: хлѣба-соли отвѣдать, вредить уже не будетъ; да и самъ развернулся, и сказалъ то, чего бы вѣрно не сказалъ.

Артемій Филипповичъ. А мой совсѣмъ, господа, не закладывать руки въ карманъ. Ну, что, какъ теперь, проснувшись, онъ поворотить оять круто? Я, право, боюсь. Вѣдь

Антошка нашъ старый плутъ: онъ удовлетворилъ его вѣрно чѣмъ-нибудь наединѣ, только не говоритьъ.

Лука Лукичъ. А что вы думаете, вѣдь это можетъ случиться.

Аммосъ Федоровичъ. Знаете, господа, что если бы ему...
(Показываетъ жестомъ).

Артемій Филипповичъ. Подсунуть?

Аммосъ Федоровичъ. Да.

Почтмайстеръ. Опасно, чортъ возьми.

Артемій Филипповичъ. Да какъ же это сдѣлать?

Аммосъ Федоровичъ. Да просто въ руку, и концы въ воду.

Артемій Филипповичъ. Чѣмъ вы, что вы? Раскричится такъ, что и ногъ не унесешь. Развѣ вы не знаете государственныхъ людей? Скажешь: чѣмъ вы, кому это вы, да какъ вы смыѣте? хотите, чтобы я измѣнилъ государю? Нѣть, лучше, пусть Богъ съ нимъ!

Аммосъ Федоровичъ. Раскричаться-то онъ, конечно, раскричится, а деньги все-таки возьметъ.

Артемій Филипповичъ. Нѣть, Аммосъ Федоровичъ, это дѣло рискованное; а вотъ лучше въ видѣ какого-нибудь приношенія, или пожертвованія на пользу общественную, а его пригласить принять обязанность на себя... Да и то, чортъ возьми, опасно!

Почтмайстеръ. Да не поступить ли просто вотъ какъ: что вотъ-моль пришли по почтѣ деньги, не известно кому принадлежащія, а хозяина не отыскалось; такъ не его ли онъ?

Артемій Филипповичъ. Та, та, та! дасть онъ вамъ не известно кому принадлежащія! Смотрите, чтобы онъ васъ по почтѣ же не отправилъ куда-нибудь подальше.

Аммосъ Федоровичъ. А развѣ вотъ какъ: что умеръ-де въ нашемъ городѣ богатый купецъ, оставилъ завѣщеніе, а по завѣщенію-то...

Артемій Филипповичъ. Ну, что-жъ по завѣщенію?

Аммосъ Федоровичъ. Да, ну вотъ здѣсь и запятая. Началь было хорошо, а конца не сведешь.

Артемій Филипповичъ. Запрягъ прямо, да побѣхаль криво. Нѣть, чѣмъ толковать? Эти дѣла не такъ дѣлаются. Ну, зачѣмъ нась пришелъ эскадронъ? Это вы, Аммосъ Федоровичъ, выдумали представиться на военную ногу. Предстavиться нужно по-одиночкѣ, да между четырехъ глазъ, и того... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слыхали. Вотъ

какъ въ обществѣ благоустроенному дѣлается!.. А какъ одинъ прежде попробуетъ, такъ потомъ и другимъ будетъ, извѣстно, какъ нужно поступить.

Почтмейстеръ. Вотъ это такъ.

Аммосъ Федоровичъ. Пожалуй, попробуемъ. Вотъ вы, такъ какъ въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкушалъ хлѣба, такъ вы первые и представитесь.

Артемій Филипповичъ. Почему же мнѣ? А я полагаю, что приличнѣе Ивану Кузьмичу, какъ почтмейстеру...

Почтмейстеръ. Почему же мнѣ? Гораздо же болѣе это идетъ Аммосу Федоровичу, какъ судѣ...

Аммосъ Федоровичъ. Аммосу Федоровичу, Аммосу Федоровичу! Такъ все на Аммоса Федоровича! Почему же не Лукѣ Лукичу, какъ образователю юношества? Священнѣе уже нѣть этой должности.

Лука Лукичъ. Нѣть, господа, не могу. Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговори только со мною кто-нибудь однимъ чиномъ меня повыше, то у меня просто и души нѣть, и языкъ, чувствую, какъ бы въ грязь завязнуль. Нѣть, господа, увольте, право увольте.

Артемій Филипповичъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ ни поворачивай дѣло, а никому другому нельзя взяться за это, кромѣ васъ, Аммосъ Федоровичъ. У васъ, что ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣль.

Аммосъ Федоровичъ. Что вы! что вы, Цицеронъ! Смотрите, что выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, да о какой-нибудь гончей ищейкѣ...

Всѣ (пристаютъ къ нему). Нѣть, вы и о столпотвореніи!: Нѣть, Аммосъ Федоровичъ, не оставляйте настѣ, будьте отцомъ, напнимъ!: Нѣть, Аммосъ Федоровичъ!..

Аммосъ Федоровичъ. Отважитесь, господа! (Въ это время слышны шаги и откашиваніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спышатъ наперерывъ къ дверямъ, толнятся и стараются выйти, что происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кою. Раздаются вполголоса воскликанія).

Голосъ Бобчинскаго. Ой, Петръ Ивановичъ! Петръ Ивановичъ! наступили на ногу.

Голосъ Земляники. Отпустите, господа, хорь душу на покаяніе: совсѣмъ прижали! (Выхватываются нѣсколько воскликаній: ай! ай! наконецъ всѣ вытираются, и комната остается пустою).

ЯВЛЕНИЕ II.

Хлестаковъ, одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? Роскошь такая, даже вспотѣль. Мнѣ однажде вѣрно чего-нибудь прекрѣпкаго подсунули вчера за завтракомъ, — шансъ, что ли, — только до сихъ поръ еще въ головѣ какъ будто бы что-то стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностью проводить время. Вотъ это я люблю! это по-моему! Я насчетъ этого странный человѣкъ; я не знаю, какъ другіе, но мнѣ вообще нравится такая жизнь. Я не требую больше ничего, какъ только чтобы оказывали мнѣ вниманіе, чтобъ я видѣлъ желаніе угадывать; словомъ, чтобы все это было радушно, какъ говорится — отъ сердца, а не то, чтобы изъ какого интереса. А дочка городничаго очень недурна; да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III.

Хлестаковъ и судья.

Судья (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже вынеси благополучно! такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. (*Вслухъ выпятившись и придерживая рукою штаны*). Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій асессоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

Хлестаковъ. Прошу садиться. Такъ вы здѣсь судья?

Судья. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства, и продолжалъ должность до сего времени.

Хлестаковъ. А выгодно однажде быть судью?

Судья. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобреніемъ со стороны начальства.

Хлестаковъ. А — мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени уже не такъ. Слишкомъ уже, знаете, обыкновенно: всѣ носять, и столонаачальники.

Судья (*въ сторону*). Выдумаль, да, Богъ знаетъ, удастся ли! Сердце, чортъ побери, такъ и колотится!.. Придумалъ-то я выронить какъ-нибудь на поль какъ будто ненарокъ, да и броситься поднимать ихъ. Да чортъ его знаетъ,

какъ оно выйдетъ. Ай! упали... Ну, батюшки!.. (*Роняетъ асигнаціи на полъ и наклоняется поднять ихъ*).

Хлестаковъ. А что вы?.. (*Подвигаетъ нѣсколько стулья своей*).

Аммосъ Федоровичъ (*въ сторону, почти потерявшиесь*). О, Боже, вотъ ужъ я и подъ судомъ! и телѣжку подвезли схватить меня!

Хлестаковъ. Чѣдь, вы уронили чѣдь-то?

Аммосъ Федоровичъ. Упали какія-то асигнаціи; я полагалъ, что не съ вашего ли стола. (*Въ сторону*). Ну, все конечно, пропалъ! пропалъ!

Хлестаковъ. А позвольте, я посмотрю, можетъ-быть, точно не мои ли. Мнѣ, признаюсь, по разсѣянности случалось очень часто ронять деньги. А ужъ извозчику почти всякий разъ случается, по ошибкѣ, дать вмѣсто четвертака золотой полуимперіалъ.

Аммосъ Федоровичъ. Я полагаю тоже, что это ваши. (*Въ сторону*). Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаковъ. Больше трехсотъ, кажется, рублей. Не знаю, право, можетъ-быть, и мои. Я никогда не знаю, сколько у меня денегъ. А если на всякой случай нѣтъ, такъ все равно: вы мнѣ дайте ихъ взаймы, а я вамъ потомъ пришлю.

Аммосъ Федоровичъ. Помилуйте! такимъ принятіемъ можно просто осчастливить человѣка.

Хлестаковъ. Да, я вамъ изъ деревни на слѣдующей же недѣлѣ пришлю.

Аммосъ Федоровичъ (*вставая съ тѣмъ, чтобы итти*). Зачѣмъ же? я подожду. Не извольте никакъ беспокоиться. Если и въ другомъ чѣмъ... стоять приказать.

Хлестаковъ. Хорошо, хорошо. А вы уже уходите?..

Аммосъ Федоровичъ. Не смѣю отнимать времени, опредѣленного на священныя обязанности.

Хлестаковъ. Прощайте! Вѣдь мы съ вами увидимся?

Аммосъ Федоровичъ. Готовъ явиться по первому приказанію. (*Въ сторону, уходитъ*). Городъ нашъ!

Хлестаковъ (*по уходѣ его*). Судья хороший человѣкъ.

ЯВЛЕНИЕ IV.

Хлестаковъ и почтмайстеръ, входить, вытянувшись, въ мундиръ, придерживая шпагу.

Почтмайстеръ. Имѣю честь представиться: почтмайстеръ, надворный советникъ Щекинъ.

Хлестаковъ. А, покорнейше благодарю за то, что пожаловали. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

Почтмайстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. А мнѣ нравится здѣшний городокъ. Конечно, не такъ многолюдно—ну, что-жъ! Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

Почтмайстеръ. Совершенная правда.

Хлестаковъ. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣть провинциальныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не правда ли?

Почтмайстеръ. Такъ точно-съ! (*Въ сторону*). А онъ однажды ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

Хлестаковъ. А вѣдь однажды, признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

Почтмайстеръ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. По моему мнѣнію, что нужно? Нужно только радушіе, чтобы были только все хорошие люди, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

Почтмайстеръ. Совершенно справедливо.

Хлестаковъ. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Я таковъ. Можетъ-быть, другимъ я покажусь страннымъ въ этомъ отношеніи... но что жъ дѣлать, у меня ужъ это характеръ. (*Глядя въ глаза ему, говорилъ про себя*). А попрошо-ка я у этого почтмайстера взаймы! (*Вслухъ*). Какой странный однажды со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?

Почтмайстеръ. Сколько прикажете?

Хлестаковъ. Ну, да рублей какихъ-нибудь двѣсти; а памъ завтра же пришло изъ деревни.

Почтмайстеръ. Сейчасъ. (*Шаритъ въ карманъ и вынимаетъ ассигнации*).

Хлестаковъ. Очень благодаренъ; а я, признаюсь, знаете,

въ дорогѣ то и другое, а я никакъ не люблю отказывать себѣ ни въ чёмъ; да и къ чему—не такъ ли?

Почтмейстеръ. Такъ точно-съ. (*Встаетъ, вытягивается и придерживается сигары*). Не смыю долѣе беспокоить своимъ присутствіемъ... Не будетъ ли какого замѣченія по части почтоваго управлѣнія?

Хлестаковъ. Прощайте, прощайте! Хорошо, хорошо. (*По уходѣ почтмейстера раскуриваетъ сигару*). Почтмейстеръ, мігъ кажется, тоже очень хороший человѣкъ. По крайней мѣрѣ, услужливъ. Я, признаюсь, отчасти люблю такихъ людей, съ которыми можно объясняться прямо.

ДѢЛЕНІЕ V.

Хлестаковъ и Лука Лукичъ, который почти выталкивается изъ дверей.

Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: «чего робѣешь?»

Лука Лукичъ (*вытягиваясь не безъ трепета и придерживая сигару*). Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ.

Хлестаковъ. А! милости просимъ! Садитесь, садитесь. Но хотите ли сигарку? (*Подаетъ ему сигару*).

Лука Лукичъ (*про себя въ нерѣшимости*). Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не братъ?

Хлестаковъ. Возьмите, возьмите; это иорядочная сигарка. Конечно, не то что въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарочки по 25 рублей сотенка,—такъ просто ручки потомъ себѣ иопѣгнуешь, какъ выкуриши. Вотъ огонь, закурите. (*Подноситъ ему свѣчу*).

Лука Лукичъ (*пробуетъ закурить и весь дрожитъ*).

Хлестаковъ. Да не съ того конца.

Лука Лукичъ (*отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и махнулъ рукою, про себя*). Чортъ побери все! стубна проклятая робость!

Хлестаковъ. Вы, какъ я вижу, не охочиѣ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще насчетъ женскаго полу никакъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы?.. какія вамъ больше нравятся: брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ находится въ совершенномъ недоумѣніи, что сказать.

Хлестаковъ. Нѣть, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Лука Лукичъ. Не смѣю знать.

Хлестаковъ. Нѣть, нѣть, не отговаривайтесь. Мнѣ хочется узнать непремѣнно вашъ вкусъ.

Лука Лукичъ. Осмѣлюсь дождѣться... (*Въ сторону*). И самъ не знаю, чтѣ говорю: въ головѣ все пошло кругомъ.

Хлестаковъ. А-а-а! не хотите сказать. Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку. Признайтесь, сдѣлала?

Лука Лукичъ молчитъ.

Хлестаковъ. О, о, покраснѣли! Видите, видите!.. Отчего-жъ вы не говорите?

Лука Лукичъ. Оробѣль, ваше бла... преос... сія... (*Въ сторону*). Продаль, проклятый языкъ, продаль!

Хлестаковъ. Оробѣли?.. А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, чтѣ внушиаетъ робость, — магнитическое, не правда ли?.. Рѣдкая женщина выдержитъ даже, если я посмотрю. Не такъ ли?

Лука Лукичъ. Такъ точно-съ.

Хлестаковъ. Скажите, пожалуйста... Со мной престранный случай: въ дорогѣ совсѣмъ издержался... не можете ли вы мнѣ дать сколько-нибудь денегъ взаймы?.. Я вамъ завтра же отдамъ.

Лука Лукичъ (*хватается за карманы, про себя*). Вотъ-те штука, если нѣть! Есть, есть! (*Вынимаетъ и подаетъ, дрожжа, ассигнаціи*).

Хлестаковъ. Покорнѣйше благодарю!

Лука Лукичъ (*вытягиваясь и придерживая штаны*). Не смѣю долѣе беспокоить присутствіемъ.

Хлестаковъ. Прощайте!

Лука Лукичъ *летитъ вонъ почти бѣgomъ.*

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Хлестаковъ (*одинъ*). Здѣсь однakoжъ много чиновниковъ. Теперь, какъ начинаю я хорошенъко разсматривать, они вѣрно полагаютъ, что я въ большомъ ходу въ Петербургѣ. Моя физіономія, какъ я замѣтилъ, сдѣлала на нихъ большое впечатлѣніе... Да и въ самомъ дѣлѣ, я точно могъ показаться имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ, въ родѣ грань-жанъ. Для провинціального какого-нибудь жителя вдругъ увидѣть прїѣхавшаго изъ столицы, съ другимъ образованіемъ и въ

столичномъ костюмѣ, въ этомъ есть такъ что-то околовызывающее. Дурачье впрочемъ должно-быть ужасное!.. Въ головѣ, я чай, только посвистываетъ. А посмотримъ, сколько у меня денегъ. (*Считаетъ ассигнации*). Сто, двѣсти... какая замасленная!.. пятьсотъ, семьсотъ!.. ого! перевалило за тысячу!.. тысяча сто, тысяча двѣсти... да, кушикъ не дуренъ. А ну-ка, пѣхотный капитанъ! а попадись-ка ты мнѣ теперь. Я бы ужъ тебѣ далъ знать!.. Это однажды благородная черта съ ихъ стороны, что они мнѣ дали денегъ взаймы. Чтд ни говори, это похвально! Право, обо всемъ этомъ стойти написать въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ тамъ сочиняетъ разныя статейки: пусть-ка между прочимъ онъ ихъ обреестъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и черниль. (*Осипъ выглянула въ двери, сказавши: «сейчасъ»*). Нельзя отнять отъ Тряпичкина... (*пишетъ*)... вѣдь подлецъ... у! какой подлецъ!.. и надуть, такъ надуешь, что только держись!.. Но остроуміе необыкновенное—ужъ такая шильда: отца родного не пожалѣть. И деньги таки любить.

V.

Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія «Ревизора».

ЯВЛЕНИЕ VIII (четвертаго дѣйствія).

Хлестаковъ и Гибнеръ.

Гибнеръ. Ich habe die Ehre mich zu rekomandiren... Doctor der armen Anstalten, Hiebner.

Хлестаковъ. Прошу покорнейше садиться.

Гибнеръ. Es freuet mich sehr die Ehre zu haben, einen so w rdigen Mann zu sehen, den die hohe Obrigkeit bevollm chtigt hat...

Хлестаковъ. Нѣть, я по-немецки... Лучше по-русски. Скажите пожалуйста; теперь вообще чиновникамъ назначено хорошее жалованье. Не обзавелись ли вы деньгами?

Гибнеръ. Денгъ?.. и што денги?..

Хлестаковъ. Да. Если вы обзавелись, то я бы попросилъ у васъ взаймы... взаймы... То-есть, это вотъ что значитъ: вы мнѣ giebt теперь, а я вамъ послѣ назадъ отгибаю.

Гибнеръ. Денегъ... нетъ денги... (*вынимаетъ бумажникъ*)

и вытряхиваетъ). Sehen Sie! нетъ... одна сигаръ... болынь нетъ...

Хлестаковъ. Ну, нечего дѣлать! на нѣть и суда нѣть.

Гибнеръ (прячетъ бумаги и, потомъ опять берется за карманъ). Wollen Sie eine Cigarre rauchen? (вынимаетъ и подаетъ сигару).

Хлестаковъ. А, хорошо, gut! Дайте сюда, giebt (беретъ и раскуриваетъ). Хорошая сигарка. Это, вѣро, изъ Петербурга (пускаетъ дымъ).

Гибнеръ. Нетъ... изъ... Рига...

Хлестаковъ. Изъ Риги? Да, я такъ и думалъ.

Гибнеръ (вставая со стула и кланяясь). Ich darf Sie nicht mehr beunruhigen (sic!) und Ihnen die theure Zeit rauben, die Sie den Staatsgeschäften widmen (откладывается).

Хлестаковъ. Прощайте. Радъ познакомиться.

ЯВЛЕНИЕ IX.

Хлестаковъ (одинъ). Хорошо и сигарку выпуриТЬ. Какъ много здѣсь чиновниковъ, и проч.

VI.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНИЕ.

къ предполагавшимъ изданиемъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ.

Почти всѣ наши русские литераторы жертвовали чѣмъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ: одни издавали съ этою цѣлью сами книги, другіе не отказывались участвовать въ изданіяхъ, собираемыхъ изъ общихъ трудовъ, третыи, паконецъ, составляли нарочно для этого публичныя чтенія. Однѣ я отсталъ отъ прочихъ. Желая, хотя поздно, загладить свой проступокъ, назначаю въ пользу неимущихъ четвертое и пятое изданія «Ревизора», нынѣ напечатанныя въ одно и то же время въ Москвѣ и въ Петербургѣ, съ присовокупленіемъ новой, неизвѣстной публикѣ пьесы: «Развязка Ревизора». Но разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, пьеса эта не могла быть досрѣ издана, и въ первый разъ помѣщается здѣсь.

Деньги, вырученныя за оба эти изданія, назначаются только въ пользу тѣхъ неимущихъ, которые, находясь из-

самыхъ незамѣтныхъ маленькихъ мѣстахъ, получають самое небольшое жалованье и этимъ небольшимъ жалованьемъ, едва достаточнымъ на собственное прокормление, должны помогать, а иногда даже и содержать еще бѣднѣйшихъ себя родственниковъ своихъ,—словомъ, въ пользу тѣхъ, которымъ досталась горькая доля тянуть двойную тягость жизни. А потому прошу всѣхъ моихъ читателей, которые сдѣлали уже начало добруму дѣлу покупкой этой книги, сдѣлать ему и доброе продолженіе, а именно: собрать, по возможности и по мѣрѣ досуга, свѣдѣнія обо всѣхъ, наиболѣе нуждающихся какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, не пренебрегая скучнымъ дѣломъ входить самому лично въ ихъ труды обстоятельства и доставлять всѣ таковыя свѣдѣнія тѣмъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованія.

Много происходитъ вокругъ насъ страданій, намъ неизвѣстныхъ; часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, въ одной и той же улицѣ, въ одномъ и томъ же съ нами домѣ изнываетъ человѣкъ, сокрушенный весь тяжкимъ игомъ нужды и ею порожденного суроваго внутренняго горя, котораго вся участъ, можетъ-быть, зависѣла отъ одного нашего пристальнаго на него взгляда; но взгляда на него мы не обратили: беззечно и беззаботно продолжаемъ жизнь свою, почти равнодушно слышимъ о томъ, что такой-то, жившій съ нами рядомъ, погибнуть,—не подозрѣвая того, что причиной этой погибели было именно то, что мы не дали себѣ труда пристально взглянуть на него. Ради Самого Христа, умоляю не пренебрегать разговорами съ тѣми, которые молчаливы, неразговорчивы, которые скорбятъ тихо, претерпѣваютъ тихо и умираютъ тихо, такъ что даже рѣдко и по смерти ихъ узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени своего горя. Всѣхъ же тѣхъ моихъ читателей, которые, будучи заняты обязанностями и должностями высшими и важнѣйшими, не имѣютъ черезъ то досуга входить непосредственно въ положеніе бѣдныхъ, прошу не оставить носильнымъ, денежнымъ вспоможеніемъ, препровождая его къ одному изъ раздавателей такихъ вспомоществованій, которыхъ имена и адресы приложены въ концѣ сего предувѣдомленія.

Считаю обязанностью при этомъ увѣдомить, что избраны мною для этого дѣла тѣ изъ мною знаемыхъ лично людей, которые, не будучи озабочены излишне собственными хло-

иотами и обязанностями, лишающими нужного досуга для подобныхъ занятій, влекутся сверхъ того собственной душевной потребностью помогать другому и которые взялись радостно за это трудное дѣло, несмотря на то, что оно отнимаетъ отъ нихъ множество пріятныхъ удовольствій свѣтскихъ, которыми неохотно жертвуетъ человѣкъ. А потому всякъ изъ дающихъ можетъ быть увѣренъ, что помошь, имъ произведенная, будетъ произведена съ разсмотрѣніемъ: не бросится изъ нея и копѣйка напрасно. Не помогутъ они по тѣхъ порь человѣку, пока не узнаютъ его близко, не взвѣсять всѣхъ обстоятельствъ, его окружающихъ, и не получать такимъ образомъ вразумленія полнаго, какимъ совѣтомъ и напутствіемъ сопроводить поданную ему помошь. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ страждущій самъ виной тяжелой участіи своей и въ дѣло его бѣдствія замѣщалось дѣло его собственной совѣсти, помошь произведутъ они не иначе, какъ черезъ руки опытныхъ священниковъ и вообще такихъ духовниковъ, которые не въ первый разъ имѣли дѣло съ душою и совѣстью человѣка. Хорошо, если бы всякъ изъ тѣхъ, которые будутъ собирать свѣдѣнія о бѣдныхъ, взять на себя трудъ изъясниться объ этомъ съ раздавателями суммъ лично, а не посредствомъ переписки: въ разговорахъ объясняются легко всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Всякъ можетъ усмотрѣть самъ, уже по роду самого дѣла, къ кому изъ означенныхъ лицъ ему будетъ приличнѣй, ловче и лучше обратиться, принимая въ соображеніе и то, въ какомъ дѣлѣ особенно нужно страдательное участіе женщины, а въ какомъ твердое, братски подкрѣпляющее слово мужа. Лучше, если для такихъ переговоровъ будетъ назначенъ разъ навсегда одинъ определенный часъ, хотя, положимъ, отъ 11 до 12, который вообще для всѣхъ, для большинства людей, есть удобнѣйший; если-жъ кому онъ и не удобенъ, то все-таки, пришедши въ этотъ часъ, можно получить осѣдомленіе о другомъ, удобнѣйшемъ.

Имена принявшихъ на себя раздачу вспомоществованія:

Въ Москвѣ:	Въ Петербургѣ:
Авдотья Петровна Елагина.	Ольга Степановна Одоевская.
Катерина Александровна Свербѣева.	Графиня Анна Михайловна Вѣльегорская.
Вѣра Сергеевна Аксакова.	Графиня Дацкова.
Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.	Аркадій Осиповичъ Россети.
Николай Филипповичъ Павловъ.	Юрій Федоровичъ Самаринъ.
Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.	Владиміръ Алексѣевичъ Мухановъ.

VII.

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА.

Дѣйствующія лица.

Первый комическій актеръ — Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

Хорошенькая актриса.

Другой актеръ.

Федоръ Федорычъ, любитель театра.

Петръ Петровичъ, человѣкъ большого свѣта.

Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.

Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.

Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ (*выходя на сцену*). Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо сыграль, и рукоплесканье публики досталось не даромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то, значитъ, дѣло было сделано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа актеровъ и актрисъ.

Другой актеръ (*съ спинкой въ руки*). Михайло Семеновичъ, это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ. Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ; достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги; но если своя братья — товарищи, которые подчасъ и завистливы, и

несправедливы, если своя братья — товарищи поднесут кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то, значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

Первый комическій актеръ (*принимая вѣнокъ*). Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

Другой актеръ. Нѣтъ, не въ руки держать; надѣньте-ка на голову!

Всѣ актеры и актрисы. На голову вѣнокъ!

Хорошенькая актриса (*выступая впередъ, съ повелительнымъ жестомъ*). Михайло Семенычъ, вѣнокъ на голову!

Первый комическій актеръ. Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ — возьму, но падѣть на голову — не наѣну. Другое дѣло — принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка — значило бы показать пренебреженье къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищѣй, — господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной уверенности въ себѣ.

Всѣ. Вѣнокъ на голову!

Хорошенькая актриса. На голову вѣнокъ, Михайло Семенычъ!

Другой актеръ. Это наше дѣло; мы суды, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣничали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который быль бы когда-либо вами обиженъ; за то, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ. Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то, что вы не обѣ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому сыграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то, наконецъ, что такъ любили дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его.— И вотъ вамъ за что подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ.

Первый комическій актеръ (*растрашенный*). Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлось бы, чтобы было такъ.

Входятъ Федоръ Федорычъ, Семенъ Семенычъ, Петръ Петровичъ и Николай Николаичъ.

Федоръ Федорычъ (*бросивши обнимать первого актера*). Михаило Семенычъ! Себя не помню, не знаю, что и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

Петръ Петровичъ. Не почитте словъ моихъ за лесть, Михаило Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчаль,— а могу сказать нехваствовски, быть на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Евроши, видѣть лучшихъ актеровъ, — не встрѣчаль подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

Семенъ Семенычъ. Михаило Семенычъ!... (*въ безсиліи выражить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки*) вы просто Асмодей!

Николай Николаичъ. Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно и въ такомъ соображеніи всего исполнить роль свою — нѣтъ, это что-то выше обыкновенной передачи. Это второе созданье, творчество!

Федоръ Федорычъ. Вѣнецъ искусства — и большие ничего! Здѣсь-то, наконецъ, узнаешьъ высокий смыслъ искусства. Ну, чѣмъ есть привлекательнаго, напримѣръ, въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденіе зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили. Я плакалъ; но плакалъ не отъ участья къ положенію лица, — плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло оттого, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, чѣмъ такое плутъ.

Петръ Петровичъ. Позвольте однakoжъ, оставивши въ сторонѣ мастерскую обстановку пьесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчаль,— а могу сказать нехваствовски, быть на лучшихъ театрахъ, — ужъ не знаю, кому обязанъ авторы: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ, — вѣроятно тому и другому вмѣстѣ; но подобная обстановка вывесеть хоть какую пьесу (не примите моихъ словъ за лесть, господа!) — позвольте однakoжъ, оставивши все это въ сторонѣ, сдѣлать мнѣ замѣчанье насчетъ самой пьесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея первого представлениія: не вижу я въ «Ревизорѣ», даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта пьеса нужна обществу.

Семень Семенычъ. Я даже вижу вредъ. Въ пьесѣ выставлено памъ униженье нашс; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ! «Что смѣетесь? — Надъ собой смѣетесь!»

Федоръ Федорычъ. Но, другъ мой, Семень Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говорить, вѣдь это говоритъ городничий; это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

Петръ Петровичъ. Позвольте, Федоръ Федорычъ, позвольте вамъ однажды замѣтить, что слова эти точно произвели странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ къ нему самому обращаетъ эти слова: «надъ собой смѣетесь!» Говорю это... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное непр расположение къ автору, или предубѣжденіе, или... словомъ не то, чтобы я имѣлъ противъ него что-нибудь, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе; мнѣ показалось, точно какъ бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками и, заставивши часъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говорить въ глаза: «вы надъ собой смѣетесь!»

Первый актеръ. Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничий былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки, которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ это время во весь духъ несется себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть, въ какихъ краяхъ. Дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, у автора не было никакого намѣренія: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пьесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что если бы у сочинителя была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

Семень Семенычъ. Благодарю за комплименты! Я по крайней мѣрѣ не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ «Ревизорѣ» людьми. Извините! Не хвастаюсь, что

я не безъ пороковъ, такъ же, какъ и всѣ люди, но все же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Федоръ Федорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: у меня рожа крива? (*Обращаясь ко всѣмъ другимъ*). Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

Федоръ Федорычъ. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя же сказать ужъ такъ напрямикъ, чтобы твоё лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотрі, немножко косовато: ну, а чтѣ косо, то ужъ и криво.

Петръ Петровичъ. Господа, вы вдалисъ совершенно въ другой вопросъ. Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого разума въ комедіи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ, въ самомъ сочиненіи это не обнаруживается.

Николай Николаичъ. Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому — вотъ искусство. Это непремѣнныи законъ искусства; безъ этого искусство — не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ оно быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно или отрицательно: выставляеть ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смеется надъ безобразiemъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставишь всю дрянь, какая ни есть въ человѣкѣ, и выставишь ее такимъ образомъ, что всякий изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это не похвала всему хорошему? спрашиваю: развѣ это не похвала добру?

Петръ Петровичъ. Безспорно, Николай Николаичъ; но позвольте однакоже вамъ...

Николай Николаичъ (не слушая). Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видишь, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ выставляютъ

его такъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ; то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое; то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что не знаешь, къ которой сторонѣ пристать; то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

Первый комический актеръ. Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! Вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать. То дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что такое спѣ видаѣтъ: злой ли человѣкъ, или добрый быть передъ нимъ. Къ добру не влечеть его, отъ зла не отталкивать, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и зачѣмъ.

Федоръ Федорычъ. И прибавьте, Михайло Семенычъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

Первый актеръ. Не говорите этого: ваши слова мѣтять въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подчасъ бываетъ горько. Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положенье лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясь—противъ станешь самому себѣ: хотѣть бы просто провалиться сквозь землю, и отъ рукоплесканій горинь, какъ отъ собственного стыда. Я и рѣшить не знаю, что хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или же выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закинуть весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ—гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Другой актеръ. Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

Петръ Петровичъ. Противъ этого я не могу сказать рѣши-

тельно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семенычъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что вы сейчасъ сказали, то-есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурного, а дурное было выражено въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но, напротивъ, желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя,— все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условиемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженіе, Николай Николаичъ, иначе пропадетъ его оригинальность, Николай Николаичъ,— понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ «Ревизорѣ» того большого значенія, которое придаются ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что именно бьеть оно, къ чему клонится, что новаго хотѣть доказать собой. Вотъ чтѣ, Николай Николаичъ, а не то, что вы говорите вообще объ искусствѣ.

Николай Николаичъ. Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится... вѣдь это... вѣдь это видно.

Петръ Петровичъ. Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ-быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрыть ее. Въ такомъ случаѣ это выйдетъ уже преступленіе предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что вы себѣ ни говорите. Разберемъ-те-ка серьезно эту комедію: вѣдь «Ревизоръ» совсѣмъ не производить того впечатлѣнія, чтобы зритель послѣ него освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженіе, другіе даже озлобленіе, а вообще всякъ унесъ какое-то тягостное чувство. Несмотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденные сцены, на комическое даже положеніе многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то этакое... я вамъ даже объяснить не могу,— что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ беспорядковъ нашихъ. Самое это появленіе жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнѣе, кото-

рое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о прѣздѣ настоящеаго ревизора, который долженъ всѣхъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ—все это какъ-то необыкновенно страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, *à la lettre*, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобы это вышло такъ, само собой.

Первый комическій актеръ. А вотъ, наконецъ, догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ «Ревизоръ». Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣніе, имъ производимое, а никто не далъ запроса: зачѣмъ было производить его?—точно какъ будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она и чтѣ выйдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку, даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(*Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ.*)

Петръ Петровичъ. Михайло Семенычъ, объяснитесь: это что-то неясно.

Семенъ Семенычъ. Это пахнетъ какою-то загадкой.

Первый комическій актеръ. Да какъ же, въ самомъ дѣлѣ, вы не замѣтили, что «Ревизоръ» безъ конца?

Николай Николаичъ. Какъ безъ конца?

Семенъ Семенычъ. Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія не бываетъ.—Развѣ новая побранка въ придачу?

Петръ Петровичъ. Позвольте, однажды, замѣтить вамъ, Михайло Семенычъ, что же за пьеса, которая безъ конца? я спрашиваю васъ. Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаичъ! Вѣдь это, по-моему, значитъ принести, поставить передъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, чтѣ въ ней лежитъ?

Первый комическій актеръ. Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

Петръ Петровичъ. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или же просто дать ключъ въ руки.

Первый комический актеръ. Ну, а если и ключь лежить тутъ же, возлъ шкатулки?

Николай Николаичъ. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключь, а вы держите его и секретничаете.

Федоръ Федорычъ. Объявите, Михайло Семенычъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

Семенъ Семенычъ. Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Чтѣ это за странная такая шкатулка, которая, неизвѣстно зачѣмъ, намъ поднесена, неизвѣстно зачѣмъ, передъ нами поставлена и, неизвѣстно зачѣмъ, отъ насъ заперта?

Первый комический актеръ. Ну, а что-жъ, если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами? и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для однихъ, чтѣ старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, чтѣ свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мнѣяется на немъ штемпель?

Николай Николаичъ. Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключь и ничего больше!

Семенъ Семенычъ. Ключь, Михайло Семенычъ!

Федоръ Федорычъ. Ключь!

Петръ Петровичъ. Ключь!

Всѣ актеры и актрисы. Михайло Семеновичъ, ключь!

Первый комический актеръ. Ключь? Да примсте ли вы, господа, этотъ ключь? Можетъ-быть, швырнете его прочь вмѣстѣ со шкатулкой?

Николай Николаичъ. Ключь! не хотимъ больше ничего слышать. Ключь!

Всѣ. Ключь!

Первый комический актеръ. Извольте, я дамъ вамъ ключь. Отъ комического актера вы, можетъ-быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но чтѣ-жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разгорѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, чтѣ ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни приняли слова мои. Нѣть, господа, не даваль мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключь, и сердце мое говорить мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и

душа моя говорить мнъ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотриесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ пьесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣть во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насть чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣть. Не такъ ли? Ну, а чтѣ, если это нашъ же душевный городъ, и сидитъ онъ у всякаго изъ насть? Нѣть, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка,—вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ,—взглянемъ хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насть, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанеть ли у кого-нибудь изъ насть тогда духу спросить: «Да развѣ у меня рожа крива?» Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только-что видѣлъ въ пьесѣ! Нѣть, Петръ Петровичъ, нѣть, Семенъ Семенычъ, не говорите: «это старая рѣчи», или: «это ужъ мы сами знаемъ!» Дайте-жъ, наконецъ, ужъ и мнъ сказать слово. Что-жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вепци, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ бы въ первый разъ только ихъ слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ, — тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говорить ихъ. Нѣть, Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не кончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только-что сыграли мы. Чѣмъ ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ пась у дверей гроба. Будто не знасте, кто это ревизоръ? Чѣмъ прикидываться? Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насть вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что, по Именному Высшему повелѣнью, онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое

страшилище, что отъ ужаса подымется волось. Лучше-жъ сдѣлать ревизовку всему, чтò ни есть въ нась, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея—на мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвалы собой, да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ наинемъ городѣ, который въ иѣсколько разъ хуже всякаго другого города,—въ кото-ромъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ обѣ руку переглядѣть все, чтò ни есть въ нась,—настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ — щелкочёрь, Хлестаковъ — вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупить какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковыми подѣ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ наинемъ. Смотрите, какъ всякий чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался,—вышелъ чуть не святой. Думаете, не хитрый всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже самая пустая, поплая какая-нибудь привычка. Такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвасташься передъ своимъ братомъ и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрали и чисто!» Лицемѣры — наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣль съ ними дѣло. Нѣть, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ: и ее самое онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлестаковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было нивѣсть куда — и въ генералы полѣзъ, и наѣрника сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣть, Петръ Петровичъ, нѣть, Семенъ Семенычъ, нѣть, господи, всѣ, кто ни держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковыми, но съ настоящими ревизоромъ огляпемъ себя! Клинусь, душевный городъ нальѣ стѣтъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ

онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ на-
шихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ,
которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные
соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низ-
кия наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы
смѣяться надъ всѣмъ, чтобъ позорить истинную красоту чело-
вѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ
его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣт-
ское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни
дурнаго! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ
мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно
надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ!
Не одну эту комедію, но все, что бы ни показалось изъ-
подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося
надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой соб-
ственный счетъ, какъ бы оно именно было на насть лично
написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься
въ свою душу не съ Хлестаковыми, но съ настоящими и
неподкупными ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы
какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливый,
самъ исчистый духъ, шепнулъ его устами: «Чтобъ смѣялся?
надъ собой смѣяется!» Гордо ему скажемъ: «Да, надъ собой
смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу
породу, потому что слышимъ приказанье Высшее быть луч-
шими другихъ!» Соотечественники! вѣдь у меня въ жилахъ
тоже русская кровь, какъ и у васъ. Смотрите: я плачу!
Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу.
Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же
честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу
землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я ка-
кой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ лю-
дей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства
и возбудилъ въ васъ смѣхъ,—не тотъ безшутный, кото-
рымъ пересмѣхается въ свѣтъ человѣкъ человѣка, который
рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но
смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно дока-
жемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все, что ни есть,
отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому все
должно служить на землѣ, несется туда же (взглянувши
наверхъ) къ Верховной вѣчной красотѣ!

ЖЕНИТЬБА:

СОВЕРШЕННО НЕВЪРОЯТНОЕ СОБЫТИЕ.

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(писано въ 1833 г.).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агаѳья Тихонсвна, купеческая дочь, невѣста.
Арина Пантелеимоновна, тетка.
Ѳекла Ивановна, сваха.
Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.
Кочкаревъ, другъ его.
Яичница, экзекуторъ.
Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.
Жевакинъ, морякъ.
Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.
Стариковъ, гостинодворецъ.
Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНИЕ I.

Подколесинъ (одинъ, лежитъ на диванѣ съ трубкой).

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Чтѣ въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходить. Право, самому какъ-то становится совѣтно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ неѣть.

Подколесинъ. А у портного былъ?

Степанъ. Быль.

Подколесинъ. Чтѣ-жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже написалъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Что ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на чтѣ, моль, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Неѣть, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, онъ говорилъ: не хочетъ ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однажды, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьстъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однажды, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядистъе, чтѣ на вашемъ.

Подколесинъ. Чѣдъ ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это поприглядистъе, чтѣ на вашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, моль, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьсть себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, обѣ этомъ не заговариваль.

Подколесинъ. Ты, однажде, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказываль.

Подколесинъ. Чѣдъ онъ на это?

Степанъ. Говорить: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Подколесинъ (одинъ).

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титуларнымъ и прочей мелюзгѣ, — молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ забыть слово! и хорошее слово, да позабыть. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный съѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, чтѣ на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ. Чѣ-жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Чѣ-жъ, блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ-быть, не говорилъ ли: не затѣвается ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНИЕ V.

Подколесинъ (*одинъ*).

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь, однажды, если дурно спиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытеригать, Богъ знаетъ чѣ, только бы не мозоли. Эй, Степаны!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говориль сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Чѣ-жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говорить: хорошо.

(*Степанъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вешь—женитьба! Тѣ, да сѣ, да это. Чтобы тѣ, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорять. Эй, Степанъ! (*Степанъ входитъ*). Я хотѣть тебѣ сїе сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. (*Степанъ уходитъ*). Да, это вешь... вешь, не того... трудная вешь.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Подколесинъ и Фекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Фекла Ивановна! Ну, чтѣ? какъ? Возьми стулъ, садись, да и рассказывай. Ну, такъ, какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?..

Фекла. Агаэя Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агаэя Тихоновна. И вѣрно какам-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Фекла. Ужь вотъ пѣтъ, такъ нѣтъ; то-есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Фекла Ивановна!

Фекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы вратъ; несъ вреть.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

Фекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ флажахъ, ужь такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платить семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигера—одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть сїе на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣть: двухъ ужь поженилъ, «а третій», говоритъ, «еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ», говоритъ, «старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче».

Подколесинъ. Да собой-то, какова собой?

Фекла. Какъ рефнать! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ

молокомъ... Сладость такая, что и разскажать нельзя. Ужь будете вотъ по этихъ поръ довольны (*показывая на горло*), то-есть и приятелю, и непріятелю скажете: «Ай да Фекла Ивановна, спасибо!»

Подколесинъ. Да, вѣдь она, однажды, не штабъ-офицерша?

Фекла. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужь такая, что и генералу обиды не нанесеть. О куницѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ», говорить, «какой бы ни быть мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ». Да, такой великаетесь! А къ воскресному-то какъ надѣисть шелковое платье—такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?..

Фекла. Да ужь обнокованно, какъ не понимать? Быть у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не понравился. Такой ужь у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и скажетъ, а такой на взглядъ видный. Чѣмъ-же дѣлать, такъ ужь ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужь не можетъ, чтобы не прилагнуть — такая ужь на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣть никакихъ?

Фекла. Да какой же тебѣ еще? Ужь это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужь самая лучшая?

Фекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушки. Приходи-ка послѣ-завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты разскажешь...

Фекла. Да помилуй, отцы! ужь вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидѣть въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваешь.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» натянуль на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Фекла. Ну, такъ что-жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На тѣ товары, чтобы смотрѣть. Вотъ црикачи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Телерь? А вонь видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

Өекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядить, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Чѣд за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ-жъ сѣдой волосъ? (*Щупаетъ свою волосы*).

Өекла. Какъ не быть сѣдому волосу, — на то живеть человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говорить-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служить.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало, — гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣть, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ оспа. (*Уходитъ въ другую комнату*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Өекла и Кочкаревъ (въпяла).

Кочкаревъ. Чѣд Подколесинъ?.. (*Увидѣвъ Өеклу*). Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Өекла. А чѣд-жъ дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль — жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Өекла. Да вѣдь ты-жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ, ты крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?..

Өекла. А чѣд-жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣть? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же и Подколесинъ (съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно).

Кочкаревъ (подкрадываясь сзади, пугаетъ его). Пуфъ!

Подколесинъ (вскрикнувъ ироня зеркало). Сумасшедший!

Ну, зачёмъ... зачёмъ... Ну, чтò за глупости! Перепугаль, право, такъ, что душа не на мъстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутилъ.

Подколесинъ. Чтò за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонь разбилъ; въдь это вещь не даромъ: въ английскому магазину куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно: я сышу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: щѣлымъ десяткомъ кажеть старѣе, и рожа выходитъ ко-сякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, въдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Же-ниться въдь вздумалъ?

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думать!

Кочкаревъ. Да въдь улика на-лицо. (*Указываетъ на Оеклу*). Въдь вотъ стоитъ, извѣстно, чтò за птица. Ну, что-жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. (*Къ Оеклу*). Ну, говори: какъ, чтò и прочее.—Дворянка, чиновница или въ купечествѣ, что-ли, и какъ зовутъ?

Оекла. Агаэя Тихоновна.

Кочкаревъ. Агаэя Тихоновна Брандахлыстова?

Оекла. Анъ нѣтъ—Кулердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что ли, живеть?

Оекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будеть поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой—деревянный домъ?

Оекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ,— вотъ тутъ-то я не знаю.

Оекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти налево, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то-есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живеть швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлехтаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный — вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то-есть, она живеть, Агаэя Тихоновна-то, невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай—вѣт тебѣ больше пѣть нужды.

Фекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь за-править?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшиайся только.

Фекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступись, батюшка, право!

Кочкаревъ. Пойди, пойди! Не смыслишь ничего, не мѣшиайся. Знай сверчокъ своей шестокъ,—убирайся!

Фекла. У людей только чтобы хлѣбъ отыматъ, безбожникъ такой! Вѣт такую дрянь вмѣшиался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. (*Уходитъ съ досадой*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла пельзя откладывать — ёдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только по-думалъ...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузъся: я тебя женою такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ёдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ёхать!

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, размотри самъ: ну, чтѣ изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, чтѣ въ неї? Вонъ невычищенный саногъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣть.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клѣткѣ, руко-дѣлье... И, вообрази, ты сидишь на диванѣ—и вдругъ къ тебѣ подсидѣть бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебѣ...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія вѣт самомъ дѣль бывають ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куда тебѣ! Будто у нихъ только, чтѣ ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю, если возвѣтъ меня сидѣть хорошенъкая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чѣмъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужъ я... Шампанскаго меныше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ—эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что же касается до обѣда—у меня, братъ, есть на примѣтъ придворный офиціантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему-жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ согласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявишь, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло... Да чтѣ? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ чтѣ-жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно...

Кочкаревъ. Чѣ-жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно: все былъ не женатый, а теперь вдругъ женатый.

Кочкаревъ. Ну, ну... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, чтѣ ты теперь такое? Вѣдь, просто, бровно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало—что ты тамъ

видишь. Глупое лицо — больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будуть ребятишки, вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ-быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя экспедитор-ченки, маленькие этакіе канальчики, и какой-нибудь по-стрѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачки: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большие: будуть все портить, разбрасывать бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалять, да вѣдь всѣ на тебя похожи — вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно, — конечно, смѣшно. Ну, такъ пойдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, пойдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Стапанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ (*одѣвается, передъ зеркаломъ*). Я думаю однажды, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ (*надѣваетъ воротнички*). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоять. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найду другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводить время, а не гладить.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. (*Надѣваетъ фракъ и садится*). Послушай, Илья Ёомичъ, знаешь ли что? Позѣжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѿхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно — и вдругъ не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, чтò-жъ ты брашишься? съ какой стати? чтò я тебъ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебъ всякий скажеть. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чёмъ стараюсь? — О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманиТЬ кусъ. Лежить, проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты ихожъ? — Ну, ну, дрянь, колиакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хороши въ самомъ дѣлѣ. (*Впололоса*). Въ своемъ ли ты умѣй? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще этакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ — просто съ-дуру, блѣны обѣѣлся, деревяннѣй чурбани...

Подколесинъ. Ну, полно, я єду — чего-жъ ты раскричался?

Кочкаревъ. Ёду! Конечно, чтò-жъ другое дѣлать, какъ не єхать! (*Степану*). Давай ему шляпу и пинель.

Подколесинъ (*съ дверяжъ*). Такой, право, странный человѣкъ. Съ шимъ никакъ нельзя водиться: выбранить вдругъ ни за что, ни про чтò. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ конечно, теперь не браню. (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Комната въ домѣ Агаѳы Тихоновны.

Агаѳа Тихоновна раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ метка Арина Пантелеимоновна.

Агаѳа Тихоновна. Оиять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король... слезы... любовное письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеимоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѳа Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеимоновна. А я знаю, кто.

Агаэя Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеимоновна. А хороший торговецъ, что по суп-
коницой линії, Алексей Дмитревичъ Стариковъ.

Агаэя Тихоновна. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что
ставлю, не онъ.

Арина Пантелеимоновна. Не спорь, Агаэя Тихоновна, во-
лосъ ужъ такой русый. Нѣть другого трефового короля.

Агаэя Тихоновна. А вотъ же нѣть: трефовый король
значитъ здѣсь дворянинъ — купцу далеко до трефового ко-
роля.

Арина Пантелеимоновна. Эхъ, Агаэя Тихоновна, а вѣдь
не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой
батюшка, Пантелеимоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ уда-
ритъ всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: «Плевать я»,
говорить, «на того, который стыдится быть купцомъ: да не
выдамъ же», говорить, «дочь за полковника. Пусть ихъ
дѣлаютъ другіе! А и сына», говорить, «не отдамъ на службу.
Чтѣ», говорить, «развѣ купецъ не служить государю такъ
же, какъ и всякий другой?» Да всей пятерней-то такъ по
столу и хватить. А рука-то въ ведро величиною — такія
страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою
матушку, а покойница прожила бы подольше.

Агаэя Тихоновна. Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ тѣ-
кой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеимоновна. Да вѣдь Алексей-то Дмитріевичъ
не такой.

Агаэя Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: ста-
нетъ юсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣть, нѣть, не хочу!

Арина Пантелеимоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго
дворянинна? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаэя Тихоновна. Оекла Ивановна сыщеть; она обѣща-
лась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеимоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЛВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Оекла.

Оекла. Ахъ нѣть, Арина Пантелеимоновна, грѣхъ вамъ
понапрасну поклонъ взводить.

Агаэя Тихоновна. Ахъ, это Оекла Ивановна! Ну, что, го-
вори, рассказывай! Есть?

Өекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ сбратъся — такъ ухлоноталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть-было не прибили, ей-Богу: старуха-то, чтѣ же-нила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталь», говорить.—«Да чтѣ-жъ», сказала я напрямикъ: «я для своей барыни, не прогибъвайся, все готова удовлетворить». Зато ужъ какихъ жениховъ тебѣ пригласла! Тоесть, и стоять свѣтъ, и будеть стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаевъ Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Өекла Ивановна, я боюсь.

Өекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, большие ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся,—ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеимоновна. Ну, ужъ, чай, хорошихъ приманила!

Агаевъ Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Өекла. Да человѣкъ шесть есть.

Агаевъ Тихоновна (вскрикивая). Ухъ!

Өекла. Ну, чтѣ-жъ ты, мать моя, такъ вспорхиулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаевъ Тихоновна. Чѣ-жъ они, дворяне?

Өекла. Всѣ, какъ на подборь; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаевъ Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Өекла. А славные, всѣ такие хороши, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотъ служилъ—какъ-разъ по тебѣ придется. Говорить, что ему нужно, чтобы несѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любить. А Иванъ-то Павловичъ, чтѣ служить езекухоромъ, такой важный, что и приступу нѣть. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричть на меня: «Ты мнѣ не толкай пустяковъ, что несѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?» — «Столько-то и столько-то, отецъ мой!» — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклепль такое словцо, что и нечарично тебѣ сказать. Я такъ

вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Ѳекла. А еще Никаноръ Иваловичъ Анучкинъ. Это ужъ такой великанъ, а губы, мать моя,—малина, совсѣмъ малина—такой славный. «Миѣ», говоритъ, «нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говоритьъ». Да, такого новеденія человѣкъ, иѣменецкая штука; а самъ-то такой субтильный, и ножки узенькия, тоненькия.

Агаѳья Тихоновна. Нѣть, миѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Ѳекла. А коли хочешь помолоть, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучшіе нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, печа сказать, баринъ—такъ баринъ: мало въ эти двери не войдеть—такой славный.

Агаѳья Тихоновна. А сколько лѣть ему?

Ѳекла. А человѣкъ еще молодой: лѣть пятьдесятъ, да и пятидесяти еще пѣть.

Агаѳья Тихоновна. А фамилія какъ?

Ѳекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Личница.

Агаѳья Тихоновна. Это такая фамилія?

Ѳекла. Фамилія.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѣеклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѳья Тихоновна Личница? Богъ знаетъ, чтѣ такое!

Ѳекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только илюненій да перекрешишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

Агаѳья Тихоновна. А какіе у него волосы?

Ѳекла. Хорошіе волосы.

Агаѳья Тихоновна. А нось?

Ѳекла. Э... и нось хороший; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погибнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоить, больше ничего пѣть — никакой мебели.

Агаѳья Тихоновна. А еще кто?

Ѳекла. Акинѳ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, тип-

тулярный советникъ, немножко занкается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеимоновна. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любить ли опь выпить, вотъ, моль, чтò скажи.

Фекла. А пьсть; не прекословлю, пьеть. Что-жъ дѣлать, — ужъ опь титулярный советникъ! зато такой тихий, какъ шелкъ.

Агаѳья Тихоновна. Ну, пить, я не хочу, чтобы мужъ у меня была пьяница.

Фекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что-жъ такого, что иной разъ выпьешь лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьяшь: иной день выберется и трезвый.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаѳья Тихоновна. Ну, да кто же опь?

Фекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный советникъ и нетлицу носить, да ужъ на подъемъ куда тяжель, не выманишь изъ дома.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Фекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобраво; а вѣдь давича было испугалась.

Арина Пантелеимоновна. Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, кунецъ одинъ станеть за всѣхъ.

Фекла. А пить, Арина Пантелеимоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеимоновна. Да что въ почтеннѣй-то? А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится..

Фекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдеть навстрѣчу, скажетъ: «Что ты, купчинка? свороти съ дороги!» или: «покажи, купчинка, бархату самаго лучшаго!» а кунецъ: «Извольте, батюшка!» — «Л синими-ка, невѣжа, пляши!» вотъ чтò скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеимоновна. А кунецъ, если захочеть, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенький, и не въ чёмъ ходить дворянину.

Фекла. А дворянинъ зарубить кунца.

Арина Пантелеимоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Фекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенактору.

Арина Пантелеимоновна. А купецъ къ губернахтору.

Фекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеимоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ бывше сенактора! Разносилась съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнеть шапку... (*Въ дверяхъ слышенъ звонокъ*). Никакъ, звоонить кто-то.

Фекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеимоновна. Кто они?

Фекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаѳья Тихоновна (*вскрикиваетъ*). Ухъ!

Арина Пантелеимоновна. Святые, помилуйте насть грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. (*Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаєтъ по комнатѣ*). Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! (*Дуняшка является*). Скорѣе чистую салфетку! (*Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ*).

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеимоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! (*Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку, въ дверяхъ звонятъ*). Бѣги, скажи: «сейчасъ!» (*Дуняшка кричитъ издалека: сейчасъ!*)

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

Арина Пантелеимоновна. Ахъ, Господи милосердый, не побуди! Надѣнь другое.

Фекла (*вѣяла*). Чѣ-жь вы не идете? Агаѳья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! (*Слышенъ звонокъ*). Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеимоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. (*Дуняшка бѣжитъ въ спни и отворяетъ дверь. Слышны голоса: Дома?—Дома, пожалуйте въ комнату. Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотретьъ въ замочную скважину*).

Агаѳья Тихоновна (*вскрикиваетъ*). Ахъ, какой толстый!

Фекла. Идеть, идеть! (*Всѣ бѣгутъ опрометью*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. (Уходитъ).

Яичница. Пожалуй, пождать — пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генераль: «А гдѣ экз-уторъ?» «Невѣсту поискъ выглядывать»... Чтобы не задать онъ такой невѣсты... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. (Читаетъ). «Каменный двухъэтажный домъ»... (подымаются глаза възрѣ и осматриваютъ комнату) есть! (Продолжаетъ читать). «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховать. «Дрожки, сани парния съ рѣзбой подъ большой коверь и подъ малый». Можетъ-быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожъ, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряные ложки. «Двѣ лисьихъ шубы...» Гм! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» (значительно сжимаетъ губы). «Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, дваочныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщають и домъ, и экипажи, а какъ женишься — только и найдешь, что пуховики да перины. (Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ вспопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышины голоса: Дома? — Дома).

ЯВЛЕНИЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выйдутъ. (Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей).

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ паненькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣть, вовсе не съ паненькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница (въ сторону). Физіогномія этого человѣка миѣ

что-то подозрительна: чутъ ли онъ не за тѣмъ же сюда пришель, за чѣмъ и я. (*Вслухъ*). Вы, вѣрою, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣть, что-жъ... надобности никакой нѣть, а такъ зашель съ прогулки.

Яичница (*въ сторону*). Вретъ, вретъ, съ прогулки! Жениться, подлецъ, хочеть! (*Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ смыкѣ голоса: Дома? — Дома*).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣ же и **Жевакинъ** (*въ сопровождении дѣвчонки*).

Жевакинъ (*Дуняшкѣ*). Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристаю не мало. Вонъ тамъ пожалуйста сними пушинку. (*Поворачивается*). Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазить! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. (*Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича*). Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я быть сдѣланъ лейтенантомъ — сукно было совсѣмъ новенькое; въ 814 сдѣлать экспедицію вокругъ сѣга, и вотъ только по швамъ немножко поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ; ужъ десять лѣтъ иону, до сихъ поръ почти что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! (*Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы*).

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А, прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакія деревица какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такие розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловаться.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эпо-

леты (*показываетъ на плеча*), золотое шитье, и этакъ кра-
соточки черномазенькия — у нихъ вѣдь возлѣ каждого дома
балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно
плоски, — бывало, этакъ смотришь и сидѣть этакой розан-
чикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь...
(*Кланяется и размахиваетъ рукою*) и она этакъ только.
(*Дѣлаетъ рукою движеніе*). Натурально, одѣта: здѣсь у ней
какая-нибудь тафтица, интуровочка, дамскія разныи се-
режки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, — позвольте еще вамъ сѣѣтъ во-
просъ, — на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, всѣ на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-фран-
цузски?

Жевакинъ. Всѣ-сь рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть,
не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать
четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слы-
халъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворя-
нахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офи-
церахъ; но возмите парочно тамошняго простого мужика,
который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте,
скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба» — не пойметъ, ей-Богу
не пойметъ; а скажи по-французски: «Dateci del pane» или:
«portate vino!» — пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесеть.

Иванъ Павловичъ. А любопытная однакожъ, какъ я вижу,
должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — муж-
ики: что мужикъ? какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ
и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашеть,
или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, напутъ
или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ до-
ложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-сь кладутъ.
Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода,
и вездѣ гондолы... Натурально, сидѣть этакая итальяночка,
такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами
были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и
наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не
понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обозна-
комились, начали свободно понимать. Показешь бывало

этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчась и знаешь, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкий,—наши матросы въ три дни какихъ-нибудь стали совершенцо понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень приятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ—ст., лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ—съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ (не дослушавъ). Да, я тоже перекусиль. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣсть съ хлѣбцемъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣть, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ (кланяясь). Ахъ, извините! я немножко туговатъ на ухо. Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покупали яичницы.

Иванъ Павловичъ. Да чтѣдѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницъ, да свои отговорили; говорятъ: будеть похоже на «собачий сынъ».

Жевакинъ. А это однажды бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы,—всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Переprѣевъ лейтенантъ, а одинъ мичманъ, и даже хороший мичманъ, быть по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: «Эй, ты, Дырка, поди сюда!» и бывало, надѣ пимъ всегда пошутить «эхъ ты, дырка этакой!» говорить, бывало, ему. (*Слышенъ въ стихахъ звонокъ; Фекла бѣжитъ черезъ комнату отворять*).

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте, матушка, Фекла Ивановна!

Фекла (бѣжитъ впопыхахъ). Спасибо, отцы мои, здоровья, здоровья! (*Отворяетъ дверь; отъ стихахъ раздаются голоса: Дома?—Дома. Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыхъ Фекла отвѣчаетъ съ досадою: смотри ты какой!*)

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Тъ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Фекла.

Кочкаревъ (*Подколесину*). Ты помни только куражъ и больше ничего. (*Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про-себя*). Фу, ты, какая куча народу! Это что значить? Ужъ не женихъ ли? (*Толкаетъ Феклу и говоритъ ей тихо*). Съ которыхъ сторонъ и онабрала воронъ— а?

Фекла (*впололоса*). Тутъ тебѣ воронъ нѣть, все честные люди.

Кочкаревъ (*ей*). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Фекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шапка въ рубль, а пци безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. (*Всмуща*). Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? (*Подходитъ къ двери*).

Фекла. Безстыдникъ! Говорять тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Чѣмъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. (*Смотритъ въ замочную скважину*).

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ (*продолжая смотрѣть*). Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣеть, женщина или подушка. (*Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть*).

Кочкаревъ. Чш... кто-то идетъ. (*Всѣ отскакиваютъ прочь*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тъ же, Арина Пантелеимоновна и Агаѳья Тихоновна. (*Всѣ раскланиваются*).

Арина Пантелеимоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого рода лѣсъ, въ какомъ количествѣ и въ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеимоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не бѣремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій асессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеимоновна. Прошу покориѣйше садиться. (*Обращается къ Жевакину и смотритъ на него*). А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже, въ газетахъ вижу объявление о чёмъ-то. Да-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеимоновна. А какъ-сь по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Быть у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: быть раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля таъ странно прошла, что колѣнка-то самаго не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, когда, бывало, стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

Арина Пантелеимоновна. А прошу покориѣйше садиться. (*Обращаясь къ Анучину*). А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучинъ. По сосѣдству-сь. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеимоновна. Не въ домѣ ли кунеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучинъ. Нѣть, я нокамѣсть живу еще на Пескахъ, но имѣю однакоже намѣреніе со временемъ перебраться сюда-сь бѣлье сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеимоновна. А прошу покориѣйше садиться. (*Обращаясь къ Кочкареву*). А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужли вы меня не знаете? (*Обращаясь къ Агаѣи Тихоновнѣ*). И вы также, сударыня?

Агаѣя Тихоновна. Сколько миѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрою, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѣя Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ разъ не у Бирюшкиныхъ-ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкиныхъ.

Агаэя Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ неё вѣдь исто-
рия случилась.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаэя Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то пере-
ломила ногу.

Арина Пантелеимоновна. И сильно переломила. Возвраща-
лась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучерь-то былъ
пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла
замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеимоновна. А какъ по фамилии?

Кочкаревъ. Какъ же,—Илья Фомичъ Кочкаревъ, въ род-
ствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говорить о томъ...
Позвольте, позвольте (*беретъ за руку Подколесина и под-
водитъ его*): приятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ,
надворный советникъ, служить экспедиторомъ, одинъ всѣ
дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеимоновна. А какъ по фамилии?

Кочкаревъ. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ.
Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла
онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеимоновна. Такъ-съ. Прощу покорнѣйше са-
диться.

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тъ же и Стариковъ.

Стариковъ (*кланяясь живо и скоро, по-купечески, и слегка
берясь за бока*). Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна!
Ребята на Гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть,
матушка!

Агаэя Тихоновна (*отворачиваясь съ пренебреженіемъ, вполн-
голоса, но такъ, что онъ слышитъ*). Здѣсь не купеческая
лавка.

Стариковъ. Вона! Аль неинопадъ пришли? аль и безъ
насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеимоновна. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріе-
вичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу
покорно садиться.

(*Всѣ успѣлись. Молчаніе*).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушки, мы были съ эскадрой въ весенне время,—если пригонять, такъ выйдеть къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дома—день солнечный, а потомъ этаѣтъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло—не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое?—просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть пріличнѣе мужу?

Жевакинъ. Хотѣли ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ. Нѣть, нѣть! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ иѣхотной службѣ, но умѣеть, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаѳья Тихоновна *молчитъ.*

Фекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушки?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаѳья Тихоновна?

Фекла (тихо сій). Скажи же, скажи: «Благодарствую», молъ, «съ моимъ удовольствиемъ...» Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаѳья Тихоновна (тихо). Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Фекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть чтѣ подумаютъ.

Агаѳья Тихоновна (*такъ же*). Нѣть, право уйду, уйду, уйду! (*Убѣдѣсть. Фекла и Арина Пантелеимоновна уходятъ вслѣдъ за нею.*)

ЯВЛЕНИЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значить?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришилишь. (*Фекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами:* что, чтѣ такое?)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Фекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей-Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Фекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ искон-фузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Просить извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. (*Уходитъ*).

Яичница (*въ сторону*). Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдеть возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣ завтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ (*Подколесину*). А вѣдь хозяйка недурна—а?

Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяйствка-то хороша?

Кочкаревъ (*въ сторону*). Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (*Всѣ уходятъ*). совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

Яичница. Ноѣтъ велико.

Жевакинъ. Ну, шѣть, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Шѣть, не тѣ, не то... Я даже думало, что врядъ ли она знакома съ обхожденiemъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-французски?

Жевакинъ. Да что-жъ вы, смѣю спросить, не попробо-

вали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣть, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенъко, и я бы знать, я бы непремѣнно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, чтобъ-жъ замъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А нѣть, нѣть. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... (*показываетъ жестами*) все ужъ будетъ не тѣ.

Яичница (*въ сторону*). Ну, обѣ этомъ заботиться кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женщины мнѣ не опасны—народъ что-то болно жиденький. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ. Пойти выкуриТЬ трубочку. А чтобъ, не по дорогѣ ли памъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будеть кругъ: я на острову, въ 18-й линии; а вирочемъ все-таки я васъ провожу.

Стариковъ. Нѣть, тутъ что-то сіѣсьевато. Ай приюомните потомъ, Агаѳья Тихоновна, и пашь! Съ моимъ почтеніемъ, господа! (*Кланяется и уходитъ*).

ЛВЛЕНИЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, чтобъ, вѣдь, и правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да чтобъ! Миѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ па! Это чтобъ? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и ность длинный, и по-французски не знать.

Кочкаревъ. Это еще чтобъ? тебѣ па что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему-жъ?

Подколесинъ. Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будеть у ней не то.

Кочкаревъ. Ну, вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она—красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да посіѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ,—ну, я разсмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ, ты, пирей, не нашель дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалиль,—такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты размотри только глаза ея: вѣдь это, чортъ знаетъ, чтѣ за глаза: говорять, дышатъ. А носъ? я не знаю, чтѣ за носъ! бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякой сравнится. Ты размотри самъ хорошенько.

Подколесинъ (*улыбаясь*). Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего-жъ?

Подколесинъ. Да что-жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту сироважу?

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

Подколесинъ. Почему-жъ не дать? изволь, я не отнираюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ (*подавая*). Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно. (*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѣы Тихоновны.

ЯВЛЕНИЕ I.

Агаѣя Тихоновна одна, потомокъ Кочкаревъ.

Агаѣя Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худоцавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прону покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ оштыкъ мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшишься, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Нашицу ихъ всеѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. (*Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда пожница и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить*). Такое несчастное положеніе дѣвицы, особенно еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что будетъ. (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мышаетъ ихъ рукой*). Странно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣть, отчего же онъ? лучше-жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣть, нѣть, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (*Шаритъ рукой въ ридикюль и вынимаетъ вместо одного всѣ*). Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣть, одного, одного! непремѣнно одного! (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мышаетъ. Въ*

это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади). Ахъ, если бы вынуть Балгазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣть, не хочу, не хочу! Кого прикажеть судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! (вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ).

Кочкаревъ. Да чего-жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личко.

Агаѳья Тихоновна (вполовину открывая лицо). Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ! (вскрикиваетъ и закрываетъ лицо вновь руками).

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовать часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаѳья Тихоновна (понемногу открываетъ лицо). Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ—вѣдь онъ тоже хороший человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

Агаѳья Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѳья Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ—дрянь, всѣ они—дрянь.

Агаѳья Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было,—Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаѳья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаэя Тихоновна. Такъ, по вашему совѣту, лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. (*Въ сторону*). Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подко-лесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаэя Тихоновна. Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаэя Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаэя Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему-жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаэя Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

Агаэя Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ, и онробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣрутъ вонъ.

Агаэя Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

Агаэя Тихоновна. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь выпало, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плонеть въ глаза,—вотъ и все.

Агаэя Тихоновна. Ну, вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали иль сколько разъ, ей-Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйший собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надобѣдать своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ — плонулъ въ самое лицо, ей-Богу! «Вотъ тебѣ», говорить, «твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья однажде все-таки прибавилъ. Такъ что-жъ изъ того, что плонеть? Если бы, другое дѣло, быть далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ—взять, да и вытерь. (*Въ съняхъ звонятъ*). Ступ-

чаться: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ-ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! (*Въ сторону*). Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНИЕ II.

Агаѳья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немнога позраньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ асессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаѳья Тихоновна. Да-сь.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта— вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? (*Смотритъ ей въ плечо, въ сторону*). О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькия нѣмки—кое-что есть.

Агаѳья Тихоновна. Я еще очень молода, не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочеть? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать—изъясниетесь... (*Слышенъ колокольчикъ*). Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ-быть, слишкомъ рано. (*Оборачивается и видитъ Яичницу*). Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница (*въ сторону*). Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! (*Вслухъ*). Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ?... (*Слышенъ колокольчикъ*; Яичница плюетъ съ сердцемъ). Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тъ же и Анучинъ.

Анучинъ. Можетъ-быть, я, сударыня, раньше, чѣмъ сль-
дуетъ и повѣльваетъ долгъ приличія... (*Видя прочихъ, ис-
пускастъ восклицаніе и раскланивается*). Мое почтеніе!

Яичница (*въ сторону*). Возьми себѣ свое почтеніе! Не-
легкая тебя привнесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя
ноги! (*Вслухъ*). Такъ какъ же, сударыня, рѣшите,—я че-
ловѣкъ должностной, времени у меня немногого — да, или
нѣтъ?

Агаѳья Тихоновна (*въ смущеніи*). Не нужно-сь... не
нужно-сь... (*Въ сторону*). Ничего не понимаю, чтѣ говорю.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи не нужно?

Агаѳья Тихоновна. Ничего-сь, ничего... Я не того-сь...
(*Собираясь съ духомъ*). Пошли вонъ!.. (*Въ сторону, вслес-
нувшись руками*). Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Яичница. Какъ «пошли вонъ?» Чтѣ это такое значить:
«пошли вонъ?» Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ
этимъ? (*Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно*).

Агаѳья Тихоновна (*взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ*). Ухъ, прибѣть, прибѣть! (*Убываетъ. Яичница стоитъ,
разинувши ротъ. Вѣняетъ на крикъ Арина Пантелеимо-
новна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ,
прибѣть! и убываетъ*).

Яичница. Чтѣ за притча такая! Вотъ, право, исторія! (*Въ
дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса*).

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, чтѣ-жъ ты остано-
вился?

Голосъ Подколесина. Да ступай ты впередъ. Я только на
минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей-Богу, не улизну!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тъ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ, очень нужно исправлять стремешку.

Яичница (*обращаясь къ нему*). Скажите, пожалуйста, не-
вѣста дура, что ли?

Кочкаревъ. А что? случилось развѣ что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: «прибѣгъ, прибѣгъ!» Чортъ знаетъ что такое.

Кочкаревъ. Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ; обѣ этомъ знаетъ жена моя,—это ихъ дѣло.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго съ-измала.

Яичница. Да, конечно, лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныхъ въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ таѣть, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроены: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь — мусоръ, щенки, стружки.

Яичница. Чѣмъ вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строить дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожъ вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ,—сугубы такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери посѣдѣнююю юбку снять бы, безбожники.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха-сваха... Ахъ она, бестія этакая, извергъ рода человѣкъ... (*Въ сторону*). Однакожъ онъ, можетъ-быть, и вретъ. Подъ строжайшей допросомъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте вѣсть побезпоконть тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаеть ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?...

Кочкаревъ. Ни бельмеса.

Анучкинъ. Чѣмъ вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она учи-
лась вмѣстѣ съ женой въ пансионѣ, извѣстная была лѣни-
вица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій
учитель, просто, былъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ первого раза,
какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что
она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха-го
проклятая... Ахъ ты, бестія этаکая, вѣдьма! Вѣдь если бы
вы знали, какими словами она расписала—живописецъ, вотъ
совершенный живописецъ! «Домъ, флигель», говорить, «на
фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись, да и
катайся!» словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая стра-
ница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты
ми...»

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Фекла. (*Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ спѣшую-
щими словами:*)

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣхо-
водница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Фекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Фекла. И ни слова не разберу: оглушили совсѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая по-
дошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ
чѣмъ.

Фекла. А не знаю, не я строила. Можетъ-быть, нужно
было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложень! Черти-бѣ тѣбя
сѣли, вѣдьма ты проклятая! (*притопывая ногой*).

Фекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благо-
даритьсталъ за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Фекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже на-
сказали, что она знаетъ по-французски.

Фекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и
по-всякому; какие хочешь манеры—все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣть; кажется, она только по-русски и го-
ворить.

Фекла. Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, по-

тому и говорить по-русски. А кабы умъла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понять ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь,—рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Ѳекла (*пятысь ближе къ дверямъ*). И не подойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибѣнь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстъ скажи, что она подлецъ! Слышишь, непремѣнно скажи. (*Уходитъ*).

Ѳекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣть. А я скажу, что ты самъ подлецъ—вотъ что!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-сь! (*Уходитъ*).

Ѳекла. Бѣлены обѣились или вышли лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота!

ІВЛЕНИЕ VII.

Ѳекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ хохочетъ во все горло, смотря на **Ѳеклу** и указывая на нее пальцемъ.

Ѳекла (*съ досадою*). Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ продолжаетъ хохотать.

Ѳекла. Экъ какъ разбрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! (*Продолжаетъ хохотать*).

Ѳекла. Экъ его заливается! Знать, покойница своихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. (*Уходитъ съ досадою*).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ (*продолжая хохотать*). Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержать, чувствуя, что тресну отъ смѣха! (*Продолжаетъ хохотать*).

Жевакинъ, глядя на него, начинаетъ тоже смеяться.

Кочкаревъ (*въ усталости валился на стулъ*). Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву постѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насть въ эскадрѣ капитана Болдырева бывалъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, ей-Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало, и самому сдѣластся смѣшино, и смотрѣши, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься.

Кочкаревъ (*переводя дыханіе*). Охъ, Господи, помилуй насть грѣшныхъ! Ну, чтѣ она вздумала, дура? Ну, куда-жъ ей женить? ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣть? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ позвольте замѣтить, странный немножко вопросъ! а известное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣть.

Жевакинъ. На нѣть и суда нѣть. Конечно, это дурно, а впрочемъ съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка (*размѣриваетъ примѣрно руками*), этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ этакой перегородки...

Кочкаревъ. Да чтѣ вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я болыший аматёръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ (*поглядывая на него искоса, говорить въ сторону*). А вѣдь самъ ужъ куды не пощеголяетъ; точно кисеть,

изъ котораго вытрясли табакъ. (*Вслухъ*). Нѣть, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ такъ?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушина...

Жевакинъ. Пѣтушина?

Кочкаревъ. Конечно. Что у васъ за видъ!

Жевакинъ. То-есть, какъ, однакоже, пѣтушина нога?

Кочкаревъ. Да просто—пѣтушина.

Жевакинъ. Мне кажется, это, однакожь, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣть, ужъ я бы просить, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только съ условиемъ: вы не мѣшайтесь ни во чѣмъ и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ. Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ (*потираетъ руки*). А вотъ это и ужъ куда бы хорошо! Да не нужно ли аттестать, послужной списокъ? Можетъ-быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сѣргаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (*Вытровожаетъ ею*). Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Чтѣ-жъ это? Что жъ это, Подколесинъ не идетъ? Это, однакожъ, странно. Неужли онъ до сихъ порь поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Кочкаревъ, Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна (*осматриваясь*). Чѣмъ, ушли? никого нѣть?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этот Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ своей здѣсь.

Агаѳья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ (*высекивая голову въ двери*). Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакой.

Агаѳья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! (*Потираетъ руки*).

Кочкаревъ. Фу, ты пропасть! Я думать, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаѳья Тихоновна. А онъ, однаже, на видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей-Богу, не понимаю!

Агаѳья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ (*громко*). Нѣть, позовольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профиль, похвалить — другое дѣло; а чтобы этакими образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ (*въ сторону*). Какъ это угораздило его подвернуться? (*Агаѳью Тихоновну вполголоса*). Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякий день пишеть. Прогоните его, да и концы въ воду! (*Въ сторону*). А Подколесина нѣть, какъ нѣть. Экой мерзавецъ! Ужъ я-жъ вымешу на немъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ X.

Агаѳья Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ (*въ сторону*). Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! (*Вслухъ*). Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѳья Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-сь голова. (*Хочетъ уйти*).

Жевакинъ. Но, можетъ-быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится? (*Указываетъ на голову*). Вы не глядите на тѣ, что у меня здѣсь маленькая плаѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волоса сейчасъ вырастутъ.

Агаѳья Тихоновна. Мнѣ все равно-сь, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѳья Тихоновна. Для васъ лучшее. Прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Жевакинъ (*одинъ, говоритъ вслѣдъ ей*).

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?.. Упала! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ обра-зомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки—смотринъ и откажутъ. (*Ходитъ по ком-натѣ въ размышилніи*). Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однakoжъ, хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ... съ какой стати... (*Подумавъ*). Темно, чрезвычайно темно! Добро бы быть нехорошъ чѣмъ. (*Осматривается*). Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишкы, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей-Богу, уму непонятно! Сначала, казись, повезло... Видно, приходится повернуть назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ (*входятъ и оба оглядываются назадъ*).

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ настъ. Видѣль, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ (*съ самодовольной улыбкой*). А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ.

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое—предпочитаетъ! Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть,—такъ, просто, и кинить.

Подколесинъ (*самодовольно усмѣхается*). А вѣдь, въ са-
момъ дѣлѣ, женщина, если захочетъ, какихъ словъ не на-
скажетъ! вѣкъ бы не выдумала: мордашечка, тараканечка,
чернушка...

Кочкаревъ. Чѣдь еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну, вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ (*усмѣхаясь*). Будто?

Кочкаревъ. Какой честный человѣкъ! Послушай, теперь, однакоже, скорѣе къ дѣлу. Извыси ей и открои сю же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сю минуту? что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сю же минуту... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Тѣ же и Агаѳья Тихоновна.

Кочкаревъ. Я привезъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, ко-
тораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго,
просто, не приведи Богъ—и непріятелю не пожелаю...

Подколесинъ (*толкая его подъ руку, тихо*). Ну, ужъ ты,
брать, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ (*слышу*). Ничего, ничего! (*Ей тихо*). Будьте по-
смѣѣ, опь очень смиренъ, стараитесь быть какъ можно

развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, по-
тушиши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или
выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ,
смотрить! — Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ
короткими рукавами; да впрочемъ и это хоропо. (*Вслухъ*).
Ну, я оставляю вѣсть въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку
загляну только тѣль въ столовую и на кухню:
нужно распорядиться — сейчасъ придется офиціантъ, которому
заказанъ ужинъ; можетъ-быть, и вина принесены...
До свиданья! (*Подколесину*). Смѣлѣе! Смѣлѣе! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѳья Тихоновна.

Агаѳья Тихоновна. Прошу покориѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѳья Тихоновна. Какъ-сь кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься
въ лодѣб.

Агаѳья Тихоновна. Да-сь, иногда съ знакомыми прогули-
ваемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ — неизвѣстно.

Агаѳья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѳья Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-сь — гвоз-
дику-сь.

Подколесинъ. Дамамъ очень пдуть цвѣты.

Агаѳья Тихоновна. Да, пріятное занятіе. (*Молчаніе*). Въ
которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому
былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно,
въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе
лучше. (*Молчаніе. Подколесинъ барабанитъ пальцами по
столу*). Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѳья Тихоновна. Да, черезъ мѣсяцъ, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѳья Тихоновна. Должно-быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число (*считаетъ по паль-*

цамъ); девятое, десятое, одиннадцатое... презъ двадцать два днія.

Агаѳья Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. (*Молчаніе*). Какой это смѣлый русскій народъ!

Агаѳья Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатурить и не боится ничего.

Агаѳья Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякий день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должностіе. (*Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается*).

Агаѳья Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ-быть, наскучили вамъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ (*улыбаясь*). А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѳья Тихоновна. Ахъ, право нѣть!

Подколесинъ. Ну, такъ, если нѣть, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь...

Агаѳья Тихоновна. Очень пріятно-съ. (*Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XV.

Агаѳья Тихоновна (*одна*).

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенъко; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель сго давеча справедливо сказалъ: жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное тѣ хороши, что совсѣмъ не пустословить. Я было хотѣла ему тоже слова два сказать, да, признаюесь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человѣкъ! Пойду, разскажу тетушкѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ (*входяты*).

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало-быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговори прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-прищеку: «Сударыня, дайте я на васъ женюсь!»

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствиемъ ировель время.

Кочкаревъ. Да послушай, иосуди ты самъ: когда же все это успѣмъ? вѣдь черезъ часъ нужноѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Чѣмъ ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!..

Кочкаревъ. Почему-жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты-же самъ дать слово, сказать, что каюъ только женихи будуть прогнаны—сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочно отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ по крайней мѣрѣ нужно дать розды.

Кочкаревъ. Мѣсяцъ!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я офиціанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женился теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, чтѣ ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшишь, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ (*становясь на колѣни*). Ну, вотъ я и на колѣниахъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямься, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ (*вставая, отъ сердца*). Свинья!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто-жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараний.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ черту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Чтѣ-жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посыпаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ вѣхалъ дышломъ въ

самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ. И не покажусь. (*Уходитъ*).

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! (*Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ*). Дуракъ!

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Кочкаревъ (*одинъ, ходитъ, въ силеномъ движении, взадъ и впередъ*).

Ну, быть ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ? Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хороши. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое—нянька, тетка, свекруха, кума что-ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знать изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взяль бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы — во всяко мѣсто! (*Въ-сердцахъ даетъ нѣсколько щелчиковъ на воздухѣ*). Вѣдь вотъ что досадно: вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода — вотъ что нестерпимо! Пойдешь къ себѣ на квартиру и будешь лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бывають противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей-Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду, приведу подлеца! (*Убываетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Агаѳья Тихоновна (*входитъ*).

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоять Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки,

шила ридикюль, — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзть въ руку. (*Помолчавъ*). И такъ, вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиной — уфъ! дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь. (*Плачетъ*). Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ. Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдуть за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! (*Начинаетъ мало-по-малу отять рѣдать*). Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ... (*Перемѣняя голосъ*). Да чтѣ-жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣнкается?

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Агаѳья Тихоновна и Подколесинъ (*вытапкивается на сцену изъ дверей двумя руками Кочкарева*).

Подколесинъ (*запинаясь*). Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѳья Тихоновна (*потупляя глаза*). Чѣмъ же такое?

Подколесинъ. Нѣть, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѳья Тихоновна (*такъ же*). Не могу знать, чѣмъ же такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, чѣмъ я вамъ скажу?

Агаѳья Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слыхали. (*Агаѳья Тихоновна потупляется еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами*). Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѳья Тихоновна. А чѣмъ же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ (*про себя, складывая руки*). Господи Ты Боже

мой, что это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѳья Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то береть сомнѣніе.

Кочкаревъ (*вслухъ*). Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ просить руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ (*почти испугавшись, толкаетъ ею, произнося живо*). Помилуй, чтѣ ты!

Кочкаревъ. Такъ что-жъ, сударыня, рѣшаитесь вы сему смертному доставить счастіе?

Агаѳья Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтѣ я могла составить счастіе... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Натурально, натурально, такъ бы давно! Да вайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасть. (*Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку*).

Кочкаревъ (*соединяя руки*). Ну, Богъ васъ благословить! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взялъ извозчика, да и поѣхалъ куданибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣть, а послѣ я разскажу тебѣ, чтѣ это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. (*Агаѳья Тихоновна потупляетъ глаза*). Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пустъ поцѣлуйте!

Подколесинъ. Нѣть, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. (*Цѣлууетъ ее и беретъ за руку*). Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

Агаѳья Тихоновна. Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ-быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтѣ сю же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы,

сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѳья Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

ЯВЛЕНИЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлать бы того, чтѣ ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ, буду помнить твою услугу. (*Тронутый*). Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую*). Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно (*цѣлуется*), въ довольствѣ и достаткѣ: дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живеть, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣль, не понималъ, то-есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякий другой человѣкъ живеть.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. (*Въ сторону*). А шляпу все лучше на всякий случай припрятать. (*Беретъ и уноситъ шляпу съ собою*).

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Подколесинъ (*одинъ*).

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ порть? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значиль, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ,—словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и

обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотреть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ — и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанья*). Однакожъ, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего,—все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя—тамъ ужъ и карета, и все стоять въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоять люди; ну, спросить: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; чтѣ, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (*Подходитъ къ окну*). Ну, еще не такъ wysoko, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенький. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картузъ. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А чтѣ, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови!» соскакиваетъ на улицу; за сценой крахтитъ и охаетъ*). Охъ! однакожъ высоко! Эй, извозчикъ!

Голосъ извозчика. Подавать, что ли?

Голосъ Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго моста.

Голосъ извозчика. Да гриненикъ, безъ лишняго.

Голосъ Подколесина. Давай! Поншель! (*Слышенъ стукъ отъ извозящихъ дрожекъ*).

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Агаѳья Тихоновна (*входить въ винчалиномъ платѣ, робко и потушивъ голосу*).

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку

на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! (*Съ робостью оглядывается*). Да гдѣ-жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (*Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда*). Оекла, куда ушель Иванъ Кузьмичъ?

Голосъ Оеклы. Да онъ тамъ.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Оекла (*уходя*). Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѳья Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Оекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,— я сидѣла въ прихожей.

Агаѳья Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Оекла. Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеевны?

Агаѳья Тихоновна. Тетушка! тетушка!

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеимоновна.

Арина Пантелеимоновна (*разодѣтая*). А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеимоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Оекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѳья Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, видите.

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѳья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣть.

Кочкаревъ. Какъ нѣть? ушелъ?

Агаѳья Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? и нѣть—и не ушелъ?

Оекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеимоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмич! гдѣ ты? Не дурачъся, полно, выходитъ скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! (Заглядываетъ за шкафъ, искося запускаетъ даже глазъ подъ стулъ). Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеимоновна. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!...

ЯВЛЕНИЕ XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеимоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

Дуняшка. Да они-стъ выпрыгнули въ окошко. (Агаѳья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками).

Всѣ троє. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеимоновна. Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей-Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеимоновна (*подступая къ Кочкареву*). Что-жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что-ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестої десятка живу, а такого сраму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвшушку! я—мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на цакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (Уходитъ въ-сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный).

Фекла. Чѣд? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣеть заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе

и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! (*Уходитъ*).

Фекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ—ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнуль въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ

и

ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

(1832 по 1837 годъ).

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Ихаревъ входитъ въ сопровождении трактирина слуги Алексея и своею собственнаю, Гаврюшки.

Алексѣй. Пожалуйте-съ, пожалуйте! Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣть вовсе.

Ихаревъ. Шума нѣть, да, чай, коннаго войска вдоволь, скакуновъ?

Алексѣй. То-есть, изволите говорить насчетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха или клопъ укусить, ужъ это наша отвѣтственность; ужъ на томъ стоимъ.

Ихаревъ (*Гаврюшку*). Ступай выносить изъ коляски. (*Гаврюшка уходитъ, Алексею*). Тебя какъ зовутъ?

Алексѣй. Алексѣй-съ.

Ихаревъ. Ну, послушай! (значительно) рассказывай: кто у васъ живеть?

Алексѣй. Да живутъ теперь много. Всѣ номера почти заняты.

Ихаревъ. Кто-жъ именно?

Алексѣй. Швоневъ Петръ Петровичъ, Кругель, полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

Ихаревъ. Играютъ?

Алексѣй. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

Ихаревъ. Пара цѣлковиковъ! (Суетъ ему въ руку).

Алексѣй (*кланяясь*). Покорнѣйше благодарю.

Ихаревъ. Послѣ еще будетъ.

Алексѣй. Покорнѣйше-съ благодарю.

Ихаревъ. Между собой играютъ?

Алексѣй. Нѣть, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенкана выиграли тридцать шесть тысячъ.

Ихаревъ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

Алексѣй. Нѣть-съ, они сами брали вмѣстѣ.

Ихаревъ. Да у кого?

Алексѣй. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

Ихаревъ. Врешь, врешь, плутъ!

Алексѣй. Ей-Богу!

Ихаревъ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужо. (*Гаврюшка вноситъ шкатулку*). Ставь ее здѣсь! Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умыться и побриться. (*Слуги уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ II.

Ихаревъ (*одинъ, оттираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами*).

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая. Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рѣбить въ глазахъ проклятый крапъ. Но вѣдь зато, вѣдь это totъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она, заповѣдная колодушка — просто перль! Зато-жъ ей и имя дано, да: Адсланда Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. (*Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Алексѣй и Гаврюшка (*несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце*).

Ихаревъ. Чѣдь, эти господа гдѣ теперь? дома?

Алексѣй. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

Ихаревъ. Пойду взглянуть на нихъ, что за народъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Алексѣй и Гаврюшка.

Алексѣй. Чѣдѣ, издалека ѿдете?

Гаврюшка. А изъ Рязани.

Алексѣй. А сами тамошней губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

Алексѣй. Такъ-съ. Такъ помѣстье-то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

Гаврюшка. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской стоятъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

Алексѣй. Понимаю, въ двухъ, то-есть, губерніяхъ.

Гаврюшка. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насть одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѿздила, Герасимъ лакей, Иванъ тоже опять лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучерь, вотъ какъ у насть!

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, Кругель, Швохневъ (осторожно входя).

Кругель. Право, я боюсь, чтобъ онъ насть не засталъ здѣсь.

Швохневъ. Ничего, Степанъ Ивановичъ его удержитъ. (Алексѣю). Ступай, братъ, тебя зовутъ! (Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя постыдно къ Гаврюшкѣ). Откуда баринъ?

Гаврюшка. Да теперь изъ Рязани.

Швохневъ. Помѣщикъ?

Гаврюшка. Помѣщикъ.

Швохневъ. Играстъ?

Гаврюшка. Играеть.

Швохневъ. Вотъ тебѣ красуля (даютъ ему бумажку). Рассказывай все!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохневъ. Чѣдѣ, какъ онъ теперь,—въ выигрышѣ? а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохневъ. Нѣтъ, а чѣдѣ?

Гаврюшка. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на

восемьдесят тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверь, да золотые эполеты... одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохневъ (*взглянувъ на Кругеля значительно*). А? восемьдесят тысячъ! (*Кругель покачалъ головою*). Думаешь — не чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. (*Гаврюшкъ*). Послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что дѣлаетъ?

Гаврюшка. Да какъ — что дѣлаетъ? Извѣстно, что дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

Швохневъ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаеть.

Гаврюшка. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли; съ нимъ прежде все Павлушки ѣздили. У насть тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучерь, да намедни изъ деревни одного взяли.

Швохневъ (*Кругелю*). Думаешь — шулеръ?

Кругель. И очень можетъ быть.

Швохневъ. А попробовать, все-таки попробуемъ. (*Оба убываютъ*).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Гаврюшка (*одинъ*).

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будетъ Матрѣнѣ на чепецъ, да пострѣльчонкамъ тоже по пряники. Эхъ, люблю походную жисть! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — все ужъ съ рубля гриненичекъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошь, катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань; не захотѣлъ въ Рязань — въ Казань; въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣй, Рязань или Казань? — Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Ихаревъ, Гаврюшка, потомокъ Алексѣй.

Ихаревъ. Въ нихъ нѣть ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить!

Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ подумаешь, право, сердце бьется. (*Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться*). Просто рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. (*Входитъ Алексѣй*).

Алексѣй. Не прикажете ли чего покушать?

Ихаревъ. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его (*указывая на Гаврюшку*).

Алексѣй (*Гаврюшку*). Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. (*Гаврюшка уходитъ*).

Ихаревъ (*продолжая бриться*). Послушай! много они тебѣ дали?

Алексѣй. Кто-съ?

Ихаревъ. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

Алексѣй. Да-съ, за прислугу пожаловали.

Ихаревъ. Сколько? пятьдесятъ рублей?

Алексѣй. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

Ихаревъ. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься, не укусить. Отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимашь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. (*Даетъ ему запечатанную дюжину*). Понимаешь?

Алексѣй. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

Ихаревъ. Да карты спрячь хорошенъко, чтобы какъ-нибудь тебя не ощупали, или не увидѣли. (*Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ*. Алексѣй уходитъ). Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣять ихъ.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Швоневъ, Кругель и Степанъ Ивановичъ Утѣшительный (*входятъ съ поклонами*).

Ихаревъ (*съ поклономъ къ нимъ навстрѣчу*). Прошу прощить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утѣшительный. Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

Швохневъ. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

Утѣшительный. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. (*Кругелью*). Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ - одинѣщенекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка—старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то армейщина, видно, натощакъ... Словомъ, скуча смертная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свѣль съ нимъ... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу, не могу часу пробыть безъ дружескаго общества. Все, что ни есть на душѣ, готовъ разскажать каждому.

Кругель. Это, братъ, порокъ твой, а не добротель. Излишество вредить. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

Утѣшительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня неожиданно: быть откровенну со всякимъ. Дружба—это другое дѣло.

Утѣшительный. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

Кругель. Принадлежить, но не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь.

Кругель. Нѣтъ, не весь.

Утѣшительный. Нѣтъ, весь!

Швохневъ (*Утѣшительному*). Не спорь, братъ: ты не-правъ.

Утѣшительный (*горячасъ*). Нѣтъ, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долгъ! это, это, это...

Швохневъ. Ну, зарапортовался! Горячъ необыкновенно: еще первыя два слова можно понять изъ того, что онъ говоритъ, а ужъ дальше ничего не поймешь.

Утѣшительный. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ ужъ объявляю: «господа, если будетъ о чёмъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь», Точно хмель какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

Ихаревъ (*про себя*). Ну, нѣтъ, приятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ «обязанность». У тебя, можетъ-быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. (*Вслухъ*). А чтѣ, господа, покамѣстъ

споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ бanchикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столъ завтракъ).

Утѣшительный. Извольте; если не въ большую игру, почему нѣть?

Кругель. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не ироchь.

Ихаревъ. А что, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

Швохневъ. О, только прикажите!

Ихаревъ. Карты! (Алекстий хлопочетъ около карточнаго стола). А между тѣмъ, прошу, господа! (Указывая рукой на закуску и подходя къ ней). Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

Швохневъ (посыпая въ ротъ кусокъ). Нѣть, и балыкъ того.

Кругель (также). И сыръ хорошъ. Икра тоже недурна.

Швохневъ (Кругелю). Помнишь, какой отличный сыръ были мы недѣли двѣ тому назадъ?

Кругель. Нѣть, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который быль я у Петра Александровича Александрова.

Утѣшительный. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйший, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда сверхъ одного обѣда на-вортотиши другои — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартирмистръ, говоритъ: «Добро по-жаловать, господа, есть еще място».

Ихаревъ. Добро пожаловать, господа, карты на столъ.

Утѣшительный (подходя къ карточному столу). А, вотъ оно старина, старина! Слыши, Швохневъ, карты, а? Сколько лѣтъ...

Ихаревъ (въ сторону). Да полно тебѣ корчить!..

Утѣшительный. Хотите вы держать бanchикъ?

Ихаревъ. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? (Мечетъ банкъ).

Начинается игра. Раздаются восклицанія.

Швохневъ. Четверка, тузыкъ,—оба по десяти.

Утѣшительный. Подай-ка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводи-тельни.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утѣшительный. Швохневъ, подай мяль. Принимаю и списываю.

Швохневъ. Чортъ побери, пароле!

Утѣшительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! позвольте посмотреть, кажется, еще дѣвъ тройки должны быть въ колодѣ.

Утѣшительный (*вскакиваетъ съ мѣста, про себя*). Чортъ побери, тутъ что-то не такъ. Карты другія, это очевидно.
(*Игра продолжается*).

Ихаревъ (*Кругелю*). Позвольте узнать: обѣ идутъ?

Кругель. Обѣ.

Ихаревъ. Не возвышасте?

Кругель. Нѣть.

Ихаревъ (*Швохневу*). А вы что-жъ? не ставите?

Швохневъ. Позвольте мнѣ эту талию переждатъ. (*Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро*). Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что хочешь! Шулеръ, первой степени!

Утѣшительный (*въ волненіи*). Неужли, однакожъ, откажаться отъ восьмидесяти тысячъ?

Швохневъ. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утѣшительный. Ну, это еще вопросъ, а пока съ нимъ объясниться!

Швохневъ. Какъ?

Утѣшительный. Открыться ему во всемъ.

Швохневъ. Для чего?

Утѣшительный. Послѣ скажу. Пойдемъ. (*Подходятъ оба къ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу*).

Утѣшительный. Да полно вамъ тратить попусту заряды!

Ихаревъ (*вздрогнувъ*). Какъ?

Утѣшительный. Да чтѣ тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

Ихаревъ (*учтиво*). Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

Утѣшительный. Да просто, безъ дальняѣшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, позѣрьте, умѣмъ отдавать справедливость достоинству. И потому, отъ лица нашихъ товарищѣй, предлагаю вамъ дружескій союзъ. Сединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣший, чѣмъ порознь.

Ихаревъ. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?..

Утѣшительный. Да вотъ въ какой степени: за искренность

мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно, что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. Итакъ, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихаревъ. Отъ такого радушнаго предложения не могу отказаться.

Утѣшительный. Итакъ, подадимте же, всякий изъ нась, другъ другу руки. (*Всѣ поперемѣнно пожимаютъ руку Ихареву*). Отнынѣ все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдовать глубину познаній?

Ихаревъ. Признаюсь, это уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я уже подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

Утѣшительный. Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть приобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества. Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

Ихаревъ. Какого ребенка?

Утѣшительный. А вотъ разскажи!

Швохневъ. Подобнаго события я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять (*указывая на Утѣшителя*), Андрей Ивановичъ Пяткинъ: «Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ. Поѣзжай въ Тетюшевскій уѣздъ и посмотри!» Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшевскій уѣздъ. Спрашивалъ деревню Ивана Михайловича Кубышева и приѣзжалъ прямо къ нему. Приказывалъ о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: «Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ». — «Да, признаюсь», говоритъ (и мнѣ понравилось то, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ), «да», говоритъ, «точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это дѣйствительно въ некоторомъ родѣ чудо. Миша!» говоритъ, «поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечу не будетъ, и въ глазахъ ничего неѣть

особенного. Началь онъ метать — я просто потерялся. Это превосходить всякое описание.

Ихаревъ. Неужто ничего нельзя было примѣтить?

Швохневъ. Ни, ни, никакихъ слѣдовъ! Я смотрѣль въ оба глаза.

Ихаревъ. Это непостижимо!

Утѣшительный. Феноменъ, феноменъ!

Ихаревъ. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе краха...

Утѣшительный. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрашиванье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключь.

Ихаревъ. То-есть, ключь рисунка?

Утѣшительный. Да, ключь рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно — я не хочу называть, одинъ почтенный человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ и не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоять въ томъ, чтобы разобрать крахъ всякой карты и послать отъ себя только ключь. Смотри, моль, у двойки вотъ какъ расположены рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

Ихаревъ. Это, однаждѣ, важная вещь.

Утѣшительный. Да оно, впрочемъ, такъ и быть должно. Это то, что называется въ политической экономіи — распределеніе работъ. Все равно — каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ: онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

Ихаревъ. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали вы доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

Утѣшительный. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Однъ разъ мы поступили вотъ какъ. Прѣѣзжаетъ на ярмарку наль агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактире; лавки еще не успѣли нанять; сундуки и выюки пока въ комнатѣ. Живеть онъ въ трактире, издерживается, есть, пить и вдругъ пропадаетъ, неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался

одинъ выюкъ; распаковываетъ—сто дюжинъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго торга; пустили рублемъ дешевле, купцы вмигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

Ихаревъ. Это очень ловко.

Швохневъ. Ну, а у того, у помѣщика?

Ихаревъ. Что у помѣщика?

Утѣшительный. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Андреевичъ Дергуновъ, богатѣйший человѣкъ. Игру ведеть отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенію, понимасте, никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, дома—дворецъ, деревня, сады,—все это по аглицкому образцу; словомъ, русскій баринъ въполномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ тамъ три дня. Какъ приступить къ дѣлу?—просто, нѣть возможности. Наконецъ, придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самаго двора тройка. На телѣгѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, ореть иѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телѣги что-то выпало; подбѣгаютъ, видять чемоданъ. Машутъ, кричатъ: «остановись! куда! никто не слышить, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ. — Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кое-какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюжинъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ, и гости, остались безъ копѣйки въ карманѣ, и кончился банкъ.

Ихаревъ. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

Утѣшительный. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣть лицепріятія. Игра не смотрить ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты — я обыграю отца: не садись! Здѣсь всѣ равны.

Ихаревъ. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйший человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между тѣмъ ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть

навѣрняка. Но, господа, какъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную вещь. Знаете ли вы то, что называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

Утѣшительный. Знаю, но, можетъ-быть, другого рода.

Ихаревъ. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сышете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленія въ глазахъ. (*Вынимаетъ изъ шкатулки*). Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

Утѣшительный. Какъ, имя?

Ихаревъ. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утѣшительный (*усмѣхаясь*). Слыши, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея — назвать колоду карты Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохневъ. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

Утѣшительный. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! Слыши, Кругель, это тебѣ жена.

Кругель. Чѣдѣ я за нѣмецъ? Дѣдѣ былъ нѣмецъ, да и толькъ не зналъ по-нѣмецки.

Утѣшительный (*разматривая колоду*). Это, точно, скропище. Да, никакихъ совершенно признаковъ. Неужели, однажды, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

Ихаревъ. Извольте, я стану отъ васъ въ пять шагахъ и отсюду назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асцирировать, если ошибусь.

Утѣшительный. Ну, это какая карта?

Ихаревъ. Семерка.

Утѣшительный. Такъ точно. Эта?

Ихаревъ. Валетъ.

Утѣшительный. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

Ихаревъ. Тройка.

Утѣшительный. Непостижимо!

Кругель (*пожимая плечами*). Непостижимо!

Швохневъ. Непостижимо!

Утѣшительный. Позвольте еще разъ разсмотрѣть. (*Разматривая колоду*). Удивительная вещь! стѣить того, чтобы назвать ее именемъ. Но, позвольте замѣтить, употребить ее

въ дѣло трудно; развѣ съ слишкомъ неопытнымъ игрокомъ; вѣдь это нужно подмѣнить самому.

Ихаревъ. Да вѣдь это во время самой жаркой игры только дѣлается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряя только немного человѣкъ — съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается то, что называютъ — занграться. Какъ поиграетъ два дня и двѣ ночи сряду, не поснашь, — ну, и занграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средство отвлечь внимание другихъ — есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-нибудь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обращаются на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

Утѣшительный. Но, однажды, я вижу, что, кроме искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительней. Будемъ безъ церемоній, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу «ты».

Ихаревъ. Этакъ бы давно слѣдовало.

Утѣшительный. Человѣкъ, шампанского! Въ память дружескаго союза!

Ихаревъ. Именно, это стоитъ того, чтобы запить.

Швохневъ. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія все у насъ въ рукахъ, силы есть, одного недостаетъ только...

Ихаревъ. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы итти, вотъ бѣда!

Утѣшительный. Что же дѣлать? непріятеля пока нѣть. (*Смотря пристально на Швохнева*). Чѣм? у тебя какъ будто лицо такое, которое想要 сказать, что есть непріятель.

Швохневъ. Есть, да... (*останавливается*).

Утѣшительный. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

Ихаревъ (*съ живостьюю*). А на кого, на кого? кто это?

Утѣшительный. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдуматъ пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ прѣзжій помѣщикъ, Михаилъ Александровичъ Гловъ. Ну, да чѣмъ обѣ этомъ толковать, когда онъ не играетъ вовсе? Мы ужъ возились около

него... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ; и въ дружбу, и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлать.

Ихаревъ. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ? Можетъ-быть, почему знать...

Утѣшительный. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будеть вовсе напрасный трудъ.

Ихаревъ. Ну, да попробуемъ, попробуемъ еще разъ.

Швохневъ. Ну, да приведи его по крайней мѣрѣ! Ну, не успѣмъ, поговоримъ иросто. Почему не попробовать?

Утѣшительный. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

Ихаревъ. Приведи его теперь же, пожалуйста!

Утѣшительный. Изволь, изволь! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Тѣ же, кроме Утѣшительного.

Ихаревъ. Вѣдь, точно, почему знать? Иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное...

Швохневъ. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не сѣ Богомъ, здѣсь имѣешь дѣло, а сѣ человѣкомъ; а человѣкъ—все-таки человѣкъ. Сегодня нѣть, завтра нѣть, послѣ завтра нѣть, а на четвертый день, какъ насидешь на него хорошенъко, скажетъ: «да». Иной вѣдь сѣ виду корчить, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидиши: просто, даромъ тревогу подымалъ.

Кругель. Ну, однакожъ этотъ не таковъ.

Ихаревъ. Эхъ, если бы!.. Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Нужно вамъ знать, что послѣдний мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Сѣ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохневъ. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: чтѣ онъ долженъ чувствовать, когда нѣть войны? Это, любезнѣйшій, просто фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, сѣ этимъ нечего шутить.

Ихаревъ. Повѣришь ли, приходить такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку я готовъ сѣсть и играть.

Швохневъ. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда

искуснейшие игроки: стоскуется, работы нѣть, и наскочиттъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голъ и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихаревъ. А богатъ этотъ Гловъ?

Кругель. О, деньги есть! Кажется, около тысячи душъ крестьянъ.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанского вѣльть подать?

Швохневъ. Въ ротъ не беретъ.

Ихаревъ. Что-жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подѣхать? Но нѣть, однаждъ, все я думаю... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣль только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣть потомъ.

Швохневъ. Да вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ сдѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно къ нему оказывать большого вниманія: старики подозрительны. (*Садятся въ сторонѣ съ картами.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же, Утѣшительный и Михайло Александровичъ Гловъ (человѣкъ почтенныхъ лѣтъ).

Утѣшительный. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомендую: Михаилъ Александровичъ Гловъ!

Ихаревъ. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ...

Гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ...

Ихаревъ (*подавая ему стулъ*). Прому покорнейше!... Давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(*Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою.*)

Гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣль, этотъ городъ. И тѣломъ, и душой радъ бы отсюда поскорѣй вырваться.

Ихаревъ. Что-жъ, удерживаютъ дѣла?..

Гловъ. Дѣла, дѣла. Такая комиссія мнѣ эти дѣла!

Ихаревъ. Вѣроятно, тяжба?

Гловъ. Нѣть, слава Богу, тяжбы нѣть, но тѣмъ не менѣе затруднительные обстоятельства. Выдаю замужъ дочь, батюшка, осьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы

отцовское положение? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да Приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

Ихаревъ. А позвольте узнать, въ какую сумму изволили заложить имѣніе?

Гловъ. Въ двухъ стахъ тысячахъ. На-дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дѣма-то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь—невѣста. Все это ждеть... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

Ихаревъ. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

Гловъ. Что-жъ дѣлать, батюшка? Вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю; Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. (*Обращаясь къ Швохневу и Кругелю*). А что-жъ вы, господа? Я, кажется, вамъ помышлять: вы чѣмъ-то занимались?

Кругель. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего дѣлать вздумали поиграть.

Гловъ. Кажется, что-то похоже на банчикъ!

Швохневъ. Какое! для препровожденья времени, грохотый банчикъ!

Гловъ. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы—молодые люди. Конечно, тутъ ничего нѣть худого, больше для развлеченья, да и въ грошовую игру нельзя много проиграть, все это такъ; но все... эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ начинается грошовымъ дѣломъ, а смотринъ, маленькая игра какъ разъ кончилась большой.

Швохневъ (Ихареву). Ну, пошелъ ужъ старишака плесть свое. (*Глову*). Ну, вотъ видите, вы ужъ тотчасъ припишете важное слѣдствіе всякому вздору,—это всегда ужъ обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

Гловъ. Да чтѣ-жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ. Я сужу по опыту.

Швохневъ. Я не обѣ васть буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: напримѣръ, если они на чѣмъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорою, да, зазѣвавшись, шленнулись о гололѣдь — они ужъ

кричать и выдают право, что по такой-то дороге никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололѣд и всякий непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ уваженіе того, что другой, можетъ-быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошви. Нѣть, у нихъ для этого нѣть соображенія. Собака укусила человѣка на улицѣ — всѣ кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то-жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломить шею!

Швохневъ. Вотъ тѣ-то и есть, что у насъ нѣть середины. Молодымъ бѣсится, такъ что невтерпежъ другимъ, а подъ старость прикинется ханжой, такъ что невтерпежъ другимъ.

Гловъ. Такого-то вы обидного мнѣнія насчетъ старииковъ?

Швохневъ. Да нѣть, что за обидное мнѣніе? это правда, больше ничего.

Ихаревъ. Позвольте мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко...

Утѣшительный. Насчетъ карты я совершенно согласенъ съ Михаиломъ Александровичемъ. Я самъ игралъ, игралъ сильно: но, благодарю судьбу, бросить навсегда,—не потому, чтобы проигрался или былъ вооруженъ противъ судьбы; повѣрьте мнѣ, это еще ничего: проигрышъ не такъ важенъ, какъ важно душевное спокойствіе. Одно это волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говоритъ, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

Гловъ. Такъ, батюшка, ей-Богу! Какъ вы премудро замѣтили! Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ...

Утѣшительный. Какой вопросъ?

Гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

Утѣшительный. Тридцать девять лѣтъ.

Гловъ. Представьте! Что-жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну, чтѣ, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи Ты Боже мой, чтѣ бы это было! просто, золотой вѣкъ-съ, та же астрея. Ужъ какъ, ей-Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами.

Ихаревъ. Повѣрте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять карты. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься, не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцевать?

Гловъ. Такъ, все такъ; но, повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ, господа, послушайте старика! Нѣть для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей-Богу-съ, волненіе; а прямого-то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей-Богу! Какъ воображу: дочь кинется на шею: «папашъ ты мой, милый папашъ!» сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи... полгода не видалъ... Просто, словъ недостаетъ: ей-Богу, такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

Ихаревъ. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже...

Алексѣй (*входитъ, говоритъ Глову*). Вашъ человѣкъ спрашивается насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

Гловъ. А вотъ я сейчасъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставлю. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XI.

Швохневъ, Ихаревъ, Кругель, Утѣшительный.

Ихаревъ. Ну, нѣть никакой надежды!

Утѣшительный. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоять только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположень играть.

Ихаревъ. Ну, да все бы таки насьсть на него хорошо. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

Утѣшительный. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

Ихаревъ. Ну, да вѣдь что-жъ вышло изъ того? Вѣдь вотъ уѣдетъ—все равно.

Утѣшительный. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено.

ЯВЛЕНИЕ XII.

Тѣ же и Гловъ.

Гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самимъ кондомъ. А впрочемъ, авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться...

Швоневъ. О, вѣроютио. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

Гловъ. Ей-Богу, такъ, совершенная правда! Судьба захочеть, такъ завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

Утѣшительный. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

Гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость! Можно ли васъ просить?

Утѣшительный. Какую? скажите! Все, что угодно, готовъ.

Гловъ. Успокойте старика-отца!

Утѣшительный. Какъ?

Гловъ. Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года, — ну, что это за лѣта? Почти ребенокъ... Кончиль учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочеть, какъ обѣ гусарахъ. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Чѣмъ тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ-быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блестить, шитье, богатый мундиръ. Чѣмъ-жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули... мало ли чего... такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! (*Беретъ его за обѣ руки*).

Утѣшительный. Извольте, извольте. Все, что можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

Гловъ. Ахъ, батюшка! (*Обнимаются и целуются*). Вѣдь какъ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей-Богу! Богъ вѣсъ наградить за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

Ихаревъ. Прощайте, доброй дороги!

Швохневъ. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

Гловъ. Благодарю вѣсть, господа!

Утѣшительный. А я васъ-таки провожу къ самой коляской и посажу!

Гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры! (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Улетѣла птица!

Швохневъ. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

Ихаревъ. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ—у меня вздрогнуло вѣ самомъ сердцѣ.

Кругель. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

Ихаревъ. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, чтѣ изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

Швохневъ. И все это дрянь, гниль.

Ихаревъ. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежать вѣ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣть имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ вѣ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Швохневъ. Я помириюсь и на половинѣ.

Кругель. Я доволенъ буду и четвертью.

Швохневъ. Ну, не ври, нѣмецъ: захочешь больше.

Кругель. Какъ честный человѣкъ...

Швохневъ. Надуешь.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Тѣ же и Утѣшительный (*входитъ поспешно и съ радостными видомъ*).

Утѣшительный. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ

ему и довѣренность, и всѣ права на полученіе изъ Приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ— молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду и сей же часъ приведу его къ вамъ. (*Убываетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XV.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Ай да Утѣшительный!

Швохневъ. Браво! дѣло возымѣло славный оборотъ! (*Вспоминая о радостях руками.*)

Ихаревъ. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это ловко, какъ тонко!

Швохневъ. О, у него на это талантъ необыкновенный!

Кругель. Способности невѣроятныя!

Ихаревъ. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотчасъ... Смѣтливость какая!

Швохневъ. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ Александръ Михайловичъ (*молодой человекъ.*)

Утѣшительный. Господа! рекомендую: Александръ Михайловичъ Гловъ, отличный товарищъ! Прошу полюбить, какъ меня.

Швохневъ. Очень радъ... (*Пожимаетъ ему руку.*)

Ихаревъ. Знакомство ваше намъ...

Кругель. Позвольте васъ прямо въ наши объятья.

Гловъ. Господа! я...

Утѣшительный. Безъ церемоніи, безъ церемоніи. Равенство первая вещь, господа! Гловъ, здѣсь, видишь,—всѣ товарищи, и потому къ чорту всѣ этикеты! Сѣдемъ прямо на «ты!»

Швохневъ. Именно на «ты!»

Гловъ. На «ты!» (*Подаетъ имъ всѣмъ руку.*)

Утѣшительный. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанского! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-

то гусарское? Нѣть, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини,—вѣдь мы на ты,—ну, какъ этого молодца вздумалъ было въ чернильную службу? Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей?

Гловъ. Чортъ ее побери съ ея свадьбой! Минъ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

Утѣшительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Гловъ. А такъ хороша... будь она не сестра, ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

Утѣшительный. Браво, браво, гусарь! Сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ ее увезти?

Гловъ. Почему-жъ? помогъ бы.

Утѣшительный. Браво, гусарь! Вотъ оно, что называется настоящій гусарь, чортъ побери! Человѣкъ, шампанского! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохневъ. Дай же и мнѣ обнять его. (*Обнимаетъ его*).

Ихаревъ. Пусть же и я обниму его. (*Обнимаетъ*).

Кругель. Ну, такъ и я-же обниму его, если такъ. (*Обнимаетъ*).

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ; наливаетъ бокалы).

Утѣшительный. Господа, за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, чтоѣ хотѣть!

Всѣ. Пусть его будетъ, что хотѣть! (*Пьютъ*).

Гловъ. За здравіе всего гусарства! (*Подымая бокалъ*).

Всѣ. За здравіе всего гусарства! (*Пьютъ*).

Утѣшительный. Господа! нужно его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычая. Пить онъ, какъ видно, уже снѣсно; но вѣдь это вздоръ: нужно, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

Гловъ. Играль бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣть.

Утѣшительный. Экой вздоръ: нѣть денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, сейчасъ выиграешь.

Гловъ. Да вѣдь и сѣсть-то не съ чѣмъ.

Утѣшительный. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у

тебя есть довѣренность на получение денегъ изъ Приказа. Мы подождемъ; а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да, впрочемъ, что я говорю? Какъ будто ты ужъ непремѣнно проиграешь! Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысяч чистаганомъ.

Гловъ. А какъ проиграю?

Утѣшительный. Стыдись! что-жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ-то и есть главная добродѣтель. А не рискнуть, пожалуй, всякой можетъ; навѣрняка и приказная строка отважится, и жидъ полѣзть на крѣпость.

Гловъ (*махнувъ рукой*). Чортъ побери! если такъ, играю! Что мнѣ смотрѣть на отца!

Утѣшительный. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! (*Наливаетъ ему въ стаканъ*). Главное что нужно? — Нужна отвага, ударъ, сила... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. (*Мечетъ направо и налево*). Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? (*Мечетъ*). Какое странное теченіе картъ! Вотъ любопытно для вычи-сленій! Валеть убить, девятка взяла. Что тамъ, что у тебя? И четверка взяла! А гусаръ, гусаръ-то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки? А тузъ все еще не выходитъ. Что-жъ ты, Швохневъ, не напишаешь ему? Вона, вона, вонъ тузъ! Вонъ ужъ Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла, тройка взяла. Браво, браво, гусаръ! Слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

Гловъ (*перегибаетъ карту*). Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще девятка на столѣ, идетъ и она, и пятьсотъ рублей мазу!

Утѣшительный (*продолжая метать*). У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ, нѣть! иліе, чортъ побери, иліе! опять иліе! А, проигралъ гусаръ. Ну, что-жъ, братъ, дѣлать? Не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ разсчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что-жъ вы не поздравляете его? (*Всѣ пѣютъ и поздравляютъ его, чокаясь стаканами*). Говорятъ, никовая дама всегда продасть, а я не скажу этого... Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что называла ти нико-

вой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во всѣ тяжкія! Кругель, твоя убита! (*Ихареву*) и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусарь также лопнулъ.

Гловъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Браво, гусарь! Вотъ она, наконецъ, настоящая гусарская замашка! Замѣчаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусарь; а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусарь. Вона натура-то какъ того... Убить гусарь.

Гловъ. Ба-банкъ!

Утѣшительный. У, браво, гусарь! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, поди-ка, поищи—гдѣ отыщешь этакую черту?.. Это именно подвигъ! Лопнулъ гусарь.

Гловъ. Ба-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Ого, го, гусарь! на сто тысячъ! Каковъ, а? А глазки-то, глазки? Замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! А короля все нѣть. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, нѣмецъ, возьми, съѣши семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карты фоска! А короля, видно, въ колодѣ нѣть: право даже странно. А! вотъ онъ, вотъ онъ... Лопнулъ гусарь!

Гловъ (*горячасъ*). Ба-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

Утѣшительный. Нѣть, братъ, стой! Ты ужъ просадишь двѣстіи тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры: мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

Гловъ. Да гдѣ-жъ у меня? у меня теперь нѣть.

Утѣшительный. Дай намъ вексель, подпишись.

Гловъ. Извольте, я готовъ. (*Беретъ перо*).

Утѣшительный. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

Гловъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

Утѣшительный. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. (*Даютъ ему подписаться*).

Гловъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписанъ. Ну, давайте-жъ играть!

Утѣшительный. Нѣть, братъ, постой; покажи-ка прежде дѣньги!

Гловъ. Да я вамъ заплачу, ужъ будьте увѣрены.

Утѣшительный. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

Гловъ. Да что-жъ это?.. Вѣдь это, просто, подлость.

Кругель. Нѣтъ, это не подлость.

Ихаревъ. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

Швохневъ. Этаکъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

Гловъ. Ну, что-жъ? чего вы хотите? назначьте какіе-угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

Утѣшительный. Чѣдѣ, братъ, намъ съ твоихъ процентовъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе-угодно проценты, дай только намъ взаймы.

Гловъ (*отчаянно и рѣшиительно*). Ну, такъ скажите искрѣннее слово: не хотите играть?

Швохневъ. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

Гловъ (*вынимая изъ кармана пистолетъ*). Ну, такъ прощайте же, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. (*Убываетъ съ пистолетомъ*).

Утѣшительный (*въ испугѣ*). Ты! ты! что ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы еще какъ-нибудь не застрѣлился! (*Убываетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

Швохневъ. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

Кругель. Я всего боюсь. Это такъ возможно...

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Тѣ же, Утѣшительный и Гловъ.

Утѣшительный (*держка Глова за руку съ пистолетомъ*). Чѣдѣ ты, что ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолеть вздумали было всунуть въ ротъ, а? Стыдись!

Всѣ (*приступая къ нему*). Чѣдѣ ты! чѣдѣ ты! Помилуй, чѣдѣ ты!

Швохневъ. А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

Ихаревъ. Этакъ пожалуй вся Россія должна застрѣлиться: всякой или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

Утѣшительный. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ?

Гловъ (*съ досадой*). Чѣмъ вы вѣдь самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете? Какой тутъ выигрышъ—проиграть двѣстѣ тысячъ, чортъ возьми!

Утѣшительный. Эхъ ты, простофилия! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь вѣдь полку? Слыши, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣстѣ тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

Гловъ (*ободрившись*). Чѣмъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

Утѣшительный. Браво! Да здравствуютъ гусары! Теремтете! Шампанскаго! (*Несутъ бутылки*).

Гловъ (*со стаканомъ*). Да здравствуютъ гусары!

Ихаревъ. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

Швохневъ. Теремтете! Да здравствуютъ гусары!

Гловъ. На все плою, когда такъ!.. (*Ставитъ на столъ стаканъ*). Вотъ бѣда только: домой какъ пріѣду? Отецъ, отецъ!.. (*Хватаетъ себя за волосы*).

Утѣшительный. Да зачѣмъ тебѣѣхать къ отцу? не нужно!

Гловъ (*вытаращивъ глаза*). Какъ?

Утѣшительный. Ты отсюда — прямо вѣдь полку! Мы тебѣ дадимъ на обмунировку. Нужно, братъ Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣстѣ, пусть его погуляетъ юнкеръ! Тамъ, я ужъ замѣтилъ, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Гловъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

Утѣшительный. Каковъ гусарь, а? Швохневъ, нѣть у тебя двухсотрублевой?

Ихаревъ. Да вотъ ужъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

Гловъ (*беретъ ассигнацію и помахивая ею на воздухъ*). Шампанскаго!

Всѣ. Шампанскаго! (*Несутъ бутылки*).

Гловъ. Да здравствуютъ гусары!

Утѣшительный. Да здравствуютъ!.. Знаешь ли, Швохневъ, что мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ, какъ у насть качали въ полку! Ну, приступай, бери его! (*Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, притягивая на извѣстный притѣзъ извѣстную пѣсню*):

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца.
Мы въ тебѣ видимъ отца!

Гловъ (*съ поднятой рюмкой*). Ура!

Всѣ. Ура! (*Становятъ его на землю. Гловъ хлопнувъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукѣ своею сапога, кто о полѣ.*)

Гловъ. Иду прямо къ ней!

Утѣшительный. А намъ нельзя за тобой, а?

Гловъ. Ни, никому! А кто сколько-нибудь... раздѣлка на сбляхъ!

Утѣшительный. А, рабака какой! а? Ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ, юра, забіяка. Ну, прощай, прощай, гусарь! Не держимъ тебя.

Гловъ. Прощайте.

Швохневъ. Да приходи намъ послѣ разскѣзать. (*Гловъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Тѣ же, кроме Глова.

Утѣшительный. Нужно его покамѣсть ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ; а тамъ чортъ съ нимъ!

Швохневъ. Одного боюсь я, чтобы какъ-нибудь не затянулась въ Приказѣ выдача денегъ.

Утѣшительный. Да, это будетъ скверно; а впрочемъ... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется всунуть въ руку тому и другому для сближенія порядка.

ЯВЛЕНИЕ XX.

Тъ же и чиновникъ Замухрышкинъ (высовываетъ голову въ дверь, одѣтъ въ несколько поноженномъ фракѣ).

Замухрышкинъ. Позвольте узнать: не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

Швохневъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что вамъ угодно?

Замухрышкинъ. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

Утѣшительный. А вы кто?

Замухрышкинъ. Да я чиновникъ изъ Приказа.

Утѣшительный. А, милости просимъ! Прошу покорнейше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него (указывая пальцами на всѣхъ) будетъ искреннейшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ Приказа деньги.

Замухрышкинъ. Да ужъ, какъ хотите, раньше двухъ пѣдѣль никакъ нельзя.

Утѣшительный. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкинъ. Да ужъ это само собой. Все это приемляется. Какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ: «двѣ недѣли», а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ Приказѣ ни конѣики. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ раздали—три помѣщика ожидаются, еще съ февраля заложили имѣніе.

Утѣшительный. Ну, это такъ для другихъ, а для настъ по дружбѣ... Пужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да чтѣ?.. да и люди свои! Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентефлей Пернентьевъ, что ли?

Замухрышкинъ. Псой Стахичъ-сь.

Утѣшительный. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! Будемъ такъ, какъ давнѣ пріятели. Ну, чтѣ, какъ вы? Какъ дѣлишки, какъ служба ваша?

Замухрышкинъ. Да чтѣ служба? Извѣстное дѣло—служимъ.

Утешительный. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ... а просто, много ли берете?

Замухрышкинъ. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

Утешительный. Ну что, какъ въ Приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

Замухрышкинъ. Ну, чтѣ! Вы ужъ, я вижу, смеетесь! Эхъ, господа!.. Вѣдь вотъ тоже и господа сочинители все подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки; а какъ разсмотрѣши хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые повыше насть. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что такое; а на дѣлѣ выходитъ—такія же взятки; тогдѣ же Савка, да на другихъ санкахъ.

Утешительный. Вотъ ужъ Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу. Вотъ что значитъ задѣть за честь!

Замухрышкинъ. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего. Я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

Утешительный. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, чтѣ-жъ, какъ вы? Какъ у васъ? Какъ поживаете? Какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

Замухрышкинъ. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаешь пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

Утешительный. Ну, а ручонками, я чай, ужъ всѣ этакъ (показываетъ рукой, какъ будто беретъ денныи) умѣютъ?

Замухрышкинъ. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господи! Вѣдь вотъ опять начали!

Утешительный. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! Вѣдь это по дружбѣ. Ну, чтѣ-жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокаль шампанскаго Псому Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткие знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

Замухрышкинъ (принимая бокалъ). А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утешительный. Небось, даровой, отъ купца?

Замухрышкинъ. Отъ купца-сь, выписной изъ Кяхты.

Утешительный. Да какъ же, Псой Стахичъ? Вѣдь вы дѣль съ купцами не имѣете.

Замухрышкинъ (*вытигъ бокалъ и упираясь руками въ колени*). А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ быть приплатиться. Помѣщикъ Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе; все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣмъ они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ-то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждѣть отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ привели двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то — будешь ждать! А ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидаются только задатковъ. Купецъ видитъ, плетью обуха не перепибенъ, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ настъ. Скажутъ — взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ; кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

Утешительный. Послушайте, Псой Стахичъ, ну, пожалуйста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальниками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

Замухрышкинъ. Да будемъ стараться. (*Вставая*). Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя: предъ Богомъ, въ Приказѣ ни копейки денегъ. А будемъ стараться.

Утешительный. Ну, какъ васть тамъ спросить?

Замухрышкинъ. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! (*Идетъ къ дверямъ*).

Швохневъ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ! (*оглядывается*) постараитесь!

Утешительный. Псой Стахичъ, Псой Стахичъ! выручайте поскорѣе!

Замухрышкинъ (*уходитъ*). Да ужъ сказалъ: будемъ стараться.

Утешительный. Чортъ побери, какъ это долго! (*Бьетъ себя рукой по лбу*). Нѣтъ, побѣгу, побѣгу за нимъ, авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери! три тысячи дамъ ему своихъ. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XXI.

Швохневъ, Кругель, Ихаревъ.

Ихаревъ. Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

Швохневъ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

Кругель. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь!

Ихаревъ. Да что, развѣ вами дѣла...

ЯВЛЕНИЕ XXII.

Тъ же и Утѣшительный.

Утѣшительный (*входитъ съ отчаяніемъ*). Чортъ побери! раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

Ихаревъ. Да чтѣ тебѣ такъ приснилось? Неужто четырехъ дней нельзя обождать?

Швохневъ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для настѣ это слишкомъ важно.

Утѣшительный. Обождать! Да знаешь ли, что настѣ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждуть? Мы тебѣ не сказывали еще, а ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши во чтѣ бы ни стало, хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шестьсотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистаганомъ; да вчера приѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

Ихаревъ. Ну, какъ чтѣ-жъ?

Утѣшительный. Какъ — чтѣ-жъ? Да вѣдь старики-то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

Ихаревъ. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть.

Утѣшительный. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что такое купеческіе сыники? Вѣдь купецъ какъ воспитываетъ сына? — или чтобы онъ ничего не знать, или чтобы знать то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходить подъ руку съ офицерами, кутить.—Это, братъ, для настѣ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякий рубль, который они выплутуютъ у настѣ, они намъ платятъ тысячами. Да это счастье наше, что купецъ

только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

Ихаревъ. И дѣла совершенно вѣрныя?

Утѣшительный. Какъ не вѣрныя! Ужъ настъ не увѣдомляли бы. Все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

Ихаревъ. Эхъ, чортъ возьми! что-жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе-то дѣйствовать вмѣстѣ!

Утѣшительный. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что мнѣ пришло на умъ. Тебѣ вѣдь спѣшить пока еще не зачѣмъ. Деньги у тебя есть—восемьдесятъ тысячъ. Даи ихъ намъ, а отъ настъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало-быть, ровно вдвое, а настъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

Ихаревъ. Извольте, почему нѣть; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества... (*Подходитъ къ шкатулкѣ и внимаетъ киту ассимиції*). Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣшительный. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привезти и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. (*Кругель уходитъ*). Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно былоѣхать! (*Уходитъ*).

Ихаревъ. Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Швохневъ. А тебѣ совсѣмъ тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ прїѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ, знаешь, что можно сдѣлать? Просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабыть сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. (*Постыдно уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ XXIII.

Ихаревъ (*одинъ*).

Каковъ ходъ приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти. А? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣч-

ныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ—властьтельный принцъ! Шутка—дѣсти тысячи! Да гдѣ теперь найдешь дѣсти тысячи? Какое имѣніе, какая фабрика дастъ дѣсти тысячи? Воображаю, хорошъ бы я быть, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода. А образованье-то развѣ пустая вещь? Невѣжество—то, которое приобрѣшь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обеспеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ—поѣду и въ Петербургъ: посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по аглицкой набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, поѣдаю у Яра. Могу одѣться по столичному образцу, могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщенаго человѣка. А что всему причина? чѣму обязантъ?—именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученіе. Ну, положимъ—плутовство. Да вѣдь необходимая вещь: чтѣ-жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ разъ обманули. Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣть, умъ великая вещь. Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ проживеть, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обмануту самому—вотъ настоящая задача и цѣль!

ЯВЛЕНИЕ XXIV.

Ихаревъ и Гловъ (вбѣгающій торопливо).

Гловъ. Гдѣ-жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

Ихаревъ. Да они сю минуту здѣсь были; на минуту вышли.

Гловъ. Какъ, вышли ужъ? И деньги у тебя взяли?
Ихаревъ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНИЕ XXV.

Тъ же и Алексѣй.

Алексѣй (*обращаясь къ Глову*). Изволили спрашивать, гдѣ господа?

Гловъ. Да.

Алексѣй. Да они ужъ уѣхали.

Гловъ. Какъ уѣхали?

Алексѣй. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла тележка и готовыя лошади.

Гловъ (*всплеснувъ руками*). Ну, мы надуты оба!

Ихаревъ. Чѣмъ за вздоръ! Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сю минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твої заплатить мнѣ. Они пересели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ и проведенъ, какъ пошлый пень?

Ихаревъ. Чѣмъ ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмель распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмель у обоихъ насть. Да проснись ты! Думаешь, я Гловъ? Я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Ихаревъ (*беззакойно*). Чѣмъ ты, иномилуй, чѣмъ за вздоръ? И отецъ твой... и...

Гловъ. Старикъ-то? Во-первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будуть отъ него дѣти! А во-вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крынинъ, да и не Михаилъ Александровичъ, а Иванъ Климовичъ, изъ ихъ же компаний.

Ихаревъ. Послушай ты! говори серьезно! этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Ихаревъ (*подходя къ нему, запальчиво*). Эй, не шуты, горюю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!.. И довѣренность, и Приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ Приказа, Псой Стакичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во-первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ Приказа, а отставной штабсъ-капитанъ изъ ихъ же компаний; да и не Замухрышкинъ, а Мурзайкинъ, да и не Псой Стакичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Ихаревъ (отчаянно). Да ты кто? чортъ ты? Говори: кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Чѣмъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голода! За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я постараю благородно.

Ихаревъ (въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ). Мошенникъ ты...

Алексѣй (въ сторону). Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться. (*Уходитъ*).

Ихаревъ (таща его). Пойдемъ, пойдемъ!

Гловъ. Куда, куда?

Ихаревъ (въ изступленіи). Куда? къ правосудью! къ правосудью!

Гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

Ихаревъ. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украдь деньги... среди дня... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? Дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права! А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди — переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ! призову! (*Тащитъ его*).

Гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противу законнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился вмѣстѣ съ ними съ тѣмъ, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣть, братъ, въ томъ и итука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

Ихаревъ (въ отчаянныи бьетъ себя рукой по лбу). Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (*Въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ*). Но только какой дьявольской обманъ!

Гловъ (выглядывая въ дверь). Утѣшился! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря: у тебя есть Аделаида Ивановна! (*Исчезаетъ*).

Ихаревъ (въ ярости). Чортъ побери Аделаиду Ивановну!

(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь, дамы и двойки летятъ на полъ). Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенью человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я просто готовъ сойти съ ума—какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! (Схватывается со стула и въ волненіи ходитъ по комнатѣ). Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума! Изощрай, изыскуй средства!.. Чортъ побери, не стойть, просто, ни благороднаго рвенья, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плугъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! (Съ досадой махнувъ рукой). Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзеть тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслить, ни о чёмъ не думастъ, ничего не дѣлаетъ, а играеть только по грозду въ бостонъ подержанными картами!

УТРО ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонить. Изъ передней слышанъ голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ звонить во второй разъ—опять тотъ же голосъ: «сейчасъ!» Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонить въ третій разъ; входитъ слуга.

Иванъ Петровичъ. Что ты, оглохъ?

Лакей. Никакъ нѣтъ.

Иванъ Петровичъ. Чѣмъ-жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

Лакей. Какъ же прикажете: мнѣ нельзя было бросить дѣла—я сапоги чистилъ.

Иванъ Петровичъ. А Иванъ что дѣлалъ?

Лакей. Иванъ мѣль комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

Иванъ Петровичъ. Подай сюда собачку! (Лакей приноситъ собачку). Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. (Нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку).

(Вѣняетъ другой лакей). Александръ Ивановичъ!

Иванъ Петровичъ. Проси! (Бросаетъ поспѣшино собаку и развертываетъ Сводъ Законовъ).

II.

Иванъ Петровичъ и Александръ Ивановичъ (также дѣловой человѣкъ).

Александръ Ивановичъ. Доброго утра, Иванъ Петровичъ!

Иванъ Петровичъ. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Очень благодаренъ. Не помѣшаль ли я вамъ?

Иванъ Петровичъ. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что, въ которомъ часу пріѣхали домой?

Александръ Ивановичъ. Часть шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: «Не слыхалъ ли, братецъ, который часъ?»—«Да шестой уже», говорить, «пробило». Вотъ я и узналъ, что ужъ было шестой часъ.

Иванъ Петровичъ. Представьте, я самъ въ то же почти время! Ну, что, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

Александръ Ивановичъ. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

Иванъ Петровичъ. Хе, хе, хе! Я гляжу, что это знать, что онъ кладеть короля? У меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Федосѣевича, я давно вижу, что ренонось.

Александръ Ивановичъ. Длиннѣе всего тянулся осмой робертъ.

Иванъ Петровичъ. Да! (*Помолчавъ*). Я уже мигаю Лукьяну Федосѣевичу, чтобы онъ козыряль — нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни—валеть мой пикъ и беретъ.

Александръ Ивановичъ. Позвольте. Иванъ Петровичъ, валеть не береть.

Иванъ Петровичъ. Беретъ.

Александръ Ивановичъ. Не береть, потому что вамъ никакимъ образомъ нельзя взять въ руку.

Иванъ Петровичъ. А семерка пикъ у Лукьяна Федосѣевича—позабыли развѣ?

Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него была никовка? Я что-то цемню.

Иванъ Петровичъ. Конечно, у него были двѣ ники: четверка, которую онъбросилъ на даму, и семерка.

Александръ Ивановичъ. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной никовки.

Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ никовки! я какъ теперь помню: четверка и семерка.

Александръ Ивановичъ. Четверка была—это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнуль; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

Иванъ Петровичъ. Ей-Богу, Александръ Ивановичъ, ей-Богу!

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможно дѣло.

Иванъ Петровичъ. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Федосѣевичу. Согласны ли вы?

Александръ Ивановичъ. Хорошо.

Иванъ Петровичъ. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

Александръ Ивановичъ. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Федосѣевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

Иванъ Петровичъ. И прибавьте: большихъ свѣдѣній!—человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

Александръ Ивановичъ. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячить. По этому-то случаю я вѣдѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству,—его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

Иванъ Петровичъ. А про меня не было ничего говорено?

Александръ Ивановичъ. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

Иванъ Петровичъ (оживляется). Чѣмъ, чѣмъ такое?

Александръ Ивановичъ. Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимателѣвая вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видѣтъ? и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: «Были, ваше высокопревосходительство, Павель Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владимировичъ Бубуница...». Его высокопревосходительство послѣ каждого слова говорить: «гем!» Я сказалъ: «И еще былъ одинъ, извѣстный вашему высокопревосходительству...»

Иванъ Петровичъ. Кто-жъ это такой?

Александръ Ивановичъ. Позвольте! что-жъ бы, вы думали, сказа́ть на это его высокопревосходительство?

Иванъ Петровичъ. Не знаю.

Александръ Ивановичъ. Онъ сказа́ть: «кто-жъ бы это та-
кой?»—«Иванъ Петровичъ Барсуковъ», отвѣчалъ я. «Гем!»
сказа́ть его высокопревосходительство: «это чиновникъ и
притомъ...» (*Поднимаетъ вверхъ глаза*). Довольно хорошо
у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйствій счетъ?

Иванъ Петровичъ. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

Александръ Ивановичъ. Очень, очень не дурно: корзиночки,
лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень
натурально!

Иванъ Петровичъ (*съ нетерпѣніемъ*). Такъ что же сказа́ть
его высокопревосходительство?

Александръ Ивановичъ. Да, я и позабылъ. Что-жъ онъ
сказа́ть?..

Иванъ Петровичъ. Сказа́ть «гем!» его высокопревосходи-
тельство: «это чиновникъ...»

Александръ Ивановичъ. Да, да; «это чиновникъ...» ну, «и
служить у меня». Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ
интересенъ и начался обѣ обыкновенныхъ вещахъ.

Иванъ Петровичъ. А больше ничего не заговаривалъ
обо мнѣ?

Александръ Ивановичъ. Нѣтъ.

Иванъ Петровичъ (*про себя*). Ну, покамѣстъ еще не много.
Господи, Боже мой! ну, что, если бы сказа́ть онъ: «Такого-
го Барсукова, вѣдь уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ
его, представляю...»

III.

Тѣ же и Шрейдеръ (*выглядываетъ въ дверь*).

Иванъ Петровичъ. Войдите, войдите; ничего, пожалуйте
сюда: что это—для доклада?

Шрейдеръ. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и
рапортъ управляющему.

Иванъ Петровичъ (*между тѣмъ читаетъ*). «...Господину
управляющему...» Это что значитъ? у васъ поля по краямъ
бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно
посадить подъ арестъ?.. (*Устремляется на него глубокомы-
сленный взоръ*).

Шрейдеръ. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

Иванъ Петровичъ. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо тактъ говорить. Я самъ то же думаю: министръ, точно, не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается?

Шрейдеръ. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ...

Иванъ Петровичъ. Такъ! это все правда. Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто оставлено для полей?

Шрейдеръ. Если такъ, я сейчасъ перепишу.

Иванъ Петровичъ. Тѣ-то «если такъ». Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не стала тратить словъ.

Шрейдеръ. Я осмѣлился только, потому что г. министръ...

Иванъ Петровичъ. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами це спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнить даже про это. Ну, а вдругъ... Чѣдѣ тогда?

Шрейдеръ. Я перепишу. (Уходитъ).

IV.

Иванъ Петровичъ (*пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу*). Все еще вѣтеръ ходить въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ (*показывая на лобъ*) нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привести все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *ci-*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать: это было ужасъ! столовтореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ?—порядокъ во всемъ.

Александръ Ивановичъ. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались!

Иванъ Петровичъ (*вздохнувъ*). Именно, потомъ и кровью. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но, чтѣ прикажете? не могу! Стороною я буду намекать часто, и эки-
воки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! (*Вздохнувшіи*). Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось... если-бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственno, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я вѣсть буду просить, велико-
душнѣйший Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, на-
турально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходи-
тельству, что у Барсукова де въ канцеляріи такой поря-
докъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь по-
добное.

Александръ Ивановичъ. Съ большими удовольствіемъ, если представится случай...

V.

тѣ же и Катерина Александровна (*жена Ивана Петровича*).

Катерина Александровна (*увидѣвъ Александра Ивановича*). А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! Позабыли меня! Чтѣ Наталья Фоминишна?

Александръ Ивановичъ. Слава Богу! недѣлю впрочемъ паздѣ было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александръ Ивановичъ. Въ груди подъ ложечкой сѣла-
лась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное
и припарку изъ ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали оmeопатиче-
скаго средства.

Иванъ Петровичъ. Чудно право, какъ подумаетъ, до чего
не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина
Александровна, про меопатію. Недавно былъ я въ пред-
ставлениіи. Чтѣ-жъ бы вы думали? Мальчишка, росту—какъ
бы вамъ сказать?—вотъ этакого (*показываетъ рукою*), лѣтъ
трехъ не больны: посмотрѣли бы вы, какъ онъ плашетъ на

тончайшемъ канатѣ! Я вѣсть увѣряю серьезно, что духъ занимается отъ страха.

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо поеть Меласъ.

Иванъ Петровичъ (значительно). Меласъ? О, да! съ большими чувствомъ!

Александръ Ивановичъ. Очень хорошо.

Иванъ Петровичъ. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это... (вертитъ рукою передъ глазами).

Александръ Ивановичъ. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

Иванъ Петровичъ. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

Александръ Ивановичъ. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

Иванъ Петровичъ. Ну, такъ до свиданія. Когда-жъ увидимся? Да, я и позабыть: вѣдь мы завтра у Лукьянна Федосѣевича?

Александръ Ивановичъ. Непремѣнно! (Кланяется).

Катерина Александровна. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

Александръ Ивановичъ (съ лакейской, накидывая шубу). Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаеть, жирайтъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ — настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣль! ордена! И вѣдь получить! Получить, мошенникъ! получить! Этикіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіономія! И разнѣжился; ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще просить, чтобы я замолвили за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получиши! не получиши! не получиши! (Подтверждательно удаляетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ).

ТЯЖБА.

Кабинетъ.

I.

Пролетовъ, секретарь (*одинъ, сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ*).

Чтò это у меня? точно отрыжка! Вчерашній обѣдъ за-
сѣль въ горлѣ. Эти грибки да ботвины!.. Ёшь, Ёшь, про-
сто, чортъ знаетъ, чего не ѿши! (*икаетъ*). Вотъ оно! (*икаетъ*)
еще! (*икаетъ*) еще разъ! (*икаетъ*). Ну, теперь въ четвер-
тый! (*икаетъ*). Туда къ черту, и въ четвертый! Прочитать
еще «Сѣверную Пчелу», чтò тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта
«Сѣверная Пчела»: точь-въ-точь баба, засидѣвшаяся въ
дѣвкахъ. (*Читаетъ и вскрикиваетъ*). Крахманову награда!
а? Петруше Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой
(*показываетъ рукой*), я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ
корпусъ, а? (*Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вы-
тирающиѣ глаза*). Чтò это? Чтò это? Неужели Бурдюковъ?
Да, онъ. Павель Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! А?
каково! Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ. отецъ —
воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только
можно представить себѣ — каково? И вѣдь весь свѣтъ по-
читаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говорить:
«дѣло Бухтелева рѣшено не такъ, сенатъ не вникнулъ» —
а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю приплюсъ
двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака
на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай
морочь другихъ, прикидывайся передъ другими. Я слы-
шала про тебя кое-что такое. Право, досадно, что загля-

нуль въ газету: прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость и — больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей (*входя*). Чего изволите-сь?

Пролетовъ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакой! (*Андрей уноситъ газету*). Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденiemъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сю минуту, да вотъ до сихъ поръ иѣтъ да и нѣтъ случая. Чѣд прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погла-дилъ, мазнуль бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы зато какія! какъ у вола, у каналь!

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Чѣд?

Лакей. Бурдюковъ пріѣхалъ.

Пролетовъ. Что ты вздоръ несешь!

Лакей. Такъ точно-сь.

Пролетовъ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павель Петровичъ Бурдюковъ?

Лакей. Нѣть, не Павель Петровичъ, а другой какой-то.

Пролетовъ. Какой другой?

Лакей. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

Пролетовъ. Проси.

III.

Пролетовъ и Христофоръ Петровичъ Бурдюковъ.

Бурдюковъ. Прошу извинить за беспокойство, что нанопшу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

Пролетовъ (*въ сторону*). Это, точно, другой; а есть однажде какое-то сходство. (*Вслухъ*). Что прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

Бурдюковъ (*съ пожатиемъ плечъ*). Дѣло, тяжба.

Пролетовъ. Тяжба? съ кѣмъ?

Бурдюковъ. Съ роднымъ братомъ.

Пролетовъ. Прежде позвольте узнать фамилию, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

Бурдюковъ. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Навломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

Пролетовъ. Чѣмъ вы? чѣмъ? нѣть!

Бурдюковъ. Да чѣмъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ.

Пролетовъ. Господи благослови васъ за такое добре дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣ этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказывай теперь, что нѣть великодушія и справедливости, а это что же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадилъ! На брата—процессъ! Позвольте васъ обнять.

Бурдюковъ. Извольте! Я самъ обшму васъ за такую готовность! (*Обнимаютсѧ*). А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіономію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путный человѣкъ.

Пролетовъ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

Бурдюковъ. Да серъезно. Позвольте спросить: вѣрио, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепуталась чего-нибудь?

Пролетовъ. Что за чепуху несетъ онъ?

Бурдюковъ. Нѣть, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, какъ сказать, будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетовъ. Ну, оставимъ въ покой засѣдателя и барана!.. Какъ же я радъ!

Бурдюковъ. А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ будто знакомо: у насъ въ карабинерномъ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйший, то есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетовъ (*въ сторону*). У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣть совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся

дрянь, какая ни есть на душѣ, у него на языкѣ (*Вслухъ*). Времени у меня немногого, пожалуйста приступимъ же къ дѣлу.

Бурдюковъ. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ Устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдо-кию Малафьевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней близкайшими наслѣдниками я да братъ — изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, чтѣ вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова: та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, — онъ на это хоть черту въ дядьки го-дится, — вотъ и подѣхалъ онъ къ ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хо-зяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить». Вона! замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живеть и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

Пролетовъ. Слыши.

Бурдюковъ. Тѣ-то! Да. Вотъ занемогаетъ тетушка, от-чего — Богъ знаетъ, можетъ-быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ ужъ знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю: въ сѣняхъ встрѣчаешь меня эта бестія, то-есть братъ, въ слезахъ такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: «Ну», говоритъ, «братецъ, на-вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...» — «Чтѣ, отдала Богу душу?» — «Нѣтъ, при смерти». Я вхожу, и точно, тетушка лежитъ на карачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что-жъ? плакать? Не поможетъ. Вѣдь не поможетъ?

Пролетовъ. Не поможетъ.

Бурдюковъ. Ну, чтѣ-жъ? нечего дѣлать! * Такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. «Ну», говорю, «тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорять, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь рас-поряженіе?» Чтѣ-жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже язы-комъ поворотить, и только сказала: «э... э... э... э...» А эта шельма, что стоялъ возлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: «Тетушка симъ изъясняетъ, что уже распорядилась». Слы-шите, слышите!

Пролетовъ. Какой же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

Бурдюковъ. Кой чортъ сказала! Она сказала только: «э... э... э...» Я все подступаю. «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженіе?» Чѣ-жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э, э, э»... А тотъ подлецъ опять: «тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи». Слышиште! слышите! Чѣ-жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ и не сказалъ ни слова.

Пролетовъ. Однакожъ, позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

Бурдюковъ. Чѣ-жъ? (*Размахиваетъ руками*). Стали бояться, что она, точно, все это говорила—ну, вѣдь... и повѣрилъ.

Пролетовъ. А духовное завѣщаніе распечатали?

Бурдюковъ. Распечатали.

Пролетовъ. Чѣ-жъ?

Бурдюковъ. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіанскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ: страданья, отчаянья такія, что люли только. «Возьмите», говорить, «читайте сами». Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было написано завѣщаніе? А вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову,— слушайте!—«въ возмездіе его сыновнихъ попечений и неотлучного себя при мнѣ обрѣтенія до смерти»,—замѣчайте!—«оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтеніе имѣніе мое въ Устюжскомъ уѣздѣ»,—вона! вона! куда пошло!—«пятьсотъ ревижскихъ душъ, угодья и прочее». А? слышите ли вы это? «Племянницѣ моей Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдуемую ей деревню изъ ста душъ». «Племяннику»,— вона! замѣчайте! вотъ тутъ настоящій тищунъ!—«Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову»,— слушайте, слушайте!—«на память обо мнѣ»,—ого! го! «завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухляедь, находящуюся въ амбарѣ, какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется? Я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

Пролетовъ. Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу по-корно!

Бурдюковъ. Мошенничество—это такъ, я съ вами согла-сень; но, спрашиваю я васъ: на чѣ мнѣ стаметовыя юбки? Чѣ я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

Пролетовъ. И свидѣтели подпісались при этомъ?

Бурдюковъ. Какъ же! набралъ какой-то сволочи.

Пролетовъ. А покойница собственноручно подпісалась?

Бурдюковъ. Вотъ тѣ-то и есть, что подпісалась, да чортъ знаетъ какъ?

Пролетовъ. Какъ?

Бурдюковъ. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

Пролетовъ. Какъ, такъ?

Бурдюковъ. Чортъ знаетъ, чѣ такое! Ей нужно было написать Евдокія, а она написала: «обмокни».

Пролетовъ. Чѣ вы!

Бурдюковъ. О, я вамъ скажу, что онъ гораздъ на все. «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки».

Пролетовъ (*въ сторону*). Молодецъ, однаждѣ, Павель Петровичъ Бурдюковъ: я бы никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ.

Бурдюковъ (*размахивая руками*). «Обмокни!» Чѣ-жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: «обмокни»?

Пролетовъ. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

Бурдюковъ. Я подалъ уже прощеніе обѣ уничтоженій за-вѣщанія, потому что подпісались ложная. Пусть они пе врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не «обмокни».

Пролетовъ. И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между тѣмъ доставьте мнѣ коню съ за-вѣщаніемъ вашего.

Бурдюковъ. Несказанно обязанъ вамъ! (*Берется за шап-ку*). А въ которыя двери нужно выходить — въ тѣ, или въ эти?

Пролетовъ. Пожалуйте въ эти.

Бурдюковъ. Тѣ-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будеть по своей надобности. До свиданія, почтенный... какъ васъ? я все позабывало.

Пролетовъ. Александръ Ивановичъ.

Бурдюковъ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Прольдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

Пролетовъ. Нѣтъ.

Бурдюковъ. Онъ еще живеть въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Прощайте!

Пролетовъ. Прощайте, почтеннѣйший, прощайте!

IV.

Пролетовъ, потомъ слуга.

Пролетовъ. Вотъ неожиданный кладъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь такое какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ будто или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя, при всѣхъ чиновникахъ, въ полномъ присутствіи. Ей-Богу, этакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! (*Андрей входитъ*). Ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянь, какъ стелька — для сегодняшняго дня я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчасъ: самонужнѣйшее дѣло. А, наконецъ-таки, насилиу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подилясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей-чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнешь у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ.

I.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, напротивъ — въ залъ. На заднемъ занавѣсѣ дверь, нѣсколько сбоку, въ кабинетъ. До самыx дверей во всю стѣну длинная скамья. Петръ, Иванъ и Григорій сидѣтъ на ней и спятъ, утихнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.

Григорій. Ступай, отвори дверь! звонять.

Петръ. Да ты что сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иванъ (махнувъ рукой). Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! (отворяя дверь, вскрикиваетъ). Это Андрюшка!

Чужой слуга входитъ въ картузъ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукахъ.

Григорій. А, московская ворона! откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ахъ, ты, чухонскій сычъ! Побѣгаль бы ты съ мое. Вонъ (подымая узелокъ) къ цвѣточницѣ велѣла снести, чтò на Петербургской. Небось, четвертака на извозчика не дастъ. Да и къ вашему токъ. Чтò, спить?

Григорій. Кто? медвѣдь? Нѣть, еще не рычать пѣть берлоги.

Петръ. Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? (Всъ смилются).

Григорій. Ну, ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

Чужой лакей. Врешь, а вотъ же и не штопаль никогда.

Петръ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучерь, или лакей, или башмаки шьетъ.

Чужой лакей. Ну, такъ что-жъ, ремесло другому не по-мѣшаеть. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью, и на другихъ тоже—копѣйку добываю. А вы что, вѣдь вотъ ни-чего-жъ не дѣлаете.

Григорій. Нѣть, братъ, у хорошаго барина лакея не зай-мутъ работой: на то есть мастеровой. Вонь у графа Бул-кина тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ. И ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды!» «Нѣть, моль», скажетъ, «это не мое дѣло; извольте-сь приказать Ивану». Вотъ оно какъ! Вотъ оно что значитъ, если ба-ринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонь ваша шигалица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, ве-ревками хвосты лошадямъ позавязаны. (*Смыются*).

Чужой лакей. Ну, ты, смѣхунъ, смѣхунъ! Что-жъ изъ этого, что лежишь весь день? вѣдь за то-жъ ни копѣйки за душой у тебя нѣть.

Григорій. Да на что-жъ мнѣ твоя копѣйка? А баринъ-то зачѣмъ? Вѣдь жалованье-то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что-жъ за баринъ, коли ужъ пенсіона слугѣ не выдастъ за службу?

Чужой лакей. Чѣмъ, говорять, ребята баль затѣяли?

Петръ. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что-жъ этотъ баль! только, чай, слава, что баль.

Григорій. Нѣть, братъ, баль будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ — не то, что орѣхи! ужъ полшуда конфектъ купили, мороже-наго тоже... (*Слышенъ тоненький звонокъ изъ барскаю ка-бинета*).

Чужой лакей. Ступай! звонить баринъ.

Григорій. Подождеть. Лимпацию тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣть, а то ужъ было... (*Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго*).

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонить.

Григорій. Подождеть! Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да вѣдь что-жъ этотъ баль? вѣдь это все такъ.

Григорій. Ну, развязывай мошну, ты, штональница! Вонь.

смотри, Петрушка, на него, какой онъ... (Тыкаетъ на него пальцемъ. Въ это время отворяется дверь и баринъ, вѣхалатъ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ).

II.

Баринъ. Чѣмъ вы, бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста! Я звоню, что есть мочи, чутъ тесъмы не оборвалъ.

Григорій. Да ничего не было слышно, сударь!

Баринъ. Время!

Григорій. Ей-Богу! Чѣмъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, сударь, никуды не годится: никогда ничего не слыхать. Нужно будетъ слесаря позвать.

Баринъ. Ну, такъ позвать слесаря.

Григорій. Да я ужъ сказывалъ дворецкому, да вѣдь чѣмъ-жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

Баринъ (увидя чужого лакея). Это чѣмъ за человѣкъ?

Григорій. Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

Баринъ. Чѣмъ скажешь, братъ?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, чѣмъ будуть сегодня къ вамъ.

Баринъ. За чѣмъ, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Онъ только сказали: «Скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ».

Баринъ. Да когда, въ которомъ часу?

Чужой лакей. Не могу знать, въ которомъ часу. Онъ сказали только, что доложи, де, говорить, Федору Федоровичу, что я, говорить, къ нимъ сама, де, буду у нихъ-съ...

Баринъ. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы — не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! (Уходитъ; за нимъ Петрушка).

III.

Чужой лакей (*Григорию*). Ну, видишь, вѣдь вотъ и до-
сталось.

Григорій (*махнувъ рукой*). А! ужъ служба такая! какъ
ни старайся — все выбранять. (*Вѣдь уверяю, что у лѣст-
ницы, раздается звонокъ*).

Григорій. Вотъ оиять какой-то чоргъ лѣзеть! (*Ивану*).
Ступай, отворяй! чтô-жъ ты зѣваешь? (*Иванъ отворяетъ
дверь; входитъ господинъ со шубы*).

IV.

Господинъ въ шубѣ. Федоръ Федоровичъ дома?

Григорій. Никакъ нѣть.

Господинъ. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

Григорій. Неизвѣстно. Должно-быть, въ департаментъ. А
какъ обѣ васъ дложить?

Господинъ. Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, моль,
жалѣль, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудешь?
Нѣвелещагинъ.

Григорій. Лентягинъ-сь?

Господинъ (*сразумительнъе*). Нѣвелещагинъ.

Григорій. Да вы нѣмецъ?

Господинъ. Какой нѣмецъ! просто, русскій: Нѣ-ве-ле-
ща-гинъ.

Григорій. Слышь, Иванъ, не позабудь: Ердащагинъ! (*Го-
сподинъ уходитъ*).

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы! Пора ужъ и мнѣ.

Григорій. Да чтô-жъ на бать будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да ужъ тамъ посмотрю постѣ. Прощай,
Иванъ!

Иванъ. Прощай! (*Идетъ отворять дверь*).

VI.

Горничная дѣвушка бѣжитъ съюмъ черезъ лакейскую.

Григорій. Куды, куды? Удостойте взглядомъ! (*Хватаетъ
ее за полу платы*).

Дѣвушка. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! Не дер-

жите меня, совсѣмъ-сь некогда! (Вырываются и убѣгаютъ въ дверь на лѣстницу).

Григорій (смотря въльдъ ей). Вонъ она, какъ поплелась! (Смеется). Хе-хе-хе!

Иванъ (смеется). Хи-хи-хи! (Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны. Григорій снимаетъ съ външалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу).

Григорій. Вѣдь вотъ свободное время: баринъ ушелъ, чего бы, кажется, лучше?—нѣть, сейчасъ привалить этой чортѣ, брюхачъ-дворецкій.

За сценой слышенъ крикъ дворецкаго: Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе: десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

Григорій. Вотъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

Пузатый дворецкій (входитъ съ сильными движениями и размахами рукъ).

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза-то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей-Богу! Вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

Григорій. Да чтѣ-жъ, нешто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

Дворецкій. Да кто жъ противъ этого и слово говоритьъ? Почему-жъ не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей-Богу! Вѣдь что тебѣ заботы? всего два-три какихъ-нибудь подсѣщника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ башнился? (Петръ медленно уходитъ). А тебѣ, Ванька, просто толика въ затылокъ сѣдуетъ.

Григорій (уходя). Эхъ ты, житѣ, житѣ! вставши, да за вытье!

Дворецкій (оставившись одинъ). Въ томъ-то и есть поведенье, что всякий человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли

слуга, такъ слуга; дворянинъ, такъ дворянинъ; архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякий зачать... Я бы сейчас сказаль: «Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи». Да вѣдь за то мнѣ всякий бы сказалъ: «Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генераль»—вотъ что! «Твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеньемъ слугъ» — вотъ что! «Тебѣ не то, что бонъ журъ, комань ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье»— вотъ что! Да.

VIII.

Входитъ Аннушка, горничная фельшика изъ другою дома.

Дворецкій. А, Анна Гавриловна! Насчетъ моего поченія съ большими удовольствіемъ васъ вижу.

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентій Павловичъ! Я нарочно зашла ть вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и узнала, что его шѣть дома.

Дворецкій. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады. Пожалуйте, садитесь!

Аннушка (спышки). Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о батѣ, который на-дняхъ затѣвается?

Дворецкій. Какъ же. Оно, примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина: одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно, это впрочемъ составить большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женой пять рублей. Ну, нату-рально, батъ или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобные удовольствія.

Аннушка. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агаѳѣй Ивановной?

Дворецкій. Ужъ Агаѳѣя Ивановна только и говорить, что обѣ васъ.

Аннушка. Я боюсь только насчетъ общества.

Дворецкій. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышать, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини... Я думаю, тоже чиновники некоторые будутъ.

Аннушка. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера: отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки; притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжли.

Дворецкій. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ розны. Оно конечно, такъ какъ кучера, по обыкновенію больше своему, находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаются, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпить стаканъ водки или, по недостаточности больше, выкурить обыкновенного бакину, какой большую частью простой народъ употребляетъ: да, такъ оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ павозомъ или водкой, — конечно, все это такъ; да, однажды, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые, хотя и кучера, однажды, по обыкновенію своему, больши, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность или, такъ выражаться, дирекція состоять въ томъ, чтобы отпустить овесь или укорить въ чёмъ, если провинился форейторъ или кучерь.

Аннушка. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! Я всегда васъ заслушиваюсь.

Дворецкій (*съ довольною улыбкой*). Не стоять благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякий человѣкъ имѣсть, примѣрно сказать, рѣчь, то-есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорять, косноязычіе... да, или иные иные прочие подобные случаи, что впрочемъ уже происходить отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

(*Аннушка идетъ, Лаврентій за нею*).

ОТРЫВОКЪ.

Комната въ домѣ Мары Александровны.

І.

Марья Александровна (*пожилыхъ летъ дама*) и Михайло Андреевичъ (*ея сынъ*).

Марья Александровна. Слушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты долженъ служить въ военной.

Миша. (*вытаращивъ глаза*). Въ военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Чѣдѣ вы, маменька, въ военной?

Марья Александровна. Ну, чѣдѣ-жѣ ты такъ изумился?

Миша. Помилуйте, да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

Марья Александровна. Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры—ужъ это мое дѣло.

Миша. Да чѣдѣ вы нашли во мнѣ военную? и фигура моя совершенно не военная. Помилуйте, матушка, право, вы ченя совершенно изумили этакими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что и подумать... Я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками—совѣстно даже смотрѣть.

Марья Александровна. Нѣть нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немножко

толстъ—скорѣе пойдеть производство: имъ же будеть съвѣтно, что у нихъ въ полку такой толстый прaporщикъ.

Миша. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго асессора. Я ужъ два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранить мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штрафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще въ николѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же нужно, чтобы и на лошади лихо Ѵздили, и голосъ бы имѣть звонкій, и ростъ бы имѣть богатырскій, и талію.

Марья Александровна. Пріобрѣтенъ, все пріобрѣтенъ. Я хочу, чтобы ты непремѣнило служилъ; на это есть очень важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, ужъ причина важная.

Миша. Все же-таки скажите, какая причина.

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю дажѣ, поймель ли ты хорошенъко. Губомазова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ говорить и нарочно такъ, чтобы я слышала,—а я сижу третьею: передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я,—что бы ты думалъ, эта негодная осмѣлилась говорить?... Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бы не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сдѣлала. Говорить: «Я очень рада, что на придворныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такие все», говорить, «mauvais genre, чѣмъ-то неблагороднымъ отъ нихъ отзываются. Я рада», говорить, «что мой Алексисъ не носить этого сквернаго фрака».—И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ право... я не знаю, что бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто дуракъ набитый: только всего и умѣеть, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Какъ, матушка, такъ въ этомъ вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сынъ

тоже служить въ гвардіи и быть бы на всѣхъ придворныхъ балахъ.

Миша. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

Марья Александровна. Нѣть, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснеть съ досады, пусть побѣсится.

Миша. Однакожъ...

Марья Александровна. О, я ей покажу! Ужъ какъ она хотеть, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣть, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да развѣ этимъ вы ей досадите?

Марья Александровна. О, ужъ этого-то не позволю!

Миша. Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную; только, право, мнѣ самому будетъ смѣшило, когда увижу себя въ мундирѣ.

Марья Александровна. Ужъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За однимъ разомъ и перемѣнить службу, и женить?

Марья Александровна. Что-жъ? Какъ будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться?

Миша. Да вѣдь я и памѣренъ еще не имѣть. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

Миша. Да вѣдь опа, матушка, дура первоклассная.

Марья Александровна. Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная девушка, вотъ только что памяти нѣть: иной разъ забывается, скажетъ невинопадъ; но это отъ разсѣянности, а ужъ зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

Миша. Помилуйте, куда ей сплетничать! Она насилиу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, такъ! Я вотъ какъ будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идеть какъ-то, а тебѣ совсѣмъ нейдеть.

Миша. Ахъ, маменька, но когда и въ чёмъ я быть не послушенъ вамъ? Миѣ ужъ скоро тридцать лѣтъ, а между тѣмъ я, какъ дитя, покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѿхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлась ѿхать,— и я ѿду, не показывая даже и вида, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потеряться въ передней такого-то— и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по сердцу. Вы мнѣ велите таиновать на балахъ—и я таинствую, хоть все падо мною смыаются и падь моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу— и я перемѣняю службу: въ тридцать лѣтъ иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякий день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно; клянусь вамъ, это больно! Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе....

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либераль! И знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

Миша. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже стала слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картижникъ и все, что вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему падо мною имѣть и тѣни вліянія.

Марья Александровна. Ахъ, Боже мой, какой ужасный человѣкъ! Я испугалась, когда его узнала. Безъ правиль, безъ доброты — какой гнусный, какой гнусный человѣкъ! Если-бъ ты знать, что такое онъ разнесъ про меня!.. я три мѣсяца не могла никакда поса показать: что у меня по даются сальные огарки; что у меня по цѣльмъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извозчичихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провидѣніе подкѣрила меня.

Миша. И этакій человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть? И, думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтобы онъ не смѣль мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ только можешь оправдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать?

Марья Александровна. Какъ нельзя? это почему?

Миша (*въ сторону*). Ну, рѣшительная минута!... (*Вс.ужѣ*). Позвольте мнѣ хотя здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто-жъ такая эта другая?

Миша. Ахъ, маменька! клинусь, никогда еще не было подобной—ангель, ангель и лицомъ, и душою.

Марья Александровна. Да чьихъ она, кто отецъ ея?

Миша. Отецъ—Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Марья Александровна. Одосимовъ! Фамилія неслыханная! Я ничего не знаю про Одосимова... Да что онъ, богатый человѣкъ?

Миша. Рѣдкій человѣкъ! удивительный человѣкъ!

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Какъ вамъ сказать? Нужно, чтобы вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь въ свѣтѣ.

Марья Александровна. Да что онъ, какъ? въ чемъ состоить его чинъ, имущество?

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ на счетъ этотъ сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ-быть, во всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякий хочетъ поправиться на счетъ женина приданаго. Ну, пусть еще въ пѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ-быть, излишняя честность помѣшила составить состояніе,— словомъ, что-бы то ни было, но я понимаю, что онъ въ правѣ искать богатой невѣсты и, можетъ-быть, несправедливы бы были родители, если-бы не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ — что-жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь

это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ-быть, прикрыла бы чын-нибудь плечи. Нѣть, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитанье дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскунку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ-быть, Богъ знаетъ чѣмъ, занимается.

Миша. Матушка!..

Марья Александровна. Отецъ—пьяница, мать—стряпуха, родня—кварташки или служащіе по питейной части... И я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни!.. Нѣть, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позовите...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодыхъ людей! Нѣть, я не переживу этого; клянусь, не переживу этого... Ахъ! чѣмъ? у меня закружилась голова! (*Вскрикиваетъ*). Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, стеклянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

Миша (*бросаясь*). Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонять до сихъ поръ эту чуму.

Лакей (*въ дверяхъ*). Собачкинъ пріѣхалъ.

Марья Александровна. Какъ! Собачкинъ? Отказать, отказать, чтобы его и духу здѣсь не было!

II.

Тѣ же и Собачкинъ.

Собачкинъ. Марья Александровна, извините великодушно, что такъ давно не быть. Ей-Богу, никакъ не могъ! Повѣрить не можете, сколько дѣлъ; знать, что будете гнѣваться; право, зналь... (*Увидя Мишу*). Здравствуй, браты! Какъ ты?

Марья Александровна (*въ сторону*). У меня, просто, словъ недостаетъ! Каковъ! Еще извиняется, что давно не были!

Собачкинъ. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ

свѣжи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я по-
лагаль, признаюсь, и его также застать у васъ.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться
къ нему, а не ко мнѣ.

Собачкинъ (усмѣхаясь). Я пріѣхалъ разскажать вамъ одинъ
препитересный анекдотъ.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотовъ.

Собачкинъ. Объ Натальѣ Андреевнѣ Губомазовой.

Марья Александровна. Какъ, объ Губомазовой?.. (*Стараясь скрыть любопытство*). Такъ это, вѣрно, недавно слу-
чилось?

Собачкинъ. На-дняхъ.

Марья Александровна. Чтѣ-жъ такое?

Собачкинъ. Знаете ли, что она сама сѣть своихъ дѣвокъ?

Марья Александровна. Нѣть! чтѣ вы говорите? Ахъ, какой
срамъ! Можно ли это?

Собачкинъ. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разскажать.
Одинъ разъ велить опа виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣ-
дуется, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не
ломлю за чѣмъ-то, гажется, за розгами. Въ это время дѣ-
вушка за чѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея
приходитъ Наталья Андреевна мужъ, ложится и засыпаетъ.
Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуется, съ розгами,
велить одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла просты-
ней и высѣкла мужа.

Марья Александровна (всплеснувъ руками). Ахъ, Боже мой,
какой срамъ! Какъ это до сихъ порь я ничего объ этомъ
не знала? Я вамъ скажу, что я почти всегда была увѣренна,
что она въ состояніи это сдѣлать.

Собачкинъ. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Тол-
куютъ: «Примѣрная жена, сидить дома, занимается воспи-
таніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-англійски!» Какое воспи-
танье! сѣть всякий день мужа, какъ конику!.. Какъ мнѣ
жалъ, право, что я не могу пробыть у васъ подолье. (*Рас-
кланивается*).

Марья Александровна. Куда-жъ это вы, Андрей Кондратье-
вичъ? Не совсѣмъ ли вамъ, столько времени у меня не
бывши... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома:
останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое-
о-чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается
каретникъ; пожалуйста, переговори съ нимъ. Спроси, возв-

мется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣть чтобы быть голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой. (*Миша уходитъ*).

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы вѣрно знаете: есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ.

Собачкинъ. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкинъ. Помню, помню, есть Одосимовъ, столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно, есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... Вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

Собачкинъ. Вамъ стоять только приказать. Для вѣсъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вотъ вѣчъ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился или, лучше, не влюбился, а просто заплю въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ... Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

Собачкинъ. Бредить? А, однакожъ, онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ, конечно, бредить, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу отъ вѣсъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

Собачкинъ. Хе-хе-хе! Да вы почему это думаете? А вѣдь, точно, вообразите: на Масляной шесть купчихъ... можетъ-быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь... волочился или что-нибудь другое... Клинусь, даже не посмотрѣть! Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишъ его, Ермолай, Ермолай... Ахъ, Боже, Ермолай, вотъ что жить на Литейной, недалеко отъ Кирочки?

Марья Александровна. Не знаю тамъ никого.

Собачкинъ. Ахъ, Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ хоть убей, позабыть фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію... Ну, да вы знаете ее—Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкинъ. Боже мой! онъ еще живъ недалеко отъ Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкинъ. Да вы посль припомните. Дочь — богачка страшная, до двухсот тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардныи билетъ въ руки.

Марья Александровна. Чѣмъ жъ вы? не женились?

Собачкинъ. Не женился. Отецъ три дня на колѣяхъ стоялъ, упрашивалъ; и дочь не перенесла, и теперь въ монастырѣ сидитъ.

Марья Александровна. Почему-жъ вы не женились?

Собачкинъ. Да такъ какъ-то. Думаю себѣ: отецъ — откупщикъ, родня — чѣмъ ни пошло. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенье свѣтъ: все условія, да приличія. Сколькоихъ людей уже ногубили!

Марья Александровна. Ну, да чѣмъ же вамъ смотрѣть на свѣтъ? (*Въ сторону*). Прошу покорно! Теперь всякая чутъ выѣзжая козявка ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говорить!

Собачкинъ. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право нельзя, все какъ-то... Ну, понимаете... станутъ говорить: «Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ...» Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что ты прикажешь дѣлать? (*Говоритъ тихо*). Вѣдь вотъ по вскрытию Невы всегда находятъ двухъ, трехъ утонувшихъ женщинъ, — я ужъ только молчу, потому что въ такую еще вспугаешься исторію... Да, любить; а вѣдь за чѣмъ бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

Собачкинъ (*устыхає*). А вѣдь вообразите, что, еще какъ былъ мальчишкой, ни одна бывало не проходитъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: «Пластика, какъ хороши!»

Марья Александровна (*въ сторону*). Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже — вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошт. (*Вслухъ*). Ну, такъ послушайте же, Андрей Кондратьевичъ, съ вашею наружностию можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя

ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этаѣтъ, что называется, немножко замарать... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія и она не сойдетъ съ ума отъ васъ...

Собачкинъ. Марья Александровна, сойдетъ! Не спорьте, сойдетъ: я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не тамъ бывали исторіи... Вотъ еще на-дняхъ...

Марья Александровна. Ну, такъ бы то ни было, сойдетъ, или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связѣ... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкинъ. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкинъ. Да.

Марья Александровна. Чѣ—да?

Собачкинъ. Ничего, я такъ сказалъ: да.

Марья Александровна. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

Собачкинъ. О, нѣть, ничего! Но всѣ эти влюбленные... вы не повѣрите, какая у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то... чортъ знаетъ что такое... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь... но, знаете, неприлично въ хорошемъ обществѣ.

Марья Александровна. О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

Собачкинъ. Впрочемъ, я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей-Богу, съ удовольствіемъ... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумать можете, Богъ знаетъ чѣ, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ, вотъ хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячионки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память! Одѣваясь, все думать, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столь передъ глазами. Чѣ прикажете, все взять, табакерку взять, платокъ даже лишній взять, а книжка осталась на столѣ.

Марья Александровна (въ сторону). Чѣ съ нимъ дѣлать? Дашь—замотаетъ, а не дашь—распуститъ по городу такую

чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говорить: позабыть книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А, нечего дѣлать, нужно дать. (*Вслухъ*). Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

Собачкинъ. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

Марья Александровна (*уходитъ, въ сторону*). Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

Собачкинъ (*одинъ*). Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ-то я отдавать не буду: и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ; конечно, раскричится, шу, да чтѣ-жъ дѣлать? нельзя же деньги сорить на все, съ пея довольно и любви моей, а платье, она врѣгъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колясонка моя хоть и новая, ну, да ее всякой уже видѣть и знать, а есть, говорить, у Іохима только-что отдѣланная, послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ее. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляской, такъ я могу ее и весьма вымѣнять. Такъ я, знаете, какого задамъ тогда эффекту! Можетъ-быть, на всемъ гулянья всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между тѣмъ нужно подумать о порученіи Мары Александровны. Мнѣ кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да вирочемъ чтѣ-жъ? надѣсть вѣдь только тузановъ? Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы... Да вѣдь я могу и удрать, и если чтѣ-въ спальню Мары Александровны, и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащить! Но, главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто хотѣть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо — просто, какъ будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что: у меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ написанныя — выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а на мѣсто ея написать другую. Чтѣ-жъ, чѣмъ же это не хорошо? право! Попарить въ карманѣ, можетъ-быть, тутъ же посчастли-

вится найти именно такое, какъ нужно. (*Вынимаетъ изъ кармана пачокъ писемъ*). Ну, хоть бы это напримѣръ (*читаетъ*). «Я очинь слава Богу здарова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсѣмъ позабыли. Иванъ Даниловичъ видель васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чортъ возьми! кажется, правописанія нѣть. Нѣть, этимъ, я думало, не надуешь. (*Продолжаетъ*). «Я для васъ душинька вышила подвязку». Ну, и разносилась съ нѣжностями! Что-то буколического много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ-быть, не будеть ли здѣсь чего-нибудь? (*Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать*). «Лю-без-ный другъ!» Нѣть, это, однокожъ, не любезный другъ; чѣд же однокожъ? «Нѣжнѣйшій, дражайшій?» Нѣть, и не дражайшій, нѣть, нѣть. (*Читаетъ*). «Ме, ме, е... рзавецъ». Хм! (*Сжимаетъ пубы*). «Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа (*послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы*)... то я тебя въ полицію». Чортъ знаетъ что! Вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что! Вотъ, ужъ именно ничего нѣть въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженіями такими, которыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣть, нѣть, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то... совсѣмъ не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильнаго, чтобы виденъ кипятокъ,—кипятокъ, чѣд называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это. (*Читаетъ*). «Жестокій тиранъ души моей!» А, это что-то хорошее однокожъ. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей-Богу, преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитаніе! Ужъ по началу видно, кто какъ себя поведеть. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорблень. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Даѣше ужъ и читать не нужно; только не знаю, какъ бы выскоблить такъ, чтобы не было замѣти. (*Смотритъ на подпись*). Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! это и подписать. Каково обѣдалось дѣлько само собою! А вѣдь, говорять, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы письмѣ, а не имѣя письмѣ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. (*Подходитъ къ зеркалу*). Еще сегодня какъ-то опу-

стился, а то вѣдь иной разъ, точно, даже что-то значительное въ лицѣ... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ быть похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ запустить бакенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно, вокругъ было баҳромкой, какъ говорять—сукномъ обшить, или выбритъ все голъемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗДЪ

послѣ
представленія новой комедіи.

(Сцена театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлерей; посрединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ, съ другой стороны—выходъ. Сышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій).

Авторъ пьесы *) (выходит). Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! Весь театръ гремитъ!.. Вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось назадъ тому лѣтъ семь, восемь мое сердце! какъ бы встрепенулось все во мнѣ! Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзновысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь наконецъ, что рукоплесканья еще не много значать и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучить ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы—все покрывается равными плесками. Нѣть, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ, теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлереи, въ

*) Само собою разумѣется, что авторъ пьесы лицо идеальное: въ немъ изображенъ положеніе комика въ обществѣ,—комика, избравшаго предметомъ осмѣяніе злоупотреблений въ кругу различныхъ словий и должностей.

кресла, въ рабѣ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнья и впечатлѣнья, пока они еще дѣственны и свѣжі, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственного суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежать суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надѣть имъ всякий зрителъ уже имѣеть право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьею его. О, какъ бы хотѣть я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мной, пусть недоброжелательство править устами его, пристрастіе, негодованье, ненависть—все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнести слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанія слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣнѣхъ во все времена раззѣза. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой пьесѣ: человѣкъ подъ вліяніемъ первого впечатлѣнія всегда живъ и спѣшить имъ подѣлиться съ другимъ. (*Отходитъ въ сторону. Показываются несколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому.*) Выѣдемъ лучше теперь: играть будетъ незначительный водевиль. (*Оба уходятъ.*)

Два comme il faut, плютинаю свойства, сходятъ съ лѣстницы.

Первый comme il faut. Хорошо, если бы полиція не далеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй comme il faut. Нѣть, а очень недурна.

Первый comme il faut. Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ: вчера намъ подаль свѣжій зеленый горохъ (*цикутуетъ концы пальцевъ*)—прелесть! (*Уходитъ оба.*)

Бѣжитъ офицеръ, другой удерживаетъ его за руку.

Другой офицеръ. Да останемся.

Первый офицеръ. Нѣть, братъ, на водевиль и калачомъ не заманишь. Знаемъ мы эти пьесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины — уродъ на уродѣ. (*Уходитъ.*)

Свѣтскій человѣкъ, щеголевато одѣтый (*сходя съ лѣстницы*)

иы). Шлутъ портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть. За это я намѣренъ еще проволочить его и годика два не заплачу долговъ. (Уходитъ).

Тоже свѣтскій человѣкъ, поплотнѣе (*говоритъ съ живостьюю другому*). Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядеть играть. Меньше какъ по полтораста рублей робертъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякий день съ нимъ играетъ.

Авторъ пьесы (*про себя*). И все еще никто ни слова о комедіи.

Чиновникъ среднихъ лѣтъ (*выходя съ расстѣненными руками*). Это, просто, чортъ знаетъ что тако!.. Эта-ко!.. Это ни на чѣ не похоже. (Ушелъ).

Господинъ, нѣсколько беззаботный насчетъ литературы (*обращаешь къ другому*). Вѣдь это, однаждѣ, кажется, переводъ?

Другой. Помилуйте, что за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычай и чины даже.

Господинъ беззаботный насчетъ литературы. Я помню однаждѣ, было что-то на французскомъ, не совсѣмъ въ этомъ родѣ. (Оба уходятъ).

Одинъ изъ двухъ зрителей, тоже выходящихъ вонъ. Теперь еще ничего нельзѧ знать. Погоди, что скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеши (*одна другой*). Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша (*отъ лица значительныя движенія губами*). Да, конечно, нельзѧ сказать, чтобы не было того... въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто-жъ противъ этого и стоитъ, чтобы оиять не было и... гдѣ-жъ, такъ сказать... а впрочемъ... (Утвердительно сжимая губами). Да, да! (Уходятъ).

Авторъ (*про себя*). Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однаждѣ будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

два офицера.

Одинъ. Я еще никогда такъ не смѣялся.

Другой. Я полагаю: отличная комедія.

Первый. Ну, иѣть, посмотримъ еще, что скажутъ въ журналахъ: нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! (Толкаетъ его подъ руку).

Второй. Чѣ?

Первый (указывая пальцемъ на одною изъ двухъ идущихъ по лѣстницѣ). Литераторъ!

Второй (торопливо). Который?

Первый. Вотъ этотъ. Чѣ! послушаемъ, что будуть говорить.

Второй. А другой кто съ нимъ?

Первый. Не знаю: неизвѣстно, какой человѣкъ. (*Оба офицера постаранываются и даютъ имъ мѣсто*).

Неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро.

Литераторъ. Помилуйте, чѣ-жъ тутъ остроумнаго? Что за низкій народъ выведенъ, что за тонъ? Шутки самыя плохія; просто, даже салъно!

Неизвѣстно какой человѣкъ. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что пьеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ. Да и не смѣшна. Помилуйте, чѣ-жъ тутъ смѣшнаго и въ чёмъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій. Все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ. Ну, да противъ этого я и не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи такъ, въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ. Да чѣ же есть? Помилуйте, и этого даже пѣть! Ну, чѣ за разговорный языкъ? Кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣть. Всѣ лица, кажется, какъ будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

Литераторъ. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ. Кто-жъ хвалить? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что пьеса — вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя же этого узнать, я не могу судить въ литературномъ отношеніи. (*Оба уходятъ*).

Еще литераторъ (входитъ въ сопровожденіи слушателей,

которымъ говоритьъ, размахивая руками). Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нѣть ни одного лица истиннаго, все — карикатуры! Въ натурѣ нѣть этого, повѣрьте мнѣ, пѣть, и лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорить: живость, наблюденіе... да вѣдь это все вздоръ, это все пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я ужъ слышалъ, что его чутъ не въ Фонвизины суютъ, а пьеса, просто, недостойна даже быть названа комедіею. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный. Послѣдняя пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею — Монбланъ передъ Пулковскою горою. Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чутъ-чуть не Шекспиръ. У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Все пріятели: кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. (Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями).

Оба офицера (*подаются впередъ и занимаютъ ихъ места*).

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержаный пріятелиами. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

Второй. Да вѣдь ты-же говорилъ, что еще никогда таъ не смеялся?

Первый. А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ нужно растолковать. Тутъ что въ этой пьесѣ? Во-первыхъ, завязки никакой, дѣйствія тоже нѣть, соображенія рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все карикатуры.

Двое другихъ офицеровъ позади.

Одинъ (*одному*). Кто это разсуждаетъ? Кажется, нѣль вишихъ?

Другой, заглянувъ сбоку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.

Первый. Чѣмъ? глупъ?

Второй. Нѣть, не то, чтобы. У него есть умъ, но сей-часъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка — и въ головѣ ничего.—Но, однакожъ, пойдемъ. (Уходятъ).

Два любителя искусства.

Первый. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дѣло, что такія слова болѣею частью исходятъ изъ усть тѣхъ, которые сами очень сомнительного тона, толкуютъ о гостиныхъ, и допускаются только въ переднія. Но не обѣ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ пьесѣ, точно, нѣтъ завязки.

Второй. Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то-есть въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея, точно, нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ порь на эту вѣчную завязку. Стѣть вглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильный завязываетъ драму стремлѣніе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во чтѣ бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

Первый. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ пьесѣ завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ пьесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общій. Люди просто-дущно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка?— точный узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массою, въ одинъ большой общий узель. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякий герой; теченіе и ходъ пьесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

Первый. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими.

Второй. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но править пьесою идея, мысль: безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать

можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

Первый. Но это выходить ужъ придавать комедіи какое-то значение болѣе всеобщее.

Второй. Да развѣ не есть это ея прямое и настоящее значеніе? Уже въ самомъ началѣ комедія была общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ, такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофантъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. Зато какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ! какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

Третій (*подходя и удариивъ слегка ею по плечу*). Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь, и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатленіе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшиись ими, немишуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляеть именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣеть, и значение комедіи общественной непремѣнно исчезнетъ.

Третій. Стало-быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

Второй. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ послужить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ всѣ, до малѣйшей, излучины души подлаго и бесчестного человѣка не рисуютъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленій отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже ясно знать, чего требуютъ отъ насть законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго врача и холодная и горячая вода лѣчить съ равнымъ успѣхомъ одинъ и тѣ же болѣзни: въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (*подходя*). Что можетъ послужить прекрасному и о чёмъ у васъ толки?

Первый. Споръ завязался у насть о комедіи. Мы всѣ го-

воримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Чѣдѣ вы скажете?

Четвертый. А вотъ чѣдѣ скажу: видѣнъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей пьесѣ чего-то иѣть. Какъ-то не видишь ни связки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ правительства. Безъ него у насъ не развязается ни одна комедія.

Третій. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны, это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насы болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало-быть, не мудрено, что это отражается въ созданіяхъ нашихъ писателей.

Четвертый. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна; но смѣшно то, что пьеса никакъ не можетъ кончиться безъ правительства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

Второй. Ну, видите: стало-быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало-быть, это уже составляеть какой-то отличительный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключена какая-то тайная вѣра въ правительство. Чѣдѣ-жъ? тутъ иѣть ничего дурного: дай Богъ, чтобы правительство всегда и вездѣ слышало признанье свое — быть представителемъ Провидѣнія на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ, настигавшій преступленія.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедія возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримъ лучше объ этихъ толкахъ и крикахъ у меня, чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. (*Уходитъ*).

Нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей появляются одинъ за другимъ.

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и слушается въ иныхъ мѣстахъ и похоже; но для какой цѣли, къ чему выводить это? — вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ? — вотъ чѣдѣ разрѣшите мнѣ! Чѣдѣ мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности такихъ представленій. (*Уходитъ*).

№ 2.

Нѣть, это не осмѣяліе пороковъ; это отвратительная на-
смѣшка надъ Россіею — вотъ что. Это значитъ выставить
въ дурномъ видѣ самое правительство, потому что выста-
влять дурныхъ чиновниковъ и злоупотребленія, которыя бы-
ваютъ въ разныхъ сословіяхъ, значитъ выставить самое
правительство. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ
представленій. (*Уходите*).

Входятъ господинъ А. и господинъ Б., люди не маловажныхъ чиновъ.

Господинъ А. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоп-
употребленія намъ нужно показывать; нужно, чтобы мы
видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній
многихъ, черезчуръ разгорячившихся патріотовъ; но только
мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то пе-
чального...

Господинъ Б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услыхали за-
мѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который
сидѣлъ возлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

Господинъ А. Кто?

Господинъ Б. Именно этотъ очень скромно одѣтый человѣкъ. (*Обращаясь къ нему*). Мы съ вами не кончили раз-
говара, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень
радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки,
именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ пра-
вительствомъ, надъ нашими обычаями, и что этого не слѣ-
дуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно
припомнить и обнять всю пьесу, и, признаюсь, выраженіе
комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительный. Въ
ней, какъ мнѣ кажется, сильный и глубже всего поражено
смѣхомъ лицемѣре, благопристойная маска, подъ которой
является низость и подлость, плутъ, корчащій рожу благо-
ниамѣренаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость,
видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута,
и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ кресель до
райка, надѣтая имъ маска. И послѣ этого есть люди, кото-
рые говорятъ, что не нужно выводить этого на сцену! Я
слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось,
впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А что ска-

жеть народъ, когда увидить, что у насъ бывають вотъ какія злоупотребленія?»

Господинъ А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Чѣдѣ скажетъ народъ? (*Посторанивается, проходитъ двое въ армякахъ.*)

Синій армякъ сѣрому. Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣдѣли, когда пришла царская расправа! (*Оба выходятъ вонъ.*)

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ чѣдѣ скажетъ народъ, вы слышали?

Господинъ А. Чѣдѣ?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Скажетъ: «Небось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣдѣли, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка! Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да для него нужны такія представленія. Пусть онъ отдастъ правительство отъ дурныхъ исполнителей правительства. Пусть видѣтъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видѣтъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святыму долгу человѣка, что поблѣдѣютъ предъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшеннный послѣ такого представленія съ твердой вѣрою въ недремлющей высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: «народъ получить дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ». То-есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидить своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидить, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидить. Они, право,

народъ нашъ считаютъ глупыемъ бревна,—глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣть, теперь мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ: выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣть, хорошо, что выставлены одни только исключенья и пороки, которые колоть теперь до того глаза, что не хотять быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

Господинъ А. Но неужели, однакожъ, существуютъ у насъ точь-въ-точъ такие люди?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякий разъ становится грустно, когда я слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ запросъ: «Неужели существуютъ такие люди?» Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что,—я буду съ вами говорить прямодушно.—у меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилий и потрясеній мнѣ было нужно, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадаешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣть сю же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только-что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надѣ которыхими я самъ посмѣялся?

Господинъ А. (послѣ некотораго молчанія). Признаюсь, надѣ словами вашими призадумавшися. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякий изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, а о дурномъ говорить вѣчно въ третьямъ лицѣ,—то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ... Но прощите мою нескромность,—вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами,—позвольте узнать: съ кемъ я имѣю удовольствіе говорить?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

Господинъ Б. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терпѣть. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ съ тѣмъ новую силу продолжать свое поприще. Я утыщенъ уже мыслью, что подлость у насъ не остается скрытою или потворствующей, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льстить національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволить показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи; и уже это одно даетъ мнѣ рвение продолжать мою полезную службу.

Господинъ А. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

Очень скромно одѣтый человѣкъ.. Позвольте мнѣ отъ всей души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣstu, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору пьесы наравнѣ съ другими, но я не вызывалъ его. Какая ему награда? Пьеса понравилась—хвали ее, а онъ—онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того

дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадить никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. «Помилуйте», говорить, «я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей,—какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?» Нѣтъ, по мнѣ кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству; не стоять гроша его мышиное благородство.

Господинъ А. По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены, что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ добру... дай Богъ, чтобы всякий государь быть окружено такими людьми! (*Поплышино уходитъ*).

Господинъ А. (*переворачивая въ рукахъ карточку*). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само собою. Да хранить тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глухи, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлы, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они, какъ искры золотой руды, разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея границъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ семъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представлѣнія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. (*Уходитъ*).

Господинъ В. (*подходя къ господину А.*). Кто это быть съ вами? Кажется, онъ министръ—а?

Господинъ П. (*подходя съ другой стороны*). Помилуй. братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ?...

Господинъ Б. Чѣмъ?

Господинъ П. Ну, да какъ же выводить это?

Господинъ Б. Почему же нѣть?

Господинъ П. Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право? Все пороки, да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

Господинъ Б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

Господинъ П. Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженье... вѣдь чрезъ это теряется уваженіе къ чиновникамъ и должностямъ.

Господинъ Б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

Господинъ В. Но позвольте, однакоже, замѣтить: все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорблѣніе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

Господинъ П. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорблѣніе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника...

Господинъ Б. Ну, такъ что-жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ бы, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: чтѣ-жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

Господинъ П. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ. Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣть, ты ужъ слишкомъ.

Господинъ В. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія?

Господинъ Б. Зачѣмъ? странный вопросъ: «зачѣмъ?» Много можно сдѣлать этакихъ «зачѣмъ». Зачѣмъ одинъ отецъ, желаю исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставлений, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасъ страшные слѣды безпорядочной жизни? Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

Господинъ В. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣко-

торымъ образомъ наши общественныя раны, которые нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ П. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господинъ Б. Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣре, а не истинная любовь къ отечеству. Но - вашему, нужно бы только закрыть, зальчить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣстъ онѣ не были видны, а внутри пусть свидѣствуетъ болѣзнь — до того нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды, что она можетъ взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лѣченіе поздно. До того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлѣтѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно проходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинахъ сердца, пусть изведеть до такого усыпленія свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами, произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. (Уходитъ).

Господинъ П. (после нѣкотораго молчанія). Чѣмъ ты молчишь? Каковъ? Чего не наговорить, а?

Господинъ В. молчитъ.

Господинъ П. (продолжая). Онъ можетъ себѣ говорить, чѣмъ ему угодно, а вѣдь это все - таки наши, такъ сказать, раны.

Господинъ В. (въ сторону). Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

Господинъ П. Этакъ, пожалуй, и я могу наскажать кучу всего, да вѣдь чѣмъ изъ этого?.. А вотъ князь Н. Послушай, князь, не уходи!

Князь Н. А чѣмъ?

Господинъ П. Ну, потолкуемъ, остановись! Ну, чѣмъ, какъ пьеса?

Князь Н. Да смѣшина.

Господинъ П. Но, однакожъ, скажи: какъ это предста-
влять? на что это похоже...

Князь Н. Почему-жъ не представлять?

Господинъ П. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это:
вдругъ на сценѣ плугъ—вѣдь это все наши раны.

Князь Н. Какія раны?

Господинъ П. Да, это наши раны, наши, такъ сказать,
общественныя раны.

Князь Н. (съ досадою). Возьми ихъ себѣ! Пусть онъ бу-
дутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь? Мнѣ
пора домой. (Уходитъ).

Господинъ П. (продолжая). И потомъ опять, что за че-
шуху онъ наговорилъ здѣсь? Говорить: дѣйствительный стат-
скій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулир-
ный, это можно допустить...

Господинъ В. Однакожъ, пойдемъ, полно толковать; я ду-
маю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. (Въ сторону). Есть люди, которые
имѣютъ искусство все охаять. Твою же мысль, повторивши,
они имѣютъ сдѣлать ее такъ пошлою, что самъ краснѣешь.
Скажешь глупость, она бы, можетъ-быть, такъ и проскольз-
нула незамѣченной—нѣть, отыщется поклонникъ и пріятель,
который непремѣнно пустить ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще
глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право: точно въ грязь
посадилъ. (Уходитъ).

Военный и статскій выходятъ вмѣстѣ.

Статскій. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы го-
ворите: «это нужно выводить на сцену»; вы готовы вдо-
воль посмѣяться надъ какимъ-нибудь штатскимъ чиновни-
комъ; а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что
есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о пороч-
ныхъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дур-
ного тона, съ неприличными ухватками — да вы изъ-за
одного этого готовы съ жалобой подѣлать въ самый государ-
ственный совѣтъ.

Военный. Ну, послушайте, за кого же вы меня считаете?
Конечно, есть между нами такіе Донкишоты, но повѣрьте
также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, ко-
торые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на все-
общее осмыленіе порочацій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь

обида? Подавайте, подавайте намъ его! Мы всякий день готовы смотрѣть.

Статскій (*въ сторону*). Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: «подавайте! подавайте!» а подашь — такъ и разсердится. (Уходятъ).

Двѣ бекеша.

Первая бекеша. У французовъ тоже, напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, схватывается со стола салатникъ и ставить его подъ кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякий день въ театрѣ. А здѣсь—ну, что это, право?—какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго я бы въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ,—ну, что это, право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французовъ другое дѣло. Тамъ *soci t *, *mon cher!* У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совершенно безъ всякаго образованья: все это болѣше частью воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею тоже ходиль въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ-жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? (Уходятъ).

Свѣтская дама (*въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ*). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пинуть у насъ такъ, какъ французы пинутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предаласть, положимъ, самой порочной и непозволенной любви; но представьте это увлекательно, такъ, чтобы я побуждена была къ ней участемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица — одинъ отвратительный другого.

Мужчина въ мундирѣ. Да, тривиально, тривиально.

Свѣтская дама. Скажите: отчего у насъ въ Россіи все еще такъ тривиально?

Мужчина во фракѣ. Душа моя, послѣ разскажешь, отчего тривиально: кричать нашу карету. (Уходятъ).

Выходятъ трое мужчинъ вмѣстѣ.

Первый. Почему-жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки— злоупотребленія и пороки? Какая здѣсь насмѣшка!

Второй. Такъ надѣть чѣмъ же смѣяться? Развѣ надѣть добродѣтелями, надѣть достоинствами человѣка?

Первый. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый! Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чёмъ можно писать?

Второй. Какие же другіе предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаеній? Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на гулянье на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

Второй. То-есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнныій законъ? Комедій въ томъ именно вкусъ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ, трехъ такихъ, какова была игранная теперь? Если же вамъ нравится тѣ, о которыхъ вы говорите, то бѣжайте только въ театръ: тамъ всякий день вы увидите пьесу, где одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

Третій. Ну, нѣтъ, послушайте: это не тѣ. Всему есть свои границы. Есть вещи, надѣть которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которые въ нѣкоторомъ родѣ уже святыни.

Второй (*про себя, съ горькой усмѣшкой*). Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надѣть истинно-благороднымъ, надѣть тѣмъ, что составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ; посмѣйся же надѣть порочнымъ, подлымъ и низкимъ— всѣ закричатъ: «онъ смѣется надѣть святыней».

Первый. Ну, вотъ видите ли, вы, я вижу, теперь убѣждены: не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену: это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но, просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. (*Уходитъ*).

Второй (*про себя*). Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Проншу угодить! Избери мало-

важные свѣтскіе случаи, всѣ будуть говорить: «Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣть глубокой нравственной цѣли»; избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль — будуть говорить: «Не его дѣло, ниши пустяки!» (*Уходитъ*).

Молодая дама большого сопровождения мужа.

Мужъ. Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

Господинъ N. (*подходя къ дамѣ*). Чѣмъ вижу! Вы прѣѣхали смотрѣть русскую пьесу!

Молодая дама. Чѣмъ-жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка?

Господинъ N. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните пьесу?

Молодая дама. Совсѣмъ нѣть. Я нахожу, что многое очень вѣрно: я смеялась отъ души.

Господинъ N. Отчего-жъ вы смеялись? Оттого ли, что любите посмѣяться надъ всѣмъ, чѣмъ русское?

Молодая дама. Оттого, что, просто, было смѣшино. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая вѣкакое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не вѣкъ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насть,—она была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смеялась.

Господинъ N. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смеялась, но что при всемъ томъ пьеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

Молодая дама. Я не хочу знать, чѣмъ чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нерви, и я всегда рада смеяться надъ тѣмъ, чѣмъ внутренно смѣшино. Я знаю, что есть иная изъ насть, которая отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духа посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдругъ показывается тоже молодая дама съ мужемъ.

Господинъ N. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. (*Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку*).

Первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смеялась.

Вторая дама. Да кто же не смеялся? всѣ смеялись.

Господинъ N. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мнѣ было, точно, грустно. Я знаю, все это очень вѣрно; я сама тоже видѣла многое подобного, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

Господинъ N. Стало-быть, комедія вами не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто-жъ это говорить? Я вами говорю уже, что я смѣялась отъ всей души, и больше даже, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

Господинъ N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что обѣ этомъ его просятъ, что это будетъ, право, хорошо.

Мужъ первой дамы. А вотъ же этого именно и не совсѣмъ тутъ. Дамамъ хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самыми пошлыми слогомъ.

Вторая дама. Совсѣмъ нѣть. Какъ вы мало знаете насть! Вотъ вами-то принадлежитъ это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ такъ, что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться, — что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насть никогда не дѣлается. А кто говорилъ? — Самый низкий и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совсѣмъ, и все, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господинъ N. Ну, скажите же, кто это былъ?

Вторая дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насть кричали: «Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, насмѣшка надъ правительствомъ! Да какъ это позволить? Да что скажетъ народъ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? — Извините. Затѣмъ, чтобы произвести шумъ, чтобы запретили пьесу, потому что въ ней, можетъ-быть, отыскали кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, не театральные рыцари!

Мужъ первой дамы. О! да у васъ ужъ начинаетъ рождаться маленькая злость!

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла.

И нельзя не быть злую, видя, какъ подлость является подъ всячими личинами.

Мужъ первой дамы. Ну, да: вамъ бы хотѣлось, чтобы сей-часъ выскочить рыцарь, прыгнувъ черезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею...

Вторая дама. Извините.

Мужъ первой дамы. Натурально: женщины что нужно?— Ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

Вторая дама. Нѣть, нѣть, нѣть! Дѣсти разъ готова говорить: нѣть! Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины большие истиниаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ такъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣть,—потому что это нужно говорить. Чѣмъ подло, то подло, какъ вы ни скрывайте и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

Мужъ первой дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

Мужъ первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу ручку! Я пошуплю.

Вторая дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. (*Обращаясь къ г-ну N*). Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благородного и честнаго человѣка.

Господинъ N. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, а этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

Вторая дама. Нѣть, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

Господинъ N. Да вѣдь, я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора资料 нѣть, глубокихъ и сильныхъ движений сердечныхъ.

Господинъ N. Отчего-жъ такъ?

Вторая дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смеется,

тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ: ему не можетъ быть знакомо то, что чувствовать одно только пѣжное сердце.

Господинъ N. Вотъ хорошо! Стало-быть, по-вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

Вторая дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасть перетолковываете въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Мужъ второй дамы. Но какъ же ты можешьъ сказать это утверждительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смеялись или были насмѣшниками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господинъ N. Стало-быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движения человѣка?

Вторая дама. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и, признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

Мужъ первой дамы (*обращаясь къ господину N*). Ну, развѣ ты не видишь—выходить опять то же? Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. (*Обращаясь къ господину N*). Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непремѣнно должна быть холодная?

Мужъ второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значить?—Это значитъ, что причиною такихъ произведеній все же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ-быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству... словомъ, любовью. Не правда ли?

Господинъ N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

Господинъ N. Какъ вами сказать? Я не знаю такъ коротко его, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что я о немъ слышаль, онъ, точно, долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

Мужъ первой дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало-быть, карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы къ намъ, не правда ли? Чай ппемъ у насть?

Первая дама (*уходя*). Пожалуйста!

Вторая дама. Непремѣнно.

Мужъ второй дамы. Кажется, наша карета тоже готова. (*Уходятъ за ними*).

Выходятъ двое зрителей.

Первый. Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая по-разны всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь: все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашивашъ: неужели существуютъ такие люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, что говорить пословица: «не душой худъ, а просто плутъ».

Первый. И потому еще одно: это громадное накопленіе, это излишество—не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мѣрѣ, пѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

Второй. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтиспissъ. Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшиостей и анахронизмовъ, не вставилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадле-

жать имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣть и тѣни личности, и что принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это— сборное мѣсто: отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ—произвести въ зритѣль яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганіе. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думало, забавнѣй всего слышать автору упреки: «затѣмъ лица и герои его не привлекательны», тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то уже всѣ до одного перешли бы на сторону этого честнаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образы, можетъ-быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые, по окончаніи представленія; зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: «Неужели существуютъ, такие люди?»

Первый. Да. Ну, это однакоже не вдругъ поймуть.

Второй. Весьма естественно. Смысьлъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ, болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ, созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ—не всякий можетъ; а до тѣхъ поръ долго будутъ видѣть одинъ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякий уѣздный городишко въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. (*Уходятъ*).

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновникъ. Теперь, значитъ, ужъ ничего не оста-

лось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ который на мнѣ, — его, значитъ, нужно бросить: онъ ужъ теперь тряпка.

Былъ двое молодыхъ людей.

Одинъ. Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о пьесѣ.

Другой. Ну, чтѣ думаетъ вотъ этотъ?

Первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

Другой. Да.

Первый. Вотъ что онъ думаетъ: «За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..» Однакожъ, тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился. Сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ! (*Оба уходятъ*).

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздастся
блѣотня. Бѣгутъ армяки, полушибки, чепцы, ильменскіе дол-
гополые кафтаны купцовъ, треугольныя шляпы и сultаны,
шинели всѣхъ родовъ: фризовые, военные, подержанные и
щегольскіе — съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, на-
дѣвающаго въ рукавъ шинель; господинъ посторанивается
и продолжаетъ надѣвать ее въ сторону. Показываются
съ толпы господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Ла-
женъ въ ливреяхъ прочищаются для барынь дорогу. Слы-
шанъ бабий крикъ: «Батюшки, припихнули со всѣхъ сто-
ронъ!»)

Молоденький чиновникъ уклончиваго свойства (*подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель*). Ваше превосходительство, позовльте, я вамъ подержу!

Господинъ въ шинели. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

Молоденький чиновникъ. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено.

Господинъ въ шинели. Вздоръ! ничего нѣть забавнаго!

Молоденький чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство: совсѣмъ ничего нѣть.

Господинъ въ шинели. За этакія вепци нужно сѣчь, а не хвалить.

Молоденький чиновникъ. Это правда, ваше превосходительство!

Господинъ въ шинели. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешъ?

Молоденькій чиновникъ. Какъ можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ! (*Пароду, толкая того и другого*). Эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! (*Подходя съ необыкновенною учтивостию къ двумъ щегольски одѣтымъ*). Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одѣтые, посторанившись и давая дорогу.

Первый. Не знаешь, какой генералъ? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывалъ его.

Чиновникъ разговорчиваго свойства (*подхватывая сзади*). Просто, статскій советникъ, по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владимира, Анну, Станислава, 3,000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ комиссіи, да еще по департаменту.

Господа хорошо одѣтые (*одинъ другому*). Уйдемъ! (*Уходитъ*).

Чиновникъ разговорчиваго свойства. Должны быть матушкины сыночки. Чай, въ иностранной коллегіи служать. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. (*Уходитъ*).

Голосъ изъ толпы. Экъ народу навалило!

Офицеръ (*пробираясь съ дамой подъ-руку*). Эй, вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь—дама?

Купецъ (*съ дамой подъ-руку*). У самихъ, батюшка, дама.

Голосъ изъ толпы. Вотъ она повернулась, видишь, видишь? Еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взять съ него сдачи.—Подлая, скверная пьеса!—Забавная пьеска!—Ты что лѣзешь въ самое горло?

Голосъ въ одномъ концѣ толпы. Все это вздоръ! Гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ островѣ.

Голосъ въ другомъ концѣ. Ну, вотъ точь-къ-точъ этакое событие было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ самъ тамъ, то, вѣроятно, слышалъ.

Голосъ купца. Оно, вотъ изволите видѣть, оно здѣсь больши, такъ сказать, съ моральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ сказать, всякиe-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А насчетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

Голосъ господина поощрительного свойства. Долженъ быть бестія, пройдоха сочинитель: все извѣдалъ, все знаетъ!

Голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытааго. Чѣд онъ знаетъ?—чорта онъ знаетъ. И вретъ онъ, вретъ: все это, чѣд ни написалъ онъ, все — врачи. И взятки не такъ берутъ, если ужъ пошло на то...

Голосъ другого чиновника изъ толпы. Да что вы говорите: «смѣшно, смѣшно!» знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно.

Неизвѣстный голосъ. Стой, украли платокъ!

Два офицера, узнавшиe другъ друга, переговариваются черезъ толпу.

Первый. Минчель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я тамъ.

Чиновникъ важной наружности. Я бы все запретилъ. Ничего не нужно печатать. Просвѣщенъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше не нужно.

Голосъ въ народѣ. Чѣд-жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будуть надѣ тобой смѣяться.

Красивый и плотный господинъ (*говоритъ съ жаромъ незврачному и низенъкому*). Нравственность, нравственность страждеть, вотъ чѣд главное!

Господинъ низенъкій и невзрачный, но ядовитаго свойства. Да вѣдь нравственность—вещь относительная.

Красивый и плотный господинъ. Чѣд вы разумѣете подъ именемъ «относительная»?

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. То, что нравственность всякий мѣряеть относительно къ себѣ. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностью смотрѣнья сквозь пальцы на то, какъ онъ воруешь; третій называетъ нравственностью услуги, оказываемыя его любовницѣ. Вѣдь, обыкновено, какъ говорить великий изъ нашей братии своимъ

подчиненнымъ? — Свысока говорить: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества», а ты, моль, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, не правда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не такъ ли?

Красивый и плотный господинъ (*въ сторону*). Скверень какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

Невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ (*толкая подъ руку вовсе незнакомаго ему человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина*). Четыре дома въ одной улицѣ; въсъ рядомъ одинъ возлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

Незнакомецъ (*уходя поспѣшно*). Извините, я не дослышиалъ.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ (*толкая подъ руку незнакомаго сосѣда*). Глухота-то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? Вотъ что значитъ нездоровий и сырой климатъ!

Незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и гриппъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

Невзрачный, но ядовитаго свойства человѣкъ. Да, и гриппъ, и глухота; свинка тоже въ горлѣ. (*Пропадаетъ въ толпѣ*).

Разговоръ въ группѣ на сторонѣ.

Первый. А говорить, что подобное происшествіе случилось съ самимъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣль въ тюрьмѣ за долги.

Господинъ съ другой стороны группы (*подхватывая рѣчь*). Нѣть, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ. Это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорить, это было что-то необыкновенное. Вообразите: лоѣть на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Не правда ли, что здѣсь является какая-то особенная черта писателя?

Господинъ положительного свойства. Авторъ долженъ быть умный человѣкъ.

Господинъ отрицательного свойства. Ничуть не умный. Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы: просьбы не умѣть написать.

Простой враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, такъ что-жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ!—Квинтильяновскимъ манеромъ. Одно ужъ то, какъ начать: «милостивый государь!» А потомъ и помечтъ, и пошелъ, и пошелъ... странщикъ восемь отвалить кругомъ. Министръ, какъ прочиталъ: «Ну», говоритъ, «благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнули онъ въ начальники отдѣленія.

Господинъ добродушнаго свойства (*обращаясь къ другому человеку хладнокровнаго свойства*). Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ! И выгнали изъ службы, и место дали!

Господинъ хладнокровнаго свойства. Да вѣдь это все говорится экспромтомъ.

Господинъ добродушнаго свойства. Какъ экспромтомъ?

Господинъ хладнокровный. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышать отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ—возвращается домой, какъ будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ—и пошелъ передавать ее по городу всѣмъ.

Господинъ дѣбродушный. Это, однакоже, безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

Господинъ хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такие, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

Дама средняго свѣта. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ли за что бы не хотѣла попасться ему на глаза: этаѣтъ онъ вѣдь замѣтить во мнѣ смѣшиное.

Господинъ съ вѣсомъ. Я не знаю, что это за человѣкъ. Это, это, это... Для этого человѣка нѣть ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ: такой-то совѣтникъ не хороши, а завтра скажетъ, что и Бога нѣть. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

Второй господинъ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ щутить нельзѧ. Это значитъ разрушить всякое уваженіе—вотъ что

это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякой прибѣть на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надѣ вами смыются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрешина!» Вѣдь это вотъ что значитъ.

Третій господинъ. Еще бы! Это серьезная вещь! Говорять: «бездѣлушки, пустяки, театральное представлѣніе». Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣть власть, у меня бы авторъ не писнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, Богъ вѣсть, какою свойства, впрочемъ, благородной наружности и прілично одѣтыхъ.

Первый. Постоимте лучше здѣсь, покамѣстъ выйтѣть толпа. Ну, чтѣ это, право! Затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ будто бы Богъ знаетъ, что! Бездѣлка, какая-нибудь пустая театральная пьеса и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора—ну, чтѣ это такое!

Второй. Однакожъ пьеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселить всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такие крики, tolki? Разсуждаютъ, какъ будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируютъ... Ну, чтѣ это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь пѣвица или танцовщица — ну, тамъ я понимаю: тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь чтѣ? Кричать: «литераторъ! литераторъ! писатель!» Да чтѣ такое писатель? Что иной разъ попадется остроумное словцо, да спишетъ кое-что съ натуры... Да чтѣ же здѣсь за трудъ? Чтѣ-жь тутъ такого? Вѣдь это все побасенки—и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ: тамъ все-таки искусство, ужъ этого никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я, напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша — не сдѣло ни за чтѣ. А вѣдь писать можно не учившись. Я ее знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ: его откуда-то, кажется выгнали.

Второй. Но, однакожъ, все-таки что-нибудь онъ долженъ знать: безъ этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, чтò-жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ: пустыншій человѣкъ! Это всему свѣту извѣстно — ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? Вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякий напишетъ.

Второй. Да, конечно, почему-жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-либо предметъ, котораго еще не знаешь, а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякий мужикъ знаетъ. Эго всякий день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается — вотъ и вся штука!

Третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ, народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать, поощрять! а дѣло, просто, вздоръ! Побасенки! пустяки! побасенки! (*Уходятъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшиe.*)

Добродушный чиновникъ. А все бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить! Все плуты, да плуты!

Одинъ изъ народа. Слыши ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу, возьму рукавицы.

Одинъ изъ господъ (*смотря на часы*). Однако скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. (*Уходитъ.*)

Отставшій чиновникъ. Только время даромъ прошло! Нѣть, никогда больше не пойду въ театръ! (*Уходитъ. Сыни пустыжутъ.*)

Авторъ пьесы (выходя). Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націй, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижную массу, гдѣ оно не облеклось одной корой старого предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что человѣкъ, то и

мнѣніе, гдѣ всякий самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснуль этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ семъ благородномъ стремлѣніи государственнааго мужа! и въ семъ высокомъ самоотверженіи забившагося въ глупыи чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ, вѣрномъ чутьѣ народа. Какъ даже въ сихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что нужно знать комику! Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей письмѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все продолженіе ея. Это честное, благородное лицо было — смѣхъ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ, потому что рѣшился выступить, несмотря на то, что доставилъ обидное прозваніе комику, — прозваніе холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движений души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комику, я служилъ ему честно, и потому долженъ стать его застуничкомъ. Нѣть, смѣхъ значительный и глубоке, чѣмъ думаютъ, — не тотъ смѣхъ, который порождается временнай раздражительностью, желчию, болѣзнями расположениемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, служащій для празднаго развлеченія и забавы людей; — но тотъ смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, — излетаетъ изъ нея потому, что на дѣлѣ ея заключенъ вѣчно-бывающій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякий день, не возросло бы предъ нимъ въ такой странной, почти карикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «неужели есть такие люди?» тогда какъ, по собственному сознанію его, бываютъ хуже люди. Нѣть, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто возмущаетъ смѣхъ. Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтель. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ паготѣ своей: но, озаренное силой смѣха,

несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто бы по-
несъ мишеніе противъ злобнаго человѣка, уже почти мирится
съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его.
Несправедливы тѣ, которые говорятъ, что смѣхъ не дѣй-
ствуетъ на тѣхъ, противъ которыхъ устремленъ, и что плутъ
первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сцену:
плутъ-потомокъ посмѣется, но плугъ-современникъ не въ
силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался
неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его
стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ
вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, который
уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣть, засмѣяться добрымъ,
свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая
душа. Но не слышать могучей силы такого смѣха: «что
смѣшино, то низко», говорить свѣтѣ; только тому, что про-
износится сурвымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только
даютъ название высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ
ежедневно людей, для которыхъ нѣть вовсе высокаго въ
мире! Все, что ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки
и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки;
святыя движенія души — для нихъ побасенки. Нѣть, не
оскорбленно мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня
сказать это, не потому, что мои незрѣлія, слабыя созданія
были сейчасъ названы побасенками, — нѣть, я вижу свои
пороки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выно-
сить равнодушно душа моя, когда совершиеннѣйшія творенія
честились именами пустяковъ и побасенокъ, когда все свѣ-
тила и звѣзды міра признавались творцами однихъ пустя-
ковъ и побасенокъ! Ныла душа моя, когда я видѣль, какъ
много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ
обитателей, страшныхъ недвижнымъ холodomъ души своей
и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на
безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни при-
зракъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы
глубоко-любящую душу, и не коснѣль языкъ ихъ произне-
сти свое вѣчное слово: «побасенки!» Побасенки!.. А вонь
протекли вѣка, города и народы спесились и исчезли съ
лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было, а поба-
сенки живутъ и повторяются понынѣ, и внѣмлють имъ
мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ и
испытанный благороднаго стремленія юноша. Побасенки!.. А

вонъ стонуть балконы и перила театровъ: все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеньи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣть на свѣтѣ. Слышать ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзываются ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку — и брызнули вдругъ освѣжительныя слезы изъ его очей, и выпелъ онъ примиренный съ жизнью и просить вновь у Неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки!.. Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, ильсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудутъ же вѣчно святы въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнія былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гонений, все, чтѣ было благороднѣшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ: Вѣнчанный Монархъ осѣнялъ ихъ царскимъ щитомъ своимъ съ вышинѣ недоступного престола.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осуждений, но да приметъ благодарно указанья недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеньяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ — какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнья и толки, но все перемалываетъ время: какъ шелуха, слетаютъ ложныя, и, какъ твердая зерна, остаются недвижныя истины. Чтѣ признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеньемъ. Въ глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И, почему знать, можетъ-быть, будеть признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто лѣтъ часто душевный, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смеется на свѣтѣ!..

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКТОРА.

Отрывокъ изъ письма, писанного авторомъ вскорѣ послѣ *перваго представлѣнія «Ревизора» къ одному литератору*. Первые наброски относятся къ апрѣлю 1836 г.; «Отрывокъ» отдѣланъ для печати въ началѣ марта 1841 года.

Две сцены, выключенные и при первомъ изданіи «Ревизора», какъ замедлявшія теченіе пьесы. Набросаны въ 183^{4/5} г., передѣланы въ концѣ 1835 года. Вторая изъ этихъ сценъ напечатана въ первый разъ въ «Москвитянинѣ» 1841 г., кн. третья, а потомъ, въ болѣе полномъ видѣ, во второмъ изданіи «Ревизора» (1841 г.). Отдѣланы для печати въ началѣ 1841 г.

Сцены первого изданія «Ревизора», передѣленныя авторомъ для изданія комедіи въ 1842 году. Изъ сценъ, напечатанныхъ подъ этимъ заглавіемъ, первыя три явленія четвертаго дѣйствія были замѣнены новыми уже во второмъ изданіи «Ревизора» (1841 г.); написаны они были въ теченіе января и февраля 1841 г. Остальныя были переработаны позднѣе для треть资料о изданія комедіи въ «Сочиненіяхъ Николая Гоголя» (1842 г.)

Сцены, написанныя для второго изданія «Ревизора» (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи. Отдѣланы для печати въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ 1841 г.

Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія «Ревизора». Написана въ 1835 году.

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ. Написано въ октябрѣ 1846 г.

Развязка «Ревизора». Написана въ октябрѣ 1846 года.

Женитьба. Первоначальные наброски комедіи «Женихи» относятся къ 1833 г. Уже въ 1834 г. избранный Гоголемъ сюжетъ переработанъ былъ по совершенному новому плану, но только въ концѣ 1841 г. или въ началѣ 1842 года эта комедія, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ, получила окончательную редакцію, которая и напечатана была въ первый разъ въ первомъ изданіи «Сочиненій Гоголя».

Игроки. Начата эта комедія въ Петербургѣ до отъѣзда Гоголя за границу, въ началѣ юна 1836 г. Окончательно отдѣлана для печати въ концѣ августа 1842 г. Отправили въ это время ко-

медію для напечатанія, Гоголь писаль Прокоповичу: «Посылаемую нынѣ «Игроки» насиду собраль: черновые листы такъ были уже давно и неразборчиво написаны, что дали мнѣ работу страшную разбирать».

Утро дѣлового человѣка, Тяжба, Лакейская и Отрывокъ составляютъ части, или, по выражению Гоголя, «лоскутки истребленной авторомъ комедіи «Владимиръ 3-й степени», первые наброски которой относятся къ концу 1832 г.

Утро дѣлового человѣка. Эти сцены выработаны были для печати уже осенью 1835 года изъ тѣхъ «лоскутковъ» уничтоженной комедіи, которые были написаны ранѣе другихъ сценъ оной. Окончательно отѣланы для «Современника» Пушкина въ мартѣ 1836 г. Онъ озаглавлены были: «Утро чиновника»; напечатаны въ первомъ томѣ «Современника» подъ заглавиемъ: «Утро дѣлового человѣка. Петербургскія сцены». При перепечаткѣ въ «Сочиненіяхъ Гоголя» (1842 г.) въ этихъ сценахъ передѣлано было только слѣдующее мѣсто: «Александръ Ивановичъ. Не береть, потому что я не сносишь еще своей дамы. Иванъ Петровичъ. Такъ вы кладете даму, а у Лукьяна Федосьевича семерка козырей. Александръ Ивановичъ. Да развѣ у него былъ козырь? Я что-то не помню. Иванъ Петровичъ. Какт же, у него оставалось два козыря: десятка, которой бы долженъ быть онъ козырнуть, и семерка. Александръ Ивановичъ. Только нѣть, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть большие одного козыря, потому... Иванъ Петровичъ. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Два козыря, два козыря! я, какъ теперь помню, десятка и семерка. Александръ Ивановичъ. Десятка была, это такъ, но семерки не было. Вѣдь они бы козырнули; согласитесь сами, вѣдь они бы козырнули! Иванъ Петровичъ. Ей-Богу, Александръ Ивановичъ, ей-Богу!»

Тяжба — окончательно была отѣлана въ концѣ 1839 или въ началѣ 1840 года.

Лакейская — дополнила и передѣлана въ концѣ 1839 г.

Отрывокъ — черновая редакція относится, вероятно, къ 1837; передѣльвалась въ 1840. Въ началѣ 1841 г. эта передѣлка переписана набѣло. Послѣднія поправки сдѣланы въ августѣ 1842 года — во время печатанія первого изданія «Сочиненій». Не напечатаны слѣдующія страницы рукописнаго «Отрывка»: *Миша*. «Ахъ, маменька, сколько я вѣсъ просилъ, не повторяйте этого слова. Вы не повѣрите, какъ оно мнѣ противно и пошло, какое глупое, ложное значеніе придали ему у насть. Не будьте похожи на тѣхъ старичковъ, которые имѣютъ обычай колоть этимъ словицомъ въ глаза всѣхъ, не разсмотрѣвшіи хорошенько ни человѣка, ни слова, которымъ его колоть. Что осталось о пятидесяти какихъ-нибудь пустыхъ-головыхъ (sic!), воспитанныхъ на французскую ногу, они ухватились за это преданіе и давай придавать его ко всякому, честить имъ встрѣчнаго и понеречшаго. У кого замѣтятъ они, только немножко спишто не такъ платье, какъ у другого, какъ-нибудь иначе прическа, словомъ — что-нибудь не то, чтѣ зъ другихъ, они тотчасъ: «Лы-

бераль! либералъ! Революционеръ! Вонъ у него фалды фрака не такъ, какъ у прочихъ! платокъ не такъ завязанъ! не такъ волосы носить! Вы не покрите, какъ у меня всякий разъ взрывается сердце, когда я услышу это! Какъ мало имъ видомъ сердце русского человѣка и твердые черты его характера! Какъ не знаютъ они того, что, если и увлекается онъ, то увлекается силою душевныхъ прекрасныхъ побуждений, а не оторванный отъ всего мыслью, созданной въ легкой головѣ какого-нибудь француза (у которого уже въ одной сердечной глубинѣ есть столько глубокихъ сердечныхъ убѣждений, которыхъ предохранять его вѣчно отъ мелкихъ заблужденій ума. Самая эта любовь къ царю — это цѣльное, самобытное чувство, хранящееся въ душѣ его, отъ котораго не властенъ оторваться онъ, если бы даже и вздумалъ! Для него онъ пожертвуетъ всѣмъ имуществомъ, понесетъ жизнь свою, все вытерпитъ онъ безмолвно и не станетъ даже впередъ кричать объ этомъ, даже не похвастается потомъ. И не горько ли видѣть, когда сему же самому русскому человѣку пошло придавать мысли, которыхъ онъ и не содержалъ и содержать не можетъ въ себѣ? придаютъ ему это пошлое, износившееся имя — либеральничество? Ахъ, маменька, ради Бога, не произносите этого противнаго слова! Не называйте имъ безъ разбору все, что не по мыслимъ вашимъ. Вы разсмотрите, маменька, когда и въ чёмъ я былъ непослушенъ вамъ». Вторую половину приведенного текста, поставленную нами въ скобки, Гоголь зачеркнулъ и взамѣнь ея, на полѣ третьей страницы, приписалъ слѣдующій текстъ: «И этотъ русскій человѣкъ въ груди котораго таится самобытное, слитое съ самой его природой чувство непостижимой любви къ царю, — чувство, изъ-за котораго онъ пожертвуетъ всѣмъ, понесетъ свое имущество, жизнь, безмолвно, не крича объ этомъ впередъ, не хвастаясь и не хвались этимъ, — и этотъ русскій укоряется этимъ пошлыемъ словцомъ, которое безъ различія дается также и первому встрѣчному сорванцу и бродягѣ. Нѣть, маменька, употребляйте всѣ прочія слова, но не употребляйте этого истасканного и пошлого слова! Вы разсмотрите, когда и въ чёмъ я былъ не послушенъ вамъ». Изъ всей этой приписки въ печатный текстъ «Отрывка» внесена была *только* послѣдняя фраза, напечатанная здѣсь курсивомъ.

Театральный разъездъ послѣ представлѣнія новой комедіи. Первые наброски сдѣланы въ Петербургѣ въ апрѣль 1836 года; окончатель «Разъездъ» въ октябрѣ 1842 года.

Оглавлениe

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

СТР.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ КОМЕДИИ «РЕВИЗОРЪ».

I. Отрывокъ изъ письма, писанного авторомъ вскорѣ послѣ первого представления «Ревизора», къ одному литератору.	3
*II. Двѣ сцены, выключенные и при первомъ изданіи, какъ замедлившія теченіе пьесы	8
III. Сцены первого изданія «Ревизора», передѣянныя авторомъ для изданія комедіи въ 1842 году.	12
IV. Сцены, написанныя для второго изданія «Ревизора» (1841 г.) и измѣненныя при третьемъ изданіи комедіи.	45
*V. Сцена, не внесенная авторомъ въ печатныя изданія «Ревизора»	53
*VI. Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ	54
*VII. Развязка «Ревизора»	57
Женитьба	69

Драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены.

Игроки	125
Утро дѣлового человѣка	161
Тяжба	168
Лакейская	175
Отрывокъ	182
Театральный развѣздъ послѣ представления новой комедіи.	195
Примѣчанія редактора	229

Снимок съ собственноручного наброска послѣдней сцены.

Чтобы показать какъ бы въ залѣ звукъ
мень иъ движение мы должны учесть то что онъ не въ залѣ

Чткъ иъ съѣда.

Приподнявъ руки на голову иъ заслонивъ лицо руками
показываемъ зрителю что въ залѣ звукъ иъ движение
мень иъ движение мы должны учесть то что онъ не въ залѣ

Чткъ иъ съѣда.

Приподнявъ руки на голову иъ заслонивъ лицо руками
показываемъ зрителю что въ залѣ звукъ иъ движение
мень иъ движение мы должны учесть то что онъ не въ залѣ

Чткъ иъ съѣда.

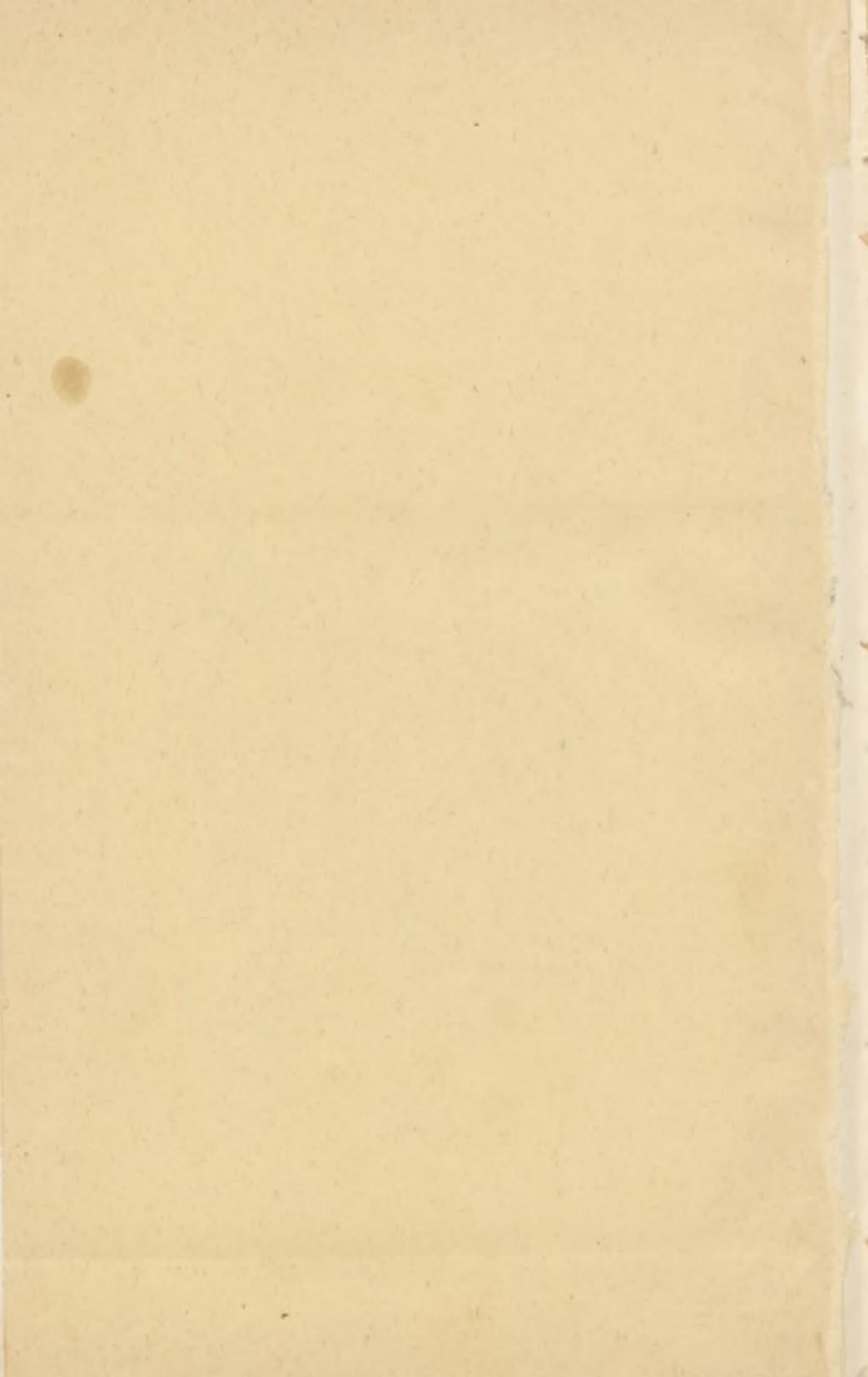

Собственноручный рисунок Н. Гоголя къ послѣдней сценѣ «Ревизора».

Дозволено цензурою.

Тип. А. ф. Марка, Среди. Подъяческая, д. № 1.

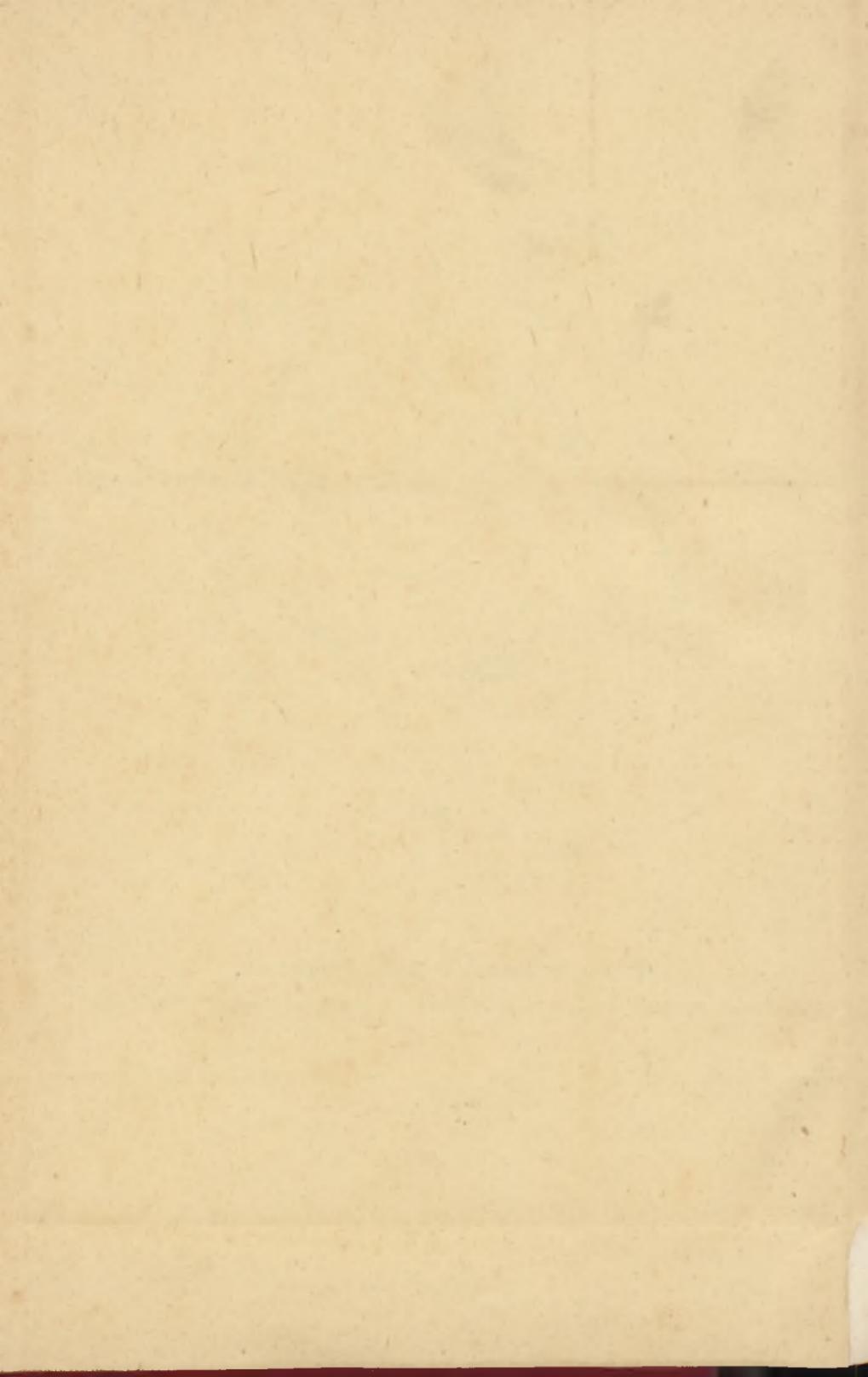

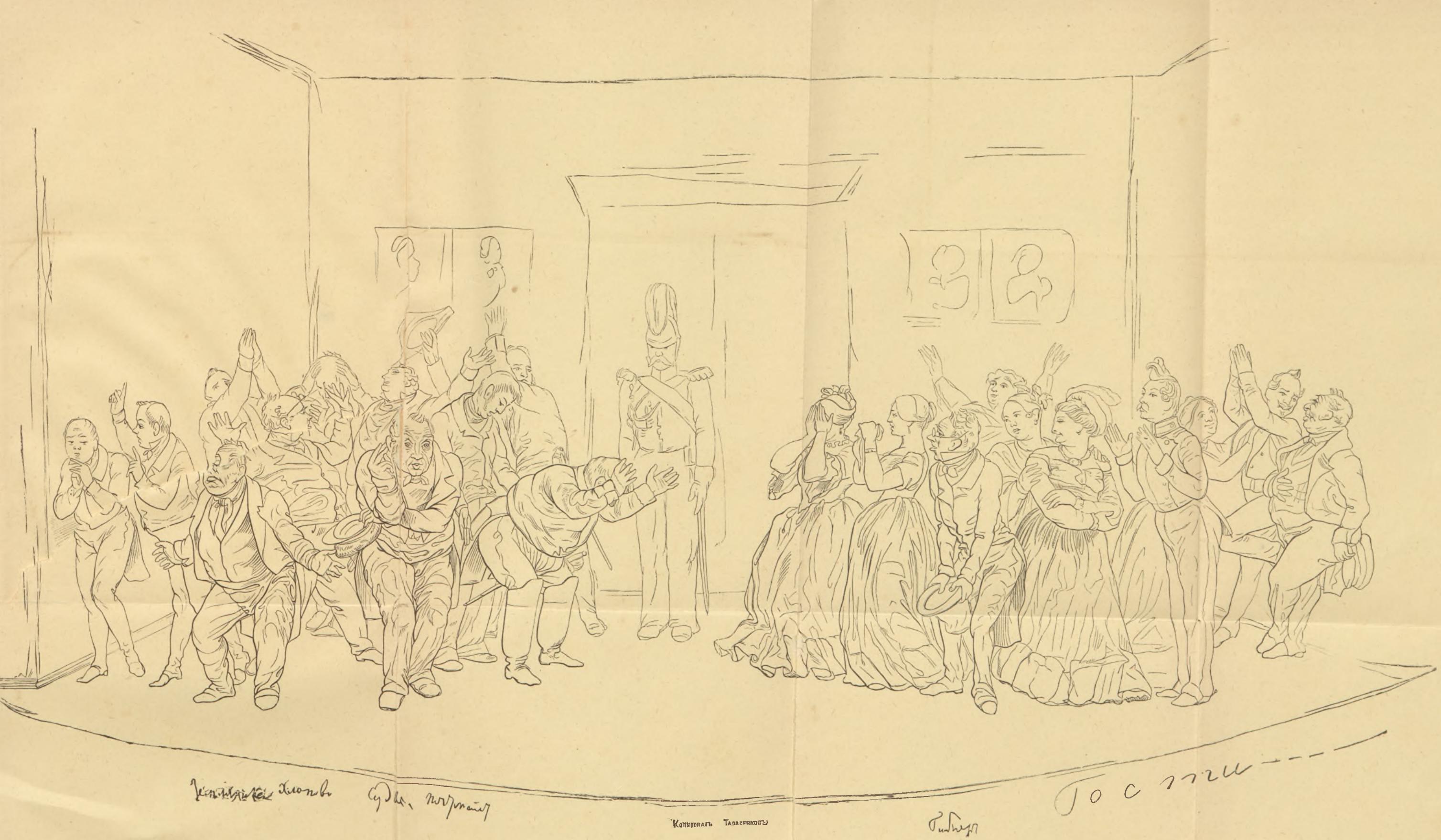
Марья Антоновна и Анна Андреевна.

Собственноручный рисунок Н. Гоголя къ послѣдней сценѣ «Ревизора».

зволено цензурою.

Тип. А. Ф. Маркса, Средн. Чодыническая, д. № 1.

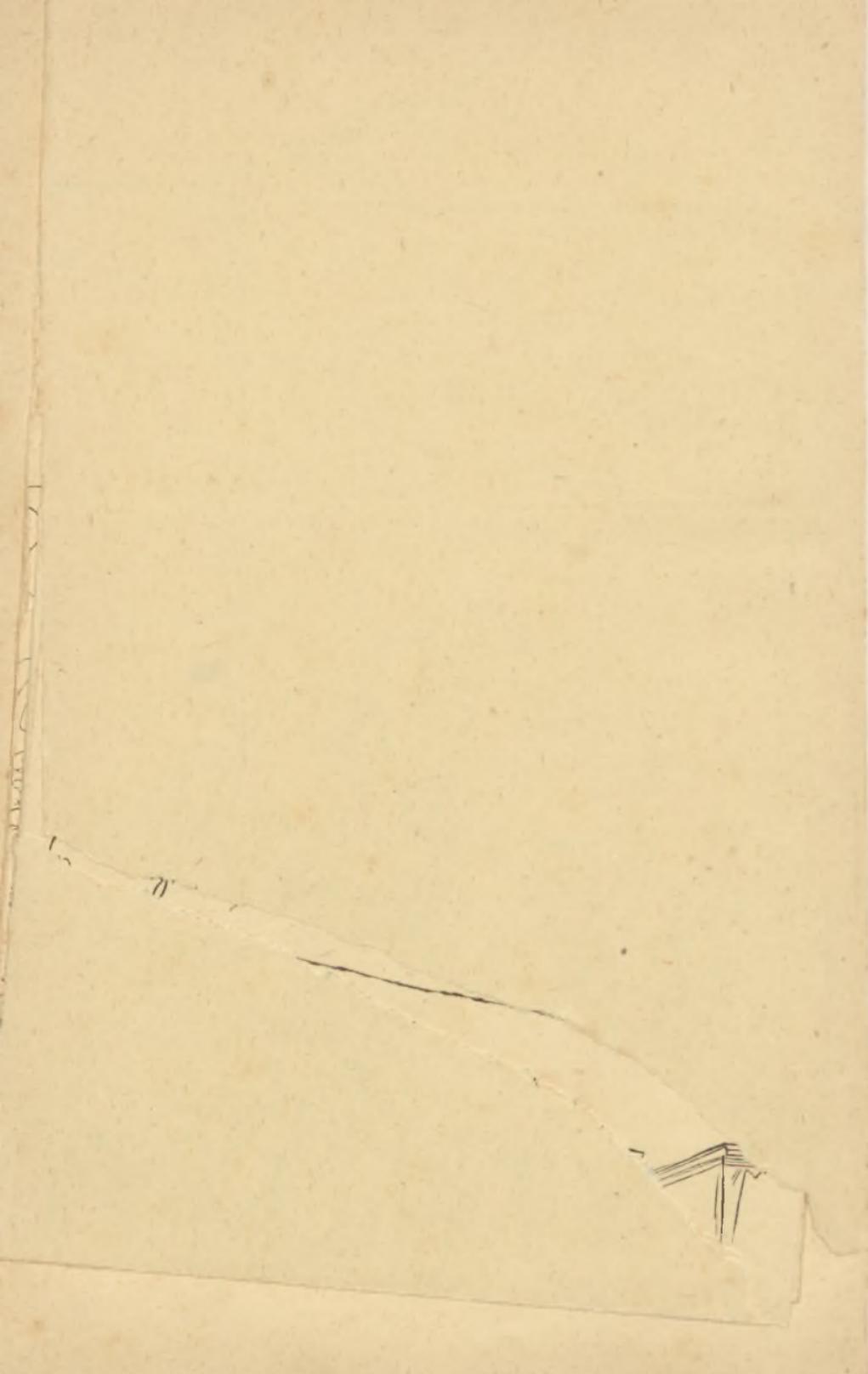
Гоголь

Судьи, погромы

Копиораль Тадеевская

Рисунок

Го с ти

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

109285

Biblioteka WSP Kielce

0152386

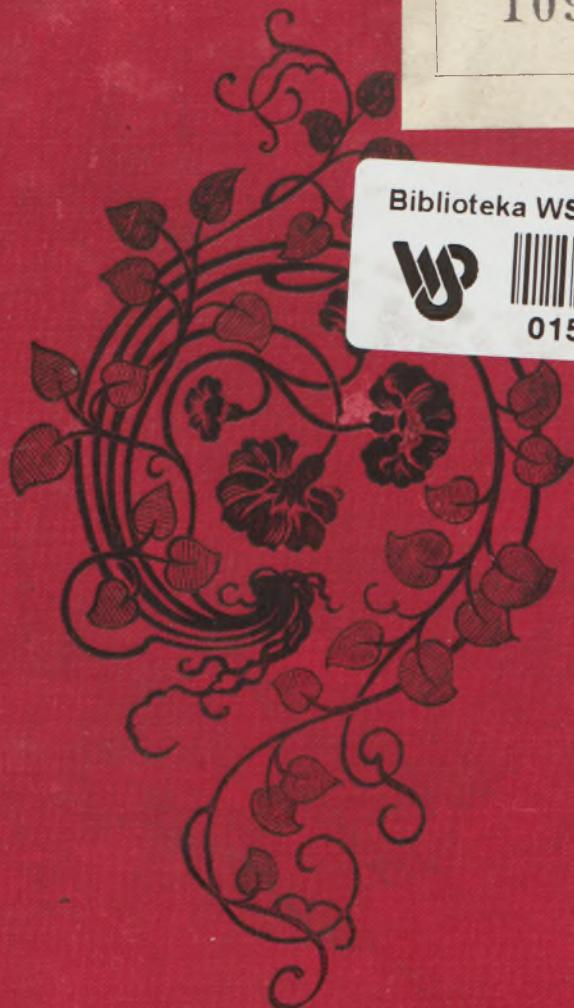

Рисунок утвержден. Правительствомъ